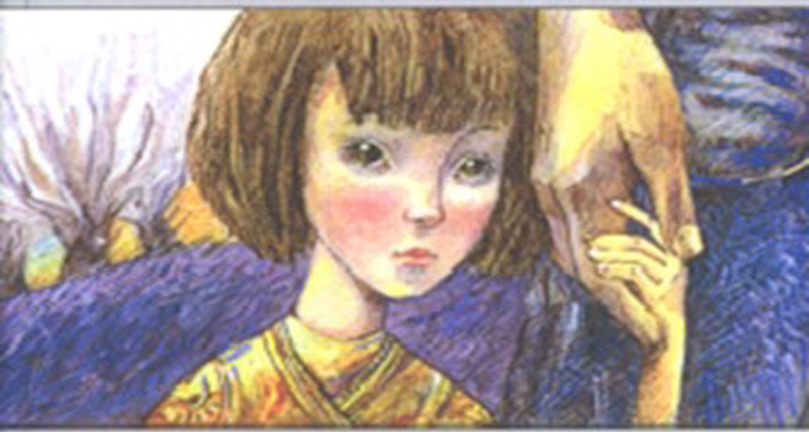
Зарубежная фантастика

ВЕДЬМЫ КАРРЕСА

Сборник
научно-фантастических
произведений



Издательство «Канопус»

Ведьмы Карреса (сборник)

Джеймс Шмиц, Джоан Виндж, Дэниел Киз

Аннотация
Джеймс Шмиц
  ВЕДЬМЫ КАРРЕС
    Глава первая
    Глава вторая
    Глава третья
    Глава четвертая
    Глава пятая
    Глава шестая
    Глава седьмая
    Глава восьмая
    Глава девятая
    Глава десятая
    Глава одиннадцатая
    Глава двенадцатая
Джоан Виндж
  БРАНДЕР
Дэниел Киз
  БЕЗУМНЫЙ МАРО

Аннотация

Джеймс Шмиц. *Ведьмы Карреса*

Всё началось с того, что капитан Позерт захотел вызволить из рабства трёх девочек. Он купил их на невольничьем рынке планеты Порлумма и привёз на родину, на планету Каррес. Мог ли капитан тогда предположить, что вся его дальнейшая судьба окажется связанной с Карресом, который окажется самым необычным миром?

Джоан Виндж. *Брандер*

Микаэлю Йарроу, младшему служащему в правительственном исследовательском центре подключили к нервной системе новейший компьютер, который адаптировался к человеческому мозгу. Благодаря этому, герой превращается в сверхчеловека, обладающего уникальными математическими и аналитическими способностями. Йарроу улетает на Марс, где его заставляют принять участие в рискованном мероприятии…

Дэниел Киз. *Безумный Маро*

Агентство из будущего набирает детей из

других времён — тех из них, выдающиеся способности к сверхчувственному восприятию которых остались непонятыми в своём времени. Маро распознаёт цвета за пределом видимого глазом спектра, а также мгновенно определяет чувства человека, узнаёт то, что о нём думают и отражает именно тот тип характера, какой от него ожидают. Его способности нужны в 2752 году.

Джеймс Шмиц

ВЕДЬМЫ КАРРЕС

Посвящается прекрасной ведьмочке по имени Сильвия Энн Томас

Глава первая

Эта история началась в тот вечер, когда прибывший на планету Порлумма из Республики Никкелдепейн капитан торгового космического корабля Посерт встретил первую из ведьм Карреса. Видимо, то была просто шутка судьбы.

Настроение у капитана было прекрасное, он только что вышел из дорогого бара на булыжную мостовую одной из улочек, прилегавших к космопорту, и намеревался сразу возвратиться на свой корабль. И дело вовсе не в том, что он с кем-то поспорил, хотя несколько человек как всегда насмешливо заулыбались, стоило ему произнести вслух название своей планетной системы. Разумеется, капитан не удержался и заметил — весьма остроумно, кстати, — что куда более странным, чем Никкелдепейн, ему кажется название Порлумма.

После этих его слов уже многие в баре стали посматривать на него оскорбленно, а он все не унимался и продолжал вслух сравнивать ту блестящую и необычайно интересную роль, которую сыграл в истории человечества Никкелдепейн, с явно третьестепенной и весьма унылой ролью Порлуммы, планеты провинциальной и полузабытой.

В заключение он высказал самое искреннее нежелание, ежели что случится, оставлять свой труп на Порлумме.

Тут кто-то громко заметил — на имперском универсальном, — что в таком случае капитану лучше вообще не слишком задерживаться на этой планете. Но Посерт в ответ лишь вежливо улыбнулся, заплатил за выпивку и вышел.

Он совершенно не собирался ввязываться в сомнительные истории на столь отдаленной, практически маргинальной планете, жители которой до сих пор пребывали в наивной уверенности, что обязаны «стоять на страже» и действовать в соответствии с Уставом пограничных областей. Так что представители правоохранительных органов здесь всегда появлялись незамедлительно.

Итак, настроение у капитана Посерта было превосходное. Если не считать последних четы-

рех месяцев его не такой уж долгой жизни, он никогда не чувствовал себя завзятым патриотом. Однако, в сравнении с большинством планет, входивших в состав Империи, Никкелдепейн теперь представлялся ему куда более привлекательным, несмотря на старомодность и консерватизм. Но самое главное — капитан возвращался домой вполне платежеспособным. То-то все удивятся!

Дома его ждала любящая и нежная Иллайла, юная мисс Онсвуд, прелестная дочь могущественного советника Онсвуда (уже год она была тайной невестой капитана).

Капитан улыбнулся и всмотрелся в темноту — по той ли улице идет. Осталось совсем немного, и он решительно двинулся дальше. Примерно через шесть часов полета он окажется за пределами Империи, на пути к Иллайле.

Да, она одна еще верила в него! После быстрого краха первого коммерческого предприятия капитана — фермы по выращиванию пушных миффелей, созданной благодаря занятой у советника Онсвуда крупной сумме, — будущее представлялось Посерту в весьма мрачном свете. Он вполне мог схлопотать десять лет принудительных работ за «умышленно халатное отношение к доверенным деньгам». Законы Никкелдепейна

весьма строги в отношении несостоятельных должников.

— Но ты же всегда хотел, чтобы кто-нибудь снова вышел на нашей старой «Удаче» в космос и занялся межпланетной торговлей! — со слезами на глазах твердила отцу Иллайла.

— Э-э-э, милая! Да, я этого хотел, но авантюризм у Посерта в крови! Его двоюродный дед Требус, между прочим, кончил очень плохо! По-моему, лучше нам обратиться к служителям закона. — Советник Онсвуд сердито посмотрел на Посерта, хранившего мрачное молчание. Капитан, конечно, пытался что-то лепетать насчет таинственной эпидемии, уничтожившей почти всех миффелей на ферме, но, если честно, не без оснований подозревал, что к «эпидемии» приложил свою шкодливую руку молодой советник Раппорт, последние года два безуспешно увивавшийся за Иллайлой…

— «Удача»… хм, ну что ж! — словно размышляя вслух, изрек советник Онсвуд. — По крайней мере, водить космические корабли Посерт умеет…

Так все и решилось. И теперь его знакомые здорово удивятся! Капитан прекрасно понимал, что, снаряжая «Удачу», Онсвуд выгреб со складов все залежалое старье, за последние полсотни лет

успевшее покрыться толстым слоем пыли; советник очень надеялся получить хоть что-нибудь в возмещение некогда потраченной суммы. Груз был оценен в восемьдесят две тысячи маэлей, и если Посерту удастся сбыть хотя бы три четверти этого барахла, все будет просто прекрасно…

Однако… Сказать по правде, все началось с того, что Посерт прямо в столице Империи весьма удачно побился об заклад с неким имперским чиновником по поводу одной юридической закавыки. Потом он осмелился поучаствовать в шестичасовой гонке — тоже на спор — с небольшим быстроходным частным судном и одержал блестящую победу: старая «Удача-7333» была создана еще в прошлом веке как крейсер для преследования космических пиратов и сейчас по-прежнему могла развивать скорость вдвое большую, чем можно было предположить по ее внешнему виду. После этого выигрыша капитана Посерта в любом обществе воспринимали как истинного спортсмена, что дало повод для целой череды веселых пирушек.

Не только, впрочем, веселых, но и весьма выгодных, поскольку имперские богачи не могли не поддаться соблазну любой азартной игры, а капитан Посерт всегда обязывал проигравшего

что-нибудь у него купить.

Он быстро избавлялся от своего груза, распродавая его направо и налево. Не прошло и трех месяцев, как в трюмах осталось всего сорок связок страшно дорогих, но совершенно бесполезных удилищ из тин-клового дерева, с десяток гроссов свернутых в тюки абсолютно нелепых всепогодных плащей и ящик крайне сложных обучающих игрушек, которые обладали весьма неприятной способностью взрываться при падении. Даже проспорив пари, никто не соглашался взять у него эти товары. Посерт сильно подозревал, что это барахло было добавлено к основному грузу «Удачи» по инициативе советника Раппорта, так что капитан особенно и не рассчитывал все это продать. И ничуть, надо сказать, не грустил, поскольку и так заработал неплохо.

Он получил уже двадцать процентов прибыли, когда ему неожиданно предложили срочно перевезти на Порлумму какие-то лекарства. Это оказалось по пути, а стоимость фрахта троекратно окупала то, что он потерял на разведении миффелей.

Капитан широко улыбнулся. Да, они, несомненно, удивятся… Но куда же его занесло?

Он заглянул в соседний переулок, такой же

темный, надеясь увидеть в небе маяк космопорта. И действительно обнаружил его — но почему-то слева от себя и чуть позади.

Капитан свернул на мрачноватую боковую улочку. В этом городе все парадные двери запирались на ночь, и жизнь обитателей домов продолжалась в хорошо освещенных внутренних двориках. Из-за высоких глухих стен доносились голоса, звон посуды, иногда взрывы смеха и пение, но на улочку свет почти не попадал.

Внезапно улица уперлась в стену. Поколебавшись, капитан снова свернул налево. Впереди, метрах в ста, из двора лился поток света и все отчетливее доносилось хлопанье дверей и громкие голоса.

— О-И-И-И-И-Й! — вопил кто-то высоким голосом, причем в равной степени это мог быть крик боли, или смертельного ужаса, или просто истерический смех. Капитан Посерт бросился вперед.

— Я тебя прекрасно вижу, и нечего прятаться! — сердито заорал на имперском универсальном какой-то мужчина. — Ну все, теперь ты попалась! Немедленно слезай с ящиков, не то шкуру спущу! Пятьдесят два покупателя из-за тебя животом маются!

Последовал грохот — точно рухнул плохо ско-

лоченный деревянный дом, — раздался жуткий, жалобный и пронзительный визг, а затем последовали злобные крики мужчины.

— Эй вы там! — негодующе закричал капитан, останавливаясь у ворот.

Грохот прекратился. Воцарилась тишина. Узкий дворик, ярко освещенный фонарем, был завален обломками пустых деревянных ящиков, среди которых стоял огромного роста толстяк, одетый во все белое. Нога его застряла в одном из ящиков, и он гневно размахивал палкой. За двумя ящиками, практически прижатая ими к стене, суетилась, пытаясь выбраться, светловолосая девчонка лет четырнадцати в белом комбинезончике. Совсем еще ребенок, решил капитан.

— Что вам надо? — рявкнул толстяк, важно ткнув палкой в сторону Посерта.

— Оставьте ребенка в покое! — Капитан и не думал отступать.

— Занимайтесь лучше своими делами! — огрызнулся мужчина в белом и замахнулся на Посерта палкой. — Я уж как-нибудь сам с ней разберусь! Она…

— Ничего я не сделала! — пропищала белобрысая пигалица и ударилась в слезы.

— Вот только тронь ее, жирная уродина! — при-

грозил капитан. — Я тебе твою палку в глотку запихну!

Он был уже рядом с толстяком. Тот, издав злобное ворчание, рывком высвободил ногу, замахнулся и опустил свое оружие капитану на голову. Тот ответил свирепым ударом под ребра.

Последовала короткая схватка среди обломков тары. Капитан, тяжело дыша и хмурясь, поднялся первым. Толстяк остался сидеть на земле, хватая воздух ртом и пытаясь что-то сообщить Посерту насчет соблюдения законов.

Капитан несколько удивился, заметив вдруг, что девочка, как ни в чем не бывало, стоит у него за спиной. Она перехватила взгляд, улыбнулась и сообщила:

— Меня зовут Малин. — Потом подумала и спросила, указывая на толстяка: — Сильно ему досталось?

— Да нет, по-моему, — отдуваясь, успокоил ее капитан. — Но нам, видимо, лучше было бы…

Увы, поздно. Громкий, уверенный голос произнес с другого конца улицы что-то вроде «Эй, что здесь происходит?» — капитану всегда казалось, что на любой планете и на любом языке эти слова звучат одинаково.

— Вам придется пройти со мной! — тут же со-

общил голос.

Полицейский суд на Порлумме работал круглосуточно и весьма эффективно, так что никакой задержки не произошло.

Судья все время улыбался — не правда ли, какое забавное название: Никкелдепейн? — однако внимательно выслушал все обвинения, аргументы и доводы.

Брутх-булочник был обвинен в том, что ударил гражданина иностранного государства по голове, каковой удар вполне мог повлечь гибель жертвы. Палка была представлена в качестве вещественного доказательства. Следовало, однако, отметить, что гражданин Посерт незаконно пытался вмешаться в частную жизнь Брутха, когда тот хотел наказать свою рабыню Малин, также доставленную в суд, за то, что она, по его подозрению, подложила в тесто для пирожных какую-то отраву, и в результате пятьдесят два клиента Брутха серьезно заболели. С их стороны были зафиксированы соответствующие жалобы.

К тому же указанный гражданин Посерт оскорбил Брутха, обозвав его «жирной уродиной», в чем — под давлением — и признался.

Итак, капитан Посерт, гражданин Республики Никкелдепейн, обвинялся: 1) в попытке вме-

шаться в чужую частную жизнь; 2) в словесном оскорблении и 3) в нанесении многочисленных и серьезных побоев Брутху-булочнику в ходе последовавшей драки.

Удар по голове был сочтен провокационным (см. пункт 3 обвинения).

Никто, похоже, и не собирался ни в чем обвинять рабыню Малин. Судья лишь с любопытством поглядел на нее и покачал головой.

— Рассмотрев сей прискорбный инцидент, — заявил он наконец, — суд счел необходимым назначить вам, Брутх, и вам, капитан, следующее наказание: два года тюремного заключения первому и три года второму. Искренне сожалею!

Капитан почувствовал холод под ложечкой. Вот так влип…

— Суд желает также отметить, — продолжил судья, — что незаконные действия капитана Посерта были вызваны вполне естественным для человека чувством сострадания к рабыне Малин. Если стороны сочтут возможным решить дело полюбовно, все обвинения будут сняты. Итак, Брутху-булочнику предлагается перепродать за разумную сумму рабыню Малин с планеты Каррес (услугами рабыни он, видимо, совершенно не удовлетворен) капитану Посерту, гражданину

Республики Никкелдепейн.

Брутх громко вздохнул от облегчения. Капитан же пребывал в смятении. На Никкелдепейне приобретение рабыни частным лицом рассматривалось как серьезное преступление. Однако можно ведь покупку не регистрировать. И если с него не запросят слишком много…

И тут рабыня Малин чуть слышно всхлипнула.

— Сколько вы хотите за девочку? — осведомился капитан, с ненавистью глянув на Брутха.

Брутх зыркнул глазами и быстро сказал:

— Сто пятьдесят…

Но полицейский резко ткнул его в бок, и он замолк.

— Итак, семьсот маэлей, — как ни в чем не бывало сообщил судья. — Плюс судебные издержки, сбор за регистрацию сделки… — Он быстро подсчитал. — Тысяча пятьсот сорок два маэля. Вы проверили финансовое положение гостя? — повернулся он к секретарю. Тот кивнул:

— Вполне платежеспособен.

— Если хотите, можете заплатить чеком, — предложил судья, дружески улыбаясь капитану. — Следующее дело!

Капитан Посерт совершенно ошалел.

Дело в том, что с тех пор, как Империя пере-

стала вести завоевательные войны, молодые здоровые рабы стали весьма дорогостоящим товаром. Но Посерт слышал, что Брутх готов был продать девчонку вообще за формальную сумму! Откуда такое расточительство?..

Капитан подписал многочисленные документы, подсунутые ему услужливым клерком, поставил, где требовалось, собственную печать и даже оставил свои отпечатки пальцев, затем выписал чек.

— Полагаю, — обратился он к Малин с Карреса, — нам лучше всего сразу же отправиться на корабль.

Что же мне все-таки делать с этой девчонкой, думал Посерт, бредя с нею рядом по темным улицам. Малин послушно трусила следом. Если он покажется на родной планете в сопровождении рабыни, даже такой маленькой, собственные друзья-приятели немедленно сошлют его лет на десять в исправительную колонию, но прежде Иллайла собственноручно снимет с него скальп. Они же там все жутко моральные! Кстати, а где находится этот Каррес?

— Малин, твоя планета далеко отсюда? — спросил он.

— Около двух недель пути, — плаксивым тоном

ответила Малин. Ничего себе! Капитан опять ощутил холод в желудке.

— Чего же ты хнычешь? — с неудовольствием осведомился он. Малин громко всхлипнула и зарыдала уже во весь голос.

— У меня еще две сестренки есть! — с трудом выговорила она.

— Но это же прекрасно! — постарался ободрить ее капитан. — Скоро ты их снова увидишь — ведь я собираюсь отвезти тебя домой.

Великий Патам! Он все-таки произнес эти слова! Что ж, в конце концов…

Однако это сообщение не вызвало у юной рабыни никакого энтузиазма. Напротив, она зарыдала еще горше.

— Никого я не увижу! — выкрикнула она. — Они здесь!

Капитану стало совсем не по себе. Он безучастно ждал, когда судьба нанесет завершающий удар.

— Вы могли бы их купить! И очень задешево! — Малин явно болела родственным синдромом.

Видимо, в минуты опасности юные жительницы планеты Каррес старались забраться повыше, ибо Ливит капитан заметил на верхней полке антикварной лавки, где с флангов ее прикрывали

две большие вазы. Она казалась уменьшенной копией Малин, только глаза у нее были серые и холодные, а не синие и печальные. Лет пять-шесть, не больше, прикинул капитан. Он не очень-то умел определять возраст маленьких детей.

— Добрый вечер! — сказал он и вошел.

— Добрый вечер, сэр! — откликнулся, не оборачиваясь, хозяин. Ом сидел в кресле, стоявшем спинкой ко входу примерно посреди комнаты, и неотрывно смотрел на Ливит. Потом забормотал заунывно-напряженным голосом человека, с огромным трудом удерживавшего себя в руках:

—...И будешь сидеть на этой полке без пищи и воды, пока утром не придет Божий Человек.

— Между прочим, ваш первый Божий Человек недолго здесь пробыл! — с вызовом пискнула кроха, совершенно не обращая внимания на капитана. Малин она, видимо, попросту не заметила.

— Ничего, теперь другой придет, посильнее! — отвечал владелец лавки дрогнувшим голосом. — Уж он-то изгонит из тебя нечистого, ох, изгонит, маленькая ты дьяволица! И уж у него тебе пуговиц не стибрить, можешь не стараться! Все! Теперь ты про свои штучки забудешь! И

можешь свистеть сколько угодно, но любая ваза в моей лавке…

Ливит похлопала своими серыми глазищами и задумчиво уставилась на него.

— А что, могу и посвистеть, — сказала она.

— Только попробуй оттуда спуститься! — погрозил ей кулаком хозяин. — Да я тебя на куски разрублю! На кусочки!

И он взмахнул неким предметом, в котором капитан с ужасом узнал роскошно изукрашенный, но, видимо, вполне пригодный для дела старинный боевой топор.

— Ха! — презрительно воскликнула Ливит.

— Прошу прощения, сэр! — Капитан прочистил горло.

— Добрый вечер, сэр! — снова поздоровался с ним хозяин лавки, по-прежнему не оборачиваясь. — Что вам угодно?

— Я хотел узнать об одной девочке… — нерешительно пробормотал капитан.

Хозяин резко обернулся и, чуть прищурив покрасневшие глаза, посмотрел на капитана.

— Но вы явно не Божий Человек! — сурово заявил он.

— Привет, Малин! — заорала Ливит. — Это что, он и есть?

— Мы пришли тебя выкупить, — сказала Малин. — Так что заткнись, а?

Ливит послушно умолкла.

— Выкупить эту дрянь? Да вы что, сэр, смеетесь надо мной? — Хозяин был потрясен.

— Помолчи-ка, Мунел! — Из задней комнаты появилась тощая темноволосая женщина, весьма решительная на вид. Стоило ей оказаться под полкой, на которой упрямо сидела Ливит, как девочка наклонилась и отвратительно зашипела. Женщина поспешно вернулась на прежнее место.

— Но я не могу продать ее подданному Империи, — обреченно заметил хозяин.

— Я вовсе не подданный Империи, — рявкнул капитан. Ему совершенно не хотелось объяснять, откуда он прибыл.

— Он с Никкел… — начала было Малин.

— Тихо, Малин! — успел сказать Посерт.

— Никогда не слыхал о планете Никкел, — с сомнением пробормотал хозяин.

— Малин! — взвизгнула темноволосая женщина. — Именно так звали одну из этих чертовок! Ее еще Брутх-булочник забрал. А этот тип и впрямь хочет ее купить?

— Ну да, за сто пятьдесят маэлей! — схитрил

капитан, вспомнив цену, названную Брутхом. — Наличными!

Хозяин лавки был потрясен.

— Маловато, — снова вмешалась женщина. — Ведь сколько она всего разбила! Пятьсот маэлей, не меньше!

Тут раздался тонкий-претонкий звук — капитан с трудом его расслышал, однако звук проникал в уши, точно две иглы пронзали барабанные перепонки. И тотчас два покрытых глазурью кувшина, стоявшие справа и слева от него, тоже тоненько зазвенели — дзинь-дзинь! — покрылись паутиной трещин и рассыпались на кусочки.

В лавке воцарилось молчание. Оглядевшись по сторонам, капитан обнаружил множество подозрительно пестрых черепков и осколков, поспешно заметенных в угол и собранных в кучки, а также следы разноцветной стеклянной пыли.

Хозяин осторожно опустил топор, встал и, чуть покачиваясь, подошел к капитану.

— Вы сказали: сто пятьдесят маэлей? — быстро переспросил он. — Я принимаю ваше предложение! — Он обеими руками поднял правую руку капитана и потряс ею в воздухе. — Продано! — провозгласил он, радостно подпрыгнул и ткнул дрожащим пальцем в сторону Ливит: — Ну все!

Теперь только попробуй здесь что-нибудь разбить! Теперь ты принадлежишь этому человеку, а я его за твои проделки до последнего маэля выжму!

— Ох, Малин, пожалуйста, помоги мне слезть отсюда, — вежливо попросила Ливит.

В отличие от предыдущей лавки, магазин Вансинга был едва освещен, обстановка казалась тихой и спокойной, как и должно быть в роскошном модном магазине недалеко от космопорта. Хозяин перемещался вдоль огромного стеклянного прилавка и открытых полок и что-то тихонько бормотал себе под нос. Внутри прилавка и на обтянутых белым атласом полках все сияло и сверкало. Вансинг явно был не трус и не скряга.

— Добрый вечер, сэр! — сказал капитан.

— Уже утро, — заметила Ливит, стоявшая рядом с Малин.

— Малин! — рявкнул капитан.

— Нам не следует вмешиваться, — скачала Малин сестре.

— Ладно, — ответила Ливит.

Вансинг, услышав их голоса, резко повернулся, однако остался на месте. И у этого рабовладельца, подумал капитан, вид исключительно несчастный. Вансинг был крупным, холеного вида

мужчиной, темноволосым, с золотыми серьгами в ушах. От него пахло дорогими духами.

— Магазин находится под постоянным наблюдением охраны, — тихонько сообщил он капитану. — Так что бояться мне нечего. Но почему и чего в таком случае я боюсь?

— Надеюсь, не меня? — Капитан попытался изобразить сочувствие. — Хорошо, что у вас все еще открыто, — продолжал он уже вполне деловым тоном. — Вы мне очень нужны.

— Ну разумеется, у нас открыто! — Вансинг слабо улыбнулся. — Дело в том, что у меня инвентаризация — со вчерашнего утра. Я уже семь раз все пересчитывал.

— Вы, видимо, очень аккуратны, — сказал капитан.

— Очень! Очень! — Вансинг мотнул головой в сторону полок. — В последний раз я заработал миллион маэлей. Но оказалось, что я дважды перед этим на такую же сумму проторговался. Наверное, еще раз придется пересчитывать. — Он закрыл и отставил один из ящиков. — Уверен, что эти я уже считал. Но они все время перемещаются! Непрерывно! Это какой-то кошмар!

— Мне известно, что у вас есть рабыня по имени Гот, — заявил капитан, сразу переходя к сути

дела.

— Да, есть, — кивнул Вансинг. — И, надеюсь, теперь она понимает, что я абсолютно ничего против нее не имею. Возможно, прежде я несколько… Но я уверен, что она уже все поняла! Или скоро поймет.

— Где она? — спросил капитан. Его начинало охватывать беспокойство.

— В своей комнате, вероятно, — пожал плечами Вансинг. — Все не так уж плохо, пока она остается в своей комнате за запертой дверью. Но уж больно она любит сидеть в темноте и смотреть, как ты проходишь мимо, а потом… — Он взял еще какую-то коробку, заглянул в нее и убрал назад. — Да, они действительно перемещаются! — Он словно подтверждал некие давно возникшие подозрения. — Перемещаются и перемещаются…

— Слушайте, Вансинг, — громко и твердо произнес капитан. — Я хочу купить у вас эту Гот и заплачу сто пятьдесят маэлей. Наличными.

Вансинг повернулся к нему и растерянно спросил:

— Правда?.. — Он отошел на несколько шагов от прилавка, присел возле небольшого столика и закрыл лицо руками.

— Я богатый человек, — бормотал он. — Вли-

ятельный! Имя Вансинга на Порлумме знают многие! Конечно, когда имперские чиновники велят покупать, приходится покупать, но почему *она* досталась именно мне?! Я думал, она мне как-то пригодится… Она здесь уже целую неделю! — Ошалело улыбаясь, он посмотрел на капитана. — Сто пятьдесят маэлей! Конечно, продам! — воскликнул он. — Сейчас все оформим… — Он достал несколько бланков и начал быстро заполнять их.

— Гот, ты где? — спросила вдруг Малин.

— Здесь, — ответил тихий голосок. Рука Вансинга конвульсивно дернулась, но он не обернулся, продолжая торопливо писать.

Маленькое, тощее и удивительно гибкое, словно совсем без костей, существо, одетое в темную куртку и леггинсы, скользнуло по коврам на полу магазина и остановилось чуть поодаль, у капитана за спиной. Этой, наверное, лет десять, решил он.

— Я приму от вас чек, капитан, — вежливо сообщил Вансинг. — Мне кажется, вы честный человек. Кроме того, этот чек я хочу вставить в рамку…

— А теперь, полагаю, мы отправимся на корабль. — Капитан удивился звукам собственного

голоса: наверное, так говорят во сне.

Небо было затянуто серыми облаками, но уже наступил рассвет. Гот, как оказалось, была совсем не похожа на сестер: короткая стрижка, каштановые волосы, карие глаза с длинными черными ресницами, остренький подбородок и маленький изящный носик. Она напоминала капитану маленького гибкого зверька, например, ласку.

— Спасибо! — Она с улыбкой смотрела на него.

— Ты чего этому типу сделала? — тоненьким голоском спросила Ливит, которая так и шла спиной вперед, не в силах оторвать взгляд от магазина Вансинга.

— Гнусный жулик! — пробормотала Гот. Ливит захихикала.

— А ты здорово *премонировала*, Малин, — заявила она вдруг.

— Заткнись, — велела ей Малин.

— Ладно уж, — тут же послушалась Ливит и с кротким видом обратилась к капитану: — Значит, вы дрались и победили?

— Ну разумеется, он победил! — сказала Малин.

— Это здорово! — Ливит была явно довольна.

— А мы сразу взлетим? — обеспокоенно спросила Гот.

— Вряд ли нам что-нибудь помешает. — Капитан говорил бодро, не давая себе труда задуматься, откуда девчонке известно, что взлет — это единственный маневр, при выполнении которого он не находит общего языка с кораблем. — Разрешение на взлет мы уже получили. Сигнал подадут в любой момент.

— Это хорошо, — сказала Гот. И медленно пошла по коридору в сторону центральной части корабля.

Взлет прошел отвратительно, но «Удача» все-таки сумела выйти на орбиту, и полчаса спустя, когда Порлумма стала уменьшаться за кормой, капитан включил автопилот и выбрался из кресла. После некоторых мучений он все же заставил электронного буфетчика приготовить четыре горячих завтрака и дымящийся кофе. Все это сопровождалось огромным количеством советов и попыток вмешаться со стороны Ливит. Малин тоже стремилась помочь, но не столь активно. Только Гот никуда не лезла.

— Через несколько минут все будет готово! — сказал капитан. Откуда ему было знать, сколь пророческими окажутся его слова.

— Если бы вы послушались меня, — Ливит вся вспотела от возбуждения и сознания собственной

правоты, — мы бы полчаса назад уже позавтракали!

— Слушай Малин, — спросила она вдруг, — ты опять премонируешь?

Что же это за слово такое «премонируешь»? Капитан посмотрел на Малин. Та была бледна и казалась чем-то встревоженной.

— Космическая болезнь? — всполошился он. — У меня есть таблетки…

— У нас все готово, — сказала Гот.

— Что это у вас готово? — спросил капитан.

Он смотрел на них с подозрением — серые, карие и синие глаза уставились на него. Девочки сидели кружком на полу рубки, а рядом с ними устроился электронный буфетчик.

— Ну, хорошо, — сказал он громко. — Стало быть, оттого, что Малин «премонирует», у людей животы болят?

Малин туманно улыбнулась и пригладила свои светлые волосы.

— Это им просто показалось, — пробормотала она.

— Массовая истерия, — небрежно пояснила Ливит.

— Я это заметил, — кивнул капитан. — А маленькая Ливит, значит, умеет свистом разбивать

всякие вещи?

— Меня зовут не «маленькая Ливит», а просто Ливит. Единственная в своем роде Ливит. — Девочка нахмурилась.

— Понятно, — согласился капитан. — Единственная и неповторимая. В общем, как капитан на корабле, верно?

— Верно. — Ливит улыбнулась.

— А чем занимается маленькая Гот? — спросил капитан у третьей ведьмочки.

«Маленькая Гот», казалось, была оскорблена. За нее ответила Малин.

— Гот у нас по части телепортации.

— Да неужели? — вежливо удивился капитан.

— На самом деле я умею телепортировать только небольшие предметы. — Гот достала из-под куртки сверток, обмотанный куском тряпки, концы которой были стянуты узлом. Развязала узел и высыпала содержимое свертка на ковер. — Вот, например, такие, — сказала она.

— Великий Патам! — воскликнул капитан; перед ним было драгоценных камней не меньше, чем на четверть миллиона!

Малин и Ливит тут же выбежали из рубки. Капитан, не обращая на них внимания, пристально посмотрел на Гот.

— Деточка, — спросил он, — неужели ты не понимаешь, что на таких планетах, как Порлумма, тебя повесят без суда и следствия, если поймают с краденым товаром?

— Мы уже не на Порлумме, — раздраженно ответила Гот. — А это — вам. Вы же за нас заплатили, верно?

— Но не столько, — возразил капитан. — А что если Вансинг уже заметил пропажу? Это ведь из его магазина, надо полагать?

— Конечно, — Гот ничуть не смутилась.

— Если он сообщил в полицию, то у нас на хвосте в любой момент появится…

— Гот! — пронзительно крикнула Малин. Гот моментально вскочила.

— Иду! Извините, — вежливо сказала она капитану и бросилась вон из рубки.

Капитан подбежал к панели управления и, исполненный самых мрачных предчувствий, включил все экраны.

Да, они уже висели у него на хвосте. Два темных остроносых корабля быстро догоняли их. Они были уже почти па расстоянии выстрела! Это не обычные полицейские катера, догадался капитан, а вспомогательные корабли имперского пограничного космофлота. Капитан врубил

двигатели «Удачи» на полную мощность. И тут же за кормой корабля появились красно-черные вспышки. Одно из таких огненных щупальцев протянулось вперед и скользнуло всего в сотне ярдов справа от «Удачи».

А коммуникатор молчал. Видимо, власти Порлуммы решили пожертвовать драгоценностями Вансинга и ни в коем случае не дать капитану Посерту и его сомнительным подопечным уйти или сдаться…

И вдруг корабли преследователей исчезли. Все экраны одновременно потемнели, и вокруг «Удачи» заклубилась тьма, из которой прямо в лицо капитану ударил свет — холодный, жуткий; потом свет каким-то неестественным образом «свернулся» и погас. Двигатели «Удачи» молчали.

Через некоторое время старый корабль дернулся, задрожал, агрессивно взревел и устремился вперед, влекомый собственной тягой.

Но солнца Порлуммы больше видно не было. Вокруг сверкали иные созвездия; некоторые из них казались капитану знакомыми, но он не был полностью в этом уверен.

Он вдруг почувствовал озноб и дикую усталость. И тут электрический буфетчик с развесе-

лым кудахтаньем выдал целых четыре горячих завтрака.

Вокруг капитана зазвучали голоса, первый спросил:

— А может, так ее и оставить?..

Второй, более тихий, ответил:

— Ладно, давайте оставим. Вдруг опять понадобится? Третий голос восторженно воскликнул:

— Ух ты!

Озираясь в полном недоумении, капитан вдруг понял, что голоса доносятся из динамика бортового интеркома.

Он прислушался. Но теперь из динамика доносилось лишь неразборчивое бормотание, затем смолкло и оно. Капитан вышел было в коридор, потом вернулся и выключил интерком. Когда он подошел к двери капитанской каюты, она оказалась закрыта.

Он с минуту прислушивался, затем резко отворил дверь.

Его встретил тройной вопль:

— Нельзя! Вы же все испортите!

Капитан замер па пороге. Ему удалось разглядеть лишь нечто вроде связки черных проволочек, едва скрепленных между собой и образовывавших некую геометрическую фигуру,

напоминающую усеченный конус, который то ли стоял на столе, то ли парил над ним. Там, где должна была находиться его вершина, горело и крутилось оранжевое пламя. А вокруг, освещенные этим пламенем, стояли все три ведьмочки.

Затем пламя исчезло. Проволочки упали на стол. Сестры смотрели на Посерта, но по-раз-

ному: Малин с улыбкой сожаления, Ливит с откровенным раздражением, а Гот совершенно равнодушно.

— Именем Седьмого Ада Великого Патама я требую, чтобы мне объяснили, что это такое! — Капитан чувствовал, как волосы у него встают дыбом.

Сестры переглянулись. Малин с сомнением в голосе произнесла:

— Мы можем только сказать, как это называется…

— Это *вжжик-тяга*, — объяснила Гот.

— Что? — переспросил капитан.

— Ну, ее можно запустить только вместе с самим собой, — попыталась помочь Ливит.

— Заткнись, — велела Малин.

Воцарилось молчание. Капитан смотрел на кучку тонких черных проволочек дюймов двенадцать длиной, потом коснулся одной из них. Она была абсолютно холодной.

— Понятно, — сказал он. — Полагаю, нам надо поговорить. — Он помолчал. — Где мы сейчас находимся?

— Примерно в двух световых неделях по тому же курсу, — ответила Гот. — Мы ее запустили всего на тридцать секунд.

— На двадцать восемь, — важно поправила ее Малин. — Ливит начала уставать.

— Понятно, — пробормотал капитан Посерт. — Ладно, пошли завтракать.

Ели они молча и одинаково жадно — и изящная Малин, и маленькая, как кукла, Ливит, и спокойная гибкая Гот. Капитан мгновенно покончил со своей порцией и теперь наблюдал за ними — с любопытством, изумлением и даже некоторым благоговением.

— Это была всего лишь вжжик-тяга, — объяснила Малин, перехватив его взгляд.

— Она берет силу в нас, — добавила Гот.

Ливит лишь одобрительно крякнула и продолжала насыщаться.

— Ею нельзя часто пользоваться, — продолжала Малин. — И слишком долго тоже нельзя. Иначе можно погибнуть.

— А что она из себя представляет, — спросил капитан, — эта вжжик-тяга?

Они тут же умолкли и надулись.

— Жители Карреса пользуются этим, — объяснила более вежливая Малин, — когда хотят куда-нибудь побыстрее добраться. На Карресе все это умеют.

— Но мы, конечно, еще малы, чтобы все сделать

как следует, — добавила она.

— Ничего подобного! У нас все здорово сработало! — заявила Ливит, которая наконец покончила с едой.

— Но как у вас это получилось? — спросил капитан. Они еще больше надулись.

— Вы такую не сделаете, — сказала ему Малин. — И понять, как это устроено, тоже не сможете.

Капитан сдался. Пока, во всяком случае.

— Нужно определить, где мы находимся и как вас доставить домой, — сказал он. Сестры с ним вполне согласились.

Каррес, как выяснилось, был спутником звезды Ивердаль. Капитан, правда, так и не смог обнаружить такой звезды на своих космических картах, но это ничего не значило. Карты не всегда точны, да и местные названия вечно меняются.

Если не учитывать возможностей этой странной и чудесной вжжик-тяги, подобный крюк в сторону обойдется в месяц полета, так что приличная сумма из полученных доходов уйдет на топливо. Драгоценности, которые Гот незаконно телепортировала из магазина Вансинга, конечно же, следует вернуть владельцу. На пути к Карресу придется остановиться на одной из планет Им-

перии, где есть межзвездная банковская связь, которая может взять на себя пересылку драгоценностей. Желательно, чтобы это была достаточно удаленная от Порлуммы планета, иначе они вызовут интерес у тамошней полиции.

Все это он сообщил девицам. Программа действий была встречена гробовым молчанием.

— Хорошо, — вздохнула наконец Малин. — Тогда мы постараемся вернуть вам деньги другим путем.

Младшие сестры холодно кивнули в знак согласия.

— А как случилось, что вас продали в рабство? — спросил капитан, желая переменить тему.

Оказалось, что все трое решили махнуть на прогулку по окрестностям планеты Каррес. Нет, они вовсе не собирались убегать — подобные развлечения разрешаются даже маленьким детям. Однако, когда они оказались на другой планете, достаточно цивилизованной и далекой от границ Империи, на нее внезапно напало несколько кораблей работорговцев, и большую часть местной молодежи — а в том числе и сестер с Карреса — захватили в плен.

— Вот что мне представляется странным, — за-

думчиво проговорил капитан: — Неужели вы не пробовали захватить их корабль?

— Ой, нет! — воскликнула Ливит.

— Такой корабль не захватишь, — возразила Гот.

— Это же был корабль имперских работорговцев, — пояснила Малин. — На таких развалюхах лучше вообще ни к чему не прикасаться!

Ну что ж, думал капитан, укладываясь на кушетку, которую он перенес в ходовую рубку, теперь, по крайней мере, понятно, почему хозяева с таким облегчением избавились от рабынь. Очень странные дети… Впрочем, пусть-ка их родственники возместят ему все расходы. Вполне возможно, он еще окажется в выигрыше…

Надо только быть очень осторожным, особенно с записями в бортовом журнале. Законы Никкелдепейна чрезвычайно суровы, тем более если тебя заподозрят в покупке или продаже рабов.

Он намеренно оставил интерком включенным, надеясь подслушать разговоры ведьмочек, разместившихся в его собственной каюте. Однако оттуда пока что не доносилось ничего, кроме взрывов смеха и пронзительных воплей Ливит — видимо, Малин заставляла ее перед сном вымыть уши и почистить зубы.

Они договорились, что он не будет входить к ним в каюту. Причины при этом не объяснялись — просто, сказали они, невозможно в его присутствии поддерживать вжжик-тягу в рабочем состоянии. А это было бы полезно, поскольку за пределами Империи процветало пиратство, и к тому же капитану «Удачи» хотелось избежать новой встречи с полицией. Капитан сообщил сестрам о потенциальной мощи пушек «Нова», которыми была оснащена «Удача», но девочки, похоже, ничего не поняли. Во всяком случае, это не произвело на них никакого впечатления.

Вжжик-тяга… Великий Патам, если б только можно было понять принцип ее действия! Впрочем, он надеялся, что когда-нибудь это ему удастся.

Внезапно из динамика донесся голосок Ливит:

— … а этот старый кретин ничего, неплохой мужик.

Капитан оскорбленно заморгал и сел.

— Не такой уж он и старый! — возразила Малин. — И не такой уж кретин.

Капитан улыбнулся. Хорошая девочка, эта Малин.

— Ага! Ага! — заверещала Ливит. — А Малин влюби… Ой!

Некоторое время там явно происходила потасовка, потом стало тихо. Слабо надеясь, что кое-кого попросту придушили подушкой, он снова улегся и не заметил, как заснул.

Если не думать о том, что они уже успели натворить, то спутницы порой казались ему вполне нормальными детьми. С самого начала они демонстрировали весьма лестный интерес к нему, и он с удовольствием рассказывал им обо всех своих приключениях. Даже показал хранимую как зеницу ока фотографию Иллайлы.

И почти сразу понял, что это было ошибкой. Сестры молча разглядывали фотографию, тесно сдвинув головы.

— Ой, не могу! — воскликнула наконец Ливит.

— И что ты хочешь этим сказать? — холодно осведомился капитан.

— Что она красивая, — пробормотала Гот с таким видом, будто ее тошнит.

— Перестань, Гот! — резко сказала Малин. — По-моему, очень милая девушка. На вид.

Капитан был рассержен. Он молча отнял у них фотографию поруганной Иллайлы и спрятал в нагрудный карман. И удалился.

Однако, оставшись один, он вновь принялся обеспокоенно изучать фотографию.

Его Иллайла! Он так и сяк вертел фотографию, меняя угол освещения, и пришел к выводу, что снимок действительно неважный. Даже просто плохой. На нем Иллайла казалась по меньшей мере неинтересной, пресной какой-то…

Что за мысли приходят мне в голову, встревоженно подумал он, что все это значит?

Он немного поупражнялся в стрельбе из пушек «Нова». Когда капитан вступил на борт «Удачи», орудийные башни были заперты и опечатаны. Никто и не предполагал, что в них возникнет нужда. Это было не слишком надежное оружие, хотя и весьма эффективное. На Никкелдепейпе уже несколько десятилетий назад перешли на другие виды вооружения. Однако уже на третий день после отлета с Никкелдепейна капитан сделал в бортовом журнале следующую запись:

«Подвергся нападению двух пиратских кораблей. Выдвинул орудийные башни, расчехлил пушки „Нова“. Уничтожил один корабль, второму удалось скрыться…»

Ему понравилось это краткое и энергичное описание той отчаянной битвы в космосе, и он с удовольствием время от времени перечитывал его. Правда, запись несколько не соответствовала истине. Он весьма увлекательно провел

часа четыре, уничтожая здоровенные обломки астероидов.

Три дня спустя «Удача» вновь приблизилась к границам Империи. Дважды на пути к столице одной из провинциальных планет к ним подходили полицейские катера. И Посерт был весьма доволен, что его пассажирки каждый раз предусмотрительно прятались в каюте. Они больше ни слова не сказали о намерении вновь воспользоваться вжжик-тягой, но он знал, что странное оранжевое пламя постоянно горит над усеченным конусом из гнутых черных проволочек.

Космическая полиция пропустила его, вполне удовлетворившись рутинной проверкой документов. По-видимому, «Удача» еще не стала повсеместно известна как корабль преступников. Пока что.

Малин составила ему компанию, когда он отправился в местное отделение банка, чтобы вернуть драгоценности Вансинга на Порлумму. Младшие сестры — по настоятельной просьбе капитана — остались на корабле.

Пересылка прошла без каких-либо осложнений. Камушки должны были возвратиться на Порлумму в течение месяца. Однако Посерту пришлось отстегнуть изрядную сумму за стра-

ховку. И, разумеется, его попросили указать имя, название корабля, планету приписки и все такое прочее. Но поскольку на Порлумме вся эта информация уже имелась, капитан не особенно волновался.

Заодно он сообщил по субрадио несчастному ограбленному ювелиру о том, что камни отправлены, и выразил свое сожаление по поводу столь печального недоразумения.

После этого ему стало несколько легче, хотя страховка отнюдь не входила в его финансовые планы. Если не удастся как-нибудь заработать на Карресе, оставшихся денег вряд ли хватит на покрытие убытков от погоревшей зверофермы…

Тут он заметил, что Малин нервничает.

— Нам лучше поспешить, — кратко объяснила она. Лицо ее было бледно.

Капитан все понял. Она опять что-то «премонировала» — то есть, видимо, получила информацию о заварившейся где-то каше, однако домысливать подробности вынуждена была сама. Они схватили воздушное такси и помчались в космопорт.

Не успели беглецы получить разрешение на взлет, как заметили группу людей в мундирах, быстро приближавшихся к кораблю и явно со-

бравшихся подняться на борт. Но тут «Удача», будто пьяная, неуклюже прыгнула вбок и вверх. Все, кто был поблизости, бросились врассыпную…

Взлет получился отвратительный. Просто хуже некуда. Однако потом капитану удалось быстро увести корабль на теневую сторону планеты и развернуть его носом к границе. Некогда «Удача» была грозой пиратов, да и теперь она все еще могла выдать хорошую скорость, особенно если отпустить поводья. И капитан предоставил ей такую возможность.

Вжжик-тяга на сей раз не понадобилась.

На следующий день у него состоялась продолжительная беседа с Гот. Он говорил ей о Законе, особым образом подчеркнув право частной собственности. Если бы Советник Онсвуд мог его услышать, то наверняка бы не удержался от удивленного, но одобрительного ворчания. Однако эта малолетняя преступница слушала капитана с непроницаемым выражением лица, хотя, возможно, его речь все же произвела на нее некоторое впечатление.

Двое суток спустя, когда они снова оказались вдали от границ Империи, им пришлось сделать незапланированную остановку на одном из

заправочных спутников. Капитан обнаружил, что здорово просчитался насчет имевшегося на борту запаса топлива. Продолжительный полет, да еще на пределе мощности двигателей, почти опустошил топливные баки.

На заправочной станции рядом с ними висел огромный и очень красивый грузовой корабль из системы Сириуса. Правда, это был, скорее, не грузовой, а боевой звездолет, осуществлявший регулярные рейсы за пределами Империи. Им пришлось довольно долго ждать, пока он заправлялся. Его команда оказалась настолько же неприятной, насколько красив был сам корабль. Волосатые, высокомерные, самодовольные сирианцы говорили исключительно на своем диалекте и делали вид, что совершенно не понимают имперского универсального.

Капитан особенно остро почувствовал, насколько его бесят их скверные манеры, когда понял, что они над ним смеются — он поспорил с начальником заправочной станции по поводу платы за топливо.

— Вы же в глубоком космосе, капитан, — заявил начальник станции. — И у вас не хватит «горючки», даже чтобы долететь до границы! Неужели вы думали, что имперские цены здесь

действительны?

— Но с них-то вы взяли значительно дешевле! — Капитан сердито указал пальцем на сирианский корабль.

— Они постоянные клиенты, — пожал плечами начальник станции. — Если вы тоже будете у меня заправляться каждые три месяца, я и для вас с удовольствием сделаю скидку.

Просто возмутительно! К тому же, капитан Посерт снова оказался в минусе.

Очередной неуклюжий взлет настроение капитану отнюдь не улучшил, а потом еще пришлось наблюдать, как плавно уплывает в пространство корабль с Сириуса — как лебедь, черт возьми!

Глава вторая

Спустя час, когда Посерт мрачно обдумывал, как ему закрыть свои финансовые прорехи до возвращения на Никкелдепейн, в рубку стремительно ворвались Малин и Ливит и уставились на экран левого борта.

— Ну конечно, вон он! — воскликнула Ливит. Сейчас девочки выглядели младше своих лет — от возбуждения.

— Кто? — рассеянно осведомился капитан.

— Сирианский корабль, капитан Посерт! — возмущенно ответила Малин. — Нас преследуют!

Капитан ошеломленно уставился на экран. Действительно, сирианский грузовик явно преследовал «Удачу».

— Интересно, что им надо? — удивился капитан. — Они, конечно, гнусные вонючки, но ведь не пираты же!

Малин ничего не ответила. Ливит же сообщила:

— Они выдвинули бортовые пушки.

Рубку тут же заполнило рычание сирианцев. Больше всего это смахивало на череду страшных проклятий. Единственное слово, которое можно было понять, — «Удача». Оно повторялось достаточно часто.

— Сирианский язык, — сказал капитан. — Ты что-нибудь понимаешь, Малин?

— Нет, но Ливит понимает.

Ливит утвердительно кивнула. Глаза ее поблескивали.

— Что они говорят?

— Они говорят, «вы — остановиться», — быстро перевела Ливит, по всей видимости, сохраняя грамматический строй «оригинала». — Они говорят, «вас — живьем сдирать кожу»... Ха! Они

говорят, «вас — остановиться и только повесить». Они говорят…

Малин выскочила из рубки. Ливит забарабанила по динамику коммуникатора своим маленьким кулачком и заорала:

— Бик-вок! — Во всяком случае, капитану показалось, что это прозвучало именно так. Рычание прекратилось, и относительно нормальный голос удивленно переспросил:

— Бик-вок?

— Бик-вок! — подтвердила Ливит с явным удовольствием и выдала еще серию аналогичных словечек.

В ответ вновь раздалось яростное рычание.

Капитан, охваченный самыми противоречивыми чувствами, велел Ливит заткнуться и рявкнул, обращаясь к сирианцам, чтобы те убирались во Второй — самый страшный! — Ад Великого Патама. Он лихорадочно нащупывал кнопки управления орудийными башнями. Все, с него хватит! Сейчас он…

С-с-с-с-ж-ж-ж-вжжжжжжик!

Это включилась вжжик-тяга.

— Ну, и где же мы теперь? — спросил капитан неестественно спокойно.

— Да тут где-то, неподалеку, — беспечно отве-

тила Ливит. — Их корабль еще виден на экране. Отстал, правда. Им понадобится не меньше часа, чтоб нас догнать. — Она казалась разочарованной. Но потом лицо ее прояснилось. — Зато теперь вы успеете приготовить пушки!..

Капитан не ответил и двинулся в хвостовой отсек «Удачи». Дверь в капитанскую каюту была закрыта. Но он не остановился. Капитан был в бешенстве — он уже понял, что произошло!

Опять эта девчонка принялась за свою телепортацию!

Да, все было так, как он думал, — товар уже лежал в грузовом отсеке. Небольшие предметы, не более фунта весом — видимо, более тяжелые она телепортировать не могла. Бутылки и флаконы, наполненные то ли духами, то ли напитками, то ли наркотиками; ткани разнообразных цветов и оттенков; коробочки, баночки, скляночки… И, разумеется, ювелирные изделия!

Он потратил не менее получаса, чтобы сложить все это в стальной контейнер, отвез его к грузовому люку, затолкал в шлюзовую камеру, задраил внутреннюю дверцу и включил автоматический пуск.

Потом побрел обратно в ходовую рубку. Ливит по-прежнему сидела у панели управления, забав-

ляясь клавишами коммуникатора.

— Я могу попробовать обсвистеть их, — предложила она, поднимая на него глаза. — Но тогда они точно куда-нибудь врежутся.

— Включи с ними связь! — приказал капитан.

— Есть, сэр! — Ливит была удивлена.

В динамиках вновь раздалось рычание, правда, более отдаленное.

— Эй, а ну-ка заткнись! — заорал в ответ капитан на имперском универсальном.

Голос умолк.

— Скажи им, что они могут забрать контейнер со своим барахлом, — приказал капитан. — А если попробуют гоняться за мной — хоть одну световую минуту! — я развернусь и разнесу им сперва нос, потом задницу, а на закуску врежу посередке!

— Есть, сэр!!! — вспыхнув от удовольствия, ответила Ливит. И они спокойно продолжили полет своим курсом.

— А теперь мне необходимо поговорить с Гот, — объявил капитан, все еще кипя от злости. — Один на один! В грузовом отсеке!

Гот покорно последовала за ним в хвост корабля. Он закрыл люк и отломил от верхнего конца одного из безумно дорогих тинкловых удилищ,

подсунутых советником Раппортом, кусок длиной фута в два. Получилась вполне приличная розга.

Но Гот выглядела такой маленькой, такой беззащитной! Посерт прочистил горло. И пожалел, что они сейчас не на Никкелдепейне.

— Я ведь тебя предупреждал, — сказал он.

Гот не пошевелилась. Но в одно мгновение, казалось, стала значительно выше ростом. Взгляд ее карих глаз уперся прямо в кадык капитана, губы чуть раздвинулись, на лице появилось какое-то голодное выражение.

— Только попробуй! — тихо сказала она.

Взбешенный капитан схватил ее за одежду, по тут перед глазами его что-то промелькнуло, очень похожее на беззвучный взрыв, и больно ударило его по левой коленке. Он охнул и упал навзничь, на кипу всепогодных плащей (опять же подсунутых советником Раппортом). При этом он не выпускал края одежды Гот, так что она в итоге свалилась прямо на него. Впрочем, радовался своим преимуществам он недолго: голова Гот поднялась на вытянувшейся, как у змеи, шее, и она вцепилась зубами в кисть его руки.

Ласки всегда больно кусаются и долго не отпускают свою жертву…

— …Вот уж не думала, что у него пороху хватит! — услышал он некоторое время спустя голосок Гот, доносившийся из интеркома. В голосе ее звучало невольное восхищение. Видимо, и она занималась изучением понесенного ею ущерба. Капитан, занятый перевязкой раненой руки, сильно кровоточившей, мог лишь надеяться, что нанес девице значительный ущерб. Колено у него распухло, как подушка, и ужасно болело.

— Капитан — смелый человек, — с укоризной возразила Малин. — Это тебе надо запомнить!

— Но не очень-то умный! — заметила Ливит.

— Сейчас же прекратите! Обе! И оставьте его в покое! — рассердилась Малин. — Если не хотите возвращаться на Каррес Путем Эггера! — добавила она со значением.

— Только чур не я! — быстро сказала Ливит.

— Да уж, что от тебя еще ожидать, — сказала Гот. Она, казалось, раздумывала. — Ну, хорошо. Мы оставим его в покое. А все равно, это была честная драка!

Они смогли установить связь с Карресом лишь на шестнадцатый день после отлета с Порлуммы. За это время никаких инцидентов не произошло; впрочем, они больше нигде не останавливались. Малин состряпала какую-то мазь, чудесным об-

разом исцелившую колено. Близился конец их полета, и напряжение несколько спало. Зато Малин стала проявлять явное сожаление по поводу предстоящей разлуки.

После краткого изучения особенностей планеты Каррес капитан пришел к выводу, что она не совсем обычна. Кроме всего прочего, планета вращалась вокруг местного солнца в обратном направлении — то есть против часовой стрелки.

Вот именно! — мрачно подумал капитан Посерт.

Они с ревом ворвались в атмосферу на дневной стороне планеты, не вызвав сколько-нибудь заметной реакции. Никто не подавал им сигналов по коммуникатору, не было видно сторожевых кораблей, желающих осмотреть «Удачу». Каррес вообще казался необитаемым. Здесь было множество морей, слишком больших, чтобы называться озерами, но слишком маленьких для приличного океана. Моря были разбросаны по всей поверхности планеты, которую рассекал надвое чудовищный горный хребет, протянувшийся от одного полюса до другого. Имелись и горные цепи поменьше. На полюсах белели пышные снеговые шапки, да и вся южная часть планеты была запятнана белыми снегами и по-

крыта дремучими лесами.

Красивая планета, хоть и дикая.

Они парили над ее поверхностью, летя навстречу заре. Капитан сидел за пультом управления, Гот и Ливит — у боковых экранов, а Малин давала им указания сзади. Вдруг Ливит завопила от восторга, а потом как-то странно умолкла. И капитан Посерт догадался, что она плачет.

Он был потрясен: неужели возвращение домой так тронуло эту юную бандитку? Он заметил, как Гот тихонько обняла сестренку за плечи. Ливит счастливо всхлипнула:

— Как к-к-расиво!

Капитан почувствовал необычайное расположение, чуть ли не любовь к этим маленьким ведьмам. Почти те же чувства они пробудили в нем в самом начале их знакомства, при первой встрече. Все-таки им здорово досталось…

— Где прячутся жители? — Капитан решил прервать затянувшееся молчание.

— Нас на Карресе не так уж много, — сказала Малин у него за спиной. — Вот сейчас прилетим в город — там ты познакомишься с доброй половиной нашего населения.

— А это что внизу? — На дне широкой долины виднелась, словно врезанная в почву, огромная

белоснежная чаша.

— Это Театр, в котором… Ой! — Ливит обиженно посмотрела на Малин.

— Понятно. Этого чужакам знать не следует, верно? — Капитан говорил почти весело, и обе сестрицы поглядели на него.

— Некоторые правила надо выполнять, — сказала Малин.

Они спустились пониже. «Театр, в котором…» представлял собой огромную круглую арену, окруженную амфитеатром со множеством рядов, круто поднимавшихся вверх. Все места были пусты.

Следуя указаниям Малин, капитан повернул направо и опустился еще ниже. И наконец увидел первых представителей животного мира планеты Каррес. Стая огромных бело-кремовых птиц пролетела под ними, совершенно не обращая внимания на корабль. Лес внизу сменился открытым пространством: живописные луга пересекали небольшие ручьи, прихотливо переплетавшиеся и сходившиеся в центре долины. У водоема паслось стадо в несколько сотен голов — это были жвачные животные размером с мастодонта, абсолютно лишенные шерсти, с блестящими черными спинами. Головы у них

были тяжелые, вытянутые, пасти, очень похожие на крокодильи, раскрыты в сардонической усмешке. Животные, хлопая глазами, смотрели на пролетавшую над ними «Удачу».

— Черные боллемы, — сообщила Гот, явно наслаждаясь растерянным видом капитана. — Их тут много. Они ручные. А еще есть серые, горные. На них охотиться — одно удовольствие!

— И мясо у них вкусное! — сказала Ливит и облизнулась. — Эх, позавтракать бы!.. — вздохнула она и вдруг оживилась: — А ведь мы должны поспеть как раз к завтраку!

— Вон на том поле — сказала Малин, — вполне можно посадить «Удачу».

Они сели. Вокруг был довольно плоский луг с короткой, будто подстриженной травой; слева высились горные отроги. На лугу уже стоял небольшой космический корабль ярко-синего цвета. Его окружали высокие иссиня-черные деревья.

Больше ничего на лугу не было. Капитан только головой покачал.

Город Каррес вызвал у него удивление не только потому, что оказался гораздо больше, чем можно было предположить, пролетая над этим, казалось бы, безлюдным районом. Город протянулся

на многие мили по лесам и склонам гор, через всю долину; дома располагались небольшими группками или поодиночке и были отгорожены от остальных огромными, до неба, деревьями.

Здесь любили яркие краски. Но при этом прятали свои дома за деревьями. Дома напоминали цветы: красно-белые, яблочно-зеленые, золотисто-коричневые — всех оттенков; они были чистенькими и опрятными, наполненными ароматами леса и свежей зелени. Несколько раз в день в них замечательно пахло всякими вкусными вещами. В городе оказалось полно ручьев, прудов и обнесенных зелеными изгородями огородов. Высоко на деревьях были устроены — что показалось капитану довольно рискованным — игровые площадки, иногда соединенные переходами и галереями. По земле вилась настоящая паутина чрезвычайно запутанных тропок и дорожек — между огромными коричневыми корнями деревьев и серыми обломками скал, наполовину скрытых опавшими игольчатыми листьями. В первые дни, отправляясь на прогулку один, капитан тут же терял всякую ориентацию, и из леса его выводил кто-нибудь из местных жителей.

Невозможно было представить себе более скрытных существ. В городе проживало око-

ло четырех тысяч человек и еще столько же расселилось по всей планете, но увидеть более трех-четырех человек одновременно капитану не удавалось — за исключением тех случаев, когда очередная банда сорванцов возраста Ливит выскакивала вдруг из кустов у него перед носом и столь же стремительно исчезала.

Иногда вдалеке слышалось чье-то пение или даже целый концерт; порой кто-то играл на одном из множества деревянных музыкальных инструментов — местные жители очень любили музыку.

Да нет, это не настоящий город, думал капитан. Нормальные люди так не живут! Эти ведьмы с планеты Каррес скорее напоминали ему стаю загадочных лесных птиц, случайно свивших гнезда на поляне. И они все время были чем-то заняты — но он никак не мог понять, чем!

Задавать без конца вопросы Толл он стеснялся. Толл была матерью трех сестричек. Она вполне откровенно отвечала на все вопросы капитана, однако ему так и не удалось получить полной информации о том, что его интересовало.

И это было весьма странно! Он проводил в ее обществе несколько часов в день или, пока она занималась домашними делами, находился в

соседней комнате, принадлежавшей хозяину дома. Сестры привели его в этот дом сразу после посадки корабля. Отца дома не было, он уехал куда-то по делам, связанным, как выяснилось позже, с геологическими исследованиями в одном из отдаленных районов планеты. Вначале Посерта несколько беспокоило это обстоятельство, особенно когда они с Толл оставались в доме одни. Малин училась в какой-то школе, уходила рано утром и возвращалась лишь к вечеру. Гот и Ливит пользовались полной свободой, домой возвращались поздно, когда капитан уже спал, и снова исчезали еще до завтрака.

Вряд ли Толл правильно их воспитывала. Однажды после обеда капитан обнаружил Ливит, свернувшуюся калачиком в его любимом кресле на веранде и крепко спящую. Она проспала четыре часа подряд, а капитан сидел рядом, листая толстую книгу с роскошными иллюстрациями, называвшуюся «Истории древнего Яртхе», и время от времени делал из стакана глоток холодного, слегка пьянящего, зеленоватого напитка, который Толл тихонько поставила возле него, или затягивался ароматным дымом из громадной трубки, чубук которой стоял на полу. Это была, как он понял, любимая трубка мужа Толл.

Потом Ливит внезапно проснулась, потянулась, бросила на него какой-то странный взгляд — то ли злобно оскалившись, то ли дружески улыбнувшись, — спрыгнула с веранды в траву и исчезла среди деревьев.

Он так и не понял, что же означал этот взгляд. Мог, конечно, ничего не означать, однако…

Капитан отложил книгу и некоторое время беспокойно размышлял. Вроде бы, никого здесь особенно не заботило его присутствие. Все о нем знали, и сам он уже со многими познакомился. Но никто не заходил к нему — ни с расспросами, ни просто из вежливости. Да и муж Толл вот-вот должен был вернуться…

Сколько же он здесь пробыл, интересно?

Великий Патам! Он вдруг понял, что потерял счет дням!

Или, может, неделям?

— Мне у вас очень хорошо, — сказал он Толл. — Но, по-моему, я слишком задержался… Завтра, с утра пораньше…

Толл отложила шитье, скрестила свои сильные тонкие руки на коленях и улыбнулась Посерту.

— Мы так и предполагали, — сказала она. — А потому… Знаете, капитан, нам было довольно трудно решить, как отблагодарить вас за то, что

вы сделали.

— Ну что вы! — Посерт вдруг вспомнил, что совершенно разорен и впереди его ждет неукротимый гнев советника Онсвуда.

— Однако, — продолжала Толл, — мы посоветовались и решили погрузить в трюм вашего корабля самые различные товары, которые, как мы полагаем, вы сможете продать с немалой выгодой.

— Что ж, это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил капитан.

— Там, например, есть меха, — сказала Толл. — Самые лучшие. Две тысячи шкурок!

— Ох! Зачем же столько?

— И еще душистые эссенции «келл-пик», — не умолкала Толл. — Каждый принес по флакону — так что в вашем распоряжении восемь тысяч триста двадцать три флакона замечательных душистых эссенций!

— Прекрасно! — воскликнул капитан. — Однако не следовало…

— А еще мы положили туда зеленый ликер «Лепти», который так вам поправился, и желе из ягод винтерберри. Я уже не помню, сколько банок, по много. — Она улыбнулась. — Как вы думаете, это можно продать?

— Еще бы! — Капитан готов был расплакаться. — Это прекрасные товары! У меня таких никогда не было.

Последнее — истинная правда. Ведьмы Карреса не могли выбрать ничего более неподходящего! Дорогие меха, парфюмерия, пищевые продукты и спиртные напитки — да его корабль расстреляют из тяжелых пушек, как только он приблизится к границам Империи! Все это было запрещено ко ввозу. Рассчитывать можно было только на советника Онсвуда, который обдерет его, как липку.

Утром он завтракал в одиночестве. Толл оставила возле его тарелки записку: ей срочно нужно разыскать Ливит, и если он отбудет до ее возвращения, то она желает ему счастливого пути и удачи.

Он съел еще пару булочек с желе из ягод винтерберри, выпил большую кружку местного кофе (имевшего зерна конической формы), прикончил омлет из яиц ястреба-лебедятника, закусил куском жареной печени боллема… Великий Патам, как здесь кормят! Он, должно быть, за это время успел набрать фунтов пятнадцать!

Интересно, как это Толл удается сохранять такую фигуру?

Он с большим сожалением отодвинулся от

стола, положил в карман записку (на память) и вышел на веранду. И тут ему на шею бросилась заплаканная Малин.

— Ох, капитан! — причитала она. — Вы нас покидаете…

— Ну, ладно, ладно, — пробормотал Посерт, тронутый и удивленный непритворным горем девочки. Он ласково погладил ее по плечу и, не подумав, ляпнул: — Я ведь еще вернусь.

— Да-да, непременно возвращайтесь! — сквозь слезы воскликнула Малин. — Я через два года как раз достигну брачного возраста — по каррескому времени, конечно.

— Да? Это хорошо, — рассеянно пробормотал капитан. — Ну-ну, не плачь…

Он шел по тропинке в сторону посадочной площадки, и в голове у него все время звучала какая-то странная мелодия. Возле первого поворота этот тихий напев вдруг сменился жуткими причитаниями — как по покойнику. За следующим поворотом тропинки он вышел на небольшую, окруженную скалами поляну, залитую бледным утренним светом; в легкой дымке перед ним медленно плавали какие-то переливающиеся шары. Оказалось, это целые гроздья огромных, разноцветных мыльных пузырей, непрерывной

цепочкой поднимавшихся из деревянного корыта, полного горячей воды. В корыте сидела Ливит, а Толл старательно терла ее. Ливит отчаянно орала и сопротивлялась, делая перерывы в воплях лишь для того, чтобы набрать побольше воздуха в легкие.

Капитан нерешительно остановился, и тут над корытом появилось красное сердитое личико Ливит.

— Чего уставился, старый дурак? — злобно завопила она. Потом на лице ее появилось выражение внезапной решимости. Она вытянула губы и…

Толл быстро перевернула ее животом вниз и звонко шлепнула по попке.

— Она собиралась вас обсвистеть, — объяснила она Посерту. — Вам, наверное, лучше поскорее удалиться, пока я ее держу… Счастливого пути, капитан.

Каррес в это утро казался еще более безлюдным, чем всегда. Конечно, было еще раннее утро, и повсюду, зацепившись за гигантские темные деревья и маленькие яркие домики, висели огромные облака тумана, а в кронах деревьев грустно вздыхал ветерок. С высоты доносились еле слышные похоронные крики птиц — должно быть, ястребы-лебедятники выказывали капи-

тану свое неодобрение по поводу съеденного им омлета.

Где-то в отдалении слышался тихий наигрыш.

На полпути к посадочной площадке у самой щеки капитана что-то прожужжало-просвистело, словно гигантская оса, и с тупым звуком воткнулось в ствол дерева впереди.

Оказалось, что это длинная, тонкая и очень неприятная на вид стрела. На стрелу была надета белая карточка со словами, написанными красными печатными буквами:

«Остановись, человек с Никкелдепейна!»

Капитан остановился и осторожно оглянулся вокруг. Никого не было видно. Что это должно означать?

Ему вдруг показалось, что весь Каррес против него, что эта милая планета превратилась в холодную, заполненную туманом гигантскую западню. По коже у него поползли мурашки.

— Ха-ха-ха! — На скале слева внезапно появилась Гот. — Значит, все-таки остановился!

Капитан медленно перевел дыхание.

— А что я, по-твоему, должен был сделать? — осведомился он. У него немного кружилась голова.

Она соскользнула со скалы, как ящерица, и

оказалась прямо перед ним.

— Хочу с тобой попрощаться, — сообщила она.

Тощая, дочерна загорелая, в мальчишеской курточке, штанах и сапожках, в серо-зеленом колпачке, цветом напоминающем лишайник, она смотрела на него в упор, и на лице ее играла слабая улыбка. Но сказать что-либо определенное о ее настроении было невозможно. За плечом у нее болтался колчан, полный длиннющих стрел, в руках она держала какое-то оружие, но не лук.

Проследив за его взглядом, она пояснила:

— Охотилась на боллемов. На диких. У них мясо вкуснее.

Капитан на минуту задумался. Ага, правильно! Они ведь держат целые стада боллемов, чтобы получать молоко, из которого делают масло и сыр.

— Ну, что же, — сказал он. — До свиданья, Гот!

Они пожали друг другу руки. Настоящая маленькая ведьма, эта Гот, думал капитан. В ней гораздо больше ведьминского, чем в ее сестрах, больше даже, чем в Толл. Впрочем, он почти ничего не узнал о ведьмах Карреса.

Странные создания!

Капитан двинулся дальше, погруженный в довольно мрачные размышления, и тут его снова окликнула Гот. Он обернулся.

— Поосторожней на взлете! — крикнула она. — Еще разобьешься!

Весь путь до корабля капитан Посерт тихо шипел от злости.

А взлет прошел просто чудовищно! За ним наблюдали несколько ястребов-лебедятников, но больше, кажется, никто. Во всяком случае, капитан очень на это надеялся.

У него была, конечно, возможность попробовать продать все эти товары напрямую, но чем больше он об этом думал, тем менее надежным ему виделось это предприятие. С другой стороны, советник Онсвуд вряд ли откажется от столь блестящей возможности сделать большие, просто огромные деньги из-за каких-то запретов и эмбарго. На Никкелдепейне прекрасно разбирались во всех тонкостях межзвездной торговли, и советник, несомненно, был одним из наиболее выдающихся пронырв этом деле и не слишком боялся неповоротливого закона. А вдруг удастся установить постоянные торговые отношения непосредственно между Карресом и Никкелдепейном?

Кроме того, капитану не давала покоя мысль о том, что Малин через два года достигнет брачного возраста. По карресскому времени, конечно.

По календрическому хронометру он определил, что провел на Карресе три недели. Он, правда, никак не мог припомнить, как здешний год соотносится со стандартным временем.

Потом он обнаружил, что чем ближе к дому, тем больше его снедает нетерпение. В корабле было как-то неестественно тихо. Видимо, в этом-то все и дело! Капитанская каюта и коридор производили гнетущее впечатление — тишина, как в могиле. Он попытался вновь вести беседы с Иллайлой — то есть с ее фотографией — однако невеста с фотографии смотрела отчужденно.

Он никак не мог понять, в чем дело. Конечно, грустно было покидать Каррес, но нельзя же оставаться на этой планете до бесконечности. Тем более среди таких таинственных обитателей. Он же чужой в этом мире, а Никкелдепейн…

Его одолевало смутное беспокойство — словно он должен и хочет что-то такое сделать, но вот что именно, вспомнить не может, как ни старается. На память приходили лишь какие-то мимолетные обрывки мыслей. Однако будущее существование на Никкелдепейне так или иначе представлялось ему теперь как возвращение в знакомую узкую и затхлую клетку, где он и без того уже провел значительную часть своей

жизни…

Ну что ж, думал он, хочешь — не хочешь, а возвращаться придется, хотя бы ненадолго. Но как только он выполнит все свои обязательства по долгам, они с Иллайлой непременно постараются что-нибудь придумать.

Дни шли за днями, и впервые ему показалось, что космический полет — это просто очень скучный и пустой затянувшийся период безделья. Наконец на экранах корабля показался Никкелдепейн, и капитан вывел «Удачу-7333» на околопланетную орбиту, передав по коммуникатору идентификационный номер корабля. Через полчаса его вызвала Служба наведения. Он вновь сообщил им свой номер, добавив название корабля, имя его владельца, собственное имя, порт приписки и перечень грузов.

Виды груза пришлось перечислить подробно. Конечно, это можно было бы сделать и потом, но он решил пока перебросить мячик советнику Онсвуду — пусть использует все свои связи.

— Выходите на орбиту 21,203, — кратко проинструктировала его Служба наведения. — К вам вылетает таможенный катер.

Он вывел корабль на указанную орбиту, с неудовольствием рассматривая в иллюминатор

плоские скучные континенты и серые океаны Никкелдепейна, проплывавшего под ним. Его вдруг охватила такая же плоская и серая тоска. Он постарался стряхнуть ее и стал думать об Иллайле.

Три часа спустя таможенный катер пришвартовался к борту «Удачи», и Посерт выключил орбитальные двигатели. Запищал сигнал коммуникатора.

— Включите экран! — строго скомандовал чей-то голос. Капитан нахмурился и нащупал кнопку включения.

На экране возникли четыре лица; таможенники смотрели прямо на него.

— Иллайла! — воскликнул капитан.

— По крайней мере, — послышался противный голос советника Раппорта, — он привел корабль назад, папаша Онсвуд!

— Иллайла! — тщетно взывал капитан.

Советник Онсвуд молчал. Иллайла тоже. Оба упорно смотрели прямо на Посерта, но экран был слишком мал, чтобы хорошенько разглядеть выражение их лиц.

Четвертое лицо, совершенно капитану не знакомое, возвышалось над воротником полицейского мундира. Именно этому человеку и

принадлежал строго звучавший голос.

— Предлагаю вам открыть носовой шлюз, капитан Посерт, — произнес полицейский. — Мы должны произвести официальный досмотр.

Только теперь капитан понял, что у его борта отшвартовался вовсе не таможенный катер, а полицейский крейсер Республики Никкелдепейн.

Колебался он не более секунды. Затем наружный люк распахнулся.

Конечно, он пытался все объяснить, но его не желали слушать — все четверо уже надели защитные костюмы, опасаясь инфекции. Они оживленно обсуждали его корабль и груз, словно самого капитана вообще не было. Иллайла показалась ему бледной, расстроенной и очень красивой. Однако она избегала даже смотреть в его сторону.

Впрочем, разговаривать с нею в присутствии остальных ему не хотелось.

Они прошли в грузовой отсек, едва взглянув на грузы с Карреса.

— И спасательную шлюпку повредил! — отметил советник Раппорт.

Потом все вернулись в рубку, чуть не толкнув Посерта, и полицейский потребовал бортовой журнал и бухгалтерские книги. Капитан под-

чинился.

Трое мужчин быстро пролистали документы. Иллайла с каменным лицом смотрела в иллюминатор.

— А вы не слишком аккуратны, — сказал полицейский.

— Странно, что он вел хоть какой-то учет! — ядовито заметил советник Раппорт.

— Да, все ясно! — подвел итог советник Онсвуд.

Они выстроились, точно на параде, и дружно уставились на него. Советник Онсвуд сложил руки на груди, выставив вперед костистый подбородок. Советник Раппорт стоял более вольно, чуть улыбаясь. Полицейский имел официальный вид.

— Капитан Посерт, — начал он, — против вас выдвинуты следующие обвинения, которые отчасти подкрепил произведенный нами предварительный осмотр…

— Обвинения? — переспросил капитан.

— Да помолчите вы! — рявкнул советник Онсвуд.

— Во-первых: кража драгоценностей и ювелирных изделий на сумму четверть миллиона маэлей у гражданина имперской планеты Порлумма…

— Ему же все возвратили! — возмутился капитан.

— Реституция краденого, в частности, инспирированная страхом возмездия, не влияет на действенность исходного обвинения, — процитировал советник Раппорт, глядя в потолок.

— Во-вторых, — продолжал полицейский, — приобретение рабов, разрешенное имперским законом, однако запрещенное — под страхом исправительных работ сроком от десяти до пятнадцати лет — по законам Республики Никкелдепейн…

— Да я этих детишек просто домой отвез! — сказал капитан.

— Сейчас перейдем и к этому пункту, — кивнул полицейский. — Итак, в-третьих: кража различных товаров стоимостью сто восемьдесят тысяч маэлей с корабля, приписанного к имперской планете Леппер, сопровождавшаяся угрозами насилия и оскорблениями в адрес экипажа указанного корабля…

— Я хотел бы сделать кое-какие добавления и пояснения, — вклинился советник Раппорт. — Регентство Сириус, которому принадлежит планета Леппер, является союзником Республики Никкелдепейн и связана с последней торговыми и

военными соглашениями, представляющими для нас значительную политическую ценность. Регентство в своей ноте указало, что подобные враждебные действия со стороны гражданина Республики против подданного Регентства способны оказать негативное влияние на отношения между государствами. Вина обвиняемого, таким образом, отягощается еще и попыткой государственной измены — по отношению к Республике, разумеется. — Он выразительно посмотрел на капитана. — Я полагаю, можно также сразу отмести возражение обвиняемого, что все указанные товары якобы возвращены владельцам. Да, возвращены — но под угрозой силы!

— В-четвертых, — терпеливо продолжал полицейский, — порочное и безнравственное поведение при выполнении функций торгового представителя Республики, что нанесло как материальный, так и моральный ущерб вашему работодателю…

— Что-о-о?! — взревел капитан.

— … а также использование в качестве соучастниц трех ведьм с печально известной планеты Каррес…

— Ну в точности как его двоюродный дед Требус! — Советник Онсвуд был мрачен. — Это у них

в крови, уж мне ли не знать!

— … и подозрительно долгое пребывание на указанной планете Каррес, посещение которой запрещено…

— Да я до недавнего времени о ней слыхом не слыхивал! — возмутился капитан.

— А надо было внимательнее читать Инструкции! — снова вылез советник Раппорт.

— Замолчите вы! — рявкнул советник Онсвуд.

— В-пятых, — спокойно продолжал полицейский, — небрежное и халатное обращение с чужим имуществом, повлекшее за собой материальный ущерб на сумму восемьдесят две тысячи маэлей…

— У меня есть пятьдесят пять тысяч наличными. И груз, который стоит по меньшей мере четверть миллиона.

— Это контрабандный груз, а следовательно, с юридической точки зрения, он не существует, — возразил полицейский. Советник Онсвуд громко откашлялся и сказал:

— Груз, несомненно, будет арестован. Если же возникнет возможность реализовать его, то прибыль от реализации пойдет на погашение нынешних задолженностей обвиняемого. В какой-то степени, конечно, это сможет повлиять

на приговор…

— В-шестых, — снова стал читать полицейский, — участие в разработке и демонстрации нового типа двигателя, каковой должен быть незамедлительно и с соблюдением всех норм секретности представлен руководству Республики Никкелдепейн.

Все с какой-то особой жадностью уставились на Посерта. Ага, догадался капитан, вот в чем дело! Вжжик-тяга понадобилась!

— Ваш приговор может быть значительно смягчен, Посерт, — вкрадчивым голосом заметил советник Онсвуд, — если вы проявите благоразумие. Что это за двигатель?

— Папа! Осторожнее! — вскрикнула Иллайла.

— Посерт! — Советник Онсвуд перешел на шепот. — Это что такое, Посерт?

— Бластер, — кипя от злости, ответил капитан.

На секунду все замерли. Затем полицейский конвульсивно дернул рукой.

— Ну-ну? Что же вы? — спросил капитан с издевкой. Советник Раппорт медленно отступил.

— Стоять! — рявкнул капитан.

— Посерт! Ты с ума сошел! — вскрикнули в один голос советник Онсвуд и его дочь.

— Молчать!

В рубке воцарилась полная тишина.

— Если бы вы были повнимательнее, — капитан говорил почти спокойно, — то заметили бы, что у меня выдвинуты все орудийные башни, а пушки «Нова» нацелены на ваше корыто, так что лучше ему даже не двигаться. И вам тоже. — Он повернулся к полицейскому: — Немедленно откройте люк, натягивайте скафандр и выметайтесь отсюда!

Люк со скрежетом отворился. Теплый воздух тут же улетучился с корабля, лишь прошелестели страницы бортового журнала и бухгалтерских книг, полетевших на пол. В рубку хлынул разреженный, холодный воздух верхних слоев атмосферы Никкелдепейна.

— Теперь вы, Онсвуд! — велел капитан, с минуту подождал и мотнул головой в сторону советника Раппорта: — А вы просто повернитесь!

Советник Раппорт вылетел с корабля с несколько большей скоростью, чем можно было ожидать от малосильной тяги скафандра.

— Посерт, — встревоженно спросила Иллайла, — ты спятил?

— Нисколько, радость моя, — радостно ответил ей капитан. — Сейчас мы с тобой рванем отсюда как можно дальше и вместе начнем новую, заме-

чательную, преступную жизнь!

— Но, Посерт!..

— Ты привыкнешь, — успокоил ее капитан. — Я же привык. Такая жизнь куда лучше жалкого прозябания на Никкелдепейне!

— Тебе не уйти, — сказала Иллайла. Лицо ее было бледно. — Мы предупредили, чтобы сюда на всякий случай были выдвинуты крейсеры и истребители противокосмической обороны…

— Ничего, справимся! — заявил капитан и протянул руку к панели управления. — Да они и не станут стрелять, пока ты у меня на борту.

— Ты ничего не понимаешь! — Иллайла, казалось, была в отчаянии. — Ты не сможешь оставить меня здесь!

— И кто же мне помешает? — осведомился капитан.

— Посерт, послушай: теперь я мадам советница Раппорт!

— Вон оно что… — Они помолчали. Совершенно подавленный, он спросил: — И давно?

— Уже пять месяцев.

— Великий Патам! — воскликнул капитан. — Значит, сразу после моего отлета… Вы что же, были обручены?

— Да, были. Тайно, — призналась Иллайла. — И

я считаю, что имела на это право.

— Полагаю, что да. — Теперь капитану было уже все равно. — Ну хорошо. Люк открыт, твой муж ждет тебя, так что проваливай, радость моя!

Оставшись в одиночестве, капитан запер наружный и внутренний люки шлюза, включил подачу кислорода и от души выругался. Заверещал сигнал коммуникатора.

— Посерт! — раздался из динамика голос советника Онсвуда. Голос звучал вполне дружелюбно, но трусовато. — Мы можем лететь? Или ваши пушки по-прежнему нацелены на нас?

— А да-да, пушки!.. — Капитан чуть сместил прицел. — Можете убираться восвояси, да поскорее!

Полицейский крейсер тут же исчез.

Но со всех сторон к «Удаче» приближались боевые корабли, а далеко внизу виднелись истребители противокосмической обороны. Вот они развернулись и вышли на новый виток спирали, поднимаясь все выше. Скоро они начнут стрельбу, оставаясь между ним и поверхностью планеты, а крейсеры обойдут его с флангов, возьмут в клещи и поведут вниз, в сети парамагнитных захватов. И если он не выкинет белый флаг…

С минуту капитан размышлял. Истребители

сделали новый виток. Он врубил вспомогательные двигатели, развернул корабль носом к планете и дал ему шпоры. Проносясь сквозь строй истребителей, он успел заметить несколько разрозненных вспышек и разрывов. Оказавшись ниже противника, он резко вывел «Удачу» из пике. Корабль протестующе застонал. Истребители развернулись и устремились в погоню. Капитан выбрал ближайший и повернул пушки в его сторону.

— …а на закуску врежу посередке! — пробормотал он сквозь сжатые зубы.

С-с-с-с-вжжик!

Вжжик-тяга! Что за чушь? Откуда?..

— Малин! — ревел капитан, барабаня в запертую дверь капитанской каюты. — Я знаю, что это ты, Малин! Немедленно отключи ее! Ты же убьешь себя!

«Удача» вдруг вздрогнула всем корпусом, подпрыгнула, кашлянула и продолжила полет на собственных двигателях.

— Малин! — не унимался капитан, прикидывая, на сколько световых лет их унесло от Никкелдепейна. — Что с тобой, Малин?

Посерт бросился в грузовой отсек, надеясь найти там подходящий инструмент, чтобы вскрыть

дверь. Несколько секунд — и часть стальной двери ухнула внутрь; Посерт ввалился следом. Он успел еще заметить краткий отсвет оранжевого пламени, полыхавшего над конусом из скрученных проволочек, потом пламя погасло и проволочки с легким стуком упали на крышку стола.

За столом на полу он не сразу заметил маленькую скрюченную фигурку. Колени у него сразу стали ватными.

Огромные карие глаза открылись и посмотрели на него.

— Ничего себе! — пробормотала Гот. — Сил ни капельки не осталось… А как есть хочется!..

Вот я тебя сейчас так выпорю, — заорал капитан, — что неделю сидеть не сможешь! И если ты еще хоть раз посмеешь…

— Не кричи! — потребовала Гот. — Я есть хочу!

Минут пятнадцать она без перерыва что-то жевала и глотала. Потом отвалилась на спинку стула и вздохнула.

— Возьми еще ягодного желе, — предложил капитан. Гот все еще была бледна.

— Больше не могу… — Она помотала головой. — Между прочим, это первые разумные слова, которые я от тебя слышу с тех пор, как ты сломал

дверь и влетел сюда, ругая Малин на все лады… Кстати, у Малин есть дружок!

— Помолчи. — Капитан задумался. — А что, настоящий друг?

— Ну да. В прошлом году познакомились. Хороший парень, из города. Они поженятся, как только Малин достигнет брачного возраста. Она тебя просила вернуться на Каррес только потому, что у нее было предчувствие: тебя ждет ужасная беда.

— И предчувствие, надо сказать, ее не обмануло.

— Ну так о чем ты подумал? — сменила тему Гот.

— А вот о чем: раз с тобой все в порядке, я немедленно разворачиваюсь и везу тебя на Каррес.

— Со мной-то все в порядке, — странным тоном сказала Гот. — Но отвезти меня на Каррес совершенно невозможно.

— Это почему же? — осведомился капитан.

— Карреса больше нет, — сообщила Гот.

— Как это — нет? — Капитан почувствовал, как в животе у него все леденеет от непонятного ужаса.

— Не беспокойся, с ним самим все в порядке, — успокоила его Гот, — просто его переместили.

Этим идиотам, подданным Империи, опять неймется!.. Они выслали против Карреса целый флот, поэтому планету решили убрать подальше.

— Куда?

— Откуда же мне знать? На свете столько разных мест…

Да, разных мест на свете много! Внезапно перед глазами капитана промелькнуло видение — белоснежная, похожая на чашу, арена с крутыми рядами сидений… Тот самый «Театр, в котором…»

— А тебя не хватятся? — спросил капитан.

— Не думаю.

— А с планетой — это опять вжжик-тяга? — спросил он.

— Да вроде бы… — Гот поморщилась и честно призналась: — Я не могу тебе этого сказать. Пока ты не станешь таким, как мы. У нас есть определенные правила — ничего сразу не дается. Наверное, пару лет займет, не меньше. По каррескому времени.

— Пару лет? — Капитан задумался. — И ты намерена все это время оставаться здесь, со мной?

Гот нахмурилась, разглядывая банку с ягодным желе, потом придвинула ее к себе.

— Ну да, даже больше, — призналась она нако-

нец. — А потом достигну брачного возраста…

— А когда это произойдет?.. — насторожился капитан, но Гот его не слышала, все свое внимание обратив на желе.

— Я уже все продумала, — она говорила, точно обращаясь к содержимому банки. — Когда они стали говорить, что, мол, хорошо бы подыскать тебе жену на Карресе, я сразу сообщила: твоей женой буду я. И все согласились, даже Малин, потому что у нее-то уже есть жених…

— Ты хочешь сказать, — сказал капитан, — что родители знали о твоем плане? О том, что ты хочешь попасть на «Удачу»?

— Естественно. — Гот наконец отодвинула банку с желе и посмотрела ему прямо в глаза. — Отец сказал, что ты все равно порвешь с Никкелдепейном, и очень скоро. А еще он сказал, что это у тебя в крови.

— Что именно у меня в крови?

— Что ты непременно порвешь с этими… Это не я, это Требус сказал, мой отец! Ты его раза два в городе видел. Большой такой, борода светлая. Малин и Ливит — обе в него. И ты на него тоже здорово похож. Ведь вы родственники.

— Неужели этот Требус и есть мой пресловутый двоюродный дед? — Капитан старался уже ниче-

му особенно не удивляться.

— Ну да, — подтвердила Гот.

— Тесен мир! — философски заметил капитан. — Значит, вот он где, Требус этот! Хорошо бы с ним увидеться.

— Непременно увидишься, — заверила его Гот. — Но, видимо, нескоро. — Она помолчала. — По-моему, там заваривается серьезная каша. Иначе они бы не стали перемещать планету. Так что придется ждать, пока это все не закончится.

Значит, это какие-то межзвездные политические интриги, затрагивающие и Каррес, и Империю… Капитан подумал немного и решил плюнуть на это. Он же все равно ничего не узнает, нет смысла и беспокоиться заранее.

Гот изучающе смотрела на него.

— Ты все еще хочешь расплатиться со своими долгами?

Капитан кивнул.

— Ну, что же, — сказала Гот, — у меня на этот счет есть некоторые идеи.

— Только без ведьминских штучек! — предупредил капитан. — Мы заработаем деньги честным путем!

Гот сделала невинные глаза и зевнула.

— Конечно, честным. Но разбогатеем непре-

менно! — она снова зевнула. — До чего ж я устала! Пожалуй, пора спать.

— Не забудь вымыть уши! — Капитан попытался припомнить остальные указания Малин.

— Вымою, — сонным голосом сказала Гот и исчезла за дверью. Но минуту спустя дверь снова резко распахнулась. Капитан оторвал глаза от многотомного «Свода общих инструкций и космических правил Республики Никкелдепейн», обнаруженного в одном из ящиков под пультом управления, и с удивлением уставился на Гот, представшую на пороге. Сна у нее не было ни в одном глазу. Она весело ухмылялась.

— Ты тоже вымой на ночь уши! — велела она.

— Ладно, — сказал капитан, минуту подумав. — Вымоем уши оба. Капитан начал просматривать длиннющее оглавление на букву К. Каррес? Или надо было начинать с буквы В — Ведьмы?

Глава третья

Ключевым оказалось слово «Запрещенная»…

Под этим заголовком в Инструкции имелась целая страница, напечатанная достаточно мелким шрифтом. Здесь говорилось о запрещенной планете Каррес — главным образом в форме

гипотез и догадок. На Никкелдепейне, видимо, так и не сумели разобраться, то ли ведьмы разработали новые технологии угрожающе высокого уровня, то ли их успехи связаны с чем-то абсолютно сверхъестественным. Но что было сказано совершенно четко, так это следующее: власти Республики НЕ ЖЕЛАЛИ, чтобы ее граждане имели какие-либо дела с планетой Каррес, опасаясь «духовного осквернения». А посему подобные контакты рассматривались как измена родине и были строжайше запрещены.

Далее следовала целая подборка цитат из высказываний на сей счет различных именитостей. Например:

«…эти женщины обладают зловредным даром очаровывать и завлекать… Прикрываясь так называемой клатха-магией…»

Клатха? Слово казалось капитану знакомым. Он нахмурился и порылся в памяти. Клатха — некая метафизическая концепция, нечто вроде «космической энергии», нечто не совсем понятное… Считалось, что некоторые люди способны на нее «настраиваться», как бы притягивать ее и использовать в самых различных целях…

Капитан крякнул. Возможно, этим словом просто некогда обозначили действия ведьм. Но

какие? Вот ведь что неясно!

Вжжик-тяга в Инструкции не упоминалась вообще. Возможно, это одно из недавних достижений ведьм. И годится только для отдельных разновидностей космических кораблей. То, как вел себя советник Онсвуд и его спутники, заставляло предполагать, что полученные ими сведения о «нестандартном» поведении «Удачи» были вообще первой информацией о ведьминской супер-тяге.

Ничего удивительного, что у них сразу руки зачесались. Как и у правительства Империи, впрочем. Вот «Удача» и попала в «черный список»…

…Экраны, масс-детекторы и коммуникаторы были включены, но из последних доносился лишь монотонный непрерывный шум — это должно было означать, что на расстоянии, по крайней мере, светового дня нет ни одного цивилизованного мира. Какой-нибудь космический корабль мог, конечно, пройти и на более близком расстоянии, но межзвездные перелеты обычно совершаются на очень высоких скоростях, иначе коммуникатор наверняка засек бы шумы, сопровождающие корабль.

Впереди по курсу виднелось странной формы

облако пурпурного цвета чуть меньше девяти световых лет. Пурпурное облако могло бы служить отличным маяком, если бы капитан хоть что-нибудь слыхал о нем. В космическом мраке ярко сверкали или тускло поблескивали мириады звезд. Кое-где виднелись облака космической пыли. Справа сиял весьма знакомый с виду звездный пейзаж, который, впрочем, тоже не способен был помочь им сориентироваться — то был Млечный Путь, сверкавшие, точно замерзший водопад, каскады звездного огня. Известно, что он выглядит почти одинаково, с какой точки пространства на него ни смотри. Все пути в этой бездне казались совершенно однообразными. Оставался, конечно, обычный, стандартный способ определить свое местонахождение.

Капитан включил электронную карту навигационных радиомаяков и настроил коммуникаторы на их обычную частоту. Если удастся засечь три или четыре самых сильных сигнала, нетрудно будет определить и местонахождение «Удачи».

Первый сигнал он поймал уже через минуту. Очень слабый, но все же характерный для радиомаяков Империи. Видимо, они были очень далеко от ее границ. Капитан нажал на кнопку

идентификации сигнала, извлек из пеленгатора карточку с позывными и сунул ее в приемную щель электронной навигационной карты.

Прибор немедленно выплюнул карточку обратно: позывные не известны.

Капитан немного подумал, потом снова нажал на кнопку идентификации, вынул новую карточку и опять сунул ее в приемную щель. Позывные на обеих карточках были одинаковые, так что пеленгатор, по всей видимости, работал нормально. Просто по какой-то причине эти позывные не были зарегистрированы в его карте.

Он нахмурился, откорректировал пеленгатор и поймал еще один сигнал. Тоже очень похожий на имперские позывные.

И опять электронная карта отвергла карточку.

Минуту спустя то же самое произошло и с третьей карточкой. Последний сигнал был самым слабым, едва различимым. Других не последовало…

Капитан в задумчивости откинулся на спинку кресла. Несомненно, карты маяков, которые Никкелдепейн предоставлял в распоряжение своих торговых кораблей, охватывали далеко не все владения Империи. Торговые фирмы Республики вели дела с центральными областями Империи и

некоторыми из ее западных и северных провинций. Это было вполне практическое ограничение. Длительность космических перелетов к планетам, находившимся за пределами этой и без того весьма обширной зоны, тем более с обычными грузами, попросту сводила на нет любую коммерческую выгоду.

Гот запустила вжжик-тягу минуты за две до того, как потеряла сознание. Но и этого, видимо, хватило, чтобы угнать «Удачу» далеко за пределы зон действия космических маяков.

Посерт хмыкнул, покачал головой и вылез из кресла. В грузовом отсеке корабля имелся шкаф со старыми бумагами и картами, сохранившимися с тех времен, когда «Удача» была еще новеньким исследовательским кораблем дальнего поиска. Как-то однажды он уже пытался разобрать этот шкаф. Он тогда с большим любопытством просматривал толстые связки звездных карт, на которых были изображены разнообразные и самые неожиданные области космического пространства. Были там, кажется, и карты радиомаяков. Может быть, с их помощью…

А что, хорошая идея! Он, правда, привык к электронным картам, но и этими все же можно было пользоваться. Третья карта, которую он вытащил

наугад, дала положительный ответ на все три его запроса о сигналах радиомаяков, и, когда он наложил полученные пеленги на соответствующую звездную карту, она с точностью до одного светового дня указала нынешнее местонахождение «Удачи».

Несмотря на все свои невероятные приключения, он сначала просто не поверил своим глазам!

На старых картах были отмечены цивилизованные миры, о которых капитану даже слышать не доводилось. Были там, впрочем, и знакомые названия — планет, некогда игравших значительную роль в истории галактики. Древние названия миров, невероятно удаленных от нынешней сферы коммерческих интересов Никкелдепейна, звучали, как туманная легенда. Включенная Гот вжжик-тяга не просто увлекла их корабль вдоль границ Империи за ее пределы. Она протащила «Удачу» сквозь всю Империю к ее противоположному концу, на самый восток галактики. Сюда, насколько капитан мог припомнить, уже в течение сотни лет не залетал ни один корабль с Никкелдепейна.

Некоторое время капитан смотрел на экраны, пытаясь разобраться в незнакомых скоплениях

звезд. Кровь стучала у него в висках от возбуждения. Так вот куда они забрались! Их корабль словно провалился сквозь темные века в прошлое, в забытые миры, где капитан остался один — с ним только маленькая таинственная ведьма с планеты Каррес. И сейчас она спит как убитая в капитанской каюте…

А вокруг — капитан почти физически ощущал это — лишь неведомые звездные пути, по которым его старый корабль летал когда-то, в дни своей юности. Корабль явно радовался возврату в прошлое, пробуждался, встряхивался и был готов к любым приключениям, которые могут ждать его впереди.

Для него это было подобно возвращению домой, к чему-то давно утраченному, но отнюдь не позабытому.

Впереди лежала неведомая жизнь — яркая, многообещающая и непредсказуемая!

Капитан вздохнул, отвернулся от экранов. Взгляд его случайно упал на небольшую переносную лампу, стоявшую на коммуникаторе и освещавшую рабочий столик под ним.

Посерт нахмурился и подошел поближе. Волосы у него встали дыбом, шея вытянулась, как у терьера, столкнувшегося нос к носу с новой ди-

чью, которая может оказаться весьма опасной.

В самой лампе ничего странного или опасного не было. Обыкновенный осветительный прибор на атомной батарейке, с гибкой стойкой, дающей возможность направлять луч куда нужно, с подставкой, прочно «прилипавшей» к чему угодно — переборке, палубе, столу. Капитан не раз пользовался этой лампой. Он привык к ней, точно к услугам незаметного и дружелюбного маленького домового. Лампа стала для него едва ли не самостоятельной личностью.

В данный момент ее луч был направлен именно туда, куда было нужно капитану — на столик, где он изучал звездные карты. Но именно это-то и показалось Посерту неестественным! Потому что он был абсолютно уверен, что НЕ СТАВИЛ лампу над этим столиком! Когда он ее видел в последний раз — перед тем, как отправиться в грузовой отсек, — она стояла на своем обычном месте, на панели управления, сбоку. А с тех пор он к панели не подходил.

Может, это Гот пробует на нем свои штучки? Нет, на нее не похоже… Тут он вспомнил: минут двадцать назад он сидел за столом, пытаясь разобрать наполовину выцветшую запись на полях одной из старых карт. И у него возникла мысль

воспользоваться лампой — чтобы свет был поярче. Но капитан тут же забыл об этом.

А потом — через какой-то промежуток времени — яркий свет появился именно там, где был нужен, причем появился так ненавязчиво, что он, сидя за столом, не заметил, как это произошло.

Он еще некоторое время тупо смотрел на лампу. Потом взял ее и пошел по коридору в капитанскую каюту.

Гот лежала, свернувшись калачиком на широкой койке. Одеяло она натянула до самых ушей. Дыхание девочки было тихим и спокойным, но лоб морщился, словно ей снилось что-то неприятное. Изучив ее лицо в свете лампы, капитан убедился, что она и в самом деле спит, а не притворяется. Впрочем, подобный мелкий обман был бы не в ее духе. Эта девчонка всегда предпочитала действовать напролом…

Капитан огляделся по сторонам. Одежда Гот была аккуратно повешена на спинку кресла, сапожки стояли рядом. Он уменьшил яркость освещения и вышел из каюты, не потревожив ее. Вернувшись в рубку, капитан выключил лампу, поставил ее на стол и остановился в задумчивости, потирая кулаком подбородок.

Нет, это не провал памяти; и если это все же

сделала Гот, то не нарочно. Весьма возможно, клатха может действовать совершенно независимо от контролирующего и направляющего ее человека — например, когда он спит. В таких случаях, наверное, могут возникнуть и неприятные последствия. Когда Гот проснется, надо будет спросить ее, каким образом…

Резкий неприятный сигнал, донесшийся вдруг с панели управления, заставил капитана подскочить. Рука сама метнулась к рычагам управления и отключила подачу топлива к двигателям. Сигнал замолк, но целая группа контрольных ламп продолжала мигать красным светом.

В возникшей проблеме, как он понял уже через несколько минут, не было ничего сверхъестественного. Однако это действительно проблема и довольно серьезная. Показания индикаторов на панели свидетельствовали о неполадках в главных двигателях. И неудивительно: когда он полгода назад покидал Никкелдепейн, его шансы вернуться домой были пятьдесят на пятьдесят. Однако до сих пор двигатели работали безупречно.

Лучше бы они, конечно, вышли из строя где-нибудь в другом месте и в более удобное время. Но пока что у капитана не было оснований считать

случившееся крупной неприятностью.

Он достал инструменты, прошел в хвостовую часть корабля и, спустившись в машинное отделение, принялся за работу. Через полчаса он уже знал, что поломка не так уж страшна. Выход из строя одного из ходовых двигателей привел к перераспределению нагрузки между остальными, в результате чего тут же выявились и другие мелкие беды. Однако двигатели еще могли поработать, так что вопрос о том, чтобы много месяцев тащиться до ближайшего космопорта на вспомогательных двигателях, отнюдь не стоял. Если покопаться, можно привести в порядок и основную тягу: она вполне способна поработать еще недели две-три минимум. Но общий износ двигателей явно превышал все их ресурсы, и восстановлению они уже не подлежали. Это старье нужно было менять как можно скорее, а пока необходимо как следует отрегулировать, установив режим работы в половину обычной мощности, чтобы уменьшить дополнительные нагрузки. Если к кораблю кто-либо приблизится с враждебными намерениями, у них все еще будет возможность включить ненадолго полную мощность — для этого на панели управления имелись соответствующие кнопки. Из того, что капитан

уже слышал о побочных эффектах вжжик-тяги, было ясно, что в подобной ситуации Гот, видимо, мало чем сможет помочь…

В любом космическом порту, где имеются ремонтные службы и где можно снять двигатели с корабля, такая регулировка заняла бы всего несколько минут. Но для одного человека, которому к тому же приходится все время лазить в руководство по ремонту, да еще в тесном пространстве машинного отделения, это было трудновато. Работа предстояла длительная и напряженная. Наконец, вытянувшись в весьма опасном положении и повиснув в шахте двигателя, капитан устало вперил глаза в регулировочные клапаны, которые ему нужно было выставить заново. Под ним было темное пространство шахты, и он едва мог дотянуться до двигателя со своими инструментами.

Неплохо бы иметь здесь освещение получше, подумал он.

И чуть не поперхнулся: Вселенная будто на мгновение остановилась и лукаво подмигнула. Волосы на затылке зашевелились, словно в спину ему дунул несильный ледяной ветерок…

Почему-то он уже точно знал, что сейчас произойдет, и поэтому не имеет ни малейшего

смысла пытаться отменить свое невысказанное вслух желание… Механизм клатхи уже включился, и ничто не могло его остановить…

Прошла секунда или две. Затем над шахтой появилось пятно света. Капитан понял, что свет исходит откуда-то сверху, из-за его плеча. Он осторожно глянул вверх.

Да, там оно и сидело, это маленькое чудовище, прицепившись своей подставкой к переборке! Тонкая стойка выдвинулась вниз, изогнувшись, как змея, чтобы луч попадал как раз туда, куда нужно капитану. По коже у него побежали мурашки. Это было словно в кошмарном сне…

Ну и что, это же всего лишь клатха! — сказал он себе. После знакомства с вжжик-тягой и прочими ведьминскими штучками лампа, таинственным образом передвигающаяся сама по себе, не должна вызывать особых эмоций. Не обращай внимания, сказал он себе, продолжай работать…

Он тщательно отрегулировал двигатель и дважды его проверил, чтобы полностью убедиться, что все сделал правильно. На этом работа в машинном отделении была закончена. На лампу он больше не смотрел, но она по-прежнему освещала шахту. Капитан сложил инструменты, рассовал их по карманам, повернулся, стараясь

не потерять при этом равновесия, и сиял лампу с переборки.

Выбираясь из шахты, он держал лампу за стойку на некотором отдалении от себя, словно это был василиск, который в любой момент мог превратить его в статую. Вернувшись в рубку, он поставил лампу обратно на стол и в течение следующих двадцати минут не обращал на нее никакого внимания — занимался полной проверкой двигателей на всех режимах работы. Приборы показывали вполне удовлетворительные результаты. Потом он вновь включил главную тягу и дал форсаж. Все как будто функционировало нормально. «Удача» снова была в рабочем состоянии. В определенных пределах, конечно. Он развернул корабль и положил его на новый курс, почти параллельно восточной границе Империи; потом включил автопилот и направился к электронному буфетчику за чашкой кофе.

Вернувшись, он встал, держа в руках чашку, перед лампой и уставился на нее. С тех пор, как он поставил ее на привычное место, она не двигалась и прилежно освещала стол.

Капитан отставил чашку в сторону, чуть отступил назад и громко обратился к лампе:

— А ну-ка, давай посмотрим, что ты еще уме-

ешь!

Когда эхо его голоса смолкло в коридорах «Удачи», он ткнул пальцем сперва в лампу, затем в сторону рабочего стола возле коммуникатора.

— Переместись-ка вон туда! — приказал он лампе.

Весь корабль, казалось, замер. Даже отдаленный гул двигателей вроде бы стал тише. У капитана опять зашевелились волосы на затылке. Секунды текли одна за другой, но лампа не двинулась с места.

И вдруг взяла и погасла.

— Нет, — сказала Гот. — Это не я. И ты тут, по-моему, тоже ни при чем. Вернее, не ты это сделал.

Капитан посмотрел на нее. Он успел несколько часов поспать на кушетке в рубке, а когда проснулся, Гот уже явно отдохнула и восстановила силы.

Она сразу пожелала выяснить, почему «Удача» идет на половинной тяге. Капитан объяснил.

— А ты, в случае чего, сможешь снова включить вжжик-тягу? — спросил он.

— Только очень ненадолго.

— Ладно, тоже неплохо…

Капитан рассказал ей о своих экспериментах с настольной лампой. Она слушала с видимым ин-

тересом, но без малейших признаков удивления.

— Почему же ты сказала, что не во мне дело?

Гот наморщила носик, поколебалась и вдруг выдала:

— В тебе просто ЭТО есть, капитан! Я же говорила! И подобной силы в тебе очень много. В том-то вся и беда.

— Какая беда? — Капитан откинулся в кресле. Гот о чем-то думала, явно встревоженная.

— Мне надо сейчас быть очень осторожной, — сказала она. — Людям не следует знать о клатхе больше, чем нужно. Такова ее сущность. Иначе она ни за что не будет на них работать, а может и навредить. Вот почему у нас такие строгие правила. Понял?

— Не совсем, — хмуро покачал головой капитан. Гот нетерпеливо тряхнула головой.

— Ясно, что это не я переносила лампу. Стало быть, это клатха; а если бы ты не мог управлять клатхой, лампа никуда бы не переместилась.

— Но ты же сказала…

— Я пыталась объяснить попроще… Но, видимо, пришло время иных слов… На Карресе все сразу поняли: ты очень способный. Великий Патам! Да у тебя такие способности, что взрослые просто диву давались! А ведь этому полагается долго

учиться! В общем, это довольно сложно… Я и сама-то пока не слишком много знаю.

— Ты хочешь сказать, что это я генерирую клатха-энергию?

Она объяснила: человек сам генерировать клатху не может. Но если у него есть определенные способности — врожденные и достаточно сильные — то он может ее притягивать. Этот процесс усиливается в присутствии других одаренных людей. Способности капитана не имели возможности развиваться, пока он не попал на Каррес, где очень быстро, помимо собственной воли, превратился в точку притяжения клатха-энергии, которой все вокруг оперировали; причем многие были очень недовольны его присутствием, потому что сложный и четко отлаженный механизм использования клатхи совершенно разладился.

Тут до капитана дошло:

— Так вот почему они ждали моего отлета, чтобы переместить Каррес!

— Правильно, — кивнула Гот. — Они не могли рисковать планетой, пока ты находился на ней.

Оказывается, капитан Посерт служил предметом бесконечных споров и дискуссий все время его пребывания на Карресе. Чтобы не повредить

пробуждавшимся талантам, ведьмы не могли даже объяснить ему, что с ним происходит. Только дети, которые пользуются клатхой почти инстинктивно, никак не реагировали на его присутствие. Подростков вроде Малин оно уже беспокоило, но далеко не так, как взрослых.

— Ты просто еще не умеешь всем этим пользоваться! — заявила Гот. — Но непременно научишься! И очень скоро.

— Ты уверена?

Ее ресницы дрогнули.

— Говорят, и у Требуса так было, он тоже поздно начал. Ему года два понадобилось, чтобы догнать остальных. Зато теперь куда им до него!

Капитан был настроен скептически.

— Ну, ладно, посмотрим… Ты, между прочим, тоже молодец!

— Наверное… Вообще-то, у нас немногие взрослые сумели бы так далеко угнать корабль…

— Но давай все же разберемся с этой лампой! Насколько я понял, после включения тобой вжжик-тяги вокруг «Удачи» собралось много клатхи, верно? Но ты утверждаешь, что управлять ею я не умею, значит…

— Похоже, ты притянул сюда *ватча*, — сказала Гот.

И пояснила, что ватч — одно из проявлений клатхи, точнее, одна из ее сущностей. Ватчи редко посещают здешнюю Вселенную, но иногда их случайно притягивают люди, оперирующие клатхой. Ватчи могут здесь остаться, если им будет интересно, и тогда сами начинают выдавать разные неожиданные штуки, связанные с клатхой. Они вроде бы считают, что их приключения в нашей Вселенной — всего лишь сны. Они могут помогать человеку, который сумел привлечь их внимание, однако склонны вести себя довольно безответственно и порой даже приносить вред. Ведьмы предпочитают вообще не иметь с ними никаких дел.

— Значит, сейчас нечто в этом роде находится у нас на борту! — нервно заметил капитан.

Гот помотала головой.

— Нет — с тех пор, как я проснулась. Я бы его *релировала*, если б он еще был здесь.

— Релировала?

Она лишь улыбнулась в ответ.

— Еще что-то, чего мне до поры до времени не понять, пока я сам этому не научусь? — спросил капитан.

— Правильно. Да ладно, все равно ты уже от этого ватча избавился. И, по-моему, навсегда.

— Я избавился? Каким образом?

— Когда приказал лампе переместиться. Ватч, видно, решил, что ты приказываешь ему, а они приказаний терпеть не могут. Наверное, он разозлился и исчез.

— Ты думаешь, он не вернется?

— Обычно они не возвращаются. Но в любом случае я его тут же обнаружу.

— Так… — Капитан поскреб подбородок. — А теперь скажи, почему ты решила угнать корабль именно к востоку от Империи?

У Гот, как выяснилось, была на то масса причин. И некоторые из них на первый взгляд выглядели совершенно неправдоподобно.

— Во-первых, здесь находится планета Ульдуна! — Пальчик Гот скользнул по звездной карте. — На половинной тяге мы дойдем туда примерно за неделю.

Капитан изумленно воззрился на нее. Ульдуна упоминалась в исторических хрониках Никкелдепейна, однако отнюдь не в положительном смысле. Во главе со своим верховным вождем, именовавшимся даалом по имени Седмон Мрачный, и его наследниками, также носившими это имя, население планеты превратило ее в столицу жестокой пиратской конфедерации, которая не

раз подчиняла себе чуть ли не половину Империи и осуществляла грабительские рейды далеко за ее пределами. И этот период истории еще не совсем канул в Лету.

— Но что в этом хорошего? И зачем нам Ульдуна? По-моему, там живут самые настоящие головорезы!

— Да, раньше так и было, — признала Гот. — Но это все в прошлом. Они теперь вроде как исправились.

— Вроде как?

Она пожала плечами.

— Ну, они по-прежнему мошенники и негодяи, но с ними иметь можно дело.

— Да неужели?

Но она, кажется, знала, о чем говорит. Ведьмы были хорошо осведомлены о том, что творится в этом районе пространства. Ведь Каррес, до того, как переместиться в систему звезды Ивердаль, находился именно здесь, к востоку от Империи.

Реформы, начатые предыдущим даалом Ульдуны, Седмоном Пятым, и продолженные его наследником, были делом необходимости и простой целесообразности: растущая мощь Империи превращала широкомасштабное пиратство в бесприбыльное и рискованное предприятие.

Седмон Шестой был талантливым политиком, который поддерживал взаимовыгодные отношения с Империей и другими соседями по космосу, одновременно получая большую часть доходов за счет обслуживания и удовлетворения потребностей тех, кто предпочитал действовать вне рамок закона, установленного любыми правительствами. Ульдуна сегодня выступала в роли банкира, убежища, притона, торгового центра, поставщика снаряжения, подрядчика, брокера и посредника для всех, кому по карману ее услуги.

— Значит, продаем груз на Ульдуне, — задумчиво проговорил капитан. — Они берут за это свой процент и, наверное, весьма солидный…

— Ага. Процентов сорок.

Серьезно?.. Впрочем, их можно понять. Ведь если они пропускают все товары, которые затем контрабандой ввозятся в Империю или еще куда, то это огромный риск. Ладно. Даже если учесть, во что нам обойдутся новые ходовые двигатели, то все равно после продажи товаров на Ульдуне денег у нас останется порядочно…

Первая половина полета до Ульдуны, продолжавшегося неделю, прошла спокойно. Они обсудили планы, которые долго вынашивала Гот, внесли в них некоторые добавления и изменения.

Но, по сути дела, капитан не смог обнаружить в них сколько-нибудь существенных изъянов. Он не стал ей об этом говорить, но про себя решил, что если бы Гот не случилось родиться ведьмой, она могла бы неплохо устроиться на Никкелдепейне. У нее был природный дар планировать самые хитроумные деловые операции. Перво-наперво на планете бывших пиратов они решили взять себе другие имена. У даала был специальный департамент, который занимался именно этим — изготовлял и выдавал любые документы, причем делал это столь безупречно, что бумаги могли успешно выдержать самую тщательную проверку. Стоило это недешево, но поступления от продажи груза должны были с лихвой покрыть все расходы. А если охота за «Удачей» и ее экипажем переместится в восточные районы Империи, новые имена окажутся очень кстати.

К тому же, у них имелась вжжик-тяга. Если ею пользоваться с умом, она могла бы стать солидным преимуществом для независимого космического торгового корабля, в который они намеревались превратить «Удачу». В этой совершенно дикой, нецивилизованной области космоса имелись такие районы, куда даже тяжело вооруженные боевые корабли Империи осмели-

вались заходить только эскадрами. А некоторые зоны вообще никто не решался патрулировать…

— Например, Море Огня, — сказала Гот, кивнув в сторону пурпурного космического облака, которое капитан уже видел на экранах. Оно за это время сместилось на левые экраны корабля. — Вот уж действительно жуткое место! Подойдешь слишком близко, тут же получишь!

Она сама толком не знала, что, собственно, «получишь». Да и никто не знал. Прошло уже много времени с тех пор, как это пытались выяснить в последний раз.

Вжжик-тяга не давала им полной возможности лететь туда, куда захочется, даже если бы Гот была в состоянии регулярно и неограниченно ею пользоваться. Однако эта тяга в случае чрезвычайной ситуации позволяла им браться за такие рискованные предприятия, о которых другие не могли и помыслить.

Это может принести деньги, думал капитан. Много денег. Как только они переоборудуют корабль, им больше не придется беспокоиться на этот счет. Однако с «Удачей» предстояло поработать капитально. И заново оснастить, прежде чем снова выходить в космос.

Перспективы на ближайшее будущее выгля-

дели прекрасно. Гот явно не беспокоил тот факт, что пройдет, видимо, несколько лет, прежде чем она вновь увидит своих родных. Ведьмы, похоже, смотрели на такие вещи гораздо проще. Ну что ж, думал капитан, им предстоит немало увидеть и узнать, прежде чем они сделают себе состояние на торговле. А уж он постарается позаботиться о Гот. Хотя, подумалось ему, ей-то, наверное, кажется, что это она все время заботится о нем.

Он никак не мог представить себе, каким образом у него вдруг разовьются магические способности. Он пытался выяснить это у Гот, но в ответ она посоветовала ему не особенно беспокоиться: он сам все узнает, когда это начнется, а ускорить процесс все равно нет никакой возможности. Что и как начнется, она объяснить не сумела. И не могла предсказать, какие именно таланты разовьются у него — как и у всех тех, кто способен активизировать клатху, — ибо спектр этих возможностей был очень широк. Гот специализировалась в области телепортации и, надо полагать, именно поэтому очень быстро овладела искусством управления вжжик-тягой. Остальные ее ведьминские способности пока что проявились мало. Ливит, помимо того, что владела широким набором разнообразных разрушитель-

ных свистов, была также клатха-лингвистом. Узнав всего несколько слов из любого языка, она сразу «включалась» и вскоре уже весело болтала на нем.

Малин была просто хорошо и разносторонне одаренной юной ведьмой, которая недавно начала курс расширенной подготовки, причем остальные приступали к нему обычно года на три-четыре позже.

Гот явно считала, что лишняя информация может только повредить капитану, да он и не настаивал. Чем меньше будет он притягивать всяких ватчей или тому подобного в этом роде, тем лучше.

Да и не до того ему было сейчас — он с головой погрузился в другие проблемы. Капитан обучил Гот основам управления «Удачей», а она подробно рассказала ему о том, что происходит в районах к востоку от Империи, дополнив знания, почерпнутые им из курса истории. Эта информация подтвердила его первое впечатление, что жизнь в здешних краях весьма разнообразна и интересна…

Одно из проявлений этого разнообразия возникло на их пути вскоре после того, как календрический хронометр показал начало четвертого дня

с того момента, как они легли на курс к Ульдуне. Это случилось, когда капитан спал. Он проснулся от того, что Гот сильно трясла его за плечо.

— М-м-м, что стряслось? — промычал капитан.

— Проснулся? — Голос Гот звучал резко, почти как шипение. — Тогда быстро в рубку!

На заднем экране, в верхней его части был ясно виден очень странный космический корабль. Расстояние — несколько световых минут. Его увеличенное изображение напоминало расплющенного уродливого черного жука, ползущего в пространстве, перебирая дюжиной шипастых ног, торчащих по краям корпуса. Детекторы показывали, что его масса в два раза больше массы «Удачи». Преследование со стороны подобного объекта кого угодно могло выбить из колеи.

— Что это? — спросил он.

Гот не знала. Корабль появился на экранах минут десять назад; сперва он держал дистанцию, затем приблизился и начал их нагонять. Она несколько раз запрашивала корабль по коммуникатору, но не получила ответа.

— Как насчет вжжик-тяги? — спросил он.

— Все готово!

— Отлично. Но пока подождем. — Он не хотел демонстрировать вжжик-тягу в этих местах, если

можно было обойтись без нее. — Попробуй еще раз связаться с ними. Может, на другой частоте.

— Он пока еще не включал форсаж. Весьма вероятно, именно медленное продвижение «Удачи» в пространстве и привлекло к ней внимание этого странного корабля; его экипаж, кто бы они там ни были, наверное, решил, что впереди легкая добыча. Если капитан сейчас врубит форсаж и чужой корабль последует за ними, это может обернуться длительной погоней… А длительная погоня может окончательно угробить его двигатели.

— А если они не ускорят ход, эта штука может подойти на выстрел через пять минут.

— Капитан!

Он обернулся. Гот указывала на экран коммуникатора.

— Кажется, я их поймала!

Он смотрел, вперившись глазами в экран, пока она медленно увеличивала четкость изображения двумя верньерами. Из динамика раздался громкий взрыв карканья и свиста. Потом на экране на секунду-другую возникло изображение.

Волосы у капитана не то чтобы встали дыбом, но явно сделали такую попытку. Экран осветился

мрачным зеленым светом, и по нему задвигались длинные серые тени. Потом внезапно возникло лицо, обращенное прямо к ним. Красные глаза расширились. Секунду спустя экран очистился, и карканье в коммуникаторе пропало.

— Он увидел нас и отключил связь! — сказала Гот. Губы ее скривились в гримасе отвращения.

Капитан прочистил горло.

— Знаешь, кто это такие?

Она кивнула.

— Кажется, да.

— Они… э-э-э… недружественно настроены?

— Если поймают — съедят, — сказала Гот. — Это каннибалы с Метай ра.

Звучало это не менее неприятно, чем возникшая на экране физиономия одного из преследователей. Капитан с бьющимся сердцем лихорадочно обдумывал ситуацию, не сводя глаз с уродливого изображения на заднем экране. Корабль преследователей был теперь гораздо ближе. Видимо, они прибавили скорости.

— Посмотрим, может, получиться их отпугнуть, — сказал капитан. — Если не удастся, тогда лучше воспользоваться вжжик-тягой.

Гот согласно кивнула. Капитан повернулся, сел за пульт управления, врубил форсаж и резко

бросил корабль вверх. Рев двигателей перешел в истошный вой. Рука скользнула к кнопкам управления орудийными башнями. Изображение вражеского корабля промелькнуло на верхних экранах и возникло на передних, сместилось вправо, затем четко установилось в центре, прямо по курсу. И начало приближаться. Орудийные башни закончили подъем и со щелчком встали в боевое положение. Загорелся маленький экран наводки на цель; перекрестье прицела, погуляв из стороны в сторону, замерло на ползущем уродливом «жуке».

Капитан включил систему ручного управления огнем. Кораблю противника еще предстояло пройти немалое расстояние, прежде чем он окажется на расстоянии выстрела от «Удачи»; впрочем, капитан не собирался подпускать его так близко. Он всегда показывал неплохие результаты на тренировочных стрельбах во время своих дежурных полетов на истребителе в составе охраны Никкелдепейна, однако каннибалы Мегайра могли оказаться гораздо более опытными в подобных «играх». Возможно, впрочем, что ему удастся отогнать их, просто блефуя. Он увеличил скорость «Удачи» до максимума, отметил про себя неровную работу двигателей, положил

палец на кнопку и нажал.

Пушки «Нова» сработали одновременно. Снаряды понеслись прямо на приближающийся корабль и взорвались с небольшим недолетом. Синяя вспышка осветила космическое пространство.

Это было впечатляющее зрелище. Но мегайрский корабль продолжал приближаться. Капитана охватил азарт. Он отсчитал тридцать секунд и вновь нажал кнопку. И снова синяя молния с грохотом взрезала тьму, но «жук» продолжал ползти. Внезапно ответный огонь вспыхнул впереди красно-черными взрывами.

— А-а-а-ах! — выдохнул капитан, вытянув шею и не отрывая глаз от перекрестья прицела. — Какие странные взрывы!..

Вот в чем дело! Они уже вошли в зону поражения!

Он включил автоматическое управление огнем, проверил прицел и подправил курс «Удачи», чтобы она неслась точно вперед. Красно-черные вспышки стали возникать все ближе…

И — исчезли.

До капитана донеслось нечто весьма похожее на завывания дикого кота в джунглях. Маленький твердый кулачок Гот дубасил его по плечу.

— Драпают! — вопила она в восторге.

Капитан выключил пушки. Ходовые экраны были пусты. Гот указала ему на другой экран: далеко под ними, описывая крутую спираль и проваливаясь во тьму, виднелся корабль каннибалов Мегайра, удирающий явно на такой скорости, что его болтало из стороны в сторону…

По мере приближения к Ульдуне детекторы «Удачи» все чаще стали засекать другие корабли. Но те, по-видимому, были заняты собственными делами и предпочитали обходить стороной неизвестный звездолет. Ни один не подошел достаточно близко, чтобы появиться на экранах.

В полусутках пути от бывшей пиратской планеты коммуникаторы «Удачи» поймали четкий сигнал — Ульдуна обращалась ко всем кораблям, заходящим в этот район космического пространства.

Им предлагалось войти в радиоконтакт с внепланетной посадочной станцией. Власти Ульдуны намеревались сделать все от них зависящее, чтобы визит гостей был как можно более приятным и выгодным. Более подробная информация была обещана после установления прямой связи с посадочной станцией.

Это было самое сердечное приветствие, какое

капитан когда-либо получал, приближаясь к чужой планете. Они тут же переключились на указанную частоту, им пожелали мягкой посадки на Ульдуну и тотчас же начали деловые переговоры. Не прошло и часа, как Ульдуне стало известно, что от нее нужно «Удаче» и что она сама может ей предложить. Капитану моментально представили целый список квалифицированных ремонтных фирм, организовали встречу со специалистами и налоговыми инспекторами, каковые должны были произвести оценку груза и назначить цены, предложили пообщаться с представителем «Банка Даала», который поможет им решить, что следует предпринять, дабы выполнить максимум поставленных задач.

Пиратская планета оказалась весьма гостеприимной и была готова во всем помочь своим клиентам. Очевидно также, что она не намерена рисковать. Гости планеты должны либо оставить корабли у причалов внепланетных посадочных станций, а потом перегружать товары на челночные корабли для доставки в космопорт, либо позволить местным властям опломбировать свое боевое снаряжение и вооружение на весь период пребывания корабля на Ульдуне. Краткая, но весьма эффективная санитарная инспекция внут-

ренних помещений корабля и его грузов также производилась на посадочной станции. Вскоре лоцманский катер отвел корабль в космопорт, где капитана и Гот уже ждали специалисты.

Глава четвертая

Поздно вечером капитан Арон с весьма отдаленной планеты Мульм и ею юная племянница Дани разместились в арендованном ими доме, расположенном в старом квартале портового города Зергандола. Прошедший день оказался чрезвычайно утомительным, но принес весьма неплохие результаты. Большая часть дел уже сдвинулась с места.

Гот, которая в последние полчаса прилагала заметные усилия, чтобы не уснуть, пробормотала «спокойной ночи» и исчезла за дверью своей спальни на третьем этаже. Капитан тоже чувствовал себя совершенно вымотанным, по мозг все еще тасовал события минувшего дня, и вряд ли в ближайшее время ему удалось бы спокойно уснуть. Он сварил себе кофе на кухне, поднялся на четвертый этаж и вышел на темный узкий балкон, охватывавший дом со всех сторон. Там он уселся, попивая кофе и любуясь раскинувшимся

внизу городом.

Зергандол, насколько можно было судить, оказался довольно запущенным городом, хотя были здесь и чистые современные кварталы. Дом, который они сняли, выглядел как давно засохший слоеный торт: четыре круглые секции по две комнаты в каждой, поставленные одна на другую и соединенные узкой винтовой лестницей. Здание серьезно обветшало, однако арендная плата показалась низкой, а капитан еще не был вполне уверен, каковы будут его финансовые возможности на тот момент, когда они закончат свои дела на Ульдуне — или Ульдуна закончит свои дела с ними. Дом располагался очень удобно — всего в миле от космопорта и верфей фирмы «Суннат, Базим и Филиш», где в течение нескольких последующих недель должна была переоснащаться «Удача».

Налоговый инспектор, который явился на корабль сразу после обретения ими новых имен, как будто не верил собственным глазам, обследуя груз «Удачи».

— Желе из ягод винтерберри да еще и ликер «Лепти»? — переспросил он изумленно, когда капитан назвал ему первые два вида товаров загруженных в трюм на Карресе. — Неужели

настоящие?

Капитан глянул на Гот. Та кивнула.

— Конечно, настоящие, — ответил он.

— Очень странно! — заинтересованно заявил инспектор. — И в каком количестве?

Капитан сообщил. Чиновник был потрясен.

— Что-нибудь не так? — осведомился капитан.

Инспектор замотал головой, прокашлялся и поспешил заверить его в обратном:

— О, нет-нет! — Он снова прокашлялся. — А вы уверены… Ну, конечно, вы должны быть уверены! — Он что-то пометил у себя в регистрационной книге и снова прокашлялся. — Вот тут… вы указали, что у вас на борту меха для продажи?..

— Да, — подтвердил капитан. — Товар высшего качества!

— Сто двадцать пять тоццами! — с удовольствием заметила Гот. — И пятьдесят золотохвостых лелаунделей — все взрослые особи!

Инспектор глянул на нее, потом на капитана.

— Это так, сэр? — У него уже не было сил удивляться.

Капитан подтвердил, хотя абсолютно не представлял, о чем идет речь.

— Я, правда, не уверен, что вы когда-либо слы-

хали об эссенциях «келл-пик», — осторожно заметил капитан. — Это парфюмерия…

Инспектор вымученно улыбнулся.

— Ну как же, сэр, слышал! Однако за все двадцать три года моей профессиональной деятельности, капитан Арон, у меня не было случая оценивать подобные грузы в таком количестве. Не знаю, как вам это удалось, но… примите мои поздравления!

Он покинул корабль, взяв с собой образцы товаров, чтобы получить подтверждение касательно их качества и оценочной стоимости. Капитан и Гот пошли пообедать в одном из ресторанов космопорта.

— С чего это он так разволновался? — осведомился капитан, весьма заинтригованный поведением инспектора.

Гот пожала плечами:

— Он, наверное, думает, что мы их украли.

— Почему?

— А купить их почти невозможно.

За едой она объяснила ему, в чем дело. Тоццами и лелаундели являлись эндемиками Карреса, представляя его горную фауну. Очень немногие в галактике знали, откуда берется столь красивый и дорогой мех. Время от времени, когда жителям

были нужны деньги, они потихоньку распродавали партию таких мехов через тайных агентов.

С другими видами грузов дело обстояло несколько иначе, но результат был тот же самый. Ряд важных ингредиентов ликера, ягодного желе и эссенции произрастал лишь на трех небольших и весьма удаленных друг от друга планетах Империи и добывался в таких ограниченных количествах, что готовые продукты крайне редко появлялись на рынке. А ведьмы не собирались хвастаться тем, что сумели разработать методы выращивания необходимых составляющих ликера и желе на Карресе. По всей видимости, и здесь не обошлось без клатхи…

— Стало быть, наш груз может стоить гораздо больше, чем мы полагали? — с надеждой спросил капитан.

— Вполне возможно, — согласилась Гот.

Цену они узнали во время своей следующей встречи — на сей раз с высокопоставленным представителем «Банка Даала». Этот джентльмен уже получил доклад налогового инспектора и открыл счет на имя капитана Арона с планеты Мульм. Они обсудили планы всех предстоящих им на Ульдуне торговых операций, определили размер всех налогов, выплат и сборов, прибави-

ли к ним некоторую сумму в покрытие общих расходов, связанных с оформлением «Удачи» в качестве торгового корабля (переименованного в «Ночную птицу» под командованием гражданина планеты Мульм) и вычли итог из ожидаемой прибыли с учетом обычных для Ульдуны страховых сумм в размере сорока процентов от оценочной стоимости товара. Разумеется, реальные поступления могли превысить оценочную стоимость. Но в любом случае, у них должно было остаться где-то около полумиллиона имперских маэлей, и они теперь имели право брать в Банке любые кредиты в пределах этой суммы.

Капитан рассчитывал сразу возместить убытки советнику Онсвуду, а затем потратить сто пятьдесят тысяч на переоборудование «Удачи».

…Глаза капитана скользнули по небосклону. На западе, низко над горизонтом, висело уже ставшее для Посерта привычным пурпурное сияние Моря Огня. Несколько минут он смотрел на него — в нем, казалось, чувствовался некий вызов, некая холодная угроза, и что-то у капитана в душе отвечало на этот вызов…

Недалеко от Моря Огня находился Чаладур. Еще одно название из древней истории, из легенд и старинных преданий, вызывающее мрачные

ассоциации… Чаладур — это огромная зона, начинавшаяся в двух световых днях пути от Ульдуны и имевшая весьма скверную репутацию. Немногие корабли осмеливались летать в этом направлении, хотя всего в полумесяце пути от Ульдуны, по ту сторону Чаладура, существовало несколько процветающих миров, открытых для выгодной торговли. До них, конечно, можно было добраться и кружным путем, в обход Чаладура, но такой полет занимал добрую часть года. С другой стороны, полет напрямую был связан с целой чередой навигационных препятствий, почти непреодолимых для обычного корабля и отвращавших всех, кроме самых стойких и упорных.

Различные мерзавцы, вроде банды мегайрских разбойников, преследовавших «Удачу» на пути к Ульдуне, встречались здесь повсеместно. Действовали в этих краях и другие, разрушительные и зачастую смертельно опасные силы, понять и объяснить которые было никому не под силу. Даже универсальное субрадио в этом секторе космического пространства отказывалось работать.

И несмотря на все это, существовал постоянный спрос на коммерческие рейсы сквозь Чаладур. Время, сэкономленное таким образом, оправдывало любой риск. И сквозные полеты отнюдь не

были так уж невозможны. Некоторые маршруты считались даже относительно безопасными. Маленький, быстроходный и хорошо вооруженный корабль имел неплохие шансы успешно пройти весь Чаладур насквозь, а два-три таких рейса могли принести владельцу корабля столько же, сколько несколько лет обычной торговли.

Еще более важным Посерту и Гот представлялось то, что корабли с Карреса, хотя и избегали посещения некоторых районов Чаладура, легко пересекали его в любых направлениях, если он попадался им на пути. Правда, даже им требовалось поддерживать в таких случаях постоянную боевую готовность. Но в случае необходимости вжжик-тяга тотчас же уносила их прочь от любой встреченной на пути опасности…

А значит, модернизированная и обновленная «Удача» тоже может пуститься в такой полет!

Капитан поудобнее уселся в кресле, сонными глазами глядя на огоньки космопорта, который казался единственным местом в Зергандоле, где еще не спали. Впоследствии он так и не мог припомнить, когда погрузился в сон, смешанный с явью, размытый и неясный.

Сперва он испытывал лишь сладостное чувство покоя, затем каким-то неощутимым образом в сон

прокрались странное беспокойство и мрачные смутные предчувствия, которые то становились сильнее, то почти исчезали. Позднее он не мог вспомнить ничего более определенного, но ему показалось, что в таком состоянии он находился довольно долго.

Потом неясные и смутные видения сделались более отчетливыми, обрели конкретную форму и стали излучать явную опасность. Он хорошо запомнил размытое желтое сияние, которое сперва возникло где-то в отдалении, а потом стало приближаться и превратилось в туман желтого цвета, упорно подбиравшийся к нему и издававший какое-то гудение.

Капитана охватил страх. Он не понимал его причин, пока не догадался, что внутри тумана не пустота! В нем виднелись яркие вспышки огня, странные отблески, словно там перемещались сгустки энергии, — нечто вроде связанных цепочек, где в местах пересечений связующих нитей виднелись некие загадочные тела. Казалось, они также были сотканы из света: в желтом мареве туманного облака виднелись их неяркие огнистые силуэты, похожие на жирных, медленно извивавшихся червей — не только живых, но и способных все отлично воспринимать и чув-

ствовать, к тому же находившихся в состоянии сильного возбуждения. И еще ему показалось, что эти «черви» каким-то образом управляют сияющим облаком тумана и энергетическими нитями в нем.

Страшнее всего было то, что таинственное облако неуклонно двигалось по направлению к нему. И, если не принять мер, готово было его поглотить.

И он принял меры. Хотя и сам не очень-то понял, какие именно. Но внезапно оказался совсем в другом месте — в полнейшем мраке и ледяном холоде. Сияющий туман и его обитатели исчезли. Капитан обнаружил, что его бьет дрожь, а по лицу, несмотря на окружающий холод, ручьем льется пот. Лишь через несколько секунд он осознал, что по-прежнему сидит на балконе старого дома в городе Зергандол.

Стояла абсолютная тишь. Она окутывала темные здания старой части города; а слева, низко над горизонтом, виднелся красноватый и какой-то распухший диск луны. Зергандол показался капитану похожим на город мертвых.

Промерзнув до костей в холодном ночном воздухе и весь дрожа, он огляделся по сторонам. Потом посмотрел вверх.

Два узких шпиля темнели на фоне ночного неба. А над ними, мрачно оттеняя их концы, висело чуть желтоватое марево, тонкая, почти бесцветная пленка, легкое сияние, как бы размазанное на фоне звезд, блиставших сквозь него. Чем больше капитан смотрел на него, тем сильнее оно расплывалось, становясь все тоньше и светлее. Но оно напомнило Посерту то живое облако из сна, и сердце капитана вновь тревожно забилось.

Сияние наконец совсем растворилось и исчезло вдали. От него не осталось и следа. Все еще размышляя о том, что бы это могло быть, капитан услышал внизу, на улице, какие-то голоса.

Двое или трое человек быстро и негромко переговаривались прямо под балконом. Говорили они на языке Ульдуны, так что капитан ничего не понял. Он с трудом встал, подошел к ограде балкона и всмотрелся вниз. На улице он заметил автомобиль, а возле него — две темные человеческие фигуры. Через некоторое время отчаянно жестикулировавшие спорщики смолкли и забрались в машину. Неярко вспыхнули фары, и машина медленно поехала по улице. Капитан успел различить какую-то надпись на ее борту, а может, узор из прямоугольников — опознава-

тельный знак полиции даала.

Понемногу начинали загораться огни. Но пока что город оставался сонным и тихим. Может быть, вдруг подумал капитан, это загадочный пират Агандар пытался напасть на Зергандол? И эту попытку удалось отразить? Но если в городе была поднята тревога и введено затемнение, то он благополучно проспал все сигналы. Гот, видимо, тоже.

Он никогда не слыхал об оружии, с помощью которого можно обесцветить столь значительную часть ночного неба. Все это выглядело очень странно… Мысли его путались, он чувствовал себя совершенно измученным, усталым, как собака и, тщательно заперев за собой дверь, прошел в дом, отыскал свою спальню и вскоре погрузился в сон.

Он ничего не сказал Гот о ночном происшествии. Хотя проснулся он поздно, и у них осталось время лишь на то, чтобы быстро позавтракать и сразу мчаться на свидание с Суннат, Базимом и Филишем. Совладельцы фирмы ни словом не обмолвились о чем-либо необычном, как, впрочем, и все остальные из множества встреченных ими за долгий и весьма насыщенный день. И капитан совсем уже было уверился, что все это ему просто

приснилось.

А через несколько дней, занятый переоборудованием «Удачи» и другими делами и планами, он совершенно забыл об этом случае. Прошло около месяца, когда ему пришлось снова вспомнить о нем. Толчком послужил случайно подслушанный разговор между Веццарном, старым космическим волком с Ульдуны, которого они наняли в качестве казначея и бухгалтера, и одним его старинным приятелем, зашедшим к нему поболтать. Говорили они о чем-то загадочном, что называлось то ли Червивая Погода, то ли Червивая Гроза.

А между тем дела неплохо продвигались, работы по переоснащению «Удачи» шли по графику, и капитан не мог пожаловаться на вполне квалифицированных кораблестроителей. То Базим, то Филиш постоянно находились на верфи, вникая во все детали. Это были честные трудяги, люди еще не старые. Базим — огромный, тяжелый, вечно потный; Филиш, наоборот, — тощий, потасканный и словно высушенный. Казалось, нет такого вопроса, которой был им незнаком в области строительства и оснащения космических кораблей. Суннат, третий партнер-совладелец фирмы, была женщиной. Поразительно краси-

вая, высокая, рыжеволосая; видимо, именно она заправляла здесь всеми делами. Она вряд ли была старше Посерта, однако у него сложилось впечатление, что и Базим, и Филиш ее серьезно побаивались.

Его собственное отношение к Суннат было смешанным. В ходе первых встреч с ним она держалась вежливо и заинтересованно, понимая, что этот заказ должен принести фирме значительную прибыль, однако выглядела несколько надменной и отчужденно-холодной. Она вообще редко улыбалась, а ее серо-зеленые глаза, казалось, были готовы вспыхнуть гневным огнем — причем, по неизвестной причине. Она предоставила Базиму и Филишу договариваться обо всех практических аспектах, а за собой оставила решение финансовых вопросов.

Но потом вдруг она совершенно переменилась, по крайней мере, по отношению к капитану. День ото дня Суннат становилась все любезнее и, стоило ему появиться на верфи или в офисе фирмы, оказывалась рядом — улыбающаяся, разговорчивая, обходительная.

Сначала это льстило самолюбию Посерта. Красота Суннат, ее прелестная фигура и бархатистая кожа возбуждающе действовали на любого муж-

чину, и капитан вовсе не был в этом отношении исключением. Выходя на улицу, Суннат с головы до ног куталась в серый плащ, но под плащом каждый день был новый соблазнительный наряд, подчеркивавший ее прелести — скульптурно вылепленные плечи и спину, плоский, тренированный живот или изящные изгибы бедер. Духи и прически она меняла столь же часто, как одежду. В итоге капитану стало казаться, что она его просто преследует; интенсивность ее чарующего внимания все нарастала, и это начало действовать Посерту на нервы. Иногда он почти терял голову. Особенно когда Суннат невзначай клала ему руку на плечо во время разговора или якобы случайно задевала ею, взбираясь на леса, воздвигнутые вокруг «Удачи».

Однако была в этом какая-то фальшь. И кроме того, когда поблизости появлялась Гот, капитан чувствовал, что Суннат вся как бы внутренне замирает. Она всегда разговаривала с Гот мягко и вежливо, и Гот отвечала ей тем же, как и должна была вести себя хорошо воспитанная девочка, что, впрочем, было ей совершенно несвойственно. Их голоса сливались в нежный дуэт. Но за этой дивной музыкой капитан улавливал нечто вроде приближающейся грозы или жуткого ора

дерущихся диких кошек.

В конце концов это стало ему надоедать. К тому же он чувствовал, что ему становятся неприятны встречи с Суннат, и старался избегать их по мере возможности. Заметив, как она в своем сером плаще изящной и решительной походкой направляется через площадь к его офису, он чаще всего просто тихонько выскальзывал через заднюю дверь, предупредив Веццарна.

Веццарн уже лет двадцать назад перевалил через средний, допустимый для космонавта возраст, но по-прежнему оставался жилистым и подвижным. Он был небольшого роста, с острыми, все подмечавшими серыми глазками, всегда жизнерадостный, вежливый и отлично управляющийся с цифрами. Помимо всего прочего, он имел в своем активе шесть рейсов сквозь Чаладур и был не прочь совершить еще несколько — при обычных, хотя и весьма значительных, наградных за риск и при наличии, как он выразился, «подходящего корабля и подходящего капитана».

В тот день, когда капитан впервые вспомнил свой сон, который приснился ему в первую ночь в Зергандоле, к ним в офис забрел некто Тобул, желавший просто поболтать с Веццарном. Тобул был коммивояжер и ездил по всей Ульдуне. В

юные годы он, как и Веццарн, немало скитался по космосу, так что оба бывших космонавта в беседах друг с другом предпочитали ульдунскому языку имперский универсальный. И капитан порой улавливал обрывки их разговора.

Он не обращал на беседу особого внимания, пока не услышал, как Тобул спрашивает, безопасно ли здесь говорить о Червивой Грозе.

Удивившись, капитан поднял глаза от своих бумаг.

— Достаточно безопасно, — отвечал Веццарн. — Ее уже с месяц как не было. А ты что, попадал в Червивую Погоду?

— Чаще, чем хотелось бы! Был тут недавно совершенно жуткий случай... — И он назвал какую-то местность Ульдуны, которая была капитану неизвестна. — Заявился я туда, а куда ни сунешься, всюду люди валяются в приступе и визжат! Ну я и не стал там задерживаться.

— Немудрено!

— А тем же вечером, как я оттуда убрался, гляжу: небо опять желтеет. Ох, я и дунул оттуда!.. Их, бедняг, наверное, снова здорово припекло... Может, даже хуже, чем в предыдущую ночь! Вы тут, небось, ничего об этом и не слышали?

— Нет. — Возникла пауза.

Капитан по-прежнему внимательно прислушивался. Небо пожелтело? И он внезапно во всех подробностях вспомнил то зловещее сияние, сперва приближавшееся к нему, а потом растаявшее и превратившееся в желтоватую пелену над Зергандолом…

— Она вроде как продвигается все дальше на запад и на юг, — услышал он голос Веццарна. — Лет десять назад никто и не думал, что она доберется до Ульдуны.

— Ну, теперь-то она захватила все пространство вокруг планеты! — уверенно заявил Тобул. — И держалась дольше обычного. А если…

Дальше капитан не слышал. Случайно выглянув в окно, он заметил Суннат, направлявшуюся в их сторону. Секунду он колебался, пока не удостоверился, что она идет к ним.

Капитан схватил свою фуражку и на секунду задержался в крохотном кабинетике Веццарна.

— Я ухожу, — сказал он. — Скорее всего, часа на два, но возможно, не вернусь до вечера.

— Есть, капитан! — понимающе отвечал Веццарн.

Очутившись на улице, капитан и в самом деле припомнил, что у него есть ряд дел в городе, которыми вполне можно заняться. Так что в офис он

действительно вернулся уже ближе к вечеру. Тобул ушел, Суннат не было видно. Зато появилась Гот, которую Веццарн развлекал, рассказывая в темноте страшные истории о своих похождениях в Чаладуре и других местах. Он был отличным рассказчиком и, видимо, не слишком привирал, так что Гот, которая, несомненно, и сама могла наплести ему с три короба, возникни у нее такое желание, слушала его с удовольствием.

Капитан велел ему продолжать и сам сел послушать. Когда Веццарн добрался до конца своей истории, капитан спросил:

— Кстати, что это за штука — Червивая Гроза?

Гот и Веццарн быстро посмотрели на него. Веццарн, как видно, был поражен.

— Как-как? — переспросил он. — Я, кажется, не совсем понял, сэр… Она уже месяца два крутится вокруг Ульдуны, и это совершенно необычно для таких широт… Однако…

— Да нет, — перебил его капитан, — я вообще не знаю, что это.

Веццарн ошалело глянул на Гот, потом на капитана.

— Вы это серьезно? Да, далековато забрались вы от дома! — воскликнул он и спохватился: — Извините, сэр, я не хотел… Извините, маленькая

леди! Откуда вы прилетели, меня, дурака, совершенно не интересует, честно!.. Но неужели вы никогда не слыхали про Червивую Погоду? И про Грозу? Неужели вы не знаете о нури? И о Манарете. Мире Червей? И о Моандере, Вещающем На Тысяче Языков?

— Я ничего об этом не знаю, — признался капитан. Гот, вероятно, знала, но помалкивала.

— М-да! — Веццарн поскреб остатки седых волос на черепе, и лицо его скривилось. — Ну, ладно… — Он встал из-за стола, подошел к окну и выглянул наружу. Потом осмотрел ясное вечернее небо и сел на подоконник. — Я, вообще-то, не слишком суеверен, — сказал он, — но если вы не возражаете, я посижу здесь, чтобы видеть, что делается снаружи, пока я вам про это рассказываю. Вы сами потом поймете, почему…

Итак, где же он находится, этот Червивый Мир, этот ужасный Манарет? Этого не знал никто. Одни полагали, что он прячется где-то в центре Чаладура, в Море Огня. Другие верили, что он расположен далеко на галактическом Востоке и его никогда не достигал ни один исследовательский корабль, а если и достиг, то был тотчас же уничтожен, не успев послать весть о своем ужасном открытии. Кое-кто был уверен, что он

скрывается в толстом слое концентрированного ядовитого газа. Любая из этих догадок могла оказаться правдой, поскольку почти все, что было известно о Манарете, ограничивалось его видом изнутри, напоминающим бесконечный тоннель.

Веццарн больше склонялся к тому, что его можно обнаружить — если кто-то, конечно, осмелится полететь на его поиски — далеко от Ульдуны, среди звезд галактического Востока. Год за годом, десятилетие за десятилетием, с тех пор, как цивилизованное человечество начало осваивать дальние миры, чума Червивой Погоды продвигалась все дальше на запад, грозной опасностью нависая над освоенными планетами.

Так что же такое Червивая Гроза? Это, согласно пояснениям Веццарна, был флот нури, их огненные сферические корабли! Их неоднократно видели в сетях-паутинах горящего желтым огнем тумана, что бросает желтоватый отсвет на верхние слои атмосферы той планеты, которой достигли нури. Веццарн и сам встречался с Червивой Грозой в глубоком космосе — и выжил, чтобы рассказать о ней. Это случилось в двух световых месяцах пути на восток от Ульдуны. Там, в пространстве, желтые облака перемещались так же быстро, как самые скоростные корабли.

— Мы собственными глазами видели на экранах этих нури, жутких червей! — хрипло сказал Веццарн, скорчившись, словно гном, на подоконнике на фоне темнеющего неба. — А кто знает, может, и они нас видели! Да только мы развернулись и рванули прочь. Они нас не преследовали. У нас на корабле были смелые ребята, но из двенадцати человек почти сразу трое сошли с ума…

Капитан ладонью вытер пот со лба и спросил:

— И что же им надо?

— Откуда я знаю… — Веццарн покачал головой. — По-моему, сюда идет Червивая Гроза! Впрочем, может, я и ошибаюсь. Может, это просто какие-то проблески огня? Может, ничего и не произойдет?.. — Он помолчал. — Но когда они насылают на тебя свои мысли — вот тут, сэр, может произойти все что угодно! Самое худшее!

Люди просыпаются с диким криком. Или бродят, боясь того, чему нет названия. Или видят великолепные и ужасные пещеры Манарета, и те как будто открываются перед ними при свете дня… Некоторые считают, что побывали там и каким-то образом сумели вернуться…

А может, даже и не мысли нури заполняют обитаемую человеком Вселенную, а мысли Моандера? Моандер — чудовище, божество, которое

ползает, как змея, по поверхности Манарета и вещает на тысяче языков… Некоторые утверждают, что сами нури — это мысли Моандера, выплывающие с Манарета и дрейфующие в космическом пространстве…

В прежние времена, видимо, было еще хуже. Существуют старинные легенды о мирах, чье население было охвачено волной жуткой паники и такого разрушительного безумия, что позднее здесь находили лишь немногих сумасшедших, что все еще бродили по развалинам сожженных городов. А были, говорят, и такие миры, где сотни тысяч людей бесследно исчезали в одну ночь. Но все эти события происходили в эпоху Великих Восточных Войн, когда многие планеты погибли во всеразрушающих битвах между людьми. Какую роль во всем этом играл Манарет, никто сказать не мог.

— Одно несомненно, сэр, — завершил свой рассказ Веццарн. — Я вам все это поведал исключительно по вашей просьбе. Да вы и должны знать об этой опасности. А вообще-то не полагается слишком много говорить о Червивой Грозе и о том, что эта Погода из себя представляет. Даже много думать о ней опасно. Это давно известно. Там, где начинают обсуждать эти дела,

она и появляется. Словно умеет улавливать мысли или подслушивать чужие разговоры. Куда безопаснее вообще не интересоваться этой дрянью. — Веццарн помолчал. — А теперь я пожелаю вам спокойной ночи, да и мне, старику, давно пора ужинать, а потом и стаканчик на ночь пропустить. И вообще, что-то я сегодня слишком разболтался!

— А я и не знала, что эти проклятые черви сюда добрались, — задумчиво заметила Гот, когда они вышли из автомобиля, который доставил их домой.

— Стало быть, тебе и раньше было об этом известно? — сказал капитан. — Я так и думал. Мне надо кое-что тебе рассказать.

Гот кивнула и поднялась по винтовой лестнице в гостиную, а капитан понес на кухню продукты, купленные в торговом центре при космопорте. Входя в гостиную, он увидел мутную пелену на фоне дверного проема. Значит, Гот уже успела включить противоподслушивающее устройство. Капитан шагнул как бы сквозь пленку и увидел, что Гот греет руки у камина.

— Ну вот, — сказал капитан, — теперь можно и поговорить. Веццарн все правильно рассказал?

— Да, почти все правильно. — кивнула Гот. —

Только этот Мир Червей — и не мир вовсе. То есть не планета.

— Не планета? А что же?

— Корабль. Огромный космический корабль! Почти такого же размера, как Ульдуна или Каррес… Но сперва лучше ты сам расскажи, что собирался.

— Ну… — капитан заколебался. — Когда Веццарн стал описывать этих нури… — И он рассказал о своем страшном сне и о том, что с ним произошло после пробуждения. — По всей видимости, в ту ночь над Зергандолом действительно пролетела Червивая Гроза, — заключил он.

— Скорее всего. — Гот прикусила губу. Глаза ее задумчиво смотрели на капитана.

— У меня нет никаких собственных объяснений тому кошмару, — сказал капитан. — Только то, о чем рассказывал Веццарн.

— Это был не кошмар, капитан. Нури обладают чем-то вроде клатхи. И ты их увидел именно благодаря этому.

— Почему ты так считаешь? — удивился капитан.

— Нури всегда охотятся за ведьмами, — пожала плечами Гот.

— Охотятся? Но почему?

— На Карресе слишком много знают о Манарете… Есть и другие причины.

— Так значит, на Ульдуне тебе угрожает опасность? — встревожился Посерт.

— *Мне* ничего не угрожает, — сказала Гот. — Это *тебе* угрожает опасность. И будет угрожать, если Червивая Гроза опять пролетит близко от Зергандола.

— Но…

— Дело в том, что ты способен управлять клатхой! И нури думают, что ты — колдун. Ладно, сейчас мы с этим разберемся.

Она подошла ближе, продолжая смотреть ему прямо в глаза, потом подняла палец на уровень его носа. Лицо у нее было серьезное, напряженное.

— Следи за пальцем!

Он послушался. Она изобразила в воздухе волнистую линию и замерла, резко ее оборвав.

— А теперь сделай так же, — сказала она. — Мысленно.

— Ты хочешь сказать, мысленно начертить такую же линию?

— Да.

Она терпеливо ждала, пока капитан в уме старался повторить ее движения.

— Готово! — удовлетворенно заявил он. Гот снова подняла палец:

— А теперь вот так…

И начертила в воздухе еще три знака, совершенно отличных друг от друга. Пытаясь мысленно их повторить, капитан почувствовал, как ему стало жарко. На лбу выступил пот. С чего бы это, смутно подумалось ему. Когда он наконец сказал, что ему удалось воспроизвести все знаки, Гот, весьма довольная, кивнула.

— А теперь все вместе, капитан, один за другим. Так же, как я тебе показала, и как можно быстрее!

— Быстрее? — Капитан расстегнул воротничок. Он уже не просто вспотел, с него буквально текло. Да еще это ощущение растущего внутреннего жара… Ничего себе ведьминский трюк!.. Он, может, и отнесся бы к ее штучкам скептически, если бы не этот жар.

— Это что, способ против нури?

— Да. Это как бы особый замок. — Гот не улыбалась и совершенно не обращала внимания на измученный вид Посерта; ее тонкое смуглое личико было напряжено. — Скорее! Пока что-нибудь не забыл!

Капитан закрыл глаза и сосредоточился.

Знак первый — ну, это легко… Второй… Третий…

Мозг его на мгновение дрогнул в поисках продолжения… Внутренний жар поднялся новой волной. Пораженный, он вспомнил и четвертый знак!

В мозгу точно вспыхнуло размазанное огненно-синее кольцо, повернулось, свернулось в сияющую огненную точку и исчезло. При этом в голове у него будто что-то захлопнулось с почти неслышным щелчком. Потом все успокоилось, улеглось. Жар исчез. Он перевел дыхание. И, потрясенный, открыл глаза.

Гот улыбалась:

— Я знала, что ты сумеешь!

— И что это я сумел?

— Ты создал прочный замок, охраняющий от воздействия нури! Тебе, правда, нужно еще немножко попрактиковаться. Но это уже легко. Как только нури появятся поблизости, сразу запирай свои мысли. Они и не узнают о твоем присутствии!

За обедом она подробнее рассказала ему о Мире Червей и его малоприятных обитателях. Манарет и ведьмы враждовали уже почти сто пятьдесят лет по карресскому времени. Негативное воз-

действие Мира Червей на цивилизации людей было куда более всеобъемлющим и тонким, чем мог предполагать, скажем, Веццарн, и отнюдь не ограничивалось рейдами нури по космическому пространству. Среди них имелись особенно мощные и зловредные особи, способные действовать на огромном расстоянии и приносить людям колоссальный вред и несчастья.

Телепаты Карреса решили определить источник этих многочисленных бед и выяснили кое-какие факты из жизни Манарета, о которых ранее никто и не подозревал. Они, например, узнали, что это вовсе не планета, а космический корабль неслыханных размеров, явившийся сюда из чуждой человечеству Вселенной другого измерения. Несколько столетий назад в результате чудовищного катаклизма гигантский корабль проник в наш мир. В итоге на его борту произошел мятеж, которым руководил Моандер, тот самый, «Вещающий На Тысяче Языков». Моандер, как узнали ведьмы, на самом деле являлся гигантским электронным мозгом, захватившим контроль над кораблем и заставившим расу, которая, собственно, и построила Манарет, отступить в дальние, хорошо защищенные внутренние отсеки звездолета, где сторонники Моандера не

могли до них добраться.

Телепаты Карреса связались с этим народом, называвшим себя «лирд-харьер», и получили от него всю необходимую информацию, но не обещание помощи против Моандера. Моандер же продолжал оставаться вместе со своим кораблем в этой Вселенной, явно намереваясь захватить власть над всеми здешними цивилизациями. Нури, из-за, безобразной внешности которых Манарет и стал называться Миром Червей, были, так сказать, служебной расой, техническим персоналом, который во время мятежа переметнулся на сторону Моандера.

— А потом, — сообщила Гот, — Моандер узнал, что Каррес за ним шпионит, и нури устроили охоту на ведьм…

Видимо, это открытие и помешало Моандеру быстро осуществить свои захватнические планы. Чудовищный маньяк, одержимый к тому же манией величия, решил сперва найти и уничтожить Каррес, чтобы получить полную свободу действий. Ведьмы же в то время еще не имели реальной защиты от нури и не были знакомы с их способами нападения. Так что лет восемьдесят тому назад им пришлось переместить свою планету в отдаленные области, к западным границам

Империи. Нури были опасным противником не только благодаря своему устрашающему виду. У них имелось также некое оружие неизвестного типа, способное почти мгновенно уничтожить жизнь на любой планете. Ведьмам предстояло еще во многом разобраться и проделать огромную работу, прежде чем решиться на прямую конфронтацию с нури.

— Они, конечно, уже успели очень неплохо подготовиться, — сказала Гот. — Манарет и без того принес много бед, а теперь положение становится хуже с каждым днем.

— В каком смысле? — Капитана очень заинтересовала вся эта история.

Оказывается, в последнее время Мир Червей разработал новую тактику нападения, превращая кое-кого из людей с помощью полной промывки мозгов в свое бездумное орудие. Многие подозревали, что даже правящий ныне император и другие лица, входящие в его Высший Совет, находятся под непосредственным влиянием телепатов из окружения Моандера.

— В этом одна из причин, по которой мы никак не можем установить с Империей нормальных отношений, — отметила Гот, — видимо, император получил указание найти способ уничтожения

планеты Каррес.

— Ты думаешь, твой народ вновь переместил Каррес из-за Манарета? — задумчиво спросил Посерт.

— Необязательно, — пожала плечами Гот. — Политику Империи понять трудно. Но мы помогаем императрице Хайли — она лучшая из всех.

Капитан вновь задумался.

— А на Карресе известно, где находится Мир Червей? Вот Веццарн считает…

— Это уже вопрос стратегии, капитан.

— Не понял?

— Ну, если кто-то на Карресе это и знает, то другим об этом не скажет. Что если нас с тобой, например, поймают нури?

— Понятно, — согласно покивал головой капитан.

Было похоже, что ведьмы Карреса активно участвовали в самых различных политических интригах и на самых различных уровнях. Но ни Гот, ни капитан об этом не ведали.

Их собственные дела на Ульдуне продолжали идти вполне удовлетворительно. Они уже опубликовали объявление: «По завершении переоборудования, проводимого фирмой „Суннат, Базим и Филиш“, модернизированный торговый

корабль „Ночная птица“ под управлением капитана Арона с Мульма отправится в прямой полет сквозь Чаладур к независимой планете Эмрис. Предполагаемая длительность полета — шестнадцать дней. Заказ на пассажирские билеты и перевозку груза можно сделать немедленно; цена включает в себя стандартную премию за риск; стоимость билетов и провозки грузов оплачивается сразу по оформлении заказа и возврату не подлежит».

Принимая во внимание все опасности предстоящего полета, отклик на объявление был просто поразительный. По всей видимости, в настоящее время больше никто на Ульдуне не предлагал подобных рискованных предприятий. Правда, записалось в рейс всего три пассажира, хотя бывший кубрик «Удачи» был полностью переделан в шесть комфортабельных отдельных кают-люкс, столовую и кают-компанию. Однако через неделю капитан был вынужден прекратить принимать заказы на перевозку грузов: сперва нужно было определить, останется ли место в грузовых отсеках после того, как они распихают уже оплаченные к перевозке товары.

Итак, они вошли в бизнес. И чудовищно высокие цены с учетом риска весьма способствовали

крупной игре.

Среди будущих пассажиров была одна женщина — прелестная темноглазая красотка, назвавшая себя Гулик до Эдель. Она желала как можно скорее попасть на Эмрис, однако причин своей спешки не объяснила, заявив, что полностью уверена в капитане Ароне, его юной помощнице и в том, что ее благополучно доставят до места. Вторым пассажиром был толстый и суетливый финансист по имени Камбин, которого прошибал пот при малейшем упоминании о Чаладуре. Однако у него алчно загорались глазки, стоило ему заговорить о целом состоянии, которое он должен заработать (незаконным образом, разумеется), если попадет по некоему адресу на Эмрисе не позднее, чем через восемь недель. Последним в списке был некто по имени Лаэс Янго, бизнесмен, крупный широкоплечий мужчина с суровым и непреклонным выражением лица. Он был на голову выше капитана и отличался замкнутостью. Бизнесмен погрузил на борт несколько ящиков с чрезвычайно ценным гиперэлектронным оборудованием; на Эмрисе у него была пересадка, и дорогостоящее оборудование следовало везти дальше, на некую планету, до которой от Эмриса было еще несколько недель пути. Капитан решил,

что с Янго на борту проблем не будет. Относительно двоих других он пребывал в сомнении.

У капитана было еще немало проблем, связанных с Ульдуной, но все это были вопросы бизнеса, поддающиеся решению. Суннат, видно, поняла, что стала надоедать капитану своей назойливостью, и теперь вела себя более разумно. Она по-прежнему была вежлива и мила с ним, а он искренне надеялся, что никоим образом не обидел рыжеволосую красавицу.

Глава пятая

Седмон Шестой, даал Ульдуны, был худым темноволосым мужчиной, довольно высоким (по ульдунским стандартам), с заостренной полисьи физиономией и умными задумчивыми глазами. Как утверждали, он не слишком любил развлечений. Тем не менее он всегда находил время, чтобы дать аудиенцию Гулик до Эдель, если она об этом просила. Гулик была прелестной женщиной, которая, хоть и родилась на Ульдуне, большую часть жизни провела в Империи. Она уже несколько лет служила тайным агентом в имперской разведке. И столько же времени была знакома с даалом. Иногда они работали вместе,

иногда соперничали, добиваясь противоположных целей, однако в любой ситуации считали полезным обмениваться информацией — в разумных пределах, конечно.

Гулик в то утро явилась в Дом Грома рано; древний величественный замок даалов был расположен в горах, к югу от Зергандола. Седмон ждал ее в своих личных покоях на верхнем этаже замка.

— Мне хотелось бы знать, — начала Гулик, которая любила сразу брать быка за рога, — существует ли на самом деле та космическая супер-тяга, созданная ведьмами Карреса, о которой ходит столько слухов?

— У меня нет тому доказательств, — признался даал. — Но я не слишком удивлюсь, если она действительно существует.

— А если это так, то насколько вы заинтересованы в том, чтобы заполучить ее?

Седмон пожал плечами.

— Ну, не настолько, чтобы предпринять шаги, способные вызвать враждебную реакцию Карреса.

— Или Империи?

— Это будет зависеть от обстоятельств, — осторожно сказал даал. — Я мог бы даже рискнуть. И

пойти на обострение отношений с Империей.

Гулик с минуту молчала.

— Империя, — сказала она затем, — очень хочет иметь эту тягу. И ее совершенно не заботит, вызовет ли это враждебную реакцию Карреса или нет.

Седмон снова пожал плечами.

— Каждый действует так, как полагает нужным, — сухо произнес он.

— Согласна, — улыбнулась Гулик. — Давайте теперь по порядку… Во-первых, этот корабль, которым мы оба заинтересовались еще несколько недель назад. Как вы считаете, он оснащен чудо-тягой?

Даал нервно передернул плечами.

— Я склонен думать, что это так, — признался он. — Что вы намерены по этому поводу предпринять?

— Либо заполучить тягу сама, либо следить за кораблем, наведя на него других агентов, — быстро ответила Гулик.

— Цель немалая, — заметил даал. — Давайте-ка посмотрим на наших гостей…

Он подошел к столу и нажал какую-то кнопку. Настенный экран осветился, и на нем появились изображения капитана и Гот. Они шли по одной

из извилистых и горбатых улиц Зергандола. Когда их фигуры заполнили весь экран, даал нажал кнопку стоп-кадра. Некоторое время он стоял и смотрел на их лица.

— Этот человек — гражданин Никкелдепейна. Однако существует ряд вопросов, с ним связанных, на которые у меня пока нет ответов. Должен признаться, это меня беспокоит.

— Что за вопросы? — спросила Гулик.

— Он вполне может быть гражданином Никкелдепейна, который ныне маскируется — не без помощи моих чиновников — под капитана Арона с Мульма. Но он может одновременно быть и агентом Карреса. Таким, как все тамошние жители. Или даже колдуном с Карреса, принявшим облик капитана Посерта с Никкелдепейна.

Он умолк, раздраженно качая головой, и Гулик спросила:

— Именно это вас и беспокоит?

— Да, больше всего это, — признался Седмон. — Если капитан Посерт, он же капитан Арон, на самом деле колдун, я не желаю ничего предпринимать по отношению к нему или его кораблю.

— А если нет?

— Девочка почти наверняка из ведьм, — сказал даал. — Я могу, конечно, рискнуть, если речь пой-

дет только о ней, однако и это слишком опасно. Каррес имеет возможность сразу узнавать обо всем, что его касается.

— Позвольте заметить, — сказала Гулик, — что, согласно достоверным данным, планета Каррес неожиданно исчезла. В Империи официально считается, что планета была случайно уничтожена при испытании некоего супер-оружия, изобретенного ведьмами специально для отражения карательной акции имперского космического флота.

— Я слышал об этом, — сказал даал. — Более того, мои люди доложили, что Каррес исчез также из системы Ивердаль. Возможно, ваше предположение справедливо, но я не верю, что он был уничтожен.

— Почему?

— Я имел дело с разными ведьмами, Гулик. И много лет изучал Каррес и его историю. Не впервые приходят сообщения об исчезновении этой планеты. И не раз уже она появлялась вновь довольно далеко от своего прежнего местонахождения.

— Неужели эта супер-тяга способна переместить целую планету? Да полно вам, даал!

— Мне нечего к этому добавить, — пожал плеча-

ми даал. — Есть, разумеется, и другие возможные объяснения. Но, насколько я могу судить, Каррес по-прежнему находится в системе Ивердаль, только теперь невидим и его невозможно засечь никакими приборами. А кроме того…

— Он умолк, явно не решаясь продолжать.

— Да? Что вы хотели сказать? — подбодрила его Гулик. Даал ткнул пальцем в экран.

— Мне почему-то кажется, что я уже встречал этого человека. И девочку тоже… Но я никак не могу вспомнить…

Гулик с любопытством посмотрела на него.

— У вас просто разыгралось воображение, — сказала она. — Ваша озабоченность действиями ведьм вполне понятна; ведь именно поэтому вы с такой осторожностью, окольными путями пытались раскрыть тайну капитана Посерта, верно?

— Я весьма полагаюсь на фирму, которая ремонтирует его корабль, — улыбнулся даал. — Они славятся полной неразборчивостью в средствах.

— И занимаются активными поисками супертяги, верно? — сказала Гулик. — Суннат также пыталась пленить капитана Арона своей красотой… А вы тем временем как бы заняли место над схваткой, надеясь вскоре получить нужную информацию.

Седмон перевел взгляд с экрана на Гулик и медленно произнес:

— Если мне удастся заполучить эту тягу и некоторое время поработать с нею без помех, я сумею восстановить величие Ульдуны и ее заслуженно высокое положение в галактической иерархии, которое она занимала прежде!

— Империя прекрасно осведомлена о вашем устремлении, — холодно заметила Гулик, но он глаз не отвел. — Мы могли бы действовать разными методами. — Гулик улыбнулась. — Если я добьюсь своей цели, это принесет мне огромные почести и богатство в Империи. Или же, при ином раскладе, кончится моей быстрой смертью. Это уж как решат имперские власти. — Она снова коварно улыбнулась. — Или власти Ульдуны… Видите ли, я бы тоже не прочь хотя бы частично восстановить былую славу и высокое положение старинного семейства до Эдель.

— Весьма благородное желание! — Даал одобрительно кивнул. — Что же касается меня, то я с удовольствием буду работать с партнером, обладающим такими преимуществами, как молодость, смелость и ум. А также способным помочь мне править Ульдуной. Тем более Великой Ульдуной!

— Мечты, мечты! — рассмеялась Гулик. — Ну что ж, я готова… Но мы должны быть очень осторожны. Я еще никому не сообщала, что корабль, некогда называвшийся «Удача», находится на Ульдуне, однако буду действовать так, словно уже отправила такое сообщение. А если — несмотря на все усилия — «Ночная птица» все же взлетит, я отправлюсь на ней в качестве пассажира… Кстати, этот Веццарн, которого они наняли на корабль, он ведь ваш человек, не так ли?

— Мой, — сказал Седмон. — Он, естественно, не знает, на кого работает.

— Разумеется. Про Камбина я информирована. Он ничего из себя не представляет. А Лаэс Янго?

— С ним следует считаться, он специалист.

— А чем конкретно он занимается? Мне удалось узнать о нем очень мало.

— Дилер. Занимается только тем, что способно принести высокие прибыли. У него есть собственный корабль, и он часто уходит в космос. Однако в особых случаях пользуется услугами других перевозчиков. Он всегда держит в банке свободные значительные суммы и осуществляет по субрадио крупные платежи с использованием счетов, которые невозможно отследить. Какая-то часть его деловых операций, видимо, вполне законна.

— Стало быть, от него можно не ждать осложнений?

— Вряд ли следует быть полностью уверенным… — Даал остро глянул на нее. — Должен ли я понимать ваши слова так, что вы намерены непременно продолжить попытки завладеть супер-тягой, даже если выяснится, что капитан Арон, как я подозреваю, имеет непосредственное отношение к ведьмам?

— Непременно. — кивнула Гулик. — У меня есть своя теория относительно ведьм Карреса.

— И в чем она заключается?

— Они, помимо всего прочего, великолепно умеют блефовать. Взять хотя бы эту историю с исчезновением целого небесного тела. Мне описывали Каррес как примитивную, заросшую лесами планету. В космосе множество таких практически необитаемых миров. Некоторые даже не отмечены на обычных картах. Мне представляется весьма вероятным, что ведьмы вовсе не перемещают Каррес через пространство, а просто переселяются сами — с помощью самых современных средств — с одной планеты на другую, а затем уже распускают слух о переносе своей планеты в другой сектор галактики! Видимо, им хочется напугать всех, включая Империю.

Вероятно, они действительно способны на всякие удивительные штучки; вполне возможно даже, что они все-таки создали эту супер-тягу и оснащают ею обычные космические корабли. Но переместить целую планету?.. — Она с сомнением покачала головой. — Посерт, возможно, колдун с Карреса, однако даже его «таинственные» способности не помогли ему узнать, что Веццарн — обыкновенный соглядатай! Нет, не боюсь я таких ведьм и колдунов!

— И Чаладура тоже не боитесь? — спросил даал.

— Немного, — призналась Гулик. — Но гораздо больше меня тревожит вопрос о супер-тяге, если она действительно существует. Ставки слишком высоки!

Странный, разноцветный и бесшумный вихрь медленно завивался вокруг них. Капитан некоторое время с изумлением наблюдал за ним, затем вдруг понял, что сидит, выпрямив спину, в исключительно неудобной позе на каменном полу, а спиной касается каменной стены. И еще он понял, что сидит зажмурившись, поэтому неплохо было бы открыть глаза.

Когда он их открыл, цветной вихрь тут же поблек и пропал, мир вокруг перестал вертеться. Но

где это он? И как сюда попал?

Он огляделся. Помещение напоминало огромный погреб, широкий и низкий, а в длину — шагов сто пятьдесят. Толстые каменные колонны поддерживали сводчатый потолок. Несколько тусклых светильников — мерцающие шары в железных клетках — свисали на цепях с потолка. В другом конце подвала была узкая лестница, ведущая наверх сквозь проем в стене. Кажется, это единственный выход отсюда… Справа, футах в тридцати от него, располагался камин.

Он задумчиво рассмотрел его. Камин был встроен в стену, в нем пылал жаркий огонь. Отдельные головни ярко светились, по куче углей пробегали огненные искры. Из камина торчала кочерга, напоминавшая скорее тонкую пику; один ее конец был погружен в пылающие угли, а рукоять покоилась на бронзовой каминной решетке. В нескольких шагах от камина стоял стол с мраморной столешницей, а возле него — огромная деревянная ванна.

Все это выглядело весьма странно. С какой стати кому-то пришло в голову разводить в камине огонь в такой теплый весенний вечер? Волны жара разливались по всему подвалу.

Теплый весенний вечер?.. Тут капитан вдруг

вспомнил. Сегодня они произвели полную наземную проверку всех систем «Ночной птицы». Все было в полном порядке. Они с Гот остались очень довольны. Потом Гот отправилась домой, а Суннат, которая вместе с Филишем присутствовала при испытаниях, в шутку предложила капитану угостить их за хорошо сделанную работу. Правда, Филиш, извинившись, отказался в этом участвовать.

Капитан не усмотрел в предложении Суннат ничего дурного, и они зашли в дорогой бар с низкими потолками, рядом с космопортом. Кто-то провел их в дальний зал и усадил за столик в полутемной нише. Тотчас же принесли напитки — и вскоре радужный вихрь подхватил капитана. Дальше он ничего не помнил.

Что ж, нет смысла сидеть здесь и гадать на кофейной гуще. Надо подняться наверх и выяснить, где он находится и что случилось с Суннат. Он попытался встать, но тут же сделал еще одно поразительное открытие: на правой лодыжке у него красовалось узкое металлическое кольцо с тонкой цепью длиной футов восемь, прикрепленной к другому кольцу, вделанному в стену. В ярости и недоумении капитан уставился на кандалы.

Капитан все же сумел подняться на ноги. Цепь

при этом издевательски зазвенела.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

На секунду ему показалось, что он услышал где-то приглушенный смех. Но никто не появился.

— Эй!

— В чем дело, капитан Арон?

Он повернулся и увидел Суннат, всего в двадцати шагах от него, слева. Она стояла возле одной из толстых колонн. Видимо, за ней она и скрывалась все это время.

Капитан уставился на нее. Одета она была потрясающе — алые брюки, изящные туфельки, узенький «топ» из сверкающей зеленой материи и алый тюрбан, украшенный огромным зеленым камнем. Она стояла неподвижно в полосе темной тени и смотрела прямо на него.

Яркий костюм отнюдь не делал ее ни более привлекательной, ни более соблазнительной: в этом мрачном подвале она была похожа на грозный призрак. Суннат чуть повернула голову, глаза ее зловеще блеснули. Она пробормотала что-то неразборчивое, подошла к камину, посмотрела на раскаленную кочергу, взяла ее за рукоять и вернулась к капитану, покачивая у него перед носом раскаленным железом. Капитан молча смотрел на нее. Глаза ее теперь были широко рас-

крыты, длинная шея вытянута, гибкая высокая фигура чуть наклонилась при ходьбе — очень похоже на готовую ужалить змею.

— Капитан Арон, — сказала Суннат. — Мне нужно от вас кое-что получить, и вы мне это отдадите.

Посерт услышал шум, шаркающие шаги, и в подвал спустились Базим и Филиш. Они несли кресло. В кресле сидела Гот с кляпом во рту. Руки ее были привязаны к подлокотникам.

— Сюда! — приказала Суннат и сунула кочергу в пылающие уголья. Когда тюремщики подошли ближе, она резко выдернула кляп изо рта Гот, та вздрогнула и откинулась на спинку кресла. Мужчины поставили кресло возле стола лицом к камину. Суннат швырнула кляп в огонь.

— Здесь это не потребуется, — объяснила она капитану. — Знаете, капитан Арон, в этом старом доме время от времени раздаются странные звуки, но они никого не беспокоят — ведь снаружи ничего не слышно. Видите, мы захватили и это бесовское отродье. Вы ведь ее очень любите? Через пару минут кочерга раскалится, так что лучше вам уже начать говорить.

Капитан почувствовал, как в груди у него все превращается в огромный ледяной ком. Гот

быстро глянула на него — как всегда без всякого выражения — и снова уставилась на Суннат. Оба партнера Суннат явно чувствовали себя не в своей тарелке — Базим весь вспотел, а Филиш нервно кривил рот. Эти вмешиваться не станут, можно и не надеяться. Здесь парадом командовала Суннат, как у них в офисе, впрочем. Но, возможно, удастся все же выиграть немного времени…

— Минутку, Суннат, — сказал он вдруг. — К чему заставлять Дани страдать? Я и так скажу вам, где двигатель.

— Вот как? — Суннат уже размахивала кочергой, глядя на ее раскаленный конец. — Ну и где?

— Он частично разобран, — начал быстро импровизировать капитан. — Часть находится на корабле, но вы, разумеется, не найдете…

— Разумеется, — кивнула Суннат. — А остальное?

— Одна деталь у меня дома. А все остальное заперто в двух разных банковских сейфах. Пришлось соблюдать осторожность…

— Еще бы! — сказала Суннат. — Понятно. Но боюсь, капитан Арон, вы по-прежнему врете. Базим, приготовь воду. Сперва опробуем кочергу на этом отродье.

Базим набрал в ковш воды из стоявшей возле

стола ванны. С ковша капало. Он встал возле кресла, к которому была привязана Гот, держа ковш в руках. Ковш заметно дрожал.

— Успокойся ты! — рассмеялась Суннат. — Я же только рукав прижгу, а ее пока трогать не стану. Готов?

Базим крякнул. Кончик кочерги коснулся рукава куртки Гот. У капитана перехватило дыхание. Повалил дым. Внезапно вспыхнуло пламя.

Базим торопливо сунулся вперед, но руки у него так дрожали, что вся вода пролилась Гот на колени. Суннат засмеялась и отступила. Базим торопливо зачерпнул еще воды и, не глядя, плеснул на Гот.

Вода, к счастью, попала туда, куда нужно. Послышалось шипение, огонь погас. И тут вдруг Суннат вскрикнула…

Капитан встрепенулся. Он напряженно следил за их мучительницей, которая вдруг повела себя очень странно. Вцепившись в рукоять кочерги обеими руками, она отскочила от Гот и метнулась вдоль стены, держа кочергу прямо перед собой. Партнеры смотрели на нее, раскрыв рты. Капитан видел, как напряглись мускулы Суннат — ей, видимо, требовались все силы, чтобы удерживать кочергу в таком положении. Лицо ее побелело.

— Скорее! — кричала она. — Базим! Филиш! Тащите бластеры! Убейте его! Немедленно! Это он отнимает у меня кочергу! О-о-о, нет!

Это был уже вопль отчаяния. Кочерга вырвалась из рук Суннат, развернулась на полу и нацелилась своим раскаленным концом на Суннат. Та завизжала, высоко подпрыгнула, бросилась в сторону, оглянулась… Кочерга следовала за ней. Суннат опять метнулась в сторону с криком: «Стреляйте же! Стреляйте!»

Одновременно с этим происходили и другие интересные вещи. Базим вдруг дико взревел, неуклюже подпрыгнул и закрутился, хватая себя за задницу обеими руками. Филиш резко повернулся к капитану, рука его скользнула под пиджак, и капитан тотчас почувствовал, как что-то тяжело шлепнулось ему прямо в ладонь. Безо всякого удивления он увидел, что это бластер, поднял оружие и выстрелил над головой Филиша. Но нужды в этом особой не было: Филиш тоже принялся прыгать и вертеться, как Базим. А Суннат бросилась вверх по лестнице, преследуемая дымящейся кочергой.

У ног капитана что-то звякнуло. Это оказался еще один бластер и ключ. Потом до него донесся шумный всплеск, и он увидел, что Базим и Филиш

сидят рядком в ванне. Суннат исчезла. Кочерги тоже не было видно.

Капитан опустился на колено, вставил ключ в замок на кандалах и повернул. Кольцо расстегнулось. Он сунул второй бластер в карман, поднялся на ноги и подошел к Гот. Партнеры смотрели на него с ужасом и старались поглубже залезть в ванну.

— Спасибо, капитан! — ясным голосом сказала Гот. — Я все ждала, когда же ты наконец прищучишь этих макак!

Капитан сразу не нашелся, что ответить. Он-то прекрасно знал, что это не ватч случайно залетел сюда, а действует сама Гот. Он хмыкнул и стал распутывать веревки у нее на запястьях. Потом коснулся прожженного рукава ее куртки:

— Не обожгло?

— Не-а. — Гот улыбнулась ему. — Даже горячо не было. — Она поглядела на Филиша и Базима. — А вот этим здорово досталось — я им полные карманы раскаленных углей насыпала!

— Я так и понял, — сказал капитан.

— Капитан, кто-то идет! — встревоженно воскликнула Гот.

Это оказалась довольно большая группа людей. На лестнице застучали сапоги, и с десяток

полицейских в мундирах заполнили подвал, вытащили бластеры и взяли всех на прицел. Их командир, заметив капитана и Гот, направился к ним.

— Ах, ваша мудрость, надеюсь, вы не пострадали? — осведомился офицер. — Примите от имени нашего даала самые глубокие и искренние извинения в связи с этим происшествием. Мы, к сожалению, слишком поздно узнали о планах этих негодяев и не смогли вмешаться вовремя и избавить вас от необходимости их наказывать. — Он бросил на несчастных партнеров взгляд, полный презрения. — А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы побеседовать с вами наедине. А мои люди пока уберут отсюда эту шваль.

Добирались они долго по извилистым горным дорогам, и каким бы впечатляющим ни казался Дом Грома издали, по мере приближения к нему становилось ясно, что он сильно запущен и разваливается, подобно многим старым домам в Зергандоле. Скупость даала давно вошла на Ульдуне в поговорку. Очевидно, она распространялась даже на содержание столь важных правительственных учреждений, как суд.

Здание Малого Суда было совсем ветхим, однако кишело не слишком таившимися шпионами и

охранниками. В холлах и коридорах поблескивало металлом различное тяжелое вооружение, по всей видимости, находившееся в превосходном состоянии. Офицеры эскорта остановились перед открытой дверью, с поклонами пригласили посетителей войти и тихонько притворили за ними дверь.

Это была комната без окон, хорошо обставленная, стены увешаны тяжелыми шпалерами, явно оставшимися от былых времен. Седмон встал им навстречу. Одет он был в длинную черную хламиду; на голове возвышалась похожая на шлем шапка из зеленого бархата, закрывавшая половину лба и спускавшаяся до самого основания шеи.

Седмон весьма сердечно приветствовал гостей, называя их по именам (разумеется, новым, полученным в его же департаменте), и извинился за неприятности, которые причинили им Суннат, Базим и Филиш.

— Моим первым побуждением, — заявил он, — было немедленно предать негодяев смерти!

Капитан сразу почувствовал себя крайне неуютно, тщетно пытаясь избавиться от мысли о том, как палач сдирает кожу с «этой мерзавки Суннат», а та корчится от боли.

— Может быть, нет необходимости расправ-

ляться с ними столь жестоко, ваше величество? — сказал он.

— Вы очень великодушны! — благосклонно заметил Седмон. — Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь вы, в сущности, уже наказали Базима и Филиша, как мне представляется…

— Да, они получили по заслугам, — подтвердил капитан. Даал прокашлялся и продолжал:

— Я считаю, что Базим и Филиш являются весьма ценными работниками, когда не берут на себя слишком много. И они сознались, что действовали так исключительно из страха перед Суннат. Если вы пожелаете, я могу освободить их — пусть закончат переоборудование вашего корабля. Но с одним условием: они не имеют права требовать с вас платы! Ни одного маэля! Все работы будут выполнены за их счет! Удовлетворяет ли вас такое решение, ваша мудрость?

Капитан поспешил заверить даала, что это так.

— Открытым остается вопрос о Суннат, — продолжал даал. — Приглашаю вас в зал Малого Суда.

В зале вдоль зеркальных стен сидело несколько чиновников. Седмон тоже уселся и предложил своим гостям занять кресла рядом с ним. Минуту спустя двое солдат ввели через боковую дверь

Суннат. Она вздрогнула, заметив капитана и Гот, и отвела взгляд в сторону. Ночь она явно провела очень скверно. Лицо было в пятнах, осунулось, и она нервно моргала покрасневшими веками.

Ни одна из сторон даже не упомянула о таинственной супер-тяге, которую Суннат пыталась заполучить. Видимо, ее предупредили, чтобы ничего не говорила об этом в суде.

Седмон бросил взгляд на капитана и обратился к Гот:

— Поскольку самые гнусные намерения преступницы были направлены против вас, ваша юная мудрость, — сказал он, — представляется целесообразным, чтобы вы сами решили, каким должно быть ее наказание.

Суд замер. Гот встала.

— Было бы еще более целесообразным, Седмон, — произнес чей-то незнакомый голос рядом с капитаном, — если бы я сама привела приговор в исполнение…

Капитан вздрогнул. Говорила вроде бы Гот, но голос! Это был вовсе не ее голос! Весь состав суда безмолвно уставился на Гот. Даал кивнул.

— Хорошо. Пусть будет так, как сказала ваша мудрость…

Гот прошла вперед и остановилась в несколь-

ких шагах от Суннат. Капитан не видел ее лица, но чувствовал, что воздух вокруг буквально пронизан волшебством, и сразу догадался, что сюда устремилась клатха. Мельком он заметил, что лицо даала напряжено до предела, а взгляд чрезвычайно внимательный; Суннат вся побелела от страха.

— Посмотри в зеркало, Суннат с Ульдуны!

И снова это сказала не Гот! Что же происходит? По спине у капитана поползли мурашки, перед глазами поплыл туман, потом он снова стал видеть все отчетливо, а странный голос между тем продолжал вещать. Голос был низкий, мягкий и как будто заполнял собою весь зал. Да, это говорила не Гот, но капитан был уверен, что уже где-то слышал этот голос. Вот только где? Он должен был его помнить! Каким-то странным образом смысл сказанного все время ускользал от него, он словно опаздывал на какую-то долю секунды, и слова превращались в бессмысленную кашу. Суннат посмотрела в одно из огромных зеркал, которыми были отделаны стены зала, и капитан заметил, как напряглась ее спина, как вся она замерла, точно не в силах сойти с места. Седмон, стиснув пальцы, смотрел на нее и явно нервничал.

Голос стал громче; теперь он звучал грозным предостережением. Затем послышался резкий приказ. На мгновение в зале воцарилась тишина. Потом Суннат дико вскрикнула, однако винить ее было бы трудно: одновременно с нею все находившиеся в зале увидели в зеркале, как на плечах Суннат вместо ее собственной головы появилась кабанья щетинистая морда с мерзкими красными глазками. Уродливая пасть то открывалась, то закрывалась, и из нее продолжали нестись дикие вопли. В зале испуганно зашумели. Даал что-то громко приказал побледневшим конвоирам Суннат, те схватили извивавшуюся преступницу за руки и поволокли прочь. Когда они проходили в боковую дверь, капитану показалось, что и вопли Суннат уже больше похожи на визг испуганной свиньи…

— Это был голос Толл! — сказал капитан не совсем уверенно. — Ты вещала голосом Толл! Голосом своей матери!

— Ну, не совсем… — уклончиво ответила Гот.

Они ненадолго остались наедине в небольшой комнате в Доме Грома, куда их провел совершенно ошалевший чиновник. Даал поспешно завершил судебную процедуру после приведения в исполнение приговора, вынесенного «юной

мудростью», и сказал, что вскоре присоединится к своим гостям. Капитан подозревал, что Седмону просто хотелось немного прийти в себя. Как только чиновник, который явно был рад поскорее смыться, исчез за дверью, они тут же включили защитное устройство.

— Но это действительно очень похоже на ее голос, — согласилась Гот. — Это как бы моя копия Толл.

— Твоя — *что*?

Гот почесала кончик носа и решительно тряхнула головой:

— Наверное, тебе уже можно об этом сказать, хотя ты сразу наверняка всего не поймешь.

Оказалось, что ее «копия Толл» — это некое клатха-устройство для обучения молодой ведьмы. А точнее, частичная нематериальная копия личности взрослой ведьмы. В данном случае — личности Толл.

— Она словно всегда здесь, — Гот постучала пальцем по виску. — Ее и не замечаешь, пока не понадобится. Седмону очень хотелось проверить, на что я способна, вот я и решила устроить им небольшое представление. И копия Толл сама сработала — уж она-то знала, что нужно делать. Понимаешь?

— Н-не совсем.

Гот уселась на край полированного стола, болтая в воздухе ногами и внимательно глядя на капитана.

— Да, наверное, не понимаешь… — Она немного подумала. — Копия не все может делать. Только то, что я уже почти научилась творить сама; ей остается лишь показать мне.

— Я и не представлял, что ты знаешь такие заклинания. Выглядело очень впечатляюще!

— Закли..? А, это… Да нет, они вовсе и не нужны. Копия Толл сама все сделала — просто чтобы всех припугнуть. Особенно Седмона.

В дверь постучали. Гот обернулась, сунула руку в карман и отключила охрану. Потом спрыгнула со стола, а капитан подошел к двери и впустил в комнату даала Ульдуны.

— Есть целый ряд вопросов, потенциально имеющих столь серьезное значение, — начал даал, — что мне весьма трудно решить, кому я мог бы задать их…

На мгновение голос его прервался. Это случалось с ним уже не первый раз. Взгляд даала скользнул по сияющей синей поверхности стола, остановился на капитане, на Гот, снова на капитане; он тряхнул головой и молча прикусил

пальцы. Лицо его было озабоченным и сердитым.

Капитан смотрел на него с некоторым удивлением. Седмон, казалось, просто сгорал от желания что-то им рассказать, но никак не мог решиться. Интересно, что у него за проблема? Даал как-то намекал, что обладает информацией, представляющей огромную важность для Карреса. Тогда им действительно необходимо узнать об этом.

Даал вновь задумчиво посмотрел на Гот.

— Может быть, ваша мудрость понимает… — пробормотал он.

— Конечно, — ответила Гот голосом умненькой девочки.

Может быть, даал все расскажет Гот, если оставить их наедине? После заседания суда капитана не слишком часто называли «ваша мудрость». Вероятно, Седмон уже произвел некоторую переоценку событий. Для того, что произошло в подвале, вполне достаточно и одной настоящей ведьмы. Так, собственно, и было на самом деле. Но, может быть, не совсем хорошо…

— Я полагаю, — услышал вдруг капитан собственный голос, — что вам все же лучше рассказать нам об этом, Седмон Шестиликий…

Глаза даала блеснули.

— Вот как! — произнес он, резко выдохнув воздух. — Я давно подозревал… Но мне было трудно поверить. Даже вы… Конечно, у всех есть свои секреты… — Он встал. — Идемте со мной, капитан Арон и Дани! Вы, по-видимому, лучше меня разберетесь, как поступить с тем, что у меня хранится…

Капитан очень надеялся, что они действительно сумеют разобраться. А сейчас он ровным счетом ничего не понимал из слов Седмона Шестого Шестиликого. Но сказал, кажется, именно то, что нужно. И в нужный момент…

Седмон быстро вел их по узким коридорам. Подол черной хламиды бился о каблуки его туфель. Поднявшись и спустившись по нескольким лестницам, они очутились в другой части Дома Грома. По пути им никто не встретился. Три раза даал останавливался, доставал из складок своего одеяния ключ и отпирал тяжелую дверь, а потом снова запирал ее за ними. Он не произнес ни слова, пока они не свернули в глухой коридор, в самом конце которого виднелась только одна дверь. Здесь даал замедлил шаг и сказал:

— За этой дверью — половина проблемы. Когда вы все увидите собственными глазами, я расскажу вам и то немногое, что знаю сам. А потом в

другом месте покажу вам кое-что еще.

Он отпер дверь. За ней оказалось длинное с низким потолком помещение, совершенно пустое, только дальний его конец был словно занавешен тяжелым серо-стальным занавесом, который слабо пульсировал.

— Это защитный экран, — с кислым выражением буркнул даал. — Я предпринял все возможные меры… Полагаю, никто ничего не узнал… А больше мне ничего не удалось, ибо пока что я не сумел наладить контакт с представителями вашего народа. — Он искоса поглядел на капитана и Гот. — У вас, несомненно, хватает и своих проблем, но я уже много недель мечтаю узнать, где можно найти кого-то, способного выступать от имени планеты Каррес.

Теперь он вел себя совершенно иначе: отбросил всю официальность и обращался к ним как к равным. Даже к Гот. И не скрывал того, что у него были причины раздражаться и жаловаться, хотя обеспокоенным вовсе не выглядел. Откуда-то из складок одежды даал извлек небольшое устройство и нажал на кнопку.

Защитный экран исчез, и они увидели, что в дальнем конце комнаты стоит кушетка, а на ней сидит человек, точно остановленный посреди

некоего движения и застывший в этой позе. На нем был космический скафандр. Это был крупный мощный мужчина, лет на десять старше капитана. Гот тихонько охнула.

— Вы его знаете? — спросил даал.

— Да, — ответила Гот. — Это Олими!

Она прошла вперед, капитан за нею. Даал держался чуть позади. Олими глядел в пространство немигающими черными глазами… Он сидел на краю кушетки, вытянув ноги и приподняв руки со скрюченными пальцами, словно пытался что-то схватить. На лице застыло выражение настороженности и крайней сосредоточенности.

— Его нашли в таком состоянии полтора месяца назад. Он сидел за пультом управления своего корабля, — сказал даал. — Я понятия не имею, что с ним. Он словно «завернут» в некое силовое поле, характер которого мне неизвестен.

— Он отключил свой разум. — Лицо и голос Гот ровным счетом ничего не выражали. Она посмотрела на капитана. — Наверное, нам следует взять его с собой на Эмрис. Там ему помогут.

— Наверное. — Стало быть, Гот тоже не знает, как связаться с ведьмами по эту сторону Чаладура, решил капитан и повернулся к даалу: — Вы что-то говорили о его корабле.

— Да. Он находится в трех часах полета от нашей планеты. Единственный человек на борту. Как он сумел подойти к Ульдуне и остаться незамеченным ни одной станцией слежения, никто не знает. — Седмон нахмурился. — На корабле также имелся некий предмет, который я приказал там и оставить. Не хочу даже пытаться описать его — сами увидите… Как по-вашему, стоит ли что-нибудь предпринимать в отношении этого человека прямо сейчас?

Гот помотала головой. Капитан сказал:

— В данный момент мы ничего для него сделать не можем. Так что оставим его, как есть, а потом заберем с собой.

Оказалось, что корабль Олими сел в почти необитаемом районе на южном континенте Ульдуны, в самом центре продуваемой всеми ветрами равнины, которую окружали туманные горы с голыми скалистыми вершинами и языками снега на склонах. С воздуха корабля видно не было, но его местонахождение было отмечено неким сгустком серого тумана, словно стекавшего в низину. Это тоже оказался силовой экран, установленный для охраны корабля. Примерно в миле от него над небольшой возвышенностью висело еще одно, более крупное облако такого же

серого тумана.

Капитан, сидевший с Гот в задней части салона флаера, увидел в иллюминатор смутные очертания четырех палаток. Из них быстро выскочили и построились два взвода солдат. Один из людей, сопровождавших длила, подошел к офицеру и коротко переговорил с ним. Потом вернулся, кивнул даалу и влез в салон. Флаер поднялся, развернулся и полетел в сторону корабля Олими.

У капитана не было возможности что-либо спросить у Гот наедине. Возможно, она знала, в чем тут дело: что означает это происшествие с Олими, колдуном Карреса, который отключил свой разум. А любой вопрос, заданный даалу, мог вызвать у того подозрения и навлечь на них опасность, так что Посерт сидел с равнодушным видом и ни о чем не спрашивал.

Флаер опустился ярдах в пятидесяти от защитного экрана, окружавшего корабль Олими, и сам тут же включил такую же защиту. Капитан и Гот надели теплые плащи и выбрались вместе с даалом из машины. Даал тоже закутался в длинный меховой плащ. Остальные члены его свиты остались внутри. Даал и его спутники приблизились к силовому экрану, прошли сквозь него и увидели стоявший на земле звездолет.

Корабль был небольшой, но изящных очертаний, и явно предназначался для скоростных перелетов. Даал вытащил из-под плаща какой-то прибор.

— Это электронный ключ к замку корабля, — объяснил он. — Оставляю его вам. Тот предмет, о котором я вам говорил, находится возле пульта управления. А я возвращаюсь и буду ждать вас в машине.

Входя в шлюз, капитан обернулся: даал уже исчез за пеленой силового экрана.

— На всякий случай, — сказал капитан, — давай лучше включим и наш собственный экран. А ты хоть что-нибудь во всем этом понимаешь?

Гот отрицательно покачала головой.

— Олими у нас один из самых лучших! Я его уже с год не видела. Он добывал информацию для Карреса. Не знаю, чем он занимался в этом полете.

— А что это за «отключение разума»?

— Это чтоб никто не совался к тебе в мозги. Никто и ничто. Такое особое состояние. Не очень удобное, правда. Ты как бы выпускаешь свой ум на волю, и назад вернуться он сам не может. Требуется посторонняя помощь. — Она посерьезнела.

— Житель Карреса летит на высокоскоростном корабле, — вслух размышлял капитан, — и ему что-то встречается в космосе — причем такое, из-за чего он пугается и отключает свой разум, желая спастись? Звучит не очень убедительно. Интересно, а сам он мог направить корабль на Ульдуну?

— Наверное… Не знаю, — пожала плечами Гот.

— Ну, ладно, давай сперва осмотрим корабль, а уж потом займемся таинственным предметом. Может, станут понятны причины, по которым даал не хочет о нем говорить…

Они увидели загадочный предмет, стоило им войти в рубку. Он был довольно объемистый, похожий на неровный обломок астероида и весил, должно быть, фунтов четыреста. Находился непонятный объект возле пульта управления, но они не стали и пытаться сдвинуть его с места. Капитан включил обзорные экраны корабля, обнаружил, что они работают в режиме слежения в условиях космоса, и переключил их на наземное наблюдение. На экранах появились четкие изображения продуваемой всеми ветрами ульдунской равнины. Небольшое облако серого марева возникло на экране левого борта.

Они быстро осмотрели другие отсеки и выясни-

ли только одно: Олими содержал свой корабль в чистоте и порядке.

— Ну теперь можно и на эту штуку поглядеть, — сказал капитан. — Как ты думаешь, наверное, это что-то важное для Карреса, правда?

— Должно быть, — отвечала Гот. — Олими никогда не давали мелких поручений.

Капитан осторожно, даже почти опасливо коснулся пластика, в который был завернут предмет. То, что находилось внутри, на ощупь было твердым и тяжелым, как обломок скалы. Капитан осторожно отогнул кусок пластика и увидел нечто похожее на лежалый лед — такими бывают старые ледники, источенные временем, с вкраплениями камней и вулканических пород. Капитан потрогал «лед» пальцем. Он оказался довольно теплым и скользким. Может быть, это какая-то горная порода?

Он вопросительно посмотрел на Гот. Та лишь пожала плечами.

— Ни на что не похоже! — заметил капитан. И, отогнув пластик, открыл еще фута два поверхности таинственного предмета. Да, больше всего он напоминал кусок какой-то древней горной породы, бесформенный, покрытый буграми…

Бесформенный?

Теперь капитан начинал в этом сомневаться. На поверхности кристалла виднелись мелкие округлые завитки и узловатые выпуклости, и чем больше он смотрел на них, тем сильнее чувствовал, что это вполне конкретный узор. Какая-то загадочная скульптура?..

Внутри «камня», в сердцевине мутного серого вещества, из которого он состоял, время от времени вспыхивали огоньки, точнее, дрожащие нити пламени, которые, казалось, находились где-то очень далеко. Вот они вспыхнули вновь — и опять у капитана возникло ощущение немыслимых глубин пространства. Потом ему показалось, что поверхность кристалла изменяется — плывет, расползается, и сам он вот-вот провалится куда-то внутрь и утонет в туманной, мерцающей огнями бездне. Ужас охватил его. На секунду он замер, словно парализованный. Потом вдруг почувствовал, что руки сами собой суетливо спешат закутать в пластик приоткрытую часть «камня», а Гот ему помогает. Они тщательно натянули пластик и закрепили его концы, как было раньше.

Неведомый страх немного отпустил капитана. Ему казалось, что угрожавшее им нечто сейчас удаляется, однако по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вот это да! — сказал он Гот, с трудом переводя дыхание и совершенно потрясенный. — Что это было? Клатха?

— Не клатха! — твердо сказала Гот. Она побледнела, глаза смотрели тревожно. — Но я не знаю, что это! Никогда ничего подобного не видела… — Она умолкла.

В голове у капитана вдруг что-то легонько, но отчетливо щелкнуло. Будто замок.

— Господи, Червивая Погода в гости пожаловала! — прошипела Гот. Они одновременно повернулись к экранам.

Бледно-желтое пятно расползалось по восточному краю неба над безрадостной равниной, уже исчезая, растворяясь, улетая вдаль…

— А если б мы не успели закрыть «камень»?.. — вырвалось у капитана.

Они ждали несколько минут. Червивая Гроза больше не появилась. А потом Гот сообщила капитану, что клатха-замки, блокировавшие их разум от проникновения проклятых нури, оказались вполне надежными. Желтого тумана уже не было видно.

— Она прямо сюда нацелилась! — сказала Гот. Лицо ее уже слегка порозовело. А вот капитана все еще бил нервный озноб. Наверное, этот осо-

бый пластик, который Олими использовал для защиты от воздействия «камня», способен был уберечь и то, что таилось внутри загадочного предмета, от сенсорных устройств нури…

Теперь было совершенно очевидно, что Манарет вовсю охотится за этим артефактом. И Каррес, по всей видимости, тоже. Пока Олими вез найденный предмет на родную планету, его постоянно преследовали нури, и это они вынудили Олими отключить свой разум. Вот почему с тех пор Червивая Гроза так и висит над Ульдуной, появляясь то там, то здесь в поисках «камня»! Они подозревают, что артефакт здесь, но не в состоянии определить, где он находится.

— Эта штука должна служить оружием против Манарета?

— Похоже, на Манарете именно так и считают. Для них обоих это было важное открытие!

Туманный экран, скрывавший флаер даала, не сдвинулся с места. Те, кто сидел внутри, тоже, конечно, видели Червивую Грозу и явно решили переждать. Они, должно быть, задраили все люки и закрыли иллюминаторы броневыми плитами… И все же, несмотря на все страхи и опасения, Седмон решился прилететь с ними сюда! Уж больно ему хотелось, чтобы ведьмы Карреса забрали

«камень» с собой…

— Если мы сумеем довезти его хотя бы до Эмриса, — проговорил капитан.

Гот поддержала его:

— Может, мы его и довезем… — Голос Гот звучал не слишком уверенно.

— Даал считает, что нам это по силам, — заметил капитан. — Иначе он бы не стал нам его показывать. А Седмон, как ты сама сказала, старикашка неглупый и слишком много знает!

На ее губах промелькнула лукавая улыбка.

— Сейчас ты ведешь себя совсем иначе, капитан!

— Вот как?

— Да! И сейчас ты очень похож на Требуса, только помоложе. А я, как говорят, точная копия Толл в молодости. Седмон их когда-то знавал, и, по-моему, ему теперь кажется, что мы — это Толл и Требус! Он думает, что мы просто переменили возраст.

— Как это переменили?

— Ну, просто стали моложе. Некоторые ведьмы и колдуны умеют менять возраст…

На одно лишь короткое мгновение, впервые со дня их знакомства, Гот вдруг показалась капитану совсем маленькой, очень одинокой и

совершенно беспомощной в этой огромной и угрожающей Вселенной.

Ну, допустим, она не так уж одинока! — тут же решил он.

— Что ж, — тряхнул он головой, — значит, нам с тобой придется теперь стать Требусом и Толл!

— Вот именно! — Гот улыбнулась. — Думаю, это было бы очень неплохо, капитан!

Глава шестая

Веццарн оказался свободен от вахты и должен был спать, но вот уже два часа сидел в запертой каюте и размышлял. Заканчивался третий день полета «Ночной птицы», и Веццарну было о чем подумать.

Ему многое очень не нравилось в самой идее полета через Чаладур. Да и кому она могла понравиться? Но гарантированная премия — если Веццарн найдет то, что спрятано на корабле капитана Арона, — была в высшей степени соблазнительной. Раньше ему приходилось рисковать, в том числе и в Чаладуре, за куда более скромные деньги…

И вдруг, за десять дней до отлета, бесцветный голос, часто беспокоивший Веццарна, сообщил

ему, что задание отменяется. Правда, только частично. Веццарну приказали полностью забыть о том, будто ему что-то нужно отыскать на корабле, однако он по-прежнему должен лететь с капитаном Ароном сквозь Чаладур и, используя опыт, накопленный в предыдущих полетах, всемерно способствовать тому, чтобы «Ночная птица» благополучно прибыла на Эмрис.

И что он за это получит?

Веццарн просто кипел от бессильной ярости. Но потом ему в голову пришла мысль, что он вполне может поработать и на самого себя. У обладателя голоса явно были связи и по ту сторону Чаладура, однако тамошние осведомители не сразу сумеют что-либо сообщить ему о действиях Веццарна в тех краях, а если Веццарну удастся заполучить секретную супер-тягу, которой, как подозревали, частенько пользовался капитан Арон, он к тому времени будет уже далеко-далеко и станет очень и очень богатым человеком.

Интересно, какая все-таки задача у этого корабля. Похоже, он готовится к опасному предприятию, значение которого выходит далеко за рамки обычного рискованного полета сквозь Чаладур! Веццарн просто терялся в догадках и места себе не находил от беспокойства. Но выходить

из игры было уже поздно. Если он это сделает, долго ему на Ульдуне не протянуть. Уж об этом-то обладатель бесцветного голоса позаботится.

Один из их пассажиров, правда, из игры все — так вышел. Это был Камбин, толстый финансист. Он заявился в их офис и что-то проныл насчет своего здоровья, не позволяющего ему отправиться в такой перелет.

Остальные двое сейчас были на борту, сидели в своих каютах, а «Ночная птица», покинув космопорт Зергандола, летела в космическом пространстве, направив свой иглообразный нос в сторону Чаладура…

Веццарн был замечательным взломщиком. Это, в частности, сделало его одним из наиболее ценных агентов неблагодарного обладателя бесцветного голоса. Теперь, когда они оказались в открытом космосе, его обязанности стали незначительными, рутинными, и свободного времени у него хватало. Чем он и воспользовался.

Однако Веццарна ожидала целая серия небольших сюрпризов. Он выяснил, например, что, за исключением центрального пассажирского отсека и ходовой рубки, все остальные помещения буквально напичканы электронными «жучками». Правда, против «жучков» у Веццарна

были свои приемы, так что электронная защита его не пугала. Примерно через сутки он почти убедился в том, что секретная тяга установлена в одном из трех возможных мест — либо в запертой камере грузового отсека, либо в отсеке рядом с машинным отделением, тоже запертом, либо в специально отгороженном помещении на верхней палубе корабля, за пассажирскими каютами.

Самым логичным было бы разместить тягу рядом с машинным отделением. И на следующий день Веццарн проник за запертую дверь. Он был свободен от вахты, так что в ближайшие два-три часа вряд ли кто-нибудь стал бы его разыскивать. Он без помех добрался до машинного отделения. Правда, замок в двери запертого отсека потребовал некоторого времени для изучения и осторожных экспериментов. На первый взгляд, отсек выглядел как обыкновенная кладовка для инструментов и прочих технических приспособлений. Но почему он тогда заперт?

Веццарн не стал спешить. Он произвел некоторые предварительные изыскания с помощью своих средств и понял, что где-то рядом работает множество других приборов! Почти все сигналы поступали из огромного контейнера, стоявшего у переборки напротив двери. Он продолжил свои

исследования, пытаясь обезвредить возможные ловушки, и в итоге обнаружил монитор системы внутреннего слежения.

Ну, с монитором-то справиться нетрудно! Веццарн осторожно приблизился к нему, стараясь не попасть в его поле зрения, открыл заднюю панель и отключил питание. Затем разместил свои приборы возле таинственного контейнера и оставил их записывать исходившие из него сигналы минут на десять.

Ему пришлось дожидаться следующей вахты, после которой он был совершенно свободен и мог спокойно изучить результаты расшифровки. Веццарн добрался до своей каюты и заперся в ней. Он достал из шкафа дешифратор, поставил его на маленький столик, включил, еще раз подошел к двери и проверил, заперта ли она, и вперился в окуляры. Перед ним было объемное изображение того, что сумели «увидеть» его приборы.

Это было нечто очень странное! Оно двигалось, издавая еле слышные звуки, позвякивало, жужжало, гудело, поблескивало и вращалось. И при этом посылало слабые импульсы разных видов энергии, которые, казалось, пронизывали его насквозь. Короче, оно все время напряженно работало, хотя Веццарну эта работа представлялась

довольно хаотичной и совершенно непонятной. Через пять минут он был уже почти убежден, что все это не имеет и не может иметь никакого практического применения.

Во всяком случае, это была явно не супер-тяга! Даже самый необычный тип тягового двигателя не может быть таким!

Но что же это тогда? И тут Веццарн догадался: его просто провели! Загадочный контейнер в запертом отсеке сыграл свою роль! Все это было придумано лишь для того, чтобы привлечь внимание любого, кто станет обшаривать корабль в поисках спрятанной тяговой установки.

Это был сильный удар! Капитан производил на Веццарна впечатление человека открытого, прямого и на подобную низкопробную хитрость не способного. Веццарн даже почувствовал себя оскорбленным. Но быстро утешился. Он ведь все-таки обнаружил монитор, и никто его не поймал…

В тот день еще лишь одно событие омрачило настроение Веццарна. Поскольку все меры предосторожности, предпринятые капитаном, были, по всей видимости, направлены против пассажиров, а не против него, Веццарна, то он разместил в разных местах свою собственную

систему «жучков», значительно более эффективных. Даже первоклассный профессионал вряд ли способен обнаружить их все. Если на борту корабля у Веццарна и были соперники, тоже заинтересованные в секретной тяге, он о них узнает!

Видимо, соперники имелись. Проверяя жучки, он обнаружил, что они включались в работу, фиксируя чье-то присутствие в нескольких запертых помещениях корабля в те моменты, когда капитан, юная Дани и сам Веццарн находились в ходовой рубке.

Кто бы это мог быть? Гулик до Эдель или этот роскошно одетый бизнесмен, Лаэс Янго?

Может быть, даже оба. Причем независимо друг от друга. Веццарн встревожился. Только этого ему не хватало!

А капитан Арон между тем тоже забил тревогу. Ах, если бы на борту «Удачи», то есть «Ночной птицы», не было вообще никаких пассажиров! Взятый ими груз делал коммерческий аспект полета к Эмрису абсолютно мизерным. Да и не только в этом дело — история с Суннат, Базимом и Филишем заставляла подумать о том, сколько еще на Ульдуне людей, подозревающих о наличии на его корабле нового типа невероятно

мощной тяги. Субрадио уже распространило по галактике информацию об «Удаче», причем гораздо быстрее, чем можно было предполагать. Теперь почти любой встречный мог вынашивать тайные замыслы в отношении загадочной тяги!

Одним из способов борьбы с подобными замыслами было осторожное распространение слухов, что капитан и Гот — карресские жители. По всей вероятности, немногие смельчаки решатся перейти дорогу ведьмам и колдунам. Однако поскольку на корабле находился Олими и его «камень», капитан решил лишь в самую последнюю очередь прибегнуть к этому способу. Мир Червей, судя по всему, имел свою агентуру и среди людей, которым нури выхолостили мозги, превратив в абсолютно послушных рабов. Так что слух о том, что «Ночной птицей» управляют жители Карреса, несомненно привлечет к кораблю внимание нури. А капитану хотелось сделать отлет с Ульдуны как можно более незаметным.

Вот поэтому он и не смог избавиться от Гулик до Эдель и Лаэса Янго. Если бы он в последний момент отказался брать их, это наверняка вызвало бы толки и пересуды. После того, как Камбин добровольно отказался от полета, капитан пригласил оставшихся пассажиров в свой офис. За

день до этого в космопорте Зергандола приземлился корабль, сильно покалеченный после полета сквозь Чаладур. Экипаж его был в очень плохом состоянии. Капитан сразу заявил своим будущим пассажирам, что опасности, которые обычно таит в себе Чаладур, ныне, по-видимому, достигли своего апогея, и если пассажиры по этой причине откажутся от полета, он готов полностью возместить им затраты.

Предложение не встретило должного отклика. Гулик до Эдель, вся в слезах, кричала, что она просто обязана как можно скорее попасть к старикам-родителям на Эмрис. А Янго вежливо, но твердо пообещал добиться судебного запрета на вылет «Ночной птицы» с Ульдуны, если корабль вздумает стартовать без него. Капитан сдался.

— Видимо, кто-то из них охотится за вжжиктягой, — сказал он Гот. — Нам бы не мешало принять некоторые меры.

— Какие именно? — спросила Гот. Жаль, что среди ее талантов не было умения читать чужие мысли — это бы сейчас очень пригодилось.

— Пожалуй, мы установим фальшивый супердвигатель.

Гот идея понравилась. Посерт почти забыл о том дурацком грузе, который остался у него на

борту, когда он впервые отправился в торговый рейс с Никкелдепейна — ему казалось, что с тех пор прошло много лет. Он разыскал старый груз в одном из складов космопорта. Среди прочей ерунды там оказались сложные, дорогие и весьма взрывоопасные обучающие игрушки — видимо, собственность советника Раппорта. Их, помнится, капитану никак не удавалось никому всучить ни на одной из планет Империи.

— Там есть одна забавная штука, которая способна нам помочь, — рассказывал он Гот о своей находке. — По-моему, на ней написано «Мультисистемная игра».

Он продемонстрировал ее Гот. Игра являлась средством обучения: как пользоваться различными видами энергии, известными на Никкелдепейне. Однако что-то в ней, видимо, сломалось, и когда ее включали, все обучающие системы начинали работать одновременно, а на экране возникало нечто совершенно немыслимое — некая постоянно менявшаяся мешанина изображений. Игра могла сработать как «крючок».

Итак, они спрятали «Мультисистемную игру» в машинном отделении, тщательно — но не слишком — замаскировав ее, чтобы интересу-

ющийся мог достаточно легко ее обнаружить. Рядом они установили монитор слежения. Фирма, торгующая всяким шпионским снаряжением, с удовольствием продала им монитор и прислала специалиста, который установил по всему кораблю «жучки» — в тех местах, где указал капитан. Специалист, правда, признался, что все эти устройства не самого высокого класса, но капитану не так уж много было нужно — хотя бы на один шаг опережать противника.

Ночью накануне отлета люди даала привезли два бронированных куба, которые под руководством капитана погрузили в трюм «Ночной птицы». Один отправили в только что законченный сейф, занимавший немало места в особой камере грузового отсека, снабженной кодовым замком. Капитан сразу же собственноручно установил на замке время: две недели. Второй поставили в каюту, недавно отгороженную от остального пассажирского отсека. В первом хранилище был «камень», доставленный с корабля Олими, во втором — сам Олими.

Примерно через 12 часов после начала полета Гот отправилась в машинное отделение проверить, как обстоят дела в запертом отсеке. Монитор, как она убедилась, никто не включал.

Ни один из дорогостоящих «жучков» ничего тревожного не отметил. Значит тот, кто забрался в машинное отделение, был опытным шпионом и взломщиком.

Они ничего не могли придумать. Оставалось только заковать всех пассажиров в цепи. И чем ближе они подходили к Чаладуру, тем более опасным становилось любому из них находиться где-либо, кроме ходовой рубки и собственных кают, которые соединялись непосредственно с нею. Шпионы, сколько бы их ни было, в конце концов могут просто отказаться от своей затеи отыскать волшебную супер-тягу. Да и что они могут найти? Связку погнутых проволочек, валявшуюся в ящике тумбочки возле кровати Гот? Ну еще и саму Гот, конечно.

Но на четвертые корабельные сутки случилось непредвиденное…

Капитан сидел в ходовой рубке — было время его вахты, — а Гот спала у себя в каюте. На экранах раскрывались пугающие глубины Чаладура, и «Удача» погружалась в них с предельной скоростью, на которую только были способны ее новые двигатели. Суперсложная система масс-детекторов регистрировала порой некие случайные объекты, но все они были так далеко

от корабля, что лишь на мгновение изображения вспыхивали на экранах и тут же исчезали. Глаза капитана беспрестанно вглядывались в экраны. Вдали, прямо перед ним, висела в пространстве разноцветная гроздь звезд, окутанная красновато-коричневым облаком пыли. Это был первый естественный маяк на пути «Удачи», однако его разумнее было бы облететь стороной, ибо это скопление планет служило прибежищем знаменитым людоедам Мегайра.

Капитан ввел в автопилот поправку, слегка изменил курс, и звездная гроздь медленно сместилась влево. Вдруг небольшой экран засветился, издавая звонкие сигналы. Капитан включил изображение, и на экране появилось лицо Веццарна.

— В чем дело? — спросил капитан.

Голова Веццарна сместилась — он оглянулся назад, хотя за спиной у него был пустой коридор.

— Тут что-то неладно, капитан! — хрипло прошептал он.

Посерт открыл запертую дверь рубки, чтобы впустить Веццарна, и, нажав на кнопку, разбудил Гот. Вытащил из ящика стола бластер, сунул его в карман и поднялся навстречу Веццарну, торопливо входившему в рубку.

— Ну что там? — спросил он.

— Знаете дверь с надписью «Вход воспрещен», позади пассажирского отсека? Так вот, капитан, похоже, кто-то из пассажиров туда забрался!

— Кто именно? — спросил Посерт. В этот момент за спиной у Веццарна он увидел Гот.

— Не знаю, — Веццарн пожал плечами. — В кают-компании сейчас никого. Я проходил мимо и увидел: дверь чуть-чуть приоткрыта.

— Внутрь не заглядывали?

— Нет, сэр! — Веццарн изобразил оскорбленную добродетель. — Как же без вашего разрешения? Просто я решил сразу же вам сообщить…

— Пошли, — скомандовал капитан.

Капитан и Веццарн осторожно подошли к двери, ведущей в закрытый отсек, где в своей темной каюте находился Олими, все такой же неподвижный и безжизненный.

— А теперь заперто! — воскликнул Веццарн.

Капитан быстро глянул на него и достал из кармана ключ.

— Ты уверен, что дверь была открыта? — спросил он. Веццарн оскорбился:

— Как и в том, что стою перед вами, капитан! Чуть-чуть, но совершенно точно открыта!

— Хорошо.

Кто бы ни был этот любопытный пассажир, он, скорее всего, успел обследовать и коридор, и каюту, потом обнаружил Олими — что должно было изрядно его напугать — и быстренько убрался прочь.

— Вы с Дани подождите меня в кают-компании, — приказал капитан. — А я пока все проверю.

Ключ легко повернулся в замке, капитан нажал на ручку двери, и она тут же распахнулась сама, ударив его в плечо. Он едва успел схватить за руку Гулик до Эдель, когда та весьма резво выскочила из запертого отсека наружу. Лицо ее было мертвенно-бледным, рот раскрыт. Она сперва жадно хватала им воздух, а потом пронзительно закричала.

На крик тут же прибежал Веццарн. За ним следом явился Лаэс Янго. Гулик бормотала что-то непонятное. Капитан быстро захлопнул дверь и коротко приказал:

— Давайте отведем ее в кают-компанию…

Положение складывалось неприятное, но пока они добрались до кают-компании, капитан успел придумать легенду. «Мертвец», которого обнаружила любознательная госпожа, просто один из пассажиров, и его вовсе не следует бояться. Этот

человек, чье имя капитан называть не имеет права, страдает некоей формой паралича, которую вроде бы умеют лечить на Эмрисе. С этим делом связаны несколько весьма важных персон с Ульдуны, и по причинам политическим присутствие этого пассажира на борту «Ночной птицы» должно сохраняться в строжайшей тайне.

Лаэс Янго, Веццарн и Гулик усердно кивали на его объяснения.

— Не могли бы вы пройти со мной в рубку, госпожа до Эдель? — попросил он. — Веццарн, посидите, пожалуйста, у экранов…

В рубке он предложил Гулик сесть, а Гот тут же пристроилась к пульту управления, но детекторы молчали. Мегайр они уже миновали; он потихоньку уходил за корму. Капитан включил внутреннюю связь и освободил Веццарна, следившего за экранами из кают-компании. Потом он повернулся к своей пассажирке.

— Я виновата, виновата, капитан Арон! — поспешно заверещала Гулик. — Не знаю, что на меня нашло! Уверяю вас, я вовсе не имею привычки совать нос в чужие дела!

— Меня интересует только то, как вам удалось открыть замки в коридоре и в кающе, — прервал ее Посерт.

— Но я их вовсе не открывала! — удивилась Гулик. — Обе двери были открыты, а та, что в коридоре, вообще распахнута настежь. Потому-то я и решила заглянуть внутрь… Может, это Веццарн… хотя нет, он ведь тоже ничего не знал, верно?

— Верно.

— Только у вас есть ключи от этих дверей?

— Предположим, — сказал капитан.

— Тогда я ничего не понимаю! Клянусь, я говорю правду! — Темные глаза Гулик смотрели сперва изумленно, потом испуганно: — А вдруг… этот несчастный… пришел в себя и сам открыл двери? Изнутри? — Она вся побелела от страха.

Капитан ответил, что сильно сомневается в возможности этого. Гот говорила ему, что, когда человек отключает свой разум, он вообще не может передвигаться. В остальном же данный инцидент ровным счетом ничего не прибавил к уже имевшейся у него информации относительно наличия на борту нескольких «любопытных». Гулик до Эдель, похоже, говорила правду. Впрочем, если она опытная шпионка, так и должно казаться. Особенно, когда она лжет…

Перед отлетом капитан установил в рубке индикатор охранной сигнализации, который

должен был включиться, если бы кто-то полез в сейф, где хранился «камень» Олими. Теперь он был доволен собственной предусмотрительностью, хотя прежде она казалась ему излишней: дело в том, что замок с часовым механизмом, вставленный в сейф, должен был бы устоять против любого взломщика, однако и грузовой отсек, и секретная камера были оборудованы дверями особой прочности, которые поставила им та же фирма, что оборудовала сейфы «Банка Даала».

Следующий день на корабле прошел относительно спокойно, хотя именно в этот день имела место первая настоящая атака на их корабль. Но все это было настолько несерьезно, что особого внимания не заслуживало. Дюжина черных иглообразных кораблей возникла вдруг на экранах, освещенная красным солнцем. До того нападавшие были не видны, ибо обозначавшие их светящиеся точки на экранах затмевало излучение звезд, находившихся позади них. Это была широко распространенная тактика нападения, и экипаж «Удачи» все время был начеку, особенно когда курс корабля пролегал поблизости от очередного солнца. Черные корабли сразу же легли на курс перехвата, двигаясь с исключительно высокой скоростью. Выглядели они довольно

зловеще.

Сигнал тревоги поднял Гот с постели. Через тридцать секунд загорелся один из экранов, и с него на капитана глянуло ее лицо.

— Все готово! — доложила она, откидывая со лба спутанные волосы. — Запускать?

— Нет еще, — отвечал капитан. Проходя сквозь эту звездную систему, он не торопил «Удачу», так что у них был в запасе некоторый резерв мощности. — Может, мы и так уйдем… Ну-ка, переключи свой экран на правый борт.

Из кают-компании зазвучал сигнал интеркома. Капитан включил связь.

— Известно ли вам, — осведомился динамик голосом Лаэса Янго, — что нас хотят перехватить?

Капитан поблагодарил его, сказав, что вполне справится со сложившейся ситуацией. Торговец отключил связь. У него были отличные нервы: голос звучал ровно, сдержанно, и в нем лишь капельку чувствовалось любопытство. И еще, подумал капитан, надо признать, что глаз у Янго острый: на экранах в кают-компании иглообразные корабли стали видимы всего за пару секунд до того, как он позвонил в рубку.

Капитан следил за приборами, определявшими вероятную точку встречи с перехватчиками.

Остроносые корабли пока что шли с прежней скоростью. Затем перехватчики свернули, чтобы зайти «Удаче» в хвост. Капитан медленно отвел регулятор тяги до предела назад. Ходовые двигатели дико взревели, и полторы минуты спустя они проскочили вероятную точку встречи, имея в запасе еще добрых секунд шестьдесят. Черные корабли в последний момент тоже включили форсаж, но «Удача» шла явно быстрее.

Вахта капитана закончилась, его сменила Гот, и он с чувством выполненного долга отправился спать. Потом снова встал, поел и заступил на вахту…

Глава седьмая

Пора было будить Гот. Но капитан решил дать ей еще немного времени. Эта бесконечная череда вахт здорово их истощила и вполне могла сказаться еще до того, как они пройдут через Чаладур. Вот если бы он мог доверять еще хоть кому-нибудь…

Капитан раздраженно фыркнул. На секунду ему показалось, что он чувствует запах духов. Видно, воображение разыгралось. Гулик до Эдель всегда пользуется духами, но ее в рубке уже целые

сутки не было. Да и духи у нее вроде бы другие… Интересно, кто же это? Какой-то очень знакомый запах… Может быть?…

— Может быть, уделите мне пару минут, капитан Арон? — раздался у него за спиной тихий грудной голос. Капитан вздрогнул и резко обернулся.

У противоположной стены рубки стояла, чуть прищурившись и улыбаясь, рыжеволосая Суннат. Одета она была в тот самый наряд, который всегда вызывал у капитана усиленное сердцебиение. Она, как когда-то в Зергандоле, не стесняясь демонстрировала все свои прелести…

— Неплохо! — Капитан постарался сразу взять себя в руки. — Вот только голос не очень похож, а духи, по-моему, и совсем не те.

Суннат некоторое время изумленно смотрела на него. Улыбка медленно сползала с ее лица.

— Вот как? — произнесла она холодно, повернулась к нему спиной и уплыла в каюту Гот. Через секунду Гот собственной персоной уже стояла на пороге, не то хмурясь, не то улыбаясь.

— А я думала, у меня хорошо получилось! — разочарованно сказала она. — И голос, мне казалось, похож!

— Да нет, в самом деле очень неплохо! — заве-

рил ее капитан. — Можно узнать, зачем это тебе понадобилось?

Гот взгромоздилась на столик перед коммуникатором и принялась, как всегда, качать в воздухе ногой.

— Хотелось потренироваться, — объяснила она. — Я еще не все умею. Тем более имитировать. Это, между прочим, не такая простая штука… А хочешь, я сейчас Гулик изображу? Уж ее-то я точно сымитирую!

— В другой раз, — сказал капитан, выбрался из кресла и подрегулировал его под ее рост. — Пойду-ка я посплю. А ты будь добра, оставь свои тренировки и внимательно следи за экранами! Там опять что-то неладное…

— Можешь не беспокоиться! — Она спрыгнула на пол, подошла к нему — и оба замерли на месте.

Рубка наполнилась короткими, резким свистками; на одном из экранов пульсировала красная линия. Тревога!

— Сейф! — прошипела Гот.

Они бросились по коридору к грузовому отсеку. Весь корабль спал. В кают-компании никого не было, свет там горел неярко. По корабельному времени уже два часа, как наступила ночь.

Огромная дверь грузового отсека была плотно закрыта и даже как будто заперта, но стоило коснуться, как она распахнулась настежь. Освещение было включено — здесь явно кто-то побывал! Капитан достал бластер, и они быстро пошли по узкому проходу к дальнему концу отсека, где слева была запертая дверь в потайную камеру — массивная, способная выдержать любой напор. Дверь оказалась приоткрытой.

На пороге лицом вниз лежал Веццарн. Ноги его так и остались за порогом, словно он споткнулся и упал, выходя из камеры. Он не пошевелился, когда они переступили через него. Внутри камеры слышалось странное громкое жужжание, словно там орудовал потревоженный рой каких-то гигантских насекомых. Сейф стоял у стены; его верхнее отделение, где помещался куб, было открыто. Перед сейфом на полу лежало несколько непонятных приборов. Но жужжание исходило именно из сейфа.

… Это напоминало переход через болото, до колен наполненное густой, липучей жижей. Капитана шатало от бесконечных приступов головокружения. Жужжание угрожающе нарастало. Он еще успел услышать, как Гот что-то предупреждающе крикнула. Впрочем, к этому

моменту он уже достиг сейфа. Из него хлынул поток сероватого света, и капитана будто опалило холодным огнем. Ему показалось, что он падает в холодную, серую пустоту, хотя руки его лихорадочно искали край прочного и эластичного пластика, в который был ранее завернут «камень», потом наконец нащупали, потянули и принялись заворачивать, закрывать, закутывать бугристую поверхность страшного «камня»...

Через несколько секунд «камень» снова был тщательно завернут, а концы пластика надежно закреплены. Капитан и Гот стояли, тяжело дыша и глядя друг на друга. Жужжание понемногу стихало; у них было ощущение, что некто ужасный собрался было проснуться, но потом передумал и решил продолжить свой сон.

— Кажется, вовремя успели! — отдышавшись, сказал капитан. — Давай быстрее!

Они не сумели как следует закрыть сейф — так и бросили его, с открытым верхним отделением. Они оттащили Веццарна от порога, захлопнули дверь камеры, заперли ее на три поворота ключа. Потом капитан взгромоздил Веццарна себе на плечи и потащил. Он был очень тяжел и то ли мертв, то ли просто без сознания; во всяком случае, тело его было неповоротливым, точно

мешок с песком.

Заперев грузовой отсек, Гот бегом бросилась назад, в рубку, а капитан потащился следом, шатаясь под тяжестью тела. Пассажиров по-прежнему видно не было, но это вовсе не означало, что они спокойно спят.

В рубке капитан опустил Веццарна на пол и вдвоем с Гот занял место у приборной панели. Черный мрак Чаладура по-прежнему висел перед ними, но никаких признаков непосредственной опасности пока не было видно. Как и свидетельств того, что далекий Мир Червей знает о корабле, несущемся сквозь пространство с таинственным «камнем» на борту, который к тому же только что кто-то пытался рассмотреть поближе. Гот и капитан переглянулись.

— Может, и обошлось, — вздохнул капитан. — Если поблизости не было этих нури... — Он оглянулся на Веццарна. — Давай-ка попробуем привести этого типа в чувство.

Через несколько минут Веццарн, кашляя и отплевываясь, очнулся, и капитан убрал фляжку с бренди.

— Вы меня слышите, Веццарн? — громко спросил он.

— Да, — прошептал Веццарн и огляделся. — А

что это?..

— Дани сейчас немного позабавится с детектором лжи.

— Я все скажу, капитан, всю правду! — завопил Веццарн.

— Ладно, увидим. Но если только детектор покажет, что вы солгали, вы тут же вылетите наружу. Прямо в Чаладур!

Веццарн поспешно вывалил все, что мог вспомнить — о таинственной тяге, о тихом «голосе», который нанял его, а потом изменил задание, о своих собственных планах и о последних событиях на борту.

— Вот теперь я знаю, какой супердвигатель их интересует, сэр, — закончил он свой рассказ, дрожа от страха при одном воспоминании об этом. — Что до меня, так я даже близко никогда к этой дьявольской штуке не подойду! Хоть озолотите! Честно говорю! Я теперь ваш, со всеми потрохами, пока не пройдем Чаладур и не сядем на Эмрисе! Вы уж поверьте!

Капитан отошел к пульту управления, нажал на кнопку, и внутренняя дверь шлюза с резким хлопком закрылась. Веццарн вздрогнул и вздохнул с облегчением.

— Мне кажется, кто-то из наших пассажиров

тоже интересуется супердвигателем, — заметил капитан. Пусть Веццарн считает, что «камень» и есть тот самый двигатель, подумал он. — Не знаете, кто именно?

— По-моему, оба, — ответил Веццарн, явно почувствовав себя увереннее.

Капитан с минуту молча смотрел на него.

— Меня уверяли, — произнес он наконец, — что, кроме боевого луча, который плавит любую броню, ничто и никто не может проникнуть в запертую камеру грузового отсека и открыть замок сейфа…

Веццарн закашлялся и со слабой улыбкой произнес:

— Знаете, сэр, может, на Ульдуне и найдется еще пара-тройка более опытных медвежатников, чем я, да только не больше. Это я вам гарантирую. Надеюсь, вы все поняли, сэр?

Капитан кивнул.

…А через семь часов экраны предупредили, что идет Червивая Гроза. Она была еще далеко, но уже явственно были видны смутные желтые проблески среди звезд. Приборы почти одновременно зарегистрировали пять или шесть таких проблесков — причем не кучно, а по всему сектору. На первый взгляд, нури двигались хаотично и

не в сторону «Удачи».

Еще через полчаса количество вспышек на экранах возросло до полусотни; нури уже окружали корабль со всех сторон, хотя двигались по-прежнему довольно беспорядочно, то уменьшаясь в размерах и словно пропадая вдали, то появляясь вновь… Гот приготовила вжжик-тягу и вернулась в рубку. Капитан отключил экраны в кают-компании. Лаэс Янго тут же позвонил по интеркому и поинтересовался причиной. Капитан сослался на небольшую поломку, уже почти устраненную.

Сферические переплетения нури к самому кораблю пока что не приближались. Встреча с ними вообще-то могла быть чистым совпадением, но все-таки оставалась значительная вероятность того, что в этот сектор пространства их привлекло именно то, что Вещцарн активизировал «камень».

— Боишься? — Гот уже не в первый раз спрашивала его об этом своим тихим и как бы придушенным голосом.

— В общем, да… А ты?

— И я. Немножко.

Через некоторое время число желтых шаров как будто уменьшилось. Капитан подождал

еще несколько минут, окончательно убедился в этом, и спросил Гот, что она видит. Оказалось, что Гот тоже заметила: Червивая Гроза вроде бы проходила стороной. Затем остались всего два шара, видимо, самые недоверчивые. Они плыли далеко позади корабля, но с экранов исчезать не желали.

— А быть ведьмой все-таки здорово! — вздохнул капитан.

— Иногда, — кивнула Гот, и капитан не сразу ее понял.

— Ну, хорошо, теперь, видимо, некоторое время на борту будет спокойно, — сказал он. — Все, что могло случиться, уже случилось. — Он засмеялся. — Если, конечно, кто-нибудь из ватчей не решит составить нам компанию!

Гот осторожно кашлянула.

— Знаешь что…

Капитан изумленно уставился на нее.

— Может, конечно, его тут и нет, — сказала Гот, — но я бы этого утверждать не стала…

— А я думал, ты это знаешь!

— Знаю — когда они близко. Но этот близко не подходит. Если это, конечно, ватч… Мне почему-то иногда кажется, что за нами наблюдают… — Она махнула рукой куда-то в сторону

экранов, где светился Чаладур. — Издалека, оттуда…

А еще через две вахты им стало ясно, что не все еще успело случиться на борту «Удачи». И в том, что произошло на этот раз, ватч виноват не был, хотя некоторое время капитан еще сомневался. По сути дела, объяснения этому происшествию никто на корабле так и не нашел.

Тревогу подняла Гулик до Эдель. Капитан оставался на вахте, когда заверещал сигнал интеркома и раздался странно спокойный голос Гулик:

— Капитан Арон, я у себя в каюте. Мне срочно нужна помощь! Но постучите, прежде чем входить, и непременно назовите свое имя, иначе я буду стрелять сквозь дверь!

— И почему же это вы будете стрелять сквозь дверь? — осведомился он, нажимая кнопку сигнала, чтобы разбудить Гот.

— А потому, — отвечала Гулик, — что по кораблю кто-то разгуливает!

— И кто же это?

— Зверь! Животное! Чудовище! — Гулик, видно, говорила с трудом, стискивая зубы, чтобы не сорваться на крик. — Я его видела собственными глазами. Только что. В коридоре возле кают-ком-

пании. Будьте осторожны!

— Сейчас приду, — сказал капитан.

В рубку вбежала Гот, на ходу застегивая куртку.

— Это ватч? — спросил капитан.

— Ничего подобного! — помотала головой Гот. — Да разве Гулик заметила бы присутствие ватча?

— Надеюсь, это всего лишь игра ее воображения. Пошли!

Они быстро и осторожно прошли по коридору. Никого. Свет в кают-компании был притушен. Они повернули в другой коридор и остановились у закрытой двери каюты Гулик.

— Отойди в сторону, — прошептал капитан. — Судя по ее тону, она запросто может начать палить сквозь дверь.

Он осторожно постучался и нажал кнопку переговорного устройства.

— Кто там? — резко осведомилась Гулик.

— Капитан Арон. И Дани тоже со мной.

Раздалось два щелчка. Дверь чуть приоткрылась, и Гулик опасливо выглянула наружу, не отводя от щели небольшого, но вполне убедительно выглядевшего бластера. Ее нежное лицо казалось серым и было искажено от страха,

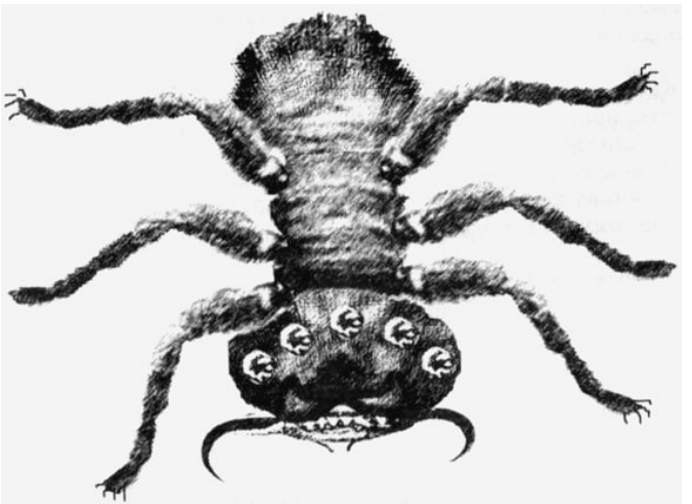
темные глаза нервно поблескивали. Капитан забеспокоился.

— Заходите! Быстро! — скомандовала Гулик, пропуская их в каюту.

— …Я не успела его как следует рассмотреть, — рассказывала она, по-прежнему не выпуская из рук бластер. — Оно было в коридоре, который ведет в хвост корабля, шагах в тридцати от меня и в тени. Такая огромная темная туша. Б-р-р! — Гулик поежилась. — Это какое-то животное, и очень большое!

— Насколько большое? — спросил капитан.

— Не знаю… Туша не меньше, чем у лошади. Округлая и вся бугристая. А лапы, по-моему, короткие — во всяком случае, посадка у него низкая. А может, оно просто присело перед прыжком… Голова огромная, круглая, с бивнями или клыками! А глаза! Пять штук, и все в ряд в верхней части головы. Маленькие такие и ярко-желтые!



Все — исключая, конечно, Олими — собрались в ходовой рубке. И все, за исключением Гот, были при оружии. Веццарн, очевидно, поверил Гулик сразу. Лаэс Янго был настроен более скептически.

— Я слышал истории о том, как на корабли вторгались некие существа из Чаладура, — сооб-

щил он. — Но никогда не считал, что им следует верить. Нервное перенапряжение…

— Мои нервы в полном порядке! — перебила его Гулик. Янго пожал плечами и кивнул в сторону экранов.

— Мы все прекрасно знаем, что здесь существуют вполне реальные опасности, — сказал он. — Самые различные. И никто не может предсказать, когда одна из них проявит себя. А вы предлагаете, чтобы девочка оставалась одна в рубке и охраняла нас, хотя на пути может встретиться все что угодно, а мы все займемся бессмысленными поисками по кораблю того, что вам привиделось?

— Дани, конечно же, нельзя одной здесь оставаться, — резко ответила Гулик. — Следует держаться вместе. Но я действительно считаю, что корабль необходимо осмотреть. И опять-таки всем вместе. Мы должны найти эту тварь и убить ее. — Она посмотрела на капитана. — Насколько я понимаю, вашему несчастному паралитику грозит сейчас самая серьезная опасность!

Капитан колебался. Покидать рубку на длительное время было бы неосмотрительно. С другой стороны, Чаладур выглядел спокойным и путь впереди был свободен. Никаких звезд, скоплений

космической пыли, никаких других небесных тел или астероидов, способных скрывать засаду. Масс-детекторы уже несколько часов молчали…

Он сказал, что вряд ли на поиски им потребуется целый час — на корабле не так уж много мест, где могло бы спрятаться животное такого размера. А если это существо агрессивное, то нет оснований предполагать, что оно станет прятаться. Сейчас он включит автоматическую систему охранной сигнализации, которая сразу подаст сигнал тревоги, если что-либо подозрительное появится в зоне действия детекторов в любом отсеке. Всем держаться вместе, велел капитан. Передвигаться только группой.

Сперва они осмотрели пассажирский отсек, затем перешли в хвост корабля, осмотрели грузовой трюм и нижнюю палубу. Никто им не попался; не обнаружили они ни малейших следов столь огромного существа и в коридоре, где, согласно заявлению Гулик, она его видела собственными глазами. Однако Гулик стояла на своем.

— Что будут делать остальные, меня не касается! — заявила она. — Я лично спать больше не намерена и оставшиеся несколько суток из каюты не выйду. Если за это время ничего не случится, я поверю, что животного на борту больше

нет: может, оно вернулось туда, откуда пришло. А пока советую всем позаботиться о собственной безопасности…

Капитан полагал, что Гулик несколько преувеличивает остроту ситуации. Животное, способное проникнуть сквозь корпус торгового корабля, надо полагать, способно проникнуть и в любую каюту. Может быть, Гулик просто не хочет в этом себе признаться… Но об этой возможности почему-то вслух не упомянул никто.

Когда капитан наконец снова уселся у пульта управления, предвкушая скорый конец своей вахты, он внезапно услышал взволнованный шепот Гот:

— Капитан!

Он вздрогнул. Последние дни были довольно напряженными — то одно, то другое, и сейчас он не расслышал ее шагов. Он резко повернул голову:

— В чем дело?

— Интерком выключен? — осведомилась Гот по-прежнему шепотом.

Она казалась встревоженной.

— Выключен. Что случилось?

— Капитан, я знаю, где прячется это создание, которое видела Гулик!

— Не может быть! — Капитан вскочил с кресла и бросился к ящику, где лежал бластер. — Так это чудовище все-таки на корабле?

Гот кивнула. Глаза ее блестели.

— В каюте Янго!

— Великий Патам! А Янго?..

— О нем можешь не беспокоиться. Он там с ним разговаривает. Я под дверью подслушивала. Беседуют на непонятном языке, я такого не знаю. Зато Янго знает.

Капитан недоверчиво уставился на нее.

— Гот, ты совершенно уверена, что он держит этого зверя у себя в каюте?

— Конечно, уверена! Он на минутку дверь приоткрыл и в коридор выглянул, а оно стояло у него за спиной, совсем близко!

— А что, если бы оно тебя учуяло?

— Но я же была без формы, без звука, без запаха! — уверенной скороговоркой заявила Гот. — Я это все умею выключать, капитан! Меня там словно и не было. Зато я успела немного разглядеть это чудище! Здоровое, мех коричневый. И лапу видела, не всю, правда. Странная лапа, вроде ножки жука. Только вся косматым мехом поросла. Но я, конечно, не очень хорошо успела рассмотреть... — Она поглядела на него. — Что

будем делать?

— Раз Лаэс Янго с ним разговаривает, значит, он может его контролировать. Давай-ка займемся этим прямо сейчас, пока чудовище у него.

— Он и сам оттуда пока что выбраться не может, — сообщила Гот.

— Это почему?

— А у него без нашей помощи замок не откроется. Я в него железку засунула. И его заклинило.

Когда контейнеры с невероятным электронным оборудованием Лаэса Янго прибыли на борт, торговец настоял, чтобы один из самых больших был помещен к нему в каюту, а не в грузовой отсек.

— Помнишь, у него такой здоровый ящик был? — спросил капитан Гот.

— Вряд ли такое чудище в нем поместится, — с сомнением сказала Гот.

— Ну, если размером с лошадь… тогда да, пожалуй, не поместится. Впрочем, это всего лишь предположение… — Капитан сунул бластер в карман. — Пошли. Попробуем выяснить, что там такое. Гот понимающе кивнула и улыбнулась.

— Тогда я изменю свою форму, да?

— И все остальное тоже.

— Ладно, — сказала Гот и исчезла. Капитан навострил уши, пытаясь хоть как-то определить ее

присутствие, но она исчезла без следа. «Вот бы и мне так», — подумал он. Когда Посерт подошел к двери каюты Янго, пальчики Гот легонько сжали его руку.

Некоторое время он прислушивался. Голосов из-за двери слышно не было, но раздавались другие звуки, хотя и очень слабые. Дважды по каюте кто-то прошел — но это были быстрые шаги человека, а не звериный топот. Затем послышался несильный удар, что-то лязгнуло, и снова раздались удары. Еще два… Потом все стихло.

Капитан подождал еще с минуту и включил переговорное устройство на двери.

Он ожидал услышать в ответ либо молчание, либо возню, однако Лаэс Янго спокойно осведомился:

— Кто там?

— Капитан Арон. Могу я войти, господин Янго?

— Конечно, сэр… Одну минуту, дверь, кажется, заперта.

Шаги послышались у самой двери. Янго вел себя совершенно нормально и ничуть не подозрительно. А эти тяжелые удары? Капитан отступил в сторону, сунул руку в карман и нащупал бластер.

Дверь распахнулась — сразу стало ясно, что ни-

какого чудовища в каюте нет. Торговец холодно и скупо улыбнулся.

— Входите, сэр.

Капитан вошел. На столике у стены слева горела лампа и валялись какие-то бумаги. Огромный контейнер загромождал почти всю дальнюю часть каюты, но лошадь упрятать в него было явно невозможно.

— Надеюсь, я не очень вас обеспокоил? — сказал капитан.

— Вовсе нет, капитан Арон, — Лаэс Янго широко улыбнулся. — Чем могу служить?

— Речь идет о безопасности корабля. — Капитан достал бластер. Янго посмотрел на бластер, затем снова на капитана, скорее удивленно, чем встревоженно.

— Неужели все так серьезно? — спросил он.

— Да, — сказал капитан, чуть приподнял ствол бластера и указал на контейнер. — Вы сообщили мне, насколько я помню, что здесь находится некое весьма ценное и хрупкое гиперэлектронное оборудование?

— Совершенно верно.

— Я вижу, контейнер заперт, — продолжал капитан, — однако мне придется попросить вас открыть его.

Лаэс Янго задумчиво пожевал губу.

— Вы настаиваете на этом? — спросил он.

— Боюсь, что да.

— Хорошо, сэр. Я знаю законы — в рискованном полете вопрос безопасности корабля автоматически получает приоритет над всеми остальными соображениями.

Торговец достал два здоровенных ключа, вставил их по очереди в замок, несколько раз повернул каким-то сложным образом, вынул и отступил в сторону. Крышка контейнера начала медленно открываться, затем щелкнула и застыла. Капитан придвинулся ближе, не спуская глаз с торговца, и заглянул внутрь…

Больше всего это было похоже на огромный меховой плащ, сложенный в несколько раз. Мех был коричневатый, длинный и жесткий, кое-где украшенный черными полосами, как у тигра. Капитан осторожно протянул руку, потрогал мех пальцем, затем приподнял шкуру — казалось, она сопротивляется этому, и капитан опустил ее.

— Так это и есть ценное гиперэлектронное оборудование?

Янго кивнул.

— Да, сэр! Можно сказать, бесценное! Очень древнее и в прекрасном состоянии. Это робот

Шима — в разобранном виде, конечно… Великий мастер, создавший его, умер более трехсот лет назад.

— Робот Шима? — повторил капитан. — Понятно… Но вы его недавно собирали, не так ли?

— Ну и что? — Янго напрягся.

Капитан потянул за одну из складок мохнатой шкуры…

Голову, утонувшую в коричневом мехе, он увидел почти сразу. Она, пожалуй, больше походила на страшную маску, сплющенную, покрытую колючей щетиной. Но глаза смотрели как живые. Гулик до Эдель описала их совершенно точно — пять маленьких, круглых, огненно-желтых глазок, расположенных в один ряд. Сейчас глаза уставились в потолок каюты. Чуть ниже виднелась огромная темная пасть. По обеим ее сторонам торчали две пары закрученных черных бивней. Голова была огромная, слишком большая даже для туши «размером с лошадь».

Капитан сложил все обратно, прикрыв голову шкурой.

— Его называют еще Паук Шима! — сказал Лаэс Янго. — Это уникальное изделие, капитан Арон. Роботы Шима изготавливались по образу животных, обитающих в разных мирах, и Паук, как

принято считать, был самым совершенным из них. Это последний сохранившийся экземпляр. Вы спросили, не собирал ли я его недавно… Да, собирал. Это совсем нетрудно. С вашего разрешения…

Капитан поднял бластер, направив его в грудь Янго.

— Что это вы прячете в левой руке? — спросил он.

— Да это же пульт управления роботом! — нахмурился Янго. — Насколько я понял, вы желали увидеть его в собранном виде? Понимаете, роботы Шима воссоздают себя сами, стоит активировать их.

Сложенная шкура зашевелилась, поползла в сторону и стала приподниматься.

— Даю вам две секунды, — сказал капитан очень ровным голосом, — Немедленно выключите его, иначе стреляю!

Шевелящаяся масса медленно осела и успокоилась.

— Я выключил его, сэр! — Янго не сводил глаз с бластера.

— А я забираю у вас это устройство! — сказал капитан. — После того, как вы запрете контейнер, заберу и ключи. А затем вы мне расскажете,

для чего создан этот робот, куда вы его везете и ради чего собрали его и пустили разгуливать по кораблю, никого не предупредив.

На лице Янго была написана с трудом сдерживаемая ярость, однако он более не протестовал. Бизнесмен запер ящик и передал капитану ключи и пульт управления. Потом рассказал, что ему было дано поручение от имени принца-консорта планеты Сванси, расположенной на галактическом севере от Эмриса, непременно заполучить этого робота. Принц Вуэсселен, как известно, является обладателем замечательного механического зоопарка, и цена, которую он обещал заплатить за Паука Шима, была просто фантастической. Как и где Лаэс Янго приобрел робота, он сообщить отказался. Помимо платы за самого робота, ему была обещана огромная премия, если он сумеет доставить Паука вовремя, ибо принц Вуэсселен намеревался выставить его во время летних празднеств в северном Сванси; премия была такова, что Янго решил лететь сквозь Чаладур.

— Вот причины, из-за которых я, помимо всего прочего, совсем не желал, чтобы кто-нибудь узнал о том, что я везу знаменитого Паука Шима. Мне совсем не хочется прилететь на Сванси без

Паука и с перерезанным горлом!

— Но зачем же вы собирали его здесь, на корабле? — удивился капитан.

— Я обещал, что доставлю его в рабочем состоянии. А этих роботов нужно время от времени проверять — можно сказать, прогуливать. Я весьма сожалею, что мои действия вызвали тревогу, но опасности-то никакой не было. Роботы Шима совершенно безвредны. Это просто чрезвычайно дорогие игрушки!

Капитан с неудовольствием крякнул.

— Как же вы умудрились засунуть такую огромную штуку в контейнер?

— Подобные роботы созданы на основе гиперэлектроники и в собранном виде в значительной степени состоят из взаимодействующих энергетических полей различных видов. Когда же робот разобран, поля исчезают, а материальные детали занимают относительно мало места.

— Понятно, — кивнул капитан. — Теперь, я полагаю, вы должны извиниться перед госпожой до Эдель — уж вы нагнали на нее страху! Затем я доставлю сюда корабельный кран, мы перетащим контейнер с роботом в отдельное помещение и оставим там под замком. Мне кажется, ваш робот уже всласть нагулялся по кораблю, так что

посидит пока взаперти.

Гулик до Эдель сперва захотела увидеть Паука собственными глазами, прежде чем поверила рассказу капитана и Янго. Однако одного взгляда на огромную клыкастую морду оказалось вполне достаточно. Гулик задрожала и воскликнула:

— Пожалуйста, закройте немедленно ящик!

Контейнер был заперт, Лаэс Янго принес Гулик свои извинения, и она с отвращением уставилась на него.

— Я горжусь своим благородным происхождением! — заявила она. — Только поэтому на сей раз я принимаю ваши извинения, однако, если вы попробуете выкинуть что-нибудь еще в этом роде, я просто разнесу вам голову из бластера!

Скверные отношения между пассажирами обычно серьезно влияют на общую атмосферу на корабле. В нынешнем положении, однако, как считал капитан, вражда между Лаэсом Янго и до Эдель была, пожалуй, даже полезна, Капитан некоторое время ломал голову над тем, способна ли Гулик осуществить свою угрозу и разнести голову Лаэсу Янго, и решил, что вполне способна. Янго же, если судить по тому, что сообщала о нем Гот, не спускавшая с него глаз, большую часть времени честно сидел у себя в каюте.

Ни Гот, ни Веццарн никогда не слыхали о древних роботах Шима. Вполне возможно, что гиперэлектронный Паук и в самом деле был вполне безобиден, но пока что его накрепко заперли в отдельном отсеке — до прибытия на Эмрис. Случалось ведь, что даже самые кроткие роботы оказывались отнюдь не безвредными…

И все же полет до Эмриса не будет длиться вечно! Они прошли уже половину пути через Чаладур…

— МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК, — услышал вдруг капитан громкий и внятный голос ватча, — МНЕ С ТОБОЙ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО! Я УЖАСНО РАД, ЧТО ОБНАРУЖИЛ ТЕБЯ В СВОИХ МЫСЛЯХ!

Чрезвычайно удивленный, капитан огляделся, но ничего не обнаружил. А голос вновь возник как бы ниоткуда и пронизал его насквозь, словно мощный порыв ветра.

— КАКИЕ ТУТ У ВАС ПРОИСШЕСТВИЯ! КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ! —
воскликнул ватч. — И КАК СМЕШНО ВЫ ДРУГ С ДРУГОМ БОРЕТЕСЬ, ФАНТОМЫ! О, ЧЕЛОВЕЧЕК, СОЗДАНИЕ МОЕГО РАЗУМА, ЗАСЛУЖИВАЕШЬ ЛИ ТЫ БОЛЕЕ ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ?

Капитану на мгновение показалось, что перед ним возникла некая колеблющаяся тьма. Чуть

ниже ее верхнего края он разглядел два зеленых глаза, напоминавших узкие щели. Глаза смотрели на него.

— МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ СДЕЛАТЬ ЭТУ БОРЬБУ ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕЛОВЕЧЕК? ДАВАЙ ПРОВЕРИМ, СПОСОБЕН ЛИ ТЫ ИГРАТЬ БОЛЕЕ СЛОЖНУЮ РОЛЬ?

Капитан резко выпрямился и увидел, что по-прежнему сидит в кресле у пульта управления. Вокруг были все те же знакомые приборы. Чаладур глядел на него с экранов.

Заснул, подумал он. Заснул и увидел во сне этого ватча, который, видите ли, считает, что и сам капитан, и весь его корабль с пассажирами и командой ему снится! Глаза капитана скользнули к хронометру на панели приборов. Видимо, он отключился всего на пару минут. Скверно! Вахта ведь только началась!

Глава восьмая

Некоторое время все на корабле вели себя пристойно. Зато Чаладур расшалился — несколько раз поднималась тревога, а однажды пришлось спешно включить форсаж, чтобы побыстрее убраться от какого-то облака коричневой пыли.

Для обычной космической пыли это «нечто» было чересчур прытким. Вокруг «Удачи» замелькали синие электрические разряды, которые трещали и рвались все то время, что они уходили от неведомой погони; потом облако постепенно отстало. Была и еще одна неприятная встреча — огромный бледный сферический корабль, который внезапно появился у них прямо по курсу. Они отогнали его рычанием пушек «Нова», некоторое время он шел параллельным курсом за пределами действенного огня, затем свернул и растворился в пространстве.

И еще то там, то здесь экраны засекали Червивую Погоду.

Это не было похоже на обычную Червивую Грозу: обнаружить признаки появления нури удавалось лишь благодаря крайнему напряжению и постоянной боевой готовности. Экраны часами оставались пусты, потом вдруг на них возникало желтоватое свечение, минуту-другую мелькало в отдалении и исчезало в непредсказуемом направлении. Экраны в кают-компании были по-прежнему отключены — капитан оповестил всех, что временное отключение (в связи с «поломкой») превратилось в постоянное: ему не хотелось, чтобы Веццарн и пассажиры знали о

том, что творится вокруг них. Однако им двоим, возложившим теперь на себя всю ответственность за безопасность «Удачи» и за исход этого рискованного путешествия, пришлось нелегко. Нервы были измотаны до предела. Время, отведенное для сна, пришлось сократить.

Поэтому капитан не особенно удивился тому, что снова заснул во время вахты. И, проснувшись, некоторое время даже был не в состоянии испытывать озабоченность по этому поводу. Он, правда, соорудил себе нечто вроде будильника, который с гарантией мог вывести любого из самого глубокого сна, и теперь, заступая на вахту, сразу ставил его на стол перед собой. Стрелки будильника следовало через каждые три минуты переставлять, отключая его, иначе он производил невероятный шум, а за три минуты даже при полете сквозь Чаладур вряд ли успело бы произойти что-то уж очень серьезное. Так что при первых же признаках сонливости капитан включал свой будильник и каждые три минуты вздрагивал от его сигнала.

Однако на этот раз, очнувшись от краткого забытья, капитан вдруг ощутил тревогу: в этот раз поставить будильник он забыл! Он еще помнил, как на него внезапно накатила тяжелая волна

сонливости, накрыла с головой и в одно мгновение отключила от действительности. А перед этим ему все время казалось, что на борту все переменилось, все вокруг не так, как надо…

Очнувшись, он вздрогнул, словно от удара: было совершенно ясно, что «выключился» он довольно давно. Капитан машинально скользнул глазами по индикаторам детекторов. Ничего нового. Тогда он перевел взгляд на ходовые экраны и обомлел: там творилось нечто совершенно необычное!

Картина изменилась кардинально. В нескольких градусах слева висел бело-голубой диск неведомого солнца размером с ноготь большого пальца. От него исходило интенсивное свечение. Ничего подобного прежде на экранах и в помине не было! Сколько же времени он проспал?..

Три с лишним часа, хладнокровно подсказал ему хронометр на пульте управления. Целых три часа и двадцать минут! Он нажал кнопку звонка в каюте Гот. Да за эти три с лишним часа любой пират Чаладура мог не раз расстрелять корабль из своего бортового оружия!

— Гот, где ты?

Экран интеркома оставался пустым. Ответа не было.

Капитана охватила паника. Он хотел было вскочить, но вдруг почувствовал ужасную боль в левой ноге и свинцовую тяжесть. Он рухнул обратно в кресло, и тут у него из-за спины раздался насмешливый голос Лаэса Янго:

— Не волнуйтесь так, капитан! С девочкой ничего не случилось. Она здесь, в рубке.

Гулик до Эдель и Веццарн тоже оказались в рубке. Гот сидела на кушетке между ними, странным образом прислонясь к Гулик и уронив голову. Все трое выглядели так, словно внезапно заснули.

— Что вы с ними сделали? — спросил капитан.

— Запустил немного усыпляющего газа в систему вентиляции, — пожал плечами Янго. — Вполне безопасное средство, но, если не знать противоядия, оно действует не меньше двенадцати — четырнадцати часов. В два раза больше того, что мне требовалось.

— Требовалось для чего?

Янго поудобнее устроил руку на подлокотнике кресла. В руке он держал нечто, напоминающее пистолет. Парализатор!

— Ну что же, начнем по порядку. — Торговец был совершенно спокоен. — Хотя я вряд ли могу рассчитывать на ваше полное внимание, пока вы не придете к разумному выводу о том, что

ничего изменить не в силах. Для начала сообщаю: ваш бластер у меня, равно как и оружие, принадлежавшее всем остальным. Вы живы исключительно благодаря моей снисходительности. Если мне покажется, что вы представляете для меня хотя бы малейшую опасность, ваша смерть последует немедленно. С кораблем я отлично справлюсь и сам.

А теперь кое-что объясню. Видите ли, я коллекционер и собираю ценные вещи. Это могут быть космические корабли, или люди, или… — Янго сделал широкий жест левой рукой. — А потому деньги я, естественно, добываю везде, где только возможно. Информацию тоже. Я всегда был очень жаден до информации. И даже создал самую, по-моему, эффективную и действенную систему ее селекции. Благодаря этой системе некоторое время назад я получил одно интересное сообщение; оно касалось некоего капитана Посерта, до недавнего времени являвшегося вполне добропорядочным гражданином независимой трансимперской Республики Никкелдепейн. Этот капитан Посерт, судя по всему, купил на планете Порлумма трех рабынь и увез их с собой. Три девочки — по всей видимости, сестры — были родом со знаменитой планеты Каррес.

Затем последовали сообщения о том, что корабль капитана Посерта мгновенно скрылся из глаз, как только его попытался догнать полицейский катер. Из этого был сделан следующий вывод: купив юных ведьм с планеты Каррес, капитан получил в распоряжение некий космический двигатель неизвестного типа.

Сами видите, история весьма занимательная, особенно если рассматривать ее в свете тех слухов, которые давно циркулируют по Вселенной и имеют самое непосредственное отношение к загадочной планете Каррес. Мне стало еще интереснее, когда некоторое время спустя я узнал, что упомянутый капитан Посерт вместе со своим кораблем и одной из трех девочек-ведьм, купленных им на Порлумме, находится на Ульдуне, которая ныне является моей оперативной базой. И тогда я немедленно предпринял весьма энергичные меры.

Чуть позже мне стало ясно, что я не единственный, кого заинтересовала эта история. До Ульдуны дошло несколько ее версий, все достаточно искаженные. Согласно одной из них, капитан Посерт не является гражданином Никкелдепейна, а имеет самое непосредственное отношение к обитателям Карреса. Согласно другому сообщению,

в котором ни словом не упоминалось о Карресе или его ведьмах, он заполучил или изобрел новый супердвигатель — что было блестящим достижением с точки зрения технологии! — и этот двигатель дает ему возможность мгновенно перемещать корабль на огромные расстояния.

Я очень осторожно наводил справки. Если вы и есть тот самый капитан Посерт, то у вас, видимо, все-таки имеется такая супер-тяга. Иначе невозможно объяснить ваше появление на Ульдуне почти сразу после того, как вас видели у западных границ Империи. Вопрос о тяге исключительно важен. Однако за ней охотятся слишком многие, и мне пришлось повозиться, чтобы при любом исходе дела я остался единственным ее обладателем. Пока вы находились на Ульдуне, половина всех пиратских кораблей, составляющих космический флот Агандара, была стянута к этой планете. Все они получили приказ при первом же моем сигнале начать хорошо спланированную всеобщую атаку. Не самая простая операция, однако я решил, что если даал все-таки заполучит эту тягу — а у меня некоторое время были серьезные основания предполагать, что именно так оно и случится, — я ее у него просто отберу.

— Так вы действуете заодно с пиратами Аган-

дара? — спросил капитан.

— Не совсем так. Дело в том, — отвечал Лаэс Янго, — что Агандар — это я и есть, и все пираты работают на меня. И не только пираты. И вы будете работать на меня — если, конечно, примете разумное решение. Хотя у вас практически нет выбора.

Это было слишком важное предприятие, чтобы доверить его кому-нибудь другому. И вот я стал вашим пассажиром. Я наблюдал и слушал, используя, разумеется, не только собственные глаза и уши. И теперь я почти уверен, что вы ни разу не пользовались супер-тягой после моего появления на борту. Стало быть, ее использование действительно ограничено? Видимо, просто так ее не включают, решил я, понимая, однако, что она находится в постоянной готовности и может быть задействована в любой момент. Вы, капитан, превосходный навигатор, но отнюдь не колдун. Сообщение о вашей причастности к миру ведьм оказалось необоснованным. Как только возникает ситуация, чреватая угрозой, вы зовете на помощь девочку. Не вы управляете знаменитой супер-тягой. Вы этого просто не можете. Все делает ваша ведьмочка, то есть, точнее, она и есть «супер-тяга»! Это, так сказать, основополага-

ющий факт. Для меня же он означает следующее: чтобы использовать супер-тягу, нужно научиться использовать ведьму и контролировать ее действия. А ведьма еще маленькая, неопытная и относительно беззащитная. Стало быть, ее действия контролировать можно.

— Учтите, у нее огромное количество друзей, не столь неопытных, как она сама, — осторожно заметил капитан.

— Возможно. Однако Каррес, что бы там с ним ни произошло, сейчас находится очень далеко отсюда. Ваш корабль не выйдет за пределы Чаладура. И даже если друзья этой ведьмочки о чем-то в конечном итоге узнают, они не будут иметь ни малейшего понятия, где начинать поиски. А здесь ее к этому времени не будет.

— И где же она окажется? — спросил капитан.

— На моем флагманском корабле! Который в связи с этим приобретет одно чрезвычайно ценное качество! Особенно ценное, если никому о нем не рассказывать.

— Понимаю. А пока я бы очень советовал вам дать этой ведьмочке то же противоядие, какое вы дали мне.

— С какой стати?

— Да с такой, — капитан мотнул головой в

сторону пульта управления. — Детекторы зарегистрировали пару любопытных сигналов… Так что ее помощь может потребоваться уже через несколько минут.

— Блеф! — Агандар поднял свой парализатор, встал и подошел к пульту. Остановился он, правда, шагах в пяти от него и некоторое время смотрел только на экраны. — Да, вижу. Садитесь в кресло, капитан Посерт. Корабль на некоторое время в вашем полном распоряжении. Прибавьте скорость, но курса не меняйте, если, конечно, не возникнет веских причин.

Капитан чувствовал, что нога уже отошла, но если Агандар не подойдет ближе, толку от этого все равно никакого. Что еще можно предпринять? Этот человек сумел выяснить практически все относительно вжжик-тяги, и очень не похоже, что он даст заманить себя в ловушку. Если бы Гот проснулась, вдвоем они смогли бы справиться с Агандаром. Но пират не желал давать им ни малейшего шанса.

— Видите ли, я взял на себя смелость проложить новый курс, — вкрадчиво сказал Агандар. — Сейчас объясню… — Он снова уставился на экраны. — О, да, наше присутствие, кажется, заметили!

Синие вспышки изменили свое направление и теперь двигались в их сторону — явно включилась в работу детекторная система неизвестных кораблей, однако на таком расстоянии невозможно было определить, что эти корабли из себя представляют. Стоит ли сообщать пиратскому вожаку о существовании Олими, думал капитан, и о запертом в сейфе «камне»? Нет, этого делать не следует…

— В Чаладуре иной раз возникают чрезвычайно опасные ситуации, — заметил Агандар, не сводя глаз с экрана. — Но такое случается редко. Многое зависит от собственного здравого смысла. И от везения. Чтобы удрать от подобных хищников — а это именно хищники, можете быть уверены, — нужны смелость и надежный корабль.

Вспышки на экране опять сместились и двигались параллельным курсом.

— Некоторое время они будут следовать за нами, а потом, уразумев, что на них не обращают внимания, решат, что на этот раз рисковать не стоит. — Агандар вернулся к своему креслу и уселся поудобнее. — Следуйте тем же курсом, капитан. Нет нужды беспокоить нашу юную ведьмочку из-за таких пустяков.

— Возможно. Но часа четыре назад на экранах

мелькнула Червивая Гроза.

Агандар задумался.

— Давненько ее не было видно в этих краях, — заметил он. — Не уверен, правда, что вы не лжете, капитан.

— Гроза прошла не очень близко. — Капитан сделал вид, что не слышит слов Агандара. — Но все же мы приготовили супер-тягу. Вы уверены, что сможете разбудить девочку, если нури появятся опять и заметят нас?

— С нури никогда ничего нельзя знать заранее, — сказал Янго-Агандар. — А ведьму можно разбудить очень быстро. Но я не стану ее будить без крайней нужды. Во всяком случае, пока мы не достигнем точки рандеву. То есть, часов через шесть. Что ж, следите за экранами, капитан.

— А с кем у нас рандеву? — осведомился Посерт.

— С моим флагманским кораблем. Я установил с ним контакт с помощью экранированного передатчика. На борту сейчас ведутся приготовления к такой встрече, которая заставит вашу ведьмочку отказаться от любых шалостей. А уж мы постараемся переубедить ее и склонить к сотрудничеству. — Янго говорил ровным тоном, однако Посерта охватил леденящий ужас. — Что

же касается лично вас и всех остальных, то вам подберут занятия в соответствии со способностями. Не люблю попусту тратить добротный человеческий материал. Вы знаете, что Эдель — тайный агент Империи?

— Никто мне, разумеется, об этом не сообщал… — Капитан тянул время, он как раз раздумывал, стоит ли сообщать Агандару, что отнюдь, видимо, неслучайное наличие в этой зоне Чаладура Червивой Погоды может в любой момент изменить ситуацию к худшему. Но решил пока умолчать об этом.

— По моим сведениям, она очень способный агент, — сказал Янго. — Надеюсь, как только она познакомится с моей организацией, то очень быстро решит, что имеет смысл сменить кое-какие привязанности. Что же касается Веццарна, он долгое время выполнял разнообразные поручения секретной службы даала, поэтому его вполне можно использовать для работы вместе с Эдель. Ну а вы по-прежнему останетесь капитаном космического корабля — хорошие навигаторы мне нужны… — Янго улыбнулся. — Итак, особого выбора, как видите, у вас нет, хотя будущее, по-моему, несет вам даже определенную выгоду. Мой флагманский корабль — великолепный

образец звездолетов. Он вам понравится, уверяю вас. Кроме того, за службу я плачу очень хорошо.

Капитан хотел было ответить, но тут заверещал детектор, подавая сигнал о непосредственной угрозе нападения.

— Скорее будите Гот! Может быть, она еще успеет!

Он выключил звуковой сигнал детекторов, развернул кресло, увидел лицо Янго и замер. Янго, весь ощетинившись, держал его на мушке парализатора!

— Не пытайтесь провести меня! — Голос Янго-Агандара звучал подозрительно спокойно.

— Провести вас! Великий Патам! — взорвался капитан. — Вы что, сами не видите?!

— Что именно? — презрительно спросил Агандар, быстро глянув на экраны.

Капитан был потрясен:

— Неужели вы не слышали писка детекторов?

— Детекторов? — Лицо Янго переменилось, он словно пытался что-то вспомнить и никак не мог. — Нет, я ничего не слышал. — Изумленное выражение медленно сползло с его лица. — Потому что никаких сигналов не было! И на экранах ничего нет! Ничего! А если вы пытаетесь симулировать психоз, капитан Посерт, то это у вас плохо

получается.

Капитан снова посмотрел на экраны. Все пространство вокруг корабля было заполнено огромными светящимися «шарами» Манарета! У него перехватило дыхание.

— Я ошибся! — заявил он, поднимаясь с кресла. — Там действительно ничего нет... — Все экраны левого борта теперь были заполнены нестерпимым желтым сиянием, его блики метались по переборкам рубки, оттеняя неподвижную фигуру Агандара с парализатором в поднятой руке. — Я не могу больше вести корабль, я отказываюсь! — отчаянно завопил Посерт. — Смените меня!

— Сидеть! — чуть более напряженным голосом велел ему Янго. — Оставайтесь на своем посту! И немедленно успокойтесь! Молчите! Не двигайтесь! Если вы пошевелитесь, я сразу нажму на спусковой крючок и поражу вас прямо в сердце. Так что сидите спокойно. Мне надо подумать.

Капитан замер. Парализатор по-прежнему был направлен ему прямо в грудь. Янго в лучах все более интенсивного желтого света тоже сперва сидел неподвижно и молча, потом сказал:

— Нет, вы не ошиблись. Вы были правы, капитан. Действительно идет Червивая Гроза. Но это

ничего не меняет.

Дуло парализатора по-прежнему смотрело на капитана.

— Но если вы разбудите Гот или хотя бы дадите мне противоядие, тогда…

— Нет. Вы ничего не понимаете, — сказал Янго. — Мы все погибнем, если минут через пятнадцать вы не придумаете, как нам отсюда выбраться. Даже если при этом я буду пытаться остановить вас… — Он кивнул в сторону экранов. — У меня нет выбора! Я только сейчас понял, что они полностью овладели мною! Я более не властен над своими поступками. Они пытались подчинить себе вас, но что-то им мешает… Впрочем, и это тоже неважно… На корабле имеется некий предмет, которого они безумно боятся и который стремятся во что бы то ни стало уничтожить. Я не знаю, что это за предмет, но вы, по всей видимости, знаете. Нури не могут ничего сделать с этим предметом сами, над ними довлеет запрет. Не могут и подойти к кораблю достаточно близко…

Это они заставили меня взять курс вон на ту звезду! На голубой гигант. Мы летим прямо к нему и в итоге врежемся в него на полной скорости и сгорим! Они ни на миг не решаются ослабить

контроль над нашим кораблем, опасаясь, что мы способны уйти от них. Если вы сейчас откажетесь выполнять мои приказания, я должен буду вас убить и сам вести корабль к этой звезде. И я это сделаю! — Лицо Янго исказила гримаса ужаса. — У меня нет желания умирать, капитан Посерт. Вряд ли оно есть и у вас. Но я не могу ослушаться! И мы все погибнем, если вы не найдете способа немедленно вырваться из-под власти нури! Должен же быть хоть какой-нибудь способ!

— ОГО! — услышал капитан голос ватча. — КАКИЕ ПОТРЯСАЮЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ! КАКИЕ ПОВОРОТЫ! ЗАЧЕМ ЖЕ ТАК БЫСТРО ЗАКАНЧИВАТЬ СТОЛЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ ИГРУ? ДАВАЙТЕ-КА СНОВА ПЕРЕМЕШАЕМ ВСЕ ФИШКИ…

Буря закрутила корабль, как щепку. В рубке стало темно, пол заходил ходуном. Капитан почувствовал, как его выбросило из кресла, ударило об стол и отбросило назад. Свет в отсеке погас. Казалось, весь корабль погрузился во мрак. Затем корабль как будто повернулся и снова ровно пошел вперед. Экраны вдруг снова вспыхнули — приглушенным красно-коричневым светом…

Больше капитан ничего разглядеть не успел. Он пытался встать на ноги, отчаянно цепляясь за

что-то руками, а что-то отпихивая от себя ногами. Но тут это «что-то» вдруг больно ударило его по бедру, где-то над ним грязно выругался Лаэс Янго, и капитан быстро «нырнул» вперед, чтобы избежать второго пинка тяжелым башмаком. Янго лишь чуть задел его по голове. Капитан схватил пирата за вторую ногу и сильно дернул. Янго рухнул на него, как мешок с камнями.

Они покатились по полу, ударяясь о какие-то предметы. Капитан колошматил Янго кулаками куда придется, но тот по-прежнему сопротивлялся. Наконец Посерту удалось схватить противника за руку и вывернуть ее, но Янго другой рукой сдавил ему горло. Рука была мощная, мускулистая. Капитан понял, что сейчас задохнется, замотал головой, выпустил пирата и откатился в сторону, ударившись при этом о какой-то тяжелый металлический предмет. Он, не глядя, схватил этот предмет и врезал по тому месту, где, как ему казалось, должна была находиться голова Янго.

Голова оказалась там, где он и рассчитывал. Янго вскрикнул и обмяк. Капитан вылез из-под его тяжелого тела и сразу уставился на экраны. Червивая Гроза по-прежнему окружала их со всех сторон!

— Гот! — хрипло окликнул капитан. Помятое горло сильно болело. Он вспомнил, что Гот его слышать не может.

Он нашел ее на полу; кушетку снесло и перевернуло во время бури. Капитан поставил кушетку на ножки, придвинул к переборке, уложил на нее Гот. Девочка что-то пробормотала во сне. Гулик и Вещцарн лежали рядом с кушеткой на полу. Капитан бросился к пульту управления. Вдруг в рубке загорелся свет. Видимо, включилась система аварийного освещения.

Посерт завернул Агандару руки назад и надел на запястья единственную пару наручников, имевшуюся на корабле на случай чрезвычайных обстоятельств. Затем быстро вывернул пирату карманы. В одном из них он обнаружил похожий на бумажник кожаный футляр, где в гнездах еще оставалось три шприца. Всего гнезд было пять. Видимо, это противоядие. Капитан колебался, но лишь секунду. Разбудить Гот было необходимо, однако он боялся того, что могло содержаться в трех маленьких шприцах. А что если там яд?

Ничего более интересного он в карманах пирата не обнаружил. Капитан посмотрел на экраны и увидел, что «Удача», видимо, автоматически переключилась на маневровые орбитальные

двигатели, как только перестала действовать та необъяснимая сила, которая перенесла их в этот район космического пространства. Причина была проста: детекторы подавали сигнал о наличии вблизи корабля какой-то планеты.

На первый взгляд, планета не казалась особо привлекательной, но это могло быть результатом странного освещения, исходившего от вздутого темно-красного, как гаснущие угли, солнца, которое сейчас заполняло почти весь экран правого борта. Капитан включил увеличение, чтобы рассмотреть планету получше. Сквозь туманный красноватый сумрак, который в этом мире означал, вероятно, яркий полдень, капитан сумел разглядеть местный пейзаж — пустыни и невысокие зубчатые горные цепи. Он проверил, как действуют приборы и двигатели, и включил коммуникаторы. Все системы «Удачи» работали нормально; масс-детекторы не регистрировали никакой угрозы, а молчание коммуникаторов свидетельствовало, видимо, о том, что никто в данном районе и в данный момент никакою желания общаться с ними не имел. Ну что ж, это совсем неплохо.

Теперь другая проблема — как они здесь оказались?

На сей раз вовсе не усилиями Гот. Не с помощью вжжик-тяги. Ну что же, подумал капитан, им повезло, здорово повезло! Значит, ватч решил им помочь? Уж как умел: грубовато, зато эффективно.

Капитан прокашлялся и громко поблагодарил ватча:

— Спасибо, приятель!

Больше ему пока сказать было нечего. У него возникло ощущение, что произнесенные им слова волнами улетают куда-то далеко-далеко… Он с минуту подождал, ожидая ответа и немного опасаясь этого, но в рубке было тихо.

Капитан распечатал бутылку бренди, сунул ее в карман и поволок безжизненное тело Янго через весь корабль в грузовой отсек. Янго уже чуть постанывал и начинал шевелиться, поэтому капитан на всякий случай связал ему щиколотки проводом.

Он перевернул Агандара на спину, открыл бутылку и влил ему в рот несколько капель бренди. Пират закашлялся, брызгая слюной, и налитыми кровью глазами молча уставился на Посерта.

Тот достал кожаный футляр с оставшимися тремя шприцами и показал ему:

— Это противоядие?

Янго прорычал в ответ какое-то ругательство и, не отвечая, спросил:

— Как ведьма ухитрилась включить свою тягу?

— Не знаю, — ответил капитан. — Хорошо, что она ее включила. Так это противоядие?

— Да. Где мы сейчас находимся?

Капитан сказал, что попробует определить, и ушел, щелкнув замком. Свет в грузовом отсеке он оставил включенным: все-таки этому типу веселее будет. Череп у негодяя, кажется, цел, хотя голова, наверное, некоторое время будет болеть. Насчет противоядия он, видимо, сказал правду. А капитану было просто необходимо разбудить Гот! Посерт мысленно попросил прощения у Веццарна — на ком-то ведь надо было попробовать содержимое шприцев! — и решительно сделал тому укол в руку. Полуприкрытые веки Веццарна дрогнули, глазные яблоки под ними начали вращаться, руки задрожали, он закашлялся и сел, испуганно озираясь.

— Что стряслось? — шепотом спросил он, обнаружив, что находится в рубке, а Гот и Гулик без сознания лежат рядом.

Капитан ответил, что причиной сложившейся опасной ситуации послужило поведение Лаэса

Янго, но теперь они, вроде бы, в безопасности. Что касается девочки и Эдель, то они скоро придут в себя.

Гулик до Эдель получила свою дозу из второго шприца. Ее реакция была иной, чем у Веццарна. Прошло минуты две-три, прежде чем она спокойно открыла глаза.

Теперь капитан уже уверенной рукой сделал инъекцию Гот. Ожидая, пока подействует лекарство, он вкратце и почти правдиво рассказал Веццарну и до Эдель о последних событиях. Они и сами все еще могли быть для него опасны, однако сразу поняли, что ситуация чрезвычайно серьезна и действовать лучше сообща. О предмете, заключенном в сейф, и его воздействии на Червивую Погоду, капитан, естественно, не упоминал. Не сообщил он и о ватче и не стал объяснять как корабль занесло так далеко от прежнего курса. Если Гулик или Веццарну захочется самим поразмышлять о таинственной тяге, пусть себе размышляют на здоровье.

Прошло полных шесть минут, а Гот все еще спала!

Вот это уже вполне могло служить причиной для тревоги. Дыхание и пульс у девочки были нормальными, а когда он потряс ее за плечо, она

что-то недовольно и сонно пробормотала в ответ, однако не проснулась. Из слов Янго следовало, что снотворное перестанет действовать часов через восемь-девять. Однако капитану очень не нравилось то, что показывали ходовые экраны. Гулик и Веццарну это тоже очень не нравилось. Болтаться здесь было совершенно ни к чему, а менять курс вслепую и лететь через неизвестную область пространства, не имея возможности воспользоваться талантами Гот, представлялось еще более опасным.

Капитан включил интерком в грузовом отсеке, увеличил громкость и окликнул Янго. В ответ раздался какой-то неприятный звук, потом послышался голос самого пирата, чересчур поспешно предложившего:

— Говорите, я вас слушаю.

— Я ввел всем противоядие, — сообщил ему капитан. — Госпожа до Эдель и Веццарн проснулись. Дани — нет.

— У меня были особые соображения в отношении вашей племянницы, капитан. И вам это прекрасно известно. — Лаэс Янго, очень довольный собой, продолжал: — Когда она вместе с остальными потеряла сознание, я ввел ей еще одно средство, желая обеспечить себе полный

покой до тех пор, пока не пожелаю привести ее в чувство.

— Значит, у вас есть и второе противоядие?

— Есть. Но его не так-то просто отыскать.

— Что вы хотите?

— Возможно, мы могли бы договориться… Мне здесь не слишком удобно.

— Может быть, и договоримся, — сказал капитан, выключил интерком и посмотрел на Гулик и Веццарна. Они внимательно следили за его действиями.

— Вероятно, это средство при нем, — сказал капитан. — Я его обыскал, но в ваших профессиональных хитростях я слаб. Он мог его где-нибудь спрятать. Логично было бы притащить пирата сюда и обыскать еще раз.

— Мне кажется, — задумчиво сказал Веццарн, — что именно к этому он и стремится, капитан.

— Перед тем как он заговорил, — сказала Гулик, — я слышала какой-то шум…

— И я слышал, — кивнул Посерт.

Очень похоже, подумал капитан, на злобное рычание крупного зверя. Оно прозвучало как раз в тот момент, когда из динамика вдруг раздался его голос… А ведь Гот тогда упоминала о страш-

ном рычании… Однако теперь ящик с Пауком Шима находится в запертом отсеке, за неприступной дверью. Практически неприступной…

Испуганные глаза Гулик до Эдель подсказали капитану, что и ее мысли движутся в том же направлении.

— Придется посмотреть, что делается в грузовом отсеке, — сказал капитан.

На пульте управления имелся еще один экран, специально предназначенный для того, чтобы следить за погрузочно-разгрузочными работами в грузовом отсеке, не выходя из рубки. Капитан поспешно включил его.

— А что если этот робот пробрался в грузовой отсек? — спросил он, обращаясь к Веццарну.

Тот отрицательно помотал головой:

— Никак он не мог туда попасть, капитан! Ведь Янго не может проникнуть в запертое помещение, а ключ у вас!

Экран вспыхнул — всего на пару секунд — и снова погас.

Но за те секунды, пока свет еще горел, они успели разглядеть огромный, темный, паукообразный силуэт робота! Паук скорчился возле входа в грузовой отсек, а его хозяин стоял в нескольких шагах от него совершенно свободный. Контей-

неры с грузом были сдвинуты с мест и теперь в беспорядке загромождали все пространство, словно неуклюжий робот нечаянно раскидал их, прокладывая себе дорогу…

Но это было еще не самое худшее.

— Вы видели, что произошло с переборкой? — нетвердым голосом спросил капитан.

Да, они видели.

— Он ее прожег! Насквозь! — сказал Веццарн. Лицо его было мертвенно-бледным. — Лазерным лучом! Значит, у Янго тот самый древний боевой робот, капитан… Такую штуку нам не остановить…

Лаэс Янго включил интерком и сообщил из грузового отсека, что самое разумное для них — сдаться.

— Может быть, вы еще не поняли, что из себя представляет моя игрушка? — спросил он. — Мы с ней неразлучны уже пятнадцать лет. Она убила восемьдесят моих людей, когда мы брали корабль, который она охраняла. Она бы и меня убила, если б я случайно не вышиб пульт управления из руки того жалкого ублюдка, что был ее хозяином до меня. Это робот-убийца, капитан! Убийца Шима. Ваше оружие не может причинить ему вреда. К тому же этот паучок уже давно научился повино-

ваться моему голосу, а не только пульту.

Капитан не отвечал. Последние боевые роботы были уничтожены несколько столетий назад, а искусство их конструирования навсегда утрачено. Вещцарн прав: с этой машиной им не справиться.

У них еще оставалось немного времени, пока робот прожигает очередную переборку и дверь грузового отсека. К тому же после включения аварийных систем толстые плиты броневой тугоплавкой стали заняли свои места, разделив внутреннее пространство «Удачи» на воздухонепроницаемые отсеки. По крайней мере, четыре такие плиты стояли теперь на пути из грузового отсека в ходовую рубку, преграждая Янго и его роботу путь. Заслонки, вероятно, тоже долго не выдержат, но и не расплавятся при первом прикосновении боевого луча. Тем временем капитан включил всю систему внутренней связи корабля, чтобы знать о продвижении робота.

Никаких других мер они предпринять не могли. Пульта дистанционного управления роботом на месте не оказалось, хотя капитан отнял его у Янго и запер в свой сейф. Значит, Агандар обнаружил его, когда обшаривал рубку, а они все валялись без сознания.

— ЧЕЛОВЕЧЕК, — вдруг напомнил о себе ватч, — ЭТО ЕЩЕ ОДНА ПРОВЕРКА! ОНА И ОПРЕДЕЛИТ, НА ЧТО ТЫ СПОСОБЕН! У ТЕБЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБРАТЬСЯ. НО ЕСЛИ ТЫ НЕ НАЙДЕШЬ РЕШЕНИЯ, МОЙ ИНТЕРЕС К ТЕБЕ ПРОПАДЕТ, А ВМЕСТЕ С НИМ УГАСНЕТ И ТВОЕ ПРИЗРАЧНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ — ПЛОД МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ…

Капитан быстро оглянулся на Веццарна и Гулик. Но на их лицах не было ни малейших признаков того, что они слышали громыхающий голос призрака, похожий на рев ветра. Ну, конечно, речь ватча предназначалась исключительно для него одного…

Перед этим он как раз отключил интерком, соединяющий рубку с грузовым отсеком.

— Ну что? Есть у вас какие-нибудь идеи? — осведомился он.

— Мне кажется, капитан, — сказал Веццарн, клацая зубами от ужаса, — нам лучше сдаться. Пока не поздно!

Гулик отрицательно покачала головой.

— Это же Агандар! — сказала она. — Если мы сдадимся, нам не жить. Он нас выпотрошит и выкинет за борт. Всех, за исключением Дани.

— Но тогда у нас будет хоть какой-то шанс! —

дрожащим голосом воскликнул Веццарн. — А что мы еще можем сделать? Робота нам не остановить. И бежать некуда…

— А вот это — вопрос, — сказал капитан и включил атмосферную тягу.

«Удача», покинув свою орбиту около неизвестной планеты, нырнула вниз, в красноватый сумрак.

Все свое внимание капитан сосредоточил на управлении кораблем. Веццарн, сидя у анализаторов, молчал, — значит, планета, по крайней мере, не похожа на яму с жидким ядом, хотя ее поверхность казалась исключительно непривлекательной. Спасательная шлюпка, разумеется, находилась в грузовом отсеке; там же хранился и тяжелый скафандр для работы в открытом космосе. До них сейчас не добраться… Атмосфера под ними была совершенно лишена облаков. Красный полумрак, черные тени, отбрасываемые горными хребтами, тянувшимися вдоль меридианов — вот и весь пейзаж.

Интересно, насколько можно доверять ватчу? Лучше действовать так, словно Посерт никогда не слышал его замогильного голоса. Но ватч — пусть капризный и непредсказуемый — обладал огромными возможностями и мог в значитель-

ной степени влиять на ситуацию. Он способен и помочь, и погубить их.

Если плиты не выдержат, «команде» придется покинуть корабль. Если устоят, все останутся на борту, пока не проснется Гот. Тогда бессильная ярость Агандора будет представлять для них не большую опасность, чем его чудовище. Если, конечно, Янго не обратит свое внимание на сейф в запертой камере грузового отсека. Вот тогда уж все что угодно может случиться!..

Капитан выдвинул ящик стола и сказал:

— Веццарн, заберите бластер. И вы тоже, госпожа до Эдель. Я отобрал их у Янго.

Оба тут же схватили оружие. Гулик немедленно открыла бластер и недовольно заворчала:

— Пустой! Этот дьявол его полностью разрядил! Капитан как раз доставал из ящика коробку патронов.

— Это стандартные имперские боевые патроны — полагаю, вы умеете ими пользоваться?

Они быстренько зарядили бластеры. Капитан глянул на хронометр. Прошло всего девять минут, как он отключил внутреннюю связь с Янго. Полное отсутствие информации о том, что сейчас делает пират, отнюдь не способствовало восстановлению душевного равновесия; по крайней

мере, было понятно, что он еще не выбрался из грузового отсека. Капитан велел Веццарну отсоединить и собрать разнообразное оборудование — ключи от гашеток пушек «Нова», реле включения спасательной шлюпки, ключи от главной и орбитальной тяги…

Внизу уже виднелись горы и неглубокие долины. Мрачный красноватый отсвет гигантского солнца пронизывал сумрак, окутавший всю планету. «Удача» продолжала спускаться по спирали к калейдоскопу узких долин и горных хребтов, сливавшихся в мощные массивы.

Все вздрогнули, когда из интеркома вдруг послышался ужасный металлический скрежет. Через несколько секунд звук повторился.

— Блок Д! — прошептала Гулик, кивнув на динамик интеркома. — Они прошли сквозь первую переборку…

Послышалось жуткое рычание, затем приглушенный и невнятный голос Янго, потом все затихло.

— Отключите их, — спокойно сказал капитан. — Уже ясно, где они находятся. — Прошло одиннадцать с половиной минут…

Корабль снижался, направляясь ко входу в узкую долину, окруженную крутыми склонами гор,

которую приборы всего минуту назад выбрали как наиболее подходящее место для посадки.

— Минут через тридцать Янго будет здесь, — сказал капитан. — Мы вполне можем успеть убраться отсюда, если не будем попусту терять время. Вы закончили, Веццарн?

— Да, капитан.

Красное солнце уже скрылось за горами, когда «Удача» наконец совершила посадку в выбранной ранее долине. Справа от корабля виднелся высокий скалистый утес, который стеной поднимался к небесам и, следуя за изгибом долины, примыкал к остальной горной цепи. Капитан аккуратно, без малейшего толчка посадил корабль на припланетной тяге, как можно ближе к утесам. Гулик, сидевшая рядом с ним, тихо охнула, когда раздался металлический щелчок открывающейся двери шлюза.

— Все вон отсюда и поскорее! — Капитан вскочил, выдернул ключи из замков тяговых двигателей, сунул их в карман и пошел к кушетке, на которой спала Гот. — Да двигайтесь же вы!

Лица Гулик и Веццарна были белы, как смерть. У него и самого, наверное, видок не лучше. Они дружно двинулись к выходу…

Глава девятая

Пока Гулик изучала окрестности, держа бластер наготове, он взвалил Гот на спину, а Веццарн ловко привязал девочку к нему, закрепив ее ноги на поясе, а руки вокруг шеи. Особых неудобств такая ноша капитану не доставляла. Гот вовсе не висела мешком, временами даже казалось, что она наполовину проснулась; она что-то сонно бормотала и даже обхватила Посерта за шею.

— Я вот что думаю, капитан, — тихо сказал Веццарн. — Ведь этот гад увидит нас на экранах…

— Непременно. Если достигнет рубки. Но я не думаю, что он станет тратить на это время.

— Вы думаете, что робот — еще и отличная ищейка? — мрачно предположил Веццарн. — И вы хотите заманить Янго подальше от корабля, а самим сделать крюк и вернуться?

— Да, примерно так.

— Безнадежно! — буркнул Веццарн.

Он отступил в сторону, и тут Гулик тихо окликнула Посерта. Оба тут же повернулись к ней. Она смотрела в дальний конец долины, туда, где сходились горные кряжи.

— Мне показалось, там что-то движется, — ска-

зала она. — Я, правда, не совсем уверена…

— Животное? — спросил Веццарн.

— Не знаю… Очень большое. И дальше еще что-то… Вроде тени. Или облака пыли. — Она покачала головой.

Стояла абсолютная тишь. Никаких теней, да еще движущихся, не было видно. Впрочем, планета оказалась не такой уж безжизненной, какой представлялась с высоты в несколько миль. Сухая песчаная почва была усыпана обломками камней; между валунами пробивались угрюмые деревца — шипастые, сучковатые, они были собраны в рощицы, разбросанные по всей долине, и не достигали даже пятнадцати — двадцати футов в высоту.

— Пошли! — скомандовал капитан. — Здесь, возможно, есть опасные животные. Всем — внимание!

Стоило им направиться в сторону острозубых утесов, местная фауна тут же дала о себе знать. Что это были за животные, экипаж определить не сумел, ибо те выскакивали у путешественников из-под ног и исчезали с быстротой тени. Потом из рощи, сквозь которую они пробирались, послышались звуки, напоминавшие шипение тысячи змей; это было так страшно, что люди сбились

в кучу и выставили бластеры. Шипение не прекращалось; потом оно несколько удалилось от них, переместившись в другой конец рощицы. Странно было то, что они отчетливо слышали, как перемещается звук в относительно открытом пространстве, однако не видели существ, которые могли бы этот звук издавать.

Они поспешно двинулись вперед, потрясенные столь загадочным явлением. Но прошло еще несколько минут, и Гулик проговорила дрожащим голосом:

— Кто-то следит за нами!

Видны были только глаза. Два ярких, светящихся, желтых глаза уставились на них из-за большого валуна. Впрочем, камень был не так уж велик, так что создание, спрятавшееся за ним, вряд ли могло достать человеку до плеча. Когда они миновали валун, у них за спиной раздался звонкий хохот, и с разных сторон над обломками скал стали появляться такие же светящиеся глаза. Видимо, вокруг было целое стадо этих созданий. Они просто пялили глаза на вторгшихся в их жизнь людей и ничего не предпринимали, только заливисто хихикали.

Подъем становился все круче. Гот весила не слишком много, капитан носил рюкзаки и по-

тяжелее, когда занимался альпинизмом, но все равно уже начал слегка задыхаться, но через некоторое время почувствовал, что у него открылось второе дыхание. Теперь он знал, что по-настоящему устанет еще нескоро. Веццарн и Гулик держались рядом, не прилагая особых к тому усилий. Гулик, несмотря на внешнюю хрупкость, шагала легко и уверенно, демонстрируя завидную выносливость, да и Веццарн не отставал, напоминая своими движениями медведя.

Преодолев подъем, они вышли на довольно ровное пространство, заросшее низким, густым кустарником, спутанные ветви которого цеплялись за лодыжки. Потом перед ними внезапно открылся овраг с обрывистыми краями, расположенный параллельно стене утесов. За ним виднелся крутой каменистый склон горы.

— Надо найти удобное место, чтоб перебраться на ту сторону, — тяжело дыша, сказал капитан.

Веццарн оглянулся: «Удача» темнела внизу, в противоположном конце долины.

— Если мы спустимся в овраг, — сказал он, — то не увидим, когда они выйдут из корабля.

— Это будет еще нескоро, — возразила Гулик. — Мы идем только минут десять.

Они свернули налево и пошли по самому

краю оврага. Примерно через полмили попалась огромная трещина в скалистой стене. Сквозь нее пробивался мрачноватый свет красного солнца. Успеть бы пересечь несколько таких щелей, думал капитан, и отыскать подходящую для наблюдения точку на высоте, откуда было бы видно, как Янго вместе со своим роботом пустится за ним в погоню. А когда преследователи углубятся в эту путаницу трещин, оврагов и скал, можно быстро повернуть назад, к кораблю…

Они отыскали относительно удобный спуск в овраг и стали спускаться, держась за прочные, пружинящие ветви, похожие на дикий виноград. Потом сделали сотни две-три шагов по каменистому дну, пока не нашли относительно пологое место для подъема на противоположный склон оврага. Потом опять началось нечто вроде горного плато, нависавшего над долиной; они все время оглядывались на темневший в отдалении силуэт корабля. Некоторое время их кто-то преследовал, коротко и резко гукая в темноте, но держался поодаль, скрываясь за валунами. Потом опять попался овраг, и, когда они остановились на краю, озираясь по сторонам в поисках спуска, Веццарн вдруг воскликнул:

— Они открыли шлюз!

Беглецы обернулись. Маленький яркий круг света появился на корме «Удачи». Он был хорошо виден в туманном сумраке долины около двух минут, потом погас.

— А вдруг он нашел способ запереть шлюз и закрыть нам доступ в корабль? — испуганно спросила Гулик.

— Нет. Снаружи это невозможно, — сказал капитан. — Единственный ключ от шлюза у меня. Думаю, он просто выключил свет в рубке, прежде чем покинуть корабль. Видимо, не хочет привлекать к кораблю внимание чужаков…

Гулик все еще глядела вниз, на «Удачу». На уровне земли по эту сторону корабля мелькнула чуть заметная зеленая искорка. Она, похоже, двигалась в том же направлении, что и путники.

— Это, наверное, робот! — В голосе Веццарна звучал ужас. Скорее всего, он был прав. А может быть, это луч фонаря, которым Янго освещает дорогу? Так или иначе, стало ясно, что за ними началась погоня. Вдруг Гулик воскликнула:

— А это еще что такое?

Они остановились и прислушались. Казалось, что где-то далеко, на другом конце долины, гудит низким басом гонг. Этот звук казался совершенно неуместным среди диких гор. Гудение постепен-

но затихло, а через несколько секунд от дальних гор донеслось слабое эхо.

Они спустились в очередной овраг и поспешили к огромной трещине в скале, освещенной тусклыми лучами красного солнца. Потом снова поднялись на относительно ровную площадку, с которой была видна раскинувшаяся внизу долина, однако ничего особенного не заметили. Пришлось вернуться немного назад, в тень скалы, и затем подняться на другую площадку, чуть выше первой. Ноги у всех болели, дыхание было прерывистым, однако они спешили вперед — им казалось, что Янго и его робот-убийца уже добрались до горного склона, который отделял их сейчас от долины, и идут по их следу.

Потом вдруг над одной из скалистых вершин и гораздо ближе, чем они могли ожидать, появилась зеленая искра: Паук Шима! Капитан увидел его первым. Все замерли на месте. Робот находился пока еще довольно далеко от них и значительно ниже, но все равно — не более чем в пяти сотнях шагов.

Робот также остановился, чуть повернувшись в их сторону; некоторое время они не могли понять, обнаружил он их или нет. Зеленый свет исходил у него из боков, а вся его тяжелая туша

состояла как бы из множества сегментов; казалось, чудовище плывет в собственном сиянии. Из-за спины робота внезапно появился Янго. Робот на несколько секунд как-то странно присел, потом снова встал, повернулся и пошел вперед вдоль скалистого хребта. Огромные суставчатые ноги несли его легко и плавно, несмотря на внушительный вес. Еще до того, как Паук скрылся за выступом скалы, беглецы успели разглядеть, что Янго едет на нем верхом.

Вот почему он так быстро сумел их догнать! Однако…

— Капитан! — раздался вдруг хриплый голос Веццарна где-то неподалеку. — Не шевелитесь, капитан! Вы у меня на прицеле! Если двинетесь, я выстрелю! И вы тоже стойте смирно, госпожа. Я это делаю для нашей же пользы, только вы пока не вмешивайтесь, пожалуйста. Дело в том, капитан, что Агандару нужны только вы и маленькая ведьма. А до нас с госпожой Эдель ему дела нет… Госпожа, я сейчас брошу вам нож. Вы разрежьте, пожалуйста, веревки и снимите Дани со спины капитана, а ему самому свяжите руки за спиной. А вы, капитан, если сделаете хоть одно движение, будете уничтожены па месте, клянусь!

— И чего вы этим добьетесь? — сдавленным

голосом спросила Гулик, стоявшая у Посерта за спиной.

— Вы же сами их видели, — нож Веццарна со стуком упал на землю у ее ног, — как быстро они нас догоняют! Они будут здесь минут через пять-шесть. И если Агандар увидит, что капитан и Дани лежат здесь связанные, а нас нигде нет, он не станет за нами гоняться. Зачем мы ему? Заберет этих двоих и уберется отсюда…

Капитан резко повернулся, присел и выхватил из кармана бластер. Он и не надеялся, что этим чего-то добьется. Разве что Веццарн разрядит свой бластер. А может, и Гулик тоже. Но тут откуда-то сверху, прямо из воздуха, послышался громкий и странный крик, и в лицо капитану ударил порыв ветра. Они успели увидеть падающую тень какой-то летучей твари — круглая рогатая голова на длинной шее нацелилась прямо на Веццарна — и все три бластера выстрелили одновременно. Тварь резко рванулась вверх, прочь от них, и мгновенно исчезла из виду. Ее дикий вопль еще раз донесся издали, отразившись от скал в туманной долине, и стало тихо. Веццарн резко повернулся, увидел два направленные на него бластера, сдавленно квакнул, прыгнул куда-то вбок и покатился вниз по каменистому склону.

Они увидели, как Веццарн, пригнувшись, нырнул в заросли и скрылся из виду — только сучья затрещали.

— Ну, что же, — произнесла Гулик, опуская бластер. — Мятеж подавлен. И не без помощи рогатого летуна. Что теперь будем делать, капитан? У вас есть какие-нибудь идеи или мы так и будем бежать, пока робот нас не догонит? А вообще-то, благодаря глупости Веццарна робот может свернуть в сторону… Если Паук погонится за Веццарном, мы спасены!

— Вряд ли, — покачал головой капитан. — Янго все время направляет его. Уж он-то сразу поймет, за кем следовать… — Гот вдруг завозилась у него за спиной. Посерт приподнял ее, и она вновь крепко вцепилась в него, точно детеныш обезьянки.

Веццарн, похоже, переоценил скорость робота. Капитан и Гулик, наблюдая за Пауком, пришли к выводу, что тому понадобится не меньше четверти часа, чтобы добраться сюда. Но даже если это так, робот все же догонит их, прежде чем они успеют добраться до «Удачи».

— Мы можем поступить иначе, — сказал капитан. — Полагаю, именно это нам и следует попробовать. Я, правда, надеялся, что рисковать не придется…

— Мы и так рискуем, чего же бояться? — рассудительно ответила Гулик. — Лучше уж что-то предпринять, чем просто бежать, все время ожидая, что эта тварь цапнет тебя за плечо!

— Тогда пошли, я все объясню по дороге, — сказал капитан. — Вещцарн, конечно, прав: Агандара вы оба и впрямь не интересуете. Ему нужна Дани. И еще ему нужно то, что у меня здесь. — Он похлопал себя по карману с ключами и теми частями приборов, без которых «Удача» никогда не взлетит. — И он прекрасно знает, что так просто я это ему не отдам.

Гулик согласно кивнула.

— Нам нужно разойтись, — сказал капитан. — Паук непременно последует за мной.

— А мне что тогда делать? — спросила Гулик.

— Вам нужно вернуться на корабль. Вот тут несколько разных ключей, все они понадобятся, чтобы открыть замки и поднять корабль в воздух. Тогда Янго не будет страшен, а пушки «Нова»… Кстати, вы умеете ими пользоваться?

— К сожалению, нет, — ответила Гулик. — И вряд ли смогу поднять корабль, а тем более не сумею маневрировать в атмосфере. Сомневаюсь, что мне удастся даже просто вставить все эти ключи куда следует.

— Скажите, Гулик, а вы могли бы, по крайней мере, добраться до корабля и запереться там изнутри, пока…

— Пока вернувшийся робот не продырявит дверь шлюза? Нет уж, спасибо! Да дело теперь не только в них. Вы обратили внимание, что за нами шел кто-то еще?

Капитан только с неудовольствием крякнул. Конечно же, он заметил, что на склонах гор было неспокойно. Если сперва они встречали в темноте каких-то животных, то теперь в непосредственной близости от них уже никто не появлялся и ничто не шевелилось, хотя последние полторы сотни шагов капитан все время чувствовал тайную и весьма активную жизнь. То кто-то приглушенно рычал, то коротко стучали осыпавшиеся камни, то мелькали какие-то тени… Капитан не был уверен, что его спутники это заметили, а потому предпочитал молчать. Им хватало и грозного Паука Шима.

— Вы имеете в виду звуки в кустарнике? — спросил он Гулик.

— Именно. За нами следят, нас преследуют! И Янго тоже идет по нашему следу. Я полагаю, у него нашлось немало причин, чтобы почти все время ехать верхом на Пауке, а не идти пешком.

— Однако эти животные пока что держатся от нас на расстоянии, — возразил капитан. — Да и Янго они вроде бы не очень беспокоят.

— Да от этого Паука кто угодно будет держаться на расстоянии! — воскликнула Гулик. — А может быть, это ваша маленькая ведьма заставляет их соблюдать дистанцию? Что до меня, то я стараюсь держаться поближе к ней… Так какие у вас соображения насчет Янго?

— Учтите, если это не сработает. Паук нас поймает… — Капитан явно пребывал в неуверенности.

— Да уж, надо полагать!

— Ладно. Тогда давайте поворачивать назад. Вернемся шагов на триста. Я там приметил одно подходящее местечко… Перед тем, как мы увидели робота. — Он указал на утес, возвышавшийся над ними. — Подъем тут, правда, очень крутой…

— Забраться туда? Вы что же, хотите перещеголять Паука в умении лазать по скалам?

— Нет.

— Значит, вы придумали, как его остановить?

— Не совсем… Но мы можем попробовать заставить Янго сделать это. Или остановить самого Янго.

В какие-то стародавние времена на утесе, ви-

димо, было гнездо или логово — здесь имелась удобная каменная площадка, выступавшая из стены утеса и нависавшая над тропой. Поверхность ее была чуть вогнутой, чашеобразной, и на ней еще сохранились остатки засохших растений, раздробленные старые кости и окаменевший помет. Узкая тропка, вьющаяся по крутому утесу, явно была когда-то вытоптана обитателями этого логова.

Ветер продувал насквозь. Капитан весь дрожал от холода. Никаким иным способом спуститься отсюда было невозможно — исключая, конечно, крепкие конечности Паука Шима. Повиснув над краем площадки, капитан осмотрел тропу. Отсюда она казалась почти отвесной, и он удивился, как это они сумели преодолеть такой подъем. Видимо, страх подгонял, решил он. Конечно, они цеплялись руками и ногами за малейший выступ, все время поддерживая и страхуя друг друга и не осмеливаясь остановиться, передохнуть и подумать — в частности, о том, как высоко они уже забрались. Наконец он в последний раз подтолкнул Гулик и вслед за ней перевалился через край каменной площадки и без сил упал в кучу трухи, скопившейся здесь за долгие годы.

Они отвязали Гот и уложили под стеной утеса.

Девочка что-то сердито пробормотала во сне, повернулась на бочок, подтянула коленки к подбородку и опять провалилась в сон. Детское личико ее было мирным, спокойным. Глубокий сон, навеянный наркотиками Янго, не выпускал ее из своих объятий. Капитан и Гулик улеглись, каждый в своем углу огромной каменной площадки, держа бластеры наготове и внимательно наблюдая за подступами к утесу сквозь заслон из высохшего мусора, оставленного прежним обитателем логова.

Вон по тому уступу они прошли всего несколько минут назад, еще вместе с Веццарном, стараясь обнаружить признаки погони. Как раз там и должен был вскоре появиться Янго со своим роботом. Робот, наверное, сразу определит, что они вернулись по собственному следу, и помчится вместе со своим наездником прямо к утесу… Или сперва пройдет немного вперед, а потом вернется… В любом случае проклятый пират скоро поймет, что те, за кем он охотится, полезли вверх.

Они позволят ему взобраться повыше и, хотя их бластеры не смогут причинить вреда роботу Шима, с четырех ярдов разнесут голову Агандара вдребезги. Только нужно быть очень осторожными и не высовываться; пусть над краем уступа

торчат только стволы бластеров. Боевой луч робота тогда ударит как раз в скалистый край чаши, а сам Агандар окажется перед ними, как на ладони.

Под прицелом двух бластеров, наставленных на него с обоих углов выступа, и имея в перспективе падение с высоты в сотню ярдов, пират вряд ли станет спорить. Вероятнее всего, он сам отдаст им пульт управления роботом. Тогда они позволят Пауку вместе с его хозяином спуститься с утеса, а затем отключат его…

— А что если он не станет взбираться сюда верхом на роботе? — спросила Гулик. — У него ведь могут возникнуть всякие подозрения, и тогда он останется внизу, а Паука пошлет на утес, чтобы тот выяснил, прячемся мы здесь или пошли дальше.

— Тогда мы будем стрелять по Янго.

— Вот это было бы истинным наслаждением! — заметила до Эдель. — А что будем делать с роботом?

Этого капитан не знал, но у него были основания предполагать, что стоит им обезвредить Агандара, робот Шима не будет представлять никакой опасности.

Что-то похожее на выстрел из тяжелого орудия

прогремело высоко над долиной. Они испуганно подняли головы и переглянулись.

— Это гром. — спокойно сказал капитан. — Я уже слышал его раскаты. — Гром прогремел еще раз, но несколько дальше, в горах.

— Нет, — сказала Гулик. — Это они. Они ищут нас. — Она кивком указала в сторону долины. — Это они издают такой грохот и еще всякие разные звуки, когда движутся. Они все время ходят кругами недалеко от нас.

— Кто — они?

— Хозяева этого мира. Мы нарушили их покой, а они явно не любят посторонних. Те животные, что следовали за нами по пятам, — это их шпионы, соглядатаи. И тот рогатый летун тоже. Некоторое время назад, если вы помните, я заметила на той стороне долины какую-то огромную тень. Они уже тогда нас обнаружили, хотя тень и исчезла. Наверное, мы слишком маленькие. Они не знают, что именно следует искать, поэтому до сих пор нас и не нашли. Но они приближаются. — Гулик говорила очень тихо, лицо ее казалось почти спокойным. — Мы, может быть, и сумеем остановить Янго, но вряд ли нам удастся улететь с этой планеты. Слишком поздно! И теперь уже не имеет значения, справимся ли мы с Пауком. —

Она поглядела направо. — Ого, они уже близко, капитан!

Посерт пригнулся, спрятавшись за кучей сухого мусора. Внизу, в зарослях, мелькнул зеленоватый свет, потом он исчез, снова мелькнул и снова исчез за камнями. До них по-прежнему было не меньше трехсот шагов. Странно! Он быстро посмотрел на Гулик. Та лежала, распластавшись на камнях и выставив перед собой бластер; только голова у нее была чуть приподнята, чтобы можно было видеть левую сторону утеса. Какие бы страшные мысли по поводу этого неведомого мира красного света и сумрачных теней ни роились у нее в голове, она явно не собиралась отказываться от намерения покончить с Агандаром.

Зеленый свет вновь появился, теперь уже на каменной осыпи, и прямо под собой они увидели Паука, плавно переставлявшего свои огромные суставчатые ноги. Янго сидел на нем, ухватившись за какой-то нарост. Голова Паука поворачивалась из стороны в сторону в такт его шагам; он внимательно осматривал все вокруг; страшные челюсти его то сжимались, то разжимались. Глядя на него с такого близкого расстояния, трудно было поверить, что это просто машина, а не живой и страшный хищник,

некогда послуживший моделью для ее создания. Впрочем, машина была, видимо, куда опаснее, чем само животное…

Слева донесся негромкий скрип и скрежет. Капитан повернул голову — очень осторожно, потому что робот Шима и его наездник находились теперь прямо перед ними и продолжали приближаться, — и с неудовольствием увидел, как Гулик подняла бластер и просовывает его сквозь барьер из мусора и костей, упрямо наклонив голову и прицеливаясь. Если она нажмет на спуск прямо сейчас…

Но она не выстрелила. То ли сочла, что расстояние еще слишком велико, то ли вовремя вспомнила, что они решили стрелять по Янго только в том случае, если им не удастся заманить его вместе с роботом в ловушку. Робот продолжал продвигаться вперед на своих длинных паучьих ногах, а затем снова пропал из виду вместе с Агандаром. Гулик неторопливо убрала бластер и застыла неподвижно, по-прежнему глядя вниз.

С минуту царила тишина. Нет, кое-что все-таки было слышно — что-то шелестело там, где только что прошел робот, мелькали какие-то тени… Агандар явно привел за собой из долины целый эскорт.

Вдруг слева донеслось рычание Паука Шима.

Гулик быстро повернулась к капитану и беззвучно, одними губами прошептала: «Вещцарн». Он кивнул. Погоня, вроде бы, приостановилась: робот пытался разобраться со следом Вещцарна, уходившим в сторону.

Рычание смолкло. Снова воцарилась тишина. А еще через несколько секунд капитан понял, что Янго все-таки повел робота по их следу, потому что шелест внизу стих. Окружавший капитана и Гулик невидимый декорт по мере приближения робота рассредоточился. Прошла, наверное, еще минута. Он глянул в сторону Гулик и увидел, что она опять вся подобралась. Однако с его позиции пока что ничего видно не было — обзор закрывала левая часть выступа.

Потом, примерно в сотне ярдах от них, внизу и слева, у самого подножия утеса, вновь показался Шима — сперва две шипастые ноги, затем голова и передняя часть туловища. Он прошел немного вперед, снова остановился и замер на месте, подняв голову вверх. Челюсти продолжали словно что-то размеренно жевать. Капитан видел его ярко-желтые глаза, расположенные рядком в верхней части головы, но туша Паука еще скрывалась во мраке, так что невозможно было

определить, по-прежнему ли Янго едет верхом на своем «скакуне».

Он очень осторожно — Паук, как ему казалось, взирал прямо на него — отодвинулся от своей хлипкой баррикады и посмотрел, чем занята Гулик. Она, держа бластер наготове, лежала неподвижно и целилась вниз, но явно не в Паука! Угол наклона был совсем иной… Может быть, она целится в Янго? — подумал в смятении капитан.

В зарослях за спиной робота что-то шевельнулось, переместилось и снова замерло. Очень похоже на пригнувшегося к земле человека… Понятно, это Агандар! Решил спрятаться в зарослях, опасаясь, что за ним следят сверху…

Паук по-прежнему не двигался. Капитан медленно выдвинул бластер вперед и навел его на скорчившегося в зарослях человека. Не слишком приметная цель, если дело все же дойдет до стрельбы. Но, может быть, и не дойдет. Если сенсоры робота не смогут их здесь обнаружить и если они сами не будут делать неосторожных движений, Янго решит, что их поблизости уже нет, и снова оседлает своего Паука, прежде чем тот успеет все-таки почуять их след…

Он так и не успел додумать эту мысль до конца.

Робот вдруг сдал назад, раздвинув передние ноги, и снова вышел из поля зрения капитана, так что тот уже не видел, как вытянулись вверх когтистые конечности, выискивая на каменной поверхности утеса выступы и трещины. Но слышал он все хорошо. Потом ему стала видна косматая спина робота-убийцы: Паук начал подъем.

С сильно бьющимся сердцем капитан прицелился в присевшего за валуном Янго и положил палец на спусковой крючок. Он решил стрелять без промедления, как только услышит первый выстрел Гулик. Еще несколько секунд…

Его оглушил внезапный грохот камней. Часть спины робота, видимая капитану, резко дернулась. Вероятно, Паук потерял опору, но почти сразу нашел другую — теперь он снова поднимался и был уже пугающе близко! Похоже, он преодолел больше половины подъема!

А внизу, в зарослях, Янго, заметив, как робот чуть не сорвался со стены, вскочил было, но тут же снова присел, осознав свою ошибку, ибо в этот самый момент Гулик выстрелила. Капитан тоже выстрелил, но Агандар успел упасть на землю, потом метнулся вбок, в густые заросли, и исчез. Капитан тут же прекратил стрельбу.

Снизу, из-за края выступа, донеслись странные звуки — то ли рычание робота, то ли клокотание пара. Гулик продолжала стрелять, методично выжигая заросли вокруг того места, где прятался Агандар. Капитан привстал, опираясь на руки и колени, наклонился вперед и посмотрел, что происходит с роботом.

Паук, повиснув на стене утеса, вытянул голову и повернул ее под каким-то странным углом, глядя на горящие заросли. Рычание перешло в резкий пронзительный крик. Паук опять развернулся, занял прежнее положение, и из его пасти между страшных челюстей выдвинулась толстая серая труба. Труба уперлась в край выступа, и капитан, метнувшись вбок, схватил Гулик за щиколотку и потащил через всю площадку к стене, где лежала Гот.

Выступ содрогнулся, как от землетрясения, когда боевой луч Шима ударил в него снизу. Каменная глыба держалась, наверное, секунды две, потом большая часть ее рухнула и, развалившись на четыре огромных куска, поползла по склону вниз, сметая все на своем пути. В том числе и робота. Сквозь громовые раскаты обвала до них донеслись звуки взрывов. Видимо, «схлопнулись» силовые поля Паука. А когда капитан и Гулик, вы-

тянув шеи, осторожно заглянули за край того, что еще осталось от выступа, то увидели среди обломков камней клочья мохнатой коричневой шкуры. Падение со скалы дорого обошлось Пауку…

Капитан с трудом перевел дыхание и посмотрел на Гот. Девочка улыбалась, словно спала в собственной постели. Ничего себе наркотик!

— По-моему, нужно поскорей убраться отсюда, — нетвердым голосом сказал Посерт. Потом достал веревку и сунул бластер в карман. — Так вы попали в Янго, Гулик?

Гулик не ответила. Она сидела на корточках, лицом к красному солнцу, висевшему над долиной. Губы приоткрыты, взгляд отсутствующий. Она словно к чему-то прислушивалась.

— Гулик! — громко окликнул ее капитан.

Она вздрогнула и повернулась к нему.

— Что? Да… Я два раза в него попала… Надеюсь, он мертв. — Она отвечала ему совершенно машинально, явно думая о чем-то другом.

— Помогите мне поднять Дани! Нам надо…

И тут снова грянул гром. Чудовищно громкий. Капитану даже показалось, что гром прогремел буквально у них над головой. Затем последовала целая серия таких же оглушительных разрядов, которые постепенно становились тише, словно

смещаясь к противоположному концу долины. Молний видно не было. Но едва стихли раскаты грома, как со склона горы, от самой ее подошвы, стали доноситься другие звуки — кто-то завывал, блеял, сопел, хлопал крыльями… В воздухе замелькали непонятные тени, потом все быстро исчезло, словно растворившись в воздухе.

— Забегали, залетали! — усмехнулась Гулик. — Мы, кажется, их здорово растревожили… — Она взяла у Посерта веревку. — Поднимайте ведьмочку, капитан, а я ее к вам привяжу. Но только до корабля нам все равно не добраться!..

Однако до корабля они добрались. Хотя потом капитан никак не мог толком припомнить, как они спускались по склонам гор и оврагов. Помнил только, что путь казался ему бесконечным, ноги подкашивались, а маленькое легкое тело Гот словно было сделано из свинца. Гулик шла, точнее, тащилась рядом с ним или чуть позади. И то и дело начинала смеяться. Потом вдруг стала напевать какую-то диковатую мелодию в ритме там-тамов. И вдруг умолкла. Может, это он велел ей заткнуться?

А еще он хорошо помнил, что все время боялся — но не тех, кто мог их преследовать по земле, и не летающих рогатых монстров. Насколько

он мог определить, преследователи от погони отказались и отстали: ущелья, овраги, покрытые кустарником склоны — все было пусто. Ни шороха, ни звука. Складывалось впечатление, что теперь на них не только не обращали внимания, но и старательно избегали.

Его страх не имел никакой реальной формы, но подавлял волю. Это было ощущение чего-то громадного и угрожающего, собиравшегося с силами где-то рядом. Временами капитану казалось, что красноватое небо меркнет, словно его закрывают гигантские тени, которые и тенями-то трудно назвать… Над горами по-прежнему громким стаккато трещал гром, но молний не было. Впрочем, источник громовых раскатов больше к ним не приближался. Достигнув одного из оврагов, они опять услышали далеко в долине нечто напоминавшее низкий звон колокола. Ладно, это уже неважно, решил про себя капитан. Главное, что «Удача» по-прежнему стоит там, где ее оставили, и никто ее не трогал, а идти до нее всего несколько минут…

— Они нас как раз там и поджидают. У корабля, — послышался голос Гулик. И она опять засмеялась.

Капитан не ответил. Гулик очень мужественно

вела себя и немало помогла ему во время схватки с Агандаром и его роботом-убийцей. Просто этот неведомый странный мир теней оказался ей не по силам.

На последнем отрезке пути Гулик совсем сдала, стала спотыкаться и падать. Капитан дважды помогал ей встать, потом обхватил рукой за плечи, и они побрели дальше. Он и сам тоже начал спотыкаться и вдруг понял, что земля под ними колышется, точно волны неспокойного моря. Он брел, потупясь, а когда в очередной раз поднял глаза, чтобы посмотреть, сколько им еще осталось до корабля, то резко остановился: борт «Удачи» нависал прямо над ними, а трап был всего в десятке шагов. Он посмотрел на темный зев открытого шлюза и потряс Гулик за плечо.

— Мы добрались! — громко сказал он, и Гулик посмотрела на него затуманенным взором. — Теперь давайте наверх — вперед, по трапу! Да проснитесь же вы, наконец!

— Там же они, — усмехнулась Гулик. — Разве вы не чувствуете? Но все же начала подниматься по трапу. Капитан последовал за ней, держась поближе на тот случай, если она опять упадет.

И тут он действительно кое-что почувствовал. Холодные, точно электрические уколы по всему

телу. Он словно вступил в поток энергии. Капитан оглянулся: еще несколько минут там не было ничего, однако теперь на том конце долины над утесами крутилась темная мгла, очень похожая на грозовую тучу.

Неужели гроза все-таки разразится?

Капитан втащил Гулик через шлюз внутрь корабля и захлопнул за собой дверь; затем включил свет в ходовой рубке, достал нож и на ходу разрезал веревки, удерживавшие Гот у него на спине. Он уложил девочку на кушетку и оглянулся: Гулик опустилась на пол, прямо посреди рубки.

Капитан оставил ее лежать там, а сам извлек из кармана ключи, бросил их на стол у панели приборов и торопливо принялся за дело. Подготовка «Удачи» ко взлету обычно требовала довольно много времени, но сейчас это ему удалось буквально минуты за три. Электрические покалывания становились все более ощутимыми. Наконец он сел в пилотское кресло, запустил вспомогательные двигатели, проверил системы управления боем и включил экраны.

Черные тучи продолжали сгущаться над утесами с обеих сторон; на экранах было видно, как они будто сползают с отдаленных горных склонов… Бешено крутящиеся, вздымающиеся

горы мрака окутывали все небо. Да, самое время уносить ноги!

Кто это?

На экране правого борта показалась маленькая фигурка; человек бежал к кораблю, бешено размахивая руками. Капитан включил увеличение. Ну, конечно! Веццарн…

Он выругался, открыл дверь переднего шлюза, услышал щелчок, вслед за которым в корабль снова ворвался рокочущий гром. Веццарну, правда, оставалось пробежать сотни две шагов, и он торопился изо всех сил. На экране было видно, как он, на секунду подняв голову, радостно замахал руками, заметив свет из открывшегося шлюза.

Капитан ждал, до боли прикусив губу. Каждую секунду вздымающиеся черные громады облаков меняли свой облик, поднимаясь все выше… Теперь ему казалось, что вершины туч закручиваются гребешкам, точно морские волны перед штормом, готовые со всей своей силой обрушиться на корабль. Веццарн уже пропал с экранов, оказавшись в мертвой зоне обзора. Еще несколько секунд… Раскаты грома за бортом стали еще громче. Тучи, точно двинувшиеся в атаку войска, устремились к «Удаче»… Послышался топот ног по трапу, капитан обернулся и увидел, как Вец-

царн влетел внутрь и рухнул на пол, хватая ртом воздух. Капитан тут же врубил форсаж, корабль подпрыгнул футов на пятьсот с еще незакрытой до конца дверью шлюза и ринулся прочь от этой кошмарной планеты. Небо над ними было похоже на густую черную взбаламученную массу. Капитан чуть развернул «Удачу» и, как только это стало возможно, включил основную тягу.

Корабль рванулся вверх, оставляя позади грозовую стихию и весь этот мир красного солнца. Он был подобен метеориту, несущемуся в противоположном — по отношению к движению самой планеты — направлении, весь раскалился и светился от носа до кормы. Впрочем, холод космического пространства через несколько секунд остудил его. Мрачное, словно закопченное, красное солнце и все его спутники в последний раз мелькнули на задних экранах «Удачи», и она, остывая, понеслась вперед.

— Боже мой! — выдохнул капитан, откидываясь на спинку кресла. Он закрыл глаза, но тут же снова открыл их…

Это было все равно, что почувствовать «запах ворчания» или «услышать темно-зеленый цвет»… Как сказала бы Гот, это невозможно выразить словами, имеющими смысл! Но ощущение

было несомненно знакомым. Капитан прекрасно понимал, что с ним происходит — он *релировал*!

— ПОЗДРАВЛЯЮ! — возник ватч. — ИСПЫТАНИЕ ЗАКОНЧЕНО! И ОПЯТЬ ТЫ МЕНЯ УДИВИЛ И ПОРАДОВАЛ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК! А ТЕПЕРЬ НАЧНЕТСЯ ДРУГАЯ, ЕЩЕ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНАЯ ЧАСТЬ ИГРЫ! НАСТАЛО ВРЕМЯ ПОГОВОРИТЬ СО ВТОРЫМ ЕЕ УЧАСТНИКОМ…

И тут ходовая рубка вся как-то смазалась, исчезла, и сам он тоже расплылся и словно исчез. А под ним зависло некое бледное, постоянно меняющее свои очертания и движущееся свечение, своими формами напоминавшее его собственное тело. Сам же он, казалось, быстро перемещался вместе с этим свечением сквозь море нематериального сероватого тумана…

— ТЕРПЕНИЕ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК, ТЕРПЕНИЕ! — успокоил его своим громовым голосом ватч, а может, и сам серый туман. — ЭТО ТАКАЯ ИГРА, В КОТОРОЙ ТЫ САМ ВЕСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАН. А ДРУГИЕ ФАНТОМЫ, ТВОИ ТОВАРИЩИ, БУДУТ ПРЕБЫВАТЬ В ПОЛНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОКА ТЫ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ.

Ну, хоть что-то ободряющее… Игра, в которой он сам заинтересован?

— МИР ЧЕРВЕЙ! — проорал ватч с явным насла-

ждением. Чудовищный голос гремел, вибрировал где-то рядом. — МИР ЧЕРВЕЙ… МИР ЧЕРВЕЙ… МИР ЧЕРВЕЙ…

Глава десятая

А ведь, если честно, он действительно здорово заинтересован в этой игре с Миром Червей! Вот только где он находится, этот мир?

На секунду у капитана возникло ощущение, что ватч озадачен этим его незаданным вопросом.

— ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ? ДА ТАМ, ГДЕ И ДОЛЖЕН НАХОДИТЬСЯ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК! ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ?

И капитан понял, что инструменты, вроде электронной звездной карты, не имеют для ватча ни малейшего смысла. Да и зачем они ему? Вселенная, в которой обитает человечество, представляется ватчу плодом его собственного воображения, и он легко переносится в ней с места на место — как человек порой уносится в неведомые дали своих мечтаний. Если ватчу надо куда-то попасть, он просто попадает туда — и все.

Однако даже ему попасть в Мир Червей удается не всегда. Мир Червей, объяснил Посерту ватч, —

это загадка. Чудовищная загадка. Во время своих странствий он немало узнал об ужасном Манарете и решил сам посмотреть на него.

И обнаружил, что не может даже приблизиться к Манарету. Что-то мешало ему, перекрывало дорогу, держало на расстоянии от Мира Червей.

Это означало одно: вызов. И тогда ватч принялся сводить воедино все, что ему было известно о Манарете, о чудовищном монстре Моандере, повелевавшем сферами нури. Ватч узнал, что Манарет — это, по сути дела, огромный корабль размером с целую планету, в котором запертое в одном из его отсеков, точнее в тюрьме, томится племя гордых и некогда могущественных существ, построивших этот корабль и прежде бывших его хозяевами. Теперь они пленники Моандера. Народ этот носил имя лирд-харьер и был известен людям, которые установили с ним связь, надеясь отыскать способ как-то противостоять Моандеру и нури. Если бы можно было свергнуть Моандера и восстановить власть лирд-харьер над Манаретом, то это одновременно ликвидировало бы и страшную угрозу для человечества.

Ватч был заинтригован создавшимся положением и с интересом наблюдал, как капитан все больше втягивается в игру против Мира Червей.

Теперь он уже считал Посерта вполне достойным партнером.

Что я должен делать? — мысленно спросил капитан.

Нужна информация, сообщил ему голос ватча. Средства борьбы против этого монстра могут оказаться под рукой, нужно лишь понять, как ими пользоваться. А информацию лучше получить от тех, у кого больше всего сведений о Моандере — от народа лирд-харьер, запертого в недрах Манарета. Ватч к ним попасть не мог; и ничто материальное тоже не могло проникнуть сквозь энергетические барьеры, установленные Моандером. Однако в своем нынешнем виде капитан не представлял собой никакой материальной субстанции, и его можно было заслать прямо в Манарет, туда, где все еще, словно в осажденной крепости, обитали лирд-харьер. А там уже, следуя инструкциям ватча, капитан сможет узнать все, что нужно…

Существование в виде бестелесного духа, хотя и временное, все же имеет свои преимущества, думал капитан.

Например, плотный орудийный огонь и бесконечные разрывы снарядов, заполнившие все пространство вокруг, никак ему не повредили,

и он сумел проникнуть сквозь линии обороны, оказавшись прямо в личных покоях лорда Чила, принца великого народа лирд-харьер. Покои находились в центральной части Манарета. Когда орудийный огонь прекратился, капитан уже стоял в покоях принца — по-прежнему нематериальный, но вполне целый. Столь враждебная встреча его нисколько не удивила. Ничего не зная о способностях и возможностях ватчей, лирд-харьер воспринимали любое вторжение на их территорию как агрессию со стороны Моандера.

Принц Чил сидел в уютном гнезде из роскошных покрывал, устроенном на широком ложе в самом центре зала, и следил своими огромными, немигающими, золотисто-зелеными глазами за приближением странного призрака, нарушившего его покой и уединение. Те части длинного, вытянутого тела принца Чила, которые было можно разглядеть среди богатых одежд, сильно напоминали рептилию с красной чешуей, а шея более всего походила на змеиную. Однако венчавшая шею огромная круглая голова говорила о наличии развитого мозга, а чрезвычайное спокойствие Чила, которое в данный момент могло показаться даже пугающим, свидетельствовало о его безоглядной смелости, гордости и уверен-

ности в себе.

Длинная красная конечность высунулась из-под роскошного одеяла, и капитан «услышал» мысли принца:

«Внутренние барьеры сняты. Мне кажется, ты не из подданных Моандера? Значит, ты посланец дружественного нам народа ведьм?»

Капитан заявил в ответ, что он действительно связан с народом ведьм и, поскольку они являются врагами Моандера, желает помочь в борьбе с этим монстром. Для этого ему нужна некоторая информация, ибо он не очень представляет, что именно ему нужно сделать. Чил как будто хорошо его понял. «Задавай свои вопросы! — мысленно ответил он. — Без помощи извне наше положение скоро станет безнадежным…»

Обмен мыслями продолжался без особых затруднений. Манарет, как узнал капитан, находился под управлением суперкомпьютера, который назывался Синергайзер. Та же катастрофа, которая некогда выбросила Манарет и народ лирд-харьер из их собственного пространства и переместила в эту Вселенную, на время вывела из строя и Синергайзер. Моандер, который был лишь автономным аварийным блоком, включился в работу, подменив Синергайзер. Вообще же

Манарет являлся экспериментальным боевым кораблем, изобретенным и сконструированным народом лирд-харьер. У них не было возможности ранее проверить, как работает Моандер в аварийных условиях.

И тут вдруг выяснилось, что при разработке этого устройства были допущены ошибки. Включившись в работу, чтобы заменить Синергайзер, Моандер предпринял меры, направленные на то, чтобы увековечить аварийное положение, при котором все управление кораблем находится в его власти. Уничтожить Синергайзер практически невозможно, однако Моандер заключил его в ракету-контейнер и направил по курсу, который должен был привести соперника прямиком в раскаленные недра огромной звезды. Обретя свободу, Моандер стал недоступен для каких бы то ни было средств контроля, имевшихся в распоряжении лирд-харьер.

«Нам известно, что Синергайзер не был уничтожен, — сообщил капитану принц Чил. — По всей видимости, ракета-контейнер отклонилась от заданного курса: возможно, в результате действий самого Синергайзера. Но сюда она не вернулась. Недавно, правда, было сообщение…»

Мысль прервалась. Капитан вдруг вспомнил

Олими и его таинственный «камень»…

— «Да, да, это он! — мысль Чила прозвучала, как вскрик. — Где ты его видел?»

Он пришел в такое возбуждение, что обмениваться мыслями стало невозможно. Понемногу успокоившись, он продолжил свой рассказ. Народ лирд-харьер получил от своих агентов, имевшихся практически во всех секциях Манарета, сообщения, что нури Моандера сумели обнаружить следы пропавшего Синергайзера. Всего несколько часов назад пришло известие, что карресский корабль, на котором находится это устройство, избежал коварной попытки направить его вместе с грузом в недра одного из солнц, после чего исчез.

Капитан признал, что это его корабль, и заверил Чила, что пока Синергайзер в полной безопасности.

Странные золотисто-зеленые глаза затуманились от волнения. Капитан мысленно увидел огромный зал, стены которого были сплошь заняты приборами и экранами. «Это центральный командный пост, — сообщил Чил. — Он все еще под нашим контролем. Как только Синергайзер окажется здесь, он обретет былое могущество. Вдали отсюда он мало на что способен…» Изоб-

ражение исчезло. А мысли Чила устремились дальше. Довольно давно лирд-харьер получили отрывочную информацию, посланную на Манарет иными, но подобными им существами, о том, что в тех пространствах и измерениях, куда их некогда забросила Великая Катастрофа, создается гигантское устройство, которое будет способно извлечь корабль из чуждой Вселенной и вернуть назад, но для этого надо восстановить власть Синергайзера.

Однако народу лирд-харьер не был известен способ проникновения материального объекта сквозь силовые поля внешней оборонительной системы Манарета, установленной Моандером. Синергайзер таил в себе значительно больше возможностей, чем представлялось на первый взгляд, но тем не менее оставался все же материальным предметом. А оборонительные системы Манарета постоянно совершенствовались и укреплялись. «Нури по-прежнему устанавливают новые энергетические барьеры между мертвыми солнцами, которые окружают нас здесь со всех сторон… — услышал капитан. — А недавно Моандер, видимо, нашел способ пресекать мысленный обмен информацией между лирд-харьер и ведьмами с Карреса. Так мы потеряли контакт

с Карресом…»

«А существует ли какая-нибудь возможность того, что ваши друзья все-таки смогут послать в наше измерение нечто вроде спасательного корабля, способного справиться с Моандером?» — осведомился капитан.

«Нет, это невозможно!» — был ответ. И тут же перед мысленным взором капитана возникли безумно закрученные потоки энергии, впивавшиеся в узлы и непрерывно взрывавшиеся… «Между нашими измерениями нет общей границы. Переход из одного в другое — это извилистый путь сквозь хаос! Мы только что находились там — и вот мы уже здесь! Даже за миллионы жизненных циклов такой момент точного совпадения положений не повторяется дважды и не может быть создан искусственно. Так что они сюда попасть не могут. Они способны лишь вытащить наш корабль отсюда… Но при условии, что структура силовых полей корабля будет полностью восстановлена и совпадает с природой полей, созданных ими…».

Но для этого нужен Синергайзер! Ах, если б только капитану удалось доставить его на Каррес!..

«Насколько Моандер уязвим при атаке извне?»

— спросил капитан.

«Почти неуязвим! Вся оборонительная система Манарета к его услугам. А кроме того…»

И вновь перед мысленным взором капитана возникли массивные укрепления, мощные бастионы с крутыми скатами. «А сам Моандер находится глубоко внутри. Любые активные системы управления кораблем действуют только через структуры обороны, и только через них и через своих нури Моандер получает информацию о вашей Вселенной. Моандер держит нас буквально за горло и готовится такой же мертвой хваткой вцепиться и в вас. Время не терпит! Потому что нури уже создали новые инкубаторы…»

«Инкубаторы?» — прервал его капитан.

Оказалось, что нури — покорные рабы того, кто в состоянии ими управлять, рабы абсолютно послушные, которых при необходимости можно не беречь и не щадить. Их воспроизводство, правда, требует немало времени, зато количество при этом не ограничено, и хозяин может иметь их столько, сколько ему нужно. Сейчас как раз начался период воспроизводства, и, разумеется, Моандер стремится вывести как можно больше нури, целые орды, увеличив их число в сотни раз.

«Сами по себе нури не страшны, — сообщил Чил. — Но сейчас они выступают как орудия Моандера. По мере роста численности растет и могущество нашего врага. И если МЫ не победим Моандера до того, как нури размножатся, нашим оборонительным системам не устоять… И вашим мирам тоже. Все мы погибнем в эпидемии этой чумы. Есть только два пути спасения: вернуть Синергайзер на место — в центральный пост управления — или пробить оборону Моандера и сломить его сопротивление. Но мы не знаем, как это сделать…»

Мысль принца Чила внезапно оборвалась. Перед глазами капитана все вдруг помутнело, заколебалось, и Чил вместе с огромным залом исчез, а призрачная, нематериальная сущность самого Посерта вновь поплыла куда-то в сером безликом тумане. Теперь капитан довольно явственно релировал ватча.

— ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПРОБЛЕМА! ПОДОЖДИ ЗДЕСЬ НЕМНОГО, МАЛЕНЬКИЙ УЧАСТНИК ЗАБАВНОЙ ИГРЫ!

И ватч исчез. Во всяком случае, его присутствие больше не ощущалось. Капитан продолжал куда-то плыть, и вместе с ним плыл серый туман.

«Забавная игра!» Ха! Но для прочих «игроков»

— проблема страшная! Если, конечно, принц Чил говорил правду.

Итак, что может предпринять он, капитан Посерт? Ничего! Пока не вернется ватч, не вытащит его из этого тумана и не вернет его обратно — в его тело, на его корабль, в общество ему подобных.

Как же освободиться от влияния клатха-сущности, которая способна не только вывернуть тебя наизнанку, но и постоянно сует нос в твои мысли? И тут капитан вспомнил о замке, которому научила его Гот. Если бы удалось «закрыться» на такой замок против ватча…

Тут его размышления прервались. В сером тумане мелькнула яркая искра, потом она проплыла слева направо, оставляя за собой след — кривоватую огненную линию, такую же яркую, как она сама. Да это же…

«Стоп!» — мысленно приказал он.

Искра остановилась. Огненная линия тоже застыла, трепеща, на месте. Она была очень похожа на те линейные части «узоров», из которых состоял волшебный замок против нури…

Но эта линия была намного толще, мощнее — настоящий поток живого огня! Огонь клатхи! — догадался капитан… И этот огненный поток остановился только потому, что он ему

приказал!..

Капитан колебался. Если огненная линия — составляющая некоего «замка», то речь должна идти о куда более мощном засове, чем тот, что преграждал нури доступ к его мыслям. И этот новый замок, видимо, будет создан благодаря клатха-энергии!

Ну, что ж…

«А ты уверен, что хочешь попробовать создать такой засов?» — Капитан отчетливо услышал внутри себя голос, задавший этот вопрос.

Да, он уверен. Более того, это представлялось ему крайне необходимым.

И тогда капитан сделал нечто, чего не смог бы описать или объяснить даже самому себе. Искра клатха-энергии вновь поплыла, оставляя за собой огненный след, а чуть выше возникла вторая такая же искра и двинулась вниз, к первой. Затем вспыхнула третья, и третий огненный поток зигзагом устремился вверх, к месту слияния с первыми двумя…

От этого узора исходил невыносимый жар! Был момент, когда вся Вселенная напряженно вытянулась в одну линию и чудовищно напряглась. Но тут огненные потоки наконец пересеклись и замерли. Сверкнула неслышная вспышка — и все

кончилось. Узор, точно фотография, зафиксировался в пространстве и тут же исчез. Исчезло и чудовищное напряжение.

Вряд ли, подумал капитан, такие эксперименты можно повторять часто. Скорее всего, это можно сделать только один раз. Или лучше вообще никогда не делать.

Капитан немного подождал и через некоторое время вновь начал релировать ватча. Его присутствие сперва ощущалось сильно, потом ватч куда-то пропал, а затем оказался рядом.

— ХМ? ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ?.. СОВЕРШЕННО НЕОБЪЯСНИМО!.. ВРОДЕ БЫ ОН СОВЕРШЕННО ЦЕЛ... ОДНАКО... ЭЙ, ЧЕЛОВЕЧЕК! — голос ватча зазвучал в полную силу, — ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

— Слышу, — ответил капитан.

— ВОТ КАК? НЕУЖЕЛИ ПОЛНАЯ БЛОКИРОВКА? НУ И ПУСКАЙ! — решил вдруг ватч. — ЕРУНДА! МЕЛКИЕ НЕПОЛАДКИ! ИГРА-ТО ВСЕ РАВНО ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

У капитана вдруг возникло такое ощущение, будто он провалился в ледяную черноту. Потом он понял, что лежит на чем-то холодном, твердом и колючем, открыл глаза и приподнялся. Пришлось зажмуриться, помотать головой и снова открыть глаза: сомнений быть не могло — он вернулся

назад! Он лежал на каменистой земле! Капитан сел и огляделся. Вокруг торчала высохшая коричневатая трава. Светило яркое солнце. Осенние, поросшие лесом холмы, холодный ветер… Вдали виднелись снеговые вершины гор, а неподалеку, в нескольких сотнях метров, стояла «Удача» с распахнутой дверью переднего шлюза и опущенным трапом. Капитан встал и пошел к кораблю.

— Капита-а-а-ан!!!

Он резко обернулся и увидел Гот, бегущую ему навстречу от корабля. Он что-то заорал и понесся ей навстречу. Чувство облегчения, которое он испытал, было столь огромным, что буквально несло его над землей. Гот бросилась ему на грудь, чуть не рыча от восторга. Капитан обнял ее, поцеловал, растрепал ей волосы, поставил на землю и на радостях шлепнул.

— Патам! — вскричала она. — Как же я рада тебя видеть! Но где ты пропадал?

— Встречался с Червивой Грозой, — сказал капитан, счастливо улыбаясь.

— Да что ты!

— Честное слово. Я побывал в Мире Червей. Скажи-ка, этот «камень», что вез Олими, по-прежнему у нас на корабле?

— Откуда же мне знать? Ничего себе — побывал

в Мире Червей! — Гот была совершенно потрясена. Потом пояснила: — Между прочим, и корабль тоже только что появился здесь, одновременно с тобой.

— Вот как?

— Ну да, буквально минуту назад! Я как раз собиралась возвращаться в лагерь…

— В какой лагерь? Ладно, это потом. Гулик и Веццарн с тобой?

— Да. Они оба здесь. Кстати, я недавно релировала ватча. Огромного! Впрочем, ты, кажется, с мелкими и не знаешься… А потом оглянулась случайно — и «Удача» уже стояла рядом. И ты тоже наконец объявился…

— Так. — Капитан был настроен решительно. — Пошли к кораблю. Надо проверить, на месте ли «камень». Я теперь знаю, что он из себя представляет. Ты когда-нибудь слыхала о Синергайзере и его значении для Манарета?

— Синер… Нет, ничего не слыхала! — Гот, подскакивая на ходу от нетерпения, старалась идти с ним рядом. — Что-то очень важное, да?

— Самое важное! Я тебе потом все расскажу.

Они торопливо взобрались по трапу. В ходовой рубке горел свет, отопление работало на полную мощность. Но переборки на ощупь были ледя-

ными. Капитан и Гот на минуту задержались у панели управления, проверяя, все ли в порядке. Все системы, кроме аварийной, были отключены, и они, оставив все как есть, направились в кормовую часть корабля. У первой блокирующей переборки они немного задержались. Робот Шима не то чтобы прожег ее — нет, он вырубил значительную ее часть, пролез в эту брешь вместе с хозяином, а выбитый кусок плиты просто вколотил в пол, сильно изуродовав при этом палубу.

Синергайзер, пропавший с Манарета, по-прежнему находился в сейфе, завернутый в пластик. Они осторожно пробрались по заваленному обломками переборок отсеку к запертой каюте Олими и обнаружили, что он все еще там — в полной безопасности и по-прежнему без сознания. Они снова заперли дверь каюты, вышли из корабля и спустились по трапу.

— Давай присядем на минутку, — предложила Гот и первой плюхнулась прямо на траву. — Можешь быть уверен — с остальными все в порядке. Но что все-таки произошло с тобой? И как ты попал в Мир Червей? И что такое Синергайзер?

Она слушала, не перебивая, с напряженным вниманием, пока он рассказывал ей о своих приключениях. Однако о своих экспериментах по

созданию замка от чересчур любопытного и надоедливого ватча он пока что решил умолчать.

— Ватч сказал, что игра продолжается, — закончил капитан свой рассказ, — и уже в следующий момент я оказался здесь. Слушай, а ты представляешь, где мы находимся?

— Между прочим, это Каррес!..

— Что?! — Капитан ушам своим не верил. — Но тогда…

— Нет, — ответила Гот. — Все далеко не так просто. Это не настоящий Каррес, это Каррес прошлого! На всей планете сейчас никого нет, кроме нас.

— Ты считаешь, что это проделки ватча?

— А кого же еще?.. Представь, никакой Империи нет и в помине, и пиратской Ульдуны тоже еще не существует. Великий Патам! Даже космические корабли еще не изобрели! — Она вдруг склонила голову набок и чуть прищурилась. — Ну вот, опять!

Капитан тоже почувствовал присутствие ватча. Назойливый спутник ошивался где-то поблизости… А потом ощущение исчезло.

— Гигантский ватч! — заметила Гот. — Ну ты даешь, капитан! Самого здоровенного выбрал!

— Они ведь могут читать наши мысли, вер-

но? — спросил капитан.

— Многие могут.

— А способны они это делать на расстоянии? Когда мы не можем их засечь? То есть релировать?

— Вроде бы, нет. — сказала Гот. — Но точно я не знаю.

— Интересно! А не существует ли такой штуки, вроде клатха-замка, чтобы не позволять им совать нос в наши мысли?

— Есть такая штука! Только подобный замок очень трудно сотворить. Я вот, например, не умею. И знаю всего четырех, не больше, которые на это способны.

— Всего-то? — удивился капитан.

Гот поглядела на него вопросительно, затем с явным подозрением.

— Знаешь что, — медленно проговорила она, точно колеблясь и раздумывая, — я кое-что умею, и это может сработать как замок против ватчей… Просто нужна клатха-энергия слабого напряжения, совсем немного… И ее как бы накладываешь на что-то конкретное — на те мысли, которые желаешь защитить от постороннего вмешательства. Вот и все. И тогда, кто бы ни сунулся в мои мысли, он просто ничего прочитать не сможет!

Она снова склонила голову набок и внимательно

но поглядела на капитана:

— А ты что, сделал себе замок против ватчей?

— Думаю, да. — И он вкратце описал ей свое изобретение. Гот слушала, сперва округлив глаза от изумления, а потом просияв от радости.

— Да, ты будешь самым лучшим колдуном на Карресе, капитан! Вот увидишь!

— Ты так думаешь? — Ему эта мысль была необычайно приятна, но оставалось еще слишком много нерешенных проблем, чтобы долго ею наслаждаться. — Ну что ж, будем считать, что когда мы ватча не релируем, то можем разговаривать совершенно спокойно, — подвел итоги капитан. — И что же мы будем делать дальше? Нет ли какого-нибудь способа вернуться в наше время? Например, с помощью клатхи?

Гот помотала головой. Ведьмы Карреса иногда экспериментировали с перемещением в прошлое, но никто, насколько она знала, не проникал туда далее дня собственного появления на свет.

Оставалось полагаться только на то, что сам ватч и вернет их обратно. Это был не слишком обнадеживающий вывод. Ватч, будучи воплощением клатха-энергии, играл в свои собственные игры и явно рассматривал людей как пешки в этих забавах. Вот он, например, услышал, что

вроде бы невозможно преодолеть сопротивление Моандера, укрывшегося в своей неприступной крепости, и теперь решил доказать, что это не так.

Ситуация не самая приятная. Но пока что ее изменить невозможно.

— Олими нашел Синергайзер и вез его на Каррес, когда на него напали нури, — задумчиво заметил капитан. — Примерно в тот же момент ведьмы узнали, что Империя собирается напасть на них, и Каррес исчез. И более никакой информации о нем не поступало — во всяком случае до того, как мы покинули Ульдуну.

Гот кивнула:

— Наверное, они знали, что Олими везет эту штуку, и отправились ему навстречу.

— Вполне возможно. Теперь вот что. Ты мне как-то говорила, что на Карресе начали разработку нового вида клатха-оружия для борьбы с нури, и дела шли довольно успешно, так?

— Да. Я думаю, они почти закончили его, когда мы улетали с Карреса, — сказала Гот.

— Тогда, вполне возможно, что Синергайзер мог быть единственной недостающей составляющей, которой не хватало, чтобы начать атаку на Мир Червей. Они, конечно же, знали — благо-

даря постоянному контакту с лирд-харьер, — что Моандер в самом ближайшем будущем сумеет вывести такое количество нури, что победить его будет практически невозможно…

Гот снова кивнула и решительно заявила:

— По-моему, они все равно атакуют Манарет — получат ли Синергайзер или нет! Похоже, они будут просто вынуждены это сделать.

Капитан заскрежетал зубами от бессилия.

— Даже если бы мы вернулись обратно в наше время, — сказал он, — то самое лучшее, что мы могли бы тогда сделать, — это доставить Синергайзер на Эмрис! Мы же не знаем, где сейчас находится Каррес. И где находится Манарет, тоже не знаем… хотя я там, кажется, только что побывал.

— Возможно, нам известно, где находится Манарет…

— Как это? Что ты хочешь сказать?

— Чил сообщил тебе, что нури строят новые заграждения вокруг Манарета где-то среди множества мертвых солнц, верно?

— Да, — кивнул капитан.

— Известно только об одном районе космоса, где вокруг сплошные мертвые солнца. Это Чаладур! А само скопление мертвых звезд называется

Тарк-Немби. Его все избегают, потому что оттуда не возвращаются. Стало быть, Мир Червей вполне мог находиться все это время именно там. А если это так, то мы довольно легко можем обнаружить и Каррес — причем не более чем в одном перелете от Тарк-Немби!

Капитан даже крякнул от удовольствия.

— Клянусь, ты молодец! Может быть, нам даже удастся решить все проблемы, особенно если мы сумеем вернуться в свое время и прорваться к этому скоплению мертвых звезд на вжжик-тяге. Если нам не помешает ватч…

— Он все равно сделает свой ход первым.

— Ну что ж, — вздохнул капитан. — Ладно. Ты, по-моему, говорила о каком-то лагере?

Гот вскочила:

— Да, за холмом. Примерно с четверть мили отсюда. Пошли, заберем все оттуда — это проще, чем перегонять корабль.

По дороге Гот успела рассказать ему о том, что произошло. Ни Гулик, ни Веццарн не помнили ровным счетом ничего с тех пор, как «Удача» покинула планету красного солнца, и до того момента, когда они очнулись, освещенные лучами зари, на холодном, туманном Карресе. Гот пришла в себя первой, на полчаса раньше осталь-

ных. Она ничего не сказала своим спутникам ни об этой планете, ни о ее местонахождении в пространстве и во времени: оба и без того были совершенно обескуражены и испуганы. Гулик, например, придя в себя и обнаружив рядом распростертое тело Веццарна, сразу решила разнести ему из бластера голову, уверяя Гот, что он гнусный предатель.

— Она, правда, так свой бластер и не нашла. Да и бластер Веццарна тоже, — ухмыльнулась Гот. — Ну а потом Гулик немного остыла, а Веццарн стал ныть, как обиженный младенец. Целый час ныл, наверное… Ты, мол, специально задержал взлет и подождал его, а он вел себя как подлый предатель, и теперь ему остается только застрелиться, потому что он даже представить себе не может, как посмотрит тебе в глаза.

— Похоже, тебе пришлось с ними обоими здорово повозиться?

— Да нет, они довольно быстро успокоились. Гулик теперь даже разговаривает с Веццарном. Она не такая уж плохая, эта Гулик.

— Да, ничего, — согласился капитан, припомнив тяжелые минуты, пережитые вместе с Гулик на краю утеса.

По словам Гот, они устроились совсем неплохо.

Веццарн, изо всех сил стараясь загладить былые прегрешения, уже к вечеру первого дня умудрился оборудовать прекрасный лагерь на берегу ручейка и содержал его в чистоте и порядке. Пытался даже кухарить, добывая пищу с помощью самодельного лука. Гулик первые сутки вела себя настороженно, нервно поглядывая на окрестные горные склоны, словно в любой момент ожидала нападения опасного противника. Но к концу второго дня горячее осеннее солнце Талсоу как будто растопило владевшее Гулик напряжение.

Прибытие в лагерь оказалось малоприятным, поскольку Веццарн при виде капитана завыл и застонал, потом рухнул на колени и попытался поцеловать капитану руку. И не желал подниматься, пока Посерт не провозгласил, что на сей раз Веццарн прощен.

Они покинули лагерь, оставив все как есть, и вместе вернулись к «Удаче». Гот и Веццарн отправились осматривать корабль, надеясь, что можно будет хотя бы немного привести все в порядок и ликвидировать страшные следы робота Шима. Капитан, закрыв шлюз, уселся у пульта управления и начал обычную проверку всех систем корабля.

Проверка выявила нечто необычное. Никаких

указаний на неисправности не было, однако силовая установка не подавала мощность ни на один из двигателей.

Капитан задумчиво закусил губу. Опять ватч! Стало быть, он постарался, чтобы команда осталась здесь, а сам куда-то улетел. С кораблем все было в порядке, однако они не могли им воспользоваться. Капитан решил, что это в конце концов особого значения не имеет: в том времени, куда они попали, лететь некуда.

Он оглянулся и увидел, что у входа в рубку стоит Гулик и наблюдает за ним.

— Входите, — пригласил ее капитан. — Боюсь, я не успел поблагодарить вас за помощь во время схватки с Агандаром.

Гулик улыбнулась и подошла ближе. За восемь дней, проведенных в лагере на Карресе, она совершенно пришла в себя и теперь была еще более хороша, чем прежде — утонченная, элегантная! Трудно было поверить, что столь очаровательные кроткие глаза могли, хладнокровно щурясь, высматривать легендарного Агандара, в которого их обладательница собиралась выпалить из бластера.

— Я ведь прежде всего себя спасала, капитан, — заметила она. И добавила: — Я услышала рев

двигателей и решила узнать, куда это мы летим.

— Никуда мы пока что не летим, — сказал капитан. Поколебавшись, он объяснил: — Дело в том, что я не имею понятия, куда лететь.

Гулик с минуту молчала. Потом спросила:

— Вы знали, что я агент Империи?

— Янго говорил об этом.

— Ну что ж, это правда. Я полетела с вами сквозь Чаладур, чтобы выкрасть секретную супер-тягу, которая, как все полагают, имеется на вашем корабле.

— Я так и думал… Только эта штука никак не может быть использована ни вами, ни теми, на кого вы работаете.

— Я и сама пришла к такому выводу, — призналась Гулик, — еще за два дня до того, как началась заваруха с Янго. В любом случае, если я вляпалась в эту историю вместе с вами и вашей маленькой ведьмочкой, то исключительно по собственной вине. Боюсь, от меня будет мало толку, когда вы попытаетесь выбраться отсюда. Но если я все-таки смогу чем-то помочь, только скажите. Я все сделаю! А пока просто постараюсь не мешать. Меня всегда считали довольно способным человеком, однако все эти каррессские дела выше моего понимания!

Капитан не стал говорить ей о собственных страхах и сомнениях.

В тот вечер они по предложению Гулик поужинали на траве недалеко от корабля. Гулик все время говорила о том, как ей нравится эта планета; после проведенной здесь недели она чувствовала себя здесь гораздо комфортнее, чем в каком-либо другом месте. Гот, видимо, это льстило как хозяйке. Каррес был действительно очень привлекателен в сиянии двойного солнца, освещавшего западные горные хребты своими закатными лучами. Ветер постепенно стих, и люди некоторое время сидели, негромко переговариваясь, но тщательно избегая любых тем, связанных с их нынешним положением. Небо почти очистилось от облаков. Капитан видел, как над горизонтом всплыл маленький четкий круг луны. Он думал о том, что можно было бы предпринять, чтобы не сидеть сложа руки и не томиться в ожидании, пока ватч первым проявит себя. Однако факт оставался фактом: приходилось ждать следующего хода ватча. Гот могла бы, конечно, перенести их вместе с «Удачей» на сотни световых лет отсюда, но это ничего бы не дало.

Гот предложила ночевать на свежем воздухе, возле корабля.

Капитан быстро глянул на нее. Остальным идея явно понравилась. Действительно, после всех приключений каюты «Удачи» могли казаться слишком тесными. Однако самому капитану очень не хотелось оставлять корабль на всю ночь. Ведь если ватчу еще что-нибудь взбредет на ум, они, проснувшись, могут обнаружить, что корабль исчез.

Гот заметила его взгляд; ресницы ее чуть шевельнулись, и он сразу понял, что у нее есть некий план. Только вот какой?..

И вдруг капитан почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке: ватч вернулся!

Нет, он был не рядом — капитан едва релировал его. Но приближаться явно не желал. Гот, разумеется, обнаружила ватча раньше, чем капитан, который все никак не мог понять, зачем ей понадобилось ночевать под открытым небом.

Пока «команда» вытаскивала из корабля спальные мешки, ватч приблизился, недолго поболтался совсем рядом и снова удалился…

Вдруг капитан заметил, как потемнело небо. Где-то в вышине загрохотал гром. Посерт изумленно поднял глаза к небу, и на него обрушился ливень — словно опрокинули гигантское ведро воды.

Он заметался вокруг корабля, собирая промокшие насквозь постельные принадлежности и непрерывно ругаясь. Нет, это совершенно невыносимо! Вода уже ручьями бежала по каменистой земле, образуя грязные лужи и стремительные потоки. Гром раскатывался в небесах, сверкали молнии, освещая колдовским сиянием мощные, крутившиеся в стремительном водовороте угрюмые тучи. Веццарн, оскальзываясь, скатился по трапу, чтобы помочь капитану. Сквозь гром Посерт слышал раскатистый хохот ватча, который был прямо-таки вне себя от восторга, наблюдая, как люди, скользя и падая в грязь, потащили назад свое промокшее барахло и с грохотом закрыли шлюз. А ливень продолжал яростно барабанить по корпусу «Удачи».

Глава одиннадцатая

— Ну что ж, теперь мы твердо знаем одно, — мрачно подвел итоги капитан. — Ватч явно желает, чтобы мы оставались в корабле.

Гот, с восхищением глядя на капитана, сказала:

— Никогда бы не подумала, что на свете существует столько ругательств и проклятий!

Хронометр показывал, что прошел уже час с тех пор, как начался ливень, однако дождь и не думал прекращаться, хотя лил уже с меньшей яростью. Территория в непосредственной близости от «Удачи» превратилась в неглубокое озеро. Капитан потянул носом, словно пытаясь уловить некий запах.

— Ты уверена, что не релируешь его? — спросил он у Гот. Та покачала головой:

— Насколько я понимаю, он убрался отсюда почти час назад. А ты что-нибудь релируешь?

Капитан помедлил с ответом.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Однако… У меня какое-то странное чувство… Слушай, ты что-то засиделась — давным-давно пора спать! Отправляйся-ка в каюту и ложись, утром тебе надо быть в наилучшей форме. А я еще немного посижу, покурю. Если этот надутый космический клоун опять появится, я дам тебе знать.

— Надутый космический клоун… Неплохо сказано! — и Гот выскочила из рубки.

Капитан достал сигарету и отсутствующим взглядом скользнул по экранам. Дверь между рубкой и остальными помещениями была закрыта: Гулик и Веццарн решили спать в носовой части корабля, прямо на полу. Принимая во внимание

затеянную ватчем мощную грозу — не говоря уж обо всех других приключениях, выпавших на их долю, — капитан просто не решился предложить им спать в каютах. С другой стороны, ночь все еще могла преподнести такие сюрпризы, которых ни Гулик, ни Веццарну лучше не видеть вовсе. Веццарн и без того помогал капитану перетаскивать сейф из грузового отсека с помощью корабельного крана и устанавливать его у переборки. Это тоже не способствовало восстановлению у Веццарна душевного равновесия.

Вокруг царила какая-то «ватчевая» атмосфера. Не присутствие самого ватча, но что-то с ним связанное. Сейчас капитан никого не релировал. Гот выдвинула гипотезу, что его частые контакты с ватчем вызвали у него способность воспринимать и какие-то иные сигналы либо проявления клатха-сущностей. Вот и сейчас он явно воспринимал некие подобные сигналы, и эти ощущения все усиливались. Самый лучший способ описать их — сказать, что перед глазам у него мелькает некий проблеск черного света или сгусток блестящей тьмы, который находится в постоянном движении, все время меняет форму, и потому изображение представляется несколько смазанным.

Из динамиков снова донесся раскат грома, и капитан отключил их, а экраны переключил на более широкий обзор. За исключением нескольких кудрявых тучек на востоке, небеса совершенно очистились. Правда, только на расстоянии пяти-шести миль от «Удачи», ибо рой дождевых туч, собранных ватчем, продолжал висеть прямо над кораблем…

Видимо, тот сгусток тьмы был связан именно с грозовыми тучами. Капитан отложил сигарету и попытался с помощью верхнего экрана рассмотреть слой, находившийся чуть выше облаков. Может быть, здесь?..

Да, здесь оно и находилось! Нечто очень странное — невидимое, неощутимое, однако вполне реальное. Более того, оно напоминало именно сгусток черноты неправильной формы и постоянно менявшийся, ибо внутренность его представляла собой как бы сплетение различных движений и потоков.

Это, видимо, был след ватча, который тот оставил на Карресе после своего отлета. Недостаточно четкий след, чтобы его можно было релировать, однако вполне способный удерживать грозовые тучи прямо над «Удачей»… И вдруг капитан почувствовал, что пытается «дотянуться» до этого

сгустка черноты!

Он почти достал до пятна, и тут его опалило жаром. Испепеляющий жар исходил из самой сердцевины постоянно менявшего свои очертания сгустка тьмы. То была энергия ватча, живая клатха!..

Капитан мысленно приказал пятну: «Двигайся!»

И оно действительно стало сдвигаться вбок!

Капитан удвоил усилия. След, оставленный ватчем, продолжал сдвигаться к югу. Минут через десять дождь внезапно ослабел, потом прекратился вовсе. Ночное небо над кораблем очистилось от облаков. Но буквально в четверти мили к югу дождь продолжал лить с прежней силой.

«Стой здесь!» — мысленно приказал капитан следу ватча.

Пока пятно отодвигалось от корабля, капитан почувствовал наличие поблизости второго, гораздо меньше и слабее первого. Посерту хватило нескольких минут, чтобы определить, где расположился второй след. Оказалось — прямо в машинном отделении «Удачи»! Точно такой же сгусток тьмы, внутри которого бесшумно и безостановочно крутились потоки энергии. След

был оставлен над силовой установкой и в любой момент мог свести на нет попытку поднять корабль с земли.

Чуть погодя на фоне чистого ночного неба повис кусок скалы; он медленно вращался, чуть покачиваясь. «Камешек» был немаленький: «Удача» вполне поместилась бы в дыре, которая осталась после него в поверхности планеты, когда минуту-две назад он неожиданно устремился вверх. И висел он на весьма приличном расстоянии от земли. Мили полторы, прикинул капитан, наблюдая за экраном.

Он заставил глыбу дважды перевернуться в воздухе, поднял ее повыше, потом вновь опустил, а потом велел ей подскочить еще на полмили вверх.

Тут у него за спиной кто-то изумленно присвистнул.

— Чем это ты занимаешься? — шепотом спросила Гот.

— Использую некоторую часть свободной энергии ватча, которую обнаружил поблизости. Этот паршивец нарочно оставил здесь свой след, чтобы держать нас под дождем.

— А ты что угодно можешь с ним сделать?

— Не знаю. Предложи что-нибудь покруче!

— Тогда запусти этот обломок прямо в космос! — И глыба просто исчезла.

— Надо полагать, камешек улетел и продолжает лететь, — задумчиво проговорил капитан некоторое время спустя. — А теперь попробуем кое-что еще…

Гот не стала спрашивать, что именно. Она лишь напряженно следила за тем, как Посерт перемещает видимое на экране черное пятно на землю, вблизи корабля. К северу от «Удачи» на склоне холма высилось огромное дерево. Капитан сфокусировал на нем изображение и почувствовал, как энергетическое пятно вплотную приблизилось к дереву. И остановилось, ожидая приказа и готовое к действию.

Он отдал мысленный приказ и стал ждать результата.

Но ничего не произошло. Тогда он переместил пятно на небольшой куст и повторил свой приказ. Куст исчез.

Гот издала слабый вопль. Затем неуверенно спросила:

— Это ты его во времени переместил?

— Да, — ответил капитан, совсем не удивившись тому, что она все поняла правильно. Он прокашлялся. — Боюсь только, что нам это все

равно не поможет.

— Почему? Великий Патам! Да если…

— Я пробовал переместить в будущее вон то большое дерево, но оно и с места не двинулось. Для такой массы, видимо, энергии в этом пятнышке маловато… Давай-ка попробуем другое дерево, поменьше и поближе к нам…

Но и для этого дерева энергии оказалось недостаточно. Капитан сформулировал другой мысленный приказ, и дерево выскочило из земли. Когда же оно упало обратно, они увидели, что верхняя треть его кроны исчезла. Вот и все, к чему привели усилия капитана.

По всей видимости, для перемещения объектов во времени требовалось гораздо больше энергии, чем для перемещения в пространстве. И было невообразимо трудно представить себе то количество энергии, которое потребовалось бы для того, чтобы перенести в нужное время «Удачу» со всем ее экипажем…

— Что-то тут не так, — сказал капитан, не в силах скрыть разочарование. — Ладно, больше пока не будем экспериментировать. Надо все привести в прежнее состояние, пока не появился ватч.

Он перенес сгусток энергии как можно ближе к кораблю, насколько это позволяли обзорные

экраны. На таком расстоянии и он, и Гот четко его релировали. Лицо Гот стало вдруг очень напряженным, и капитан решил, что юная ведьма привела в действие все свои «антенны» для приема клатха-энергии, стараясь уловить любые возможные ее проявления. Примерно через минуту она отрицательно помотала головой.

— Больше ничего не могу обнаружить, — сообщила она. — Знаю, что пятно здесь, потому что релирую его, но это все.

Она пока что не умела направлять энергию по своему усмотрению. Видимо, для этого требовалась способность четко воспринимать и ощущать присутствие любого вида клатхи. Гот не слыхала о ведьмах, которые обладали бы подобной способностью, что, впрочем, отнюдь не означало, что таких ведьм не существует вовсе.

Капитан подробно описал Гот, как именно он ощущает присутствие разных видов клатха-энергии, и она ответила, что, согласно распространенному среди ведьм мнению, ватчи тоже могут проявляться как иные виды энергии.

— Как бы это использовать? Идей нет?

— Пока нет, — ответил капитан. Они помолчали.

— Может, в будущем эта штука нам и приго-

дится, раз уж мы поняли, что ею можно управлять, — заметил капитан. Он еще больше сместил изображение пятна, направляя его к кораблю. — Видимо, нам лучше вернуть грозу на прежнее место, пока тучи совсем не рассеялись.

Гроза, предоставленная самой себе, между тем постепенно уходила на восток; но энергия ватча сумела перехватить ее и притянуть обратно к «Удаче». Через несколько минут они снова увидели на экранах стену дождя; водяные струи опять забарабанили но обшивке.

До заката оставался примерно час, когда капитана, прикорнувшею прямо в рубке на кушетке, разбудила Гот, подав сигнал тревоги. Он тут же релировал присутствие ватча. Капитан откинулся на подушку и попытался расслабиться. Это оказалось непросто. Присутствие ватча ощущалось не слишком сильно, однако в любой момент ситуация могла измениться самым непредсказуемым образом.

Пока же ничего особенного не происходило. Ощущение оставалось довольно слабым, затем как будто чуть усилилось, потом снова ослабело настолько, что почти пропало. Гот сидела тихо. Капитан начал уже сомневаться в том, что ватч все еще здесь. И тут внезапно почувствовал его

совсем рядом. Ватч некоторое время кружил вокруг, потом снова удалился, и до капитана донеслись раскаты его громового голоса.

Так продолжалось некоторое время. Могучее клатха-существо продолжало то удаляться от них, то приближаться. Капитан терпеливо ждал, гадая, что случится дальше. Что-то в поведении ватча выдавало его нерешительность. А в его голосе можно было уловить нотки неудовольствия, разочарования и даже ворчливой жалобы.

Капитан осторожно покашлял. Ватч больше не обращался к нему напрямую — видимо, понял, что уже не может читать его мысли. Вероятно, он даже подозревал, что сам виноват в этом, нечаянно что-то нарушив, или же считал, что на его пути возникла некая преграда неизвестного ему типа. Поэтому капитану следовало соблюдать осторожность, чтобы ненароком не обидеть ватча, что, по всей видимости, сделать совсем нетрудно. Ссора с ватчем при сложившихся обстоятельствах означала бы для них полную катастрофу.

Капитан еще раз осторожно покашлял. Ватч был совсем рядом.

— Ватч! — громко окликнул он, и ему показалось, что ватч замер. — Ты меня слышишь?

В ответ раздалось неразборчивое ворчание.

То ли удивленное, то ли подозрительное. Но прямого ответа так и не последовало. Затем ватч медленно приблизился к нему…

Он подошел совсем близко, казалось, ватч возвышается, словно бесформенная черная гора на фоне ночного неба. Сквозь него лил дождь. И опять у капитана возникло ощущение, что с самой вершины этой горы на него смотрят два огромных зеленых прищуренных глаза. И еще он вдруг ощутил нечто совсем иное… Видимо, замечание Гот о том, что ватчи могут появляться в самом неожиданном виде, было справедливым. Гигантская гора тьмы, казалось, вся состояла из бесчисленных клубящихся потоков энергии, следовавших непредсказуемыми и бесконечно меняющимися путями. Энергетические следы, которые ватч оставил на Карресе, чтобы держать «Удачу» и ее экипаж на месте, пока он отсутствует, могли быть просто крошечными частицами его «тела».

— Я знаю, как уничтожить Моандера, — сказал капитан, обращаясь к нависшей над ним горе мрака.

Грохочущий голос снова что-то забормотал — то ли ватч выражал свое неудовольствие, то ли задавал вопрос.

— Тебе нужно всего лишь перенести «Удачу» вместе с нами и с Синергайзером на Каррес, в его настоящее, — продолжал капитан. — Во времена Моандера…

Ватч молчал, зеленые глаза взирали с высоты на капитана. Ведьмы Карреса, сообщил Посерт, знают способ, которым можно разрушить власть и могущество Моандера, но для этого им необходим Синергайзер. Они обладают знаниями и возможностями, которых нет ни у самого капитана, ни у кого-либо из экипажа его корабля, — но именно эти знания необходимы, чтобы победить Червивую Грозу. Прибытие корабля будет решающим ходом в этой игре…

Черная гора зашевелилась, и раздался оглушительный хохот. Корабль закачался, задрожал от мощного порыва ветра, который быстро умчался прочь. Ватч тоже исчез…

Гот показалась из своей каюты. Капитан поднялся ей навстречу.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — сказал он, — но теперь можно ожидать от ватча хоть каких-то действий!

Гот кивнула. Глаза ее расширились и были сейчас, как два темных колодца.

— Да, теперь он непременно что-нибудь пред-

примет, — сказала она. — Хотела бы я знать, что именно!

— Я тоже, — заметил капитан. Он уже проверил, в порядке ли сейф с Синергайзером. Сейф по-прежнему стоял у переборки.

Гот предположила:

— Наверное, он отправился в будущее, чтобы узнать, что ведьмы сделают с этой штуковиной, если ее получат.

— Возможно. — Капитан почесал затылок. Он все еще не мог забыть жуткий хохот ватча. Мало ли какая идея могла у него возникнуть, пока капитан втолковывал ему свой план. Капитан глянул на хронометр: — Ладно, подождем. Ночь почти на исходе…

Они сидели у экранов, следя за тем, как светлеет небо, залитое потоками дождя, и ждали, когда вернется ватч. Интересно, что он еще может выкинуть?

— За последнее время мне не раз пришлось пожалеть, что я не оставил тебя на Карресе — в безопасности, с родителями, с Малин и Ливит, — проговорил вдруг капитан.

— Ну уж нет! — заявила она. — Если бы я за тобой не присматривала, ты бы такого наворотил!..

— Возможно. — согласился капитан. Потом

снова посмотрел на хронометр. — Есть не хочешь? — спросил он. — Сидеть здесь совершенно бессмысленно — это ничего не изменит и не ускорит. А между тем пора бы позавтракать.

— Это можно, — сказала Гот и выбралась из своего кресла.

Они обнаружили Гулик и Веццарна на полу в соседнем помещении. Оба крепко спали, завернувшись в одеяла. Капитан вспомнил, что Гулик принимала снотворное, а Веццарн тоже попросил у нее таблетку. Решено было оставить спящих в покое, однако, пока он готовил еду, они проснулись сами и тут же с удовольствием приняли приглашение позавтракать.

Когда они заканчивали завтрак, на борту «Удачи» появилась Ливит.

Раздалось гудение, искра ледяного мрака мгновенно проскочила через рубку и исчезла. Не более секунды капитан отчетливо релировал присутствие ватча, но это ощущение тоже исчезло. И тут Гот окликнула его.

Тонко и коротко вскрикнула Гулик. Резко повернувшись в кресле и едва не вылетев из него, капитан вздрогнул и замер: перед ним на полу лежала Ливит.

Да, это была младшая дочь Толл. Вот она пе-

ревернулась на живот, встала на четвереньки, постояла так немного, посверкивая глазами из-под гривы спутанных светлых волос, точно сердитый маленький зверек… Но Гот уже спешила к ней.

— Быстро! Контакт-речь! — Эти слова Ливит произнесла своим высоким детским голоском как приказ, и Гот тут же упала на колени рядом с сестрой. Капитан услышал скрип кресел и быстрые шаги. Он оглянулся: Гулик и Веццарн поспешно покидали рубку. Гот обняла Ливит и привлекла к себе, прижав свою правую ладонь к виску Ливит, а ладонь Ливит к своему виску. Они оставались в таком положении с минуту. Потом маленькое тельце Ливит осело, и Гот опустила сестру на пол. Она перевела дыхание и поднялась на ноги.

— С ней все в порядке? — хрипло спросил капитан.

— Конечно! Это Толл ее прислала, — ответила чуть растерянно Гот.

— Толл?

— Ну да. Она со мной сейчас говорила через Ливит. Контакт-речь. Толл сообщила много интересного… — Она оглянулась вокруг, схватила в охапку одеяла, которыми укрывались ночью Гулик и Веццарн, и попросила: — Помоги-ка мне

завернуть Ливит. Ее нужно поскорее закрутить в пять-шесть одеял, пока она не пришла в себя!

Капитан стал помогать ей. Ливит лежала на боку, закрыв глаза и подтянув колени к подбородку.

— А зачем ее заворачивать? — спросил он.

— Быстрее!.. Ватч принес ее по Пути Эггера. Жуткая вещь! У нее сейчас будет три приступа подряд. Приступы долго не продлятся, но удержать ее будет трудно.

Они буквально закатали Ливит в несколько одеял, и Гот велела капитану:

— Голову поплотнее закрой!

— Она ж дышать не сможет!

— А она сейчас и не дышит, — сказала Гот, явно ничуть не обеспокоенная. — Давай, давай, вот как нужно!

Когда спеленутая Ливит превратилась в нечто вроде кокона, они опустились на колени по обе стороны от нее, и Гот прижала к полу плечи сестры, а капитан — ее спеленутые щиколотки.

— Вот-вот начнется! — предупредила его Гот.

— А пока расскажи, что произошло, — попросил капитан.

— Нет, сперва о том, что должно произойти, — возразила Гот. — Ливит нельзя этого слышать,

потому что она еще не умеет ставить замок, тем более от ватча. Они скоро придут за нами. Не знаю точно, когда они это сумеют, но доберутся непременно!

— Кто доберется?

— Толл и остальные. Все, кого можно отпустить. Их будет немного, потому что война с Моандером уже идет. Манарет сейчас в Тарк-Немби, как я и думала. А наши пытаются к нему пробиться. В настоящий момент Каррес как раз прорывается сквозь сеть окружающих Манарет силовых полей, и там столько нури, что звезд не видно…

Положение, видимо, было отчаянное. Но Гот успокоила его, сказав, что ведьмы уже пустили в ход свое новое оружие. Ведьмы пытались осуществить свой давнишний план с использованием Синергайзера, однако времени не оставалось, и они решили не ждать прибытия Олими. Им пришлось смириться с мыслью о том, что Олими либо попал в засаду, либо погиб. Но теперь, узнав, что произошло, ведьмы бросили все свои силы на решение одной проблемы: отследить ту часть Пути Эггера, которой воспользовался ватч, чтобы отправиться в отдаленное прошлое. Толл все еще поддерживала связь через Ливит, хотя и очень слабую, так что ведьмы будут точно знать, в ка-

кую точку прошлого направляться поисковому отряду. А прибыв сюда, сразу возвратятся обратно, прихватив с собой «Удачу» с экипажем.

— Они способны переправить целый корабль по Пути Эггера?

— Конечно! Об этом не беспокойся. По Пути Эггера можно переместить хоть целое солнце, правда оно еще до прибытия в пункт назначения превратится в сверхновую.

— А ватч?

— Кажется, он все сделал наоборот. Ты сказал ему, чтобы он перенес Синергайзер к ведьмам, а он вместо этого переместил ведьму к Синергайзеру.

— Ты имеешь в виду Ливит? — спросил пораженный капитан. — Может быть, Толл сама заставила его сделать это?

— Нет, — сказала Гот, — никто и не подозревал, что гигантский ватч крутится возле Карреса, пока ватч не подхватил Ливит. Вокруг планеты сейчас такое скопление бурных пересекающихся потоков клатха-энергии, что туда собралось множество более мелких ватчей, привлеченные происходящим, так что даже ватч-гигант остался среди них незамеченным. Но, заметив исчезновение Ливит, Толл все поняла и тут же бросилась

вдогонку. Она сотворила клатха-крюк, которым зацепила ватча и тут же установила линию телепатической связи с похищенной дочерью. Ей даже удалось догнать ватча, но, почувствовав присутствие ведьмы, ватч сразу же оторвался от нее.

— Теперь понятно, — кивнул капитан, ничему уже больше не удивляясь. Он был бы не против разобраться, что за эзотерические процессы нужны для изготовления клатха-крюка, способного зацепить гигантского ватча, и что это за линия связи, которую можно протянуть сквозь время, но пока воздержался от лишних вопросов.

Тут маленькое тельце, укутанное в одеяла и лежавшее между ними, исторгло жуткий вопль, от которого у капитана волосы встали дыбом, и он чуть не ударился носом об пол, так сильно его бросило вперед. Ливит резко сложилась пополам, и капитан едва не выпустил из рук ее лодыжки. Потом обнаружил, что лежит на полу и судорожно пытается удержать нечто дергающееся и яростно брыкающееся. Все это Ливит делала с необычайной быстротой и силой. Вокальное сопровождение всех ее телодвижений, доносившееся из-под одеял, было столь же невероятным. Гот, упав на Ливит и обхватив ее руками, мота-

лась по полу из стороны в сторону вместе с нею.

Потом Ливит внезапно затихла. Из-под одеял по-прежнему неслись гневные звуки, но то были уже обычные вопли Ливит, страшно чем-то недовольной, несколько приглушенные одеялами.

— У-у-ух ты! — выдохнула Гот, ослабляя свою хватку. — Вот это приступы! Теперь-то все в порядке, можешь ее отпустить…

— Надеюсь, она ничего себе не сломала! — Капитан все еще слегка задыхался, но, скорее, от удивления.

Гот широко улыбнулась.

— Да ей все нипочем, капитан! — Она хорошенько шлепнула сверток, наклонилась над ним и прокричала:

— Кончай свои вопли! Это я, Гот! Сейчас тебя выпущу!

Вещцарна и Гулик капитан обнаружил в кают-компании. Он быстро успокоил их, кратко и довольно туманно рассказав о последних событиях, которые, возможно, ускорят их спасение, и вернулся в рубку, лелея надежду, что ему удалось внушить обоим, что способ прибытия сюда Ливит, а также ее вопли и весь этот шум — вещи вполне обычные и отнюдь не повод для беспокойства. Они с большой готовностью согласились

пока оставаться в кают-компании.

Гот и Ливит между тем с невероятной скоростью обменивались информацией о последних событиях — трещали как сороки, сидя на полу среди разбросанных одеял.

— У них теперь скопилось столько клатха-энергии, что тебе и не снилось! — захлебывалась от возбуждения Ливит. — Они… — Заметив капитана, она сразу же смолкла.

— Можешь его не стесняться, — успокоила ее Гот. — Капитан теперь и сам все знает.

— Да ну!

Когда они распутали одеяла и Ливит наконец выбралась, извиваясь, как угорь, наружу, то первым ее побуждением, видимо, было обвинить именно капитана во всех выпавших на ее долю злоключениях, ведь она ничего не знала о контакт-речи и переговорах Толл и Гот: Толл просто использовала младшую дочь для передачи информации, «включив» ее, как включают корабельный интерком. Так, во всяком случае, понял капитан. По сути дела, Ливит ничего не помнила о своем полете с того момента, как релировала гигантского ватча и одновременно почувствовала, что это могущественное чудище уносит ее куда-то прочь от Карреса. Содрогаясь,

она вспомнила только, как ее повлекло по Пути Эггера и началось жуткое путешествие во времени и пространстве. Однако подробности полета в ее памяти были как бы смазаны, как и у всех, кто пользовался Путем.

Взгляд, который она бросила на капитана, когда он опустился возле нее на корточки, был не слишком приветливым, однако она все же снисходительно похвалила его:

— Говорят, ты быстро во всем разобрался.

— Ну, далеко не во всем! — заметил капитан. — Хотя я действительно начал кое-что понимать. Но одного уразуметь не могу — как этот ватч…

— А что — ватч? — быстро спросила Гот.

— Ну, у меня было такое ощущение, что когда он сбросил Ливит, то рванул отсюда так, словно опасался, будто Толл его догонит.

Тут Ливит бросила на него удивленный взгляд.

— Но он и впрямь боялся, что Толл его догонит! — сказала она.

— Но это же был гигантский ватч! — заметил капитан.

Ливит по-прежнему пребывала в недоумении. Гот задумчиво почесала кончик носа и пояснила:

— Капитан, если бы я, например, была гигант-

ским ватчем и Толл вдруг на меня за что-нибудь разозлилась, я бы тоже улепетывала так, что только пятки сверкали!

— Вот именно! — с суровым видом поддакнула ей Ливит. — Она бы его наизнанку вывернула!

— Вот как? — Капитан был потрясен. — Я и не предполагал, что ватча можно одолеть…

— Ну, это по силам немногим, — признала Гот.

— А Толл быстренько с ватчами расправляется, когда не в духе! — сообщила Ливит.

— Интересно! — сказал капитан. Потом, подумав, спросил: — Тогда, может, мы от него избавились?

Гот с сомнением покачала головой.

— Не уверена. Они ведь страшно упрямые. Скорее всего, ватч скоро вернется и станет потихоньку вынюхивать, нет ли поблизости Толл. Хотя, конечно, некоторое время он ничего предпринимать не станет… — Она критически посмотрела на растрепанную Ливит. — Пойдемка, дорогая, причешемся! — сказала она ей. — У тебя не голова, а помело!

Они ушли, а капитан походил у экранов, уселся в кресло у пульта управления, задумчиво почесал подбородок и начал в порядке эксперимента релировать ватча. Нет, никого. Капитан вспомнил,

с какой жуткой скоростью ватч промчался сквозь корабль, спасаясь от преследования одной-единственной ведьмы, хоть и разъяренной. Вывернуть ватча наизнанку… Ничего себе! Капитан покачал головой. Ну что же, Толл — признанный мастер своего дела, великая колдунья, если судить по тому, что о ней говорят.

Капитан подпер щеку кулаком и еще больше задумался. Никто не знает, когда Путь Эггера вновь загудит и принесет сюда полчища ведьм, способных перебросить Синергайзер, «Удачу» и экипаж на воюющий Каррес — и более чем на триста тысяч лет вперед. Может, через минуту, а может, через час. Возможно, и через несколько дней. Никто также не знает, когда нетерпеливый и любопытный ватч обнаружит, что поблизости нет ни одной разъяренной матери-ведьмы…

Мысленно капитан перенесся в машинное отделение «Удачи», на загадочно-неисправную силовую установку, и почти сразу ощутил присутствие там маленького и уже знакомого ему сгустка тьмы с сердцевиной в виде крутящихся энергетических потоков, который невозможно обнаружить простым взглядом. То был один из самых мелких следов папа, в котором энергии оказалось вполне достаточно, чтобы полностью

парализовать двигатели корабля.

Что же в таком случае представляет собой столь нематериальная штуковина, как клатха-крюк, способный прочно «зацепить» такую же нематериальную сущность — ватча?

Пахнуло невыносимым жаром… Перед мысленным взором капитана мелькнула искорка, подскочила, мотом замерла на месте, кипя от напряжения… Капитан сфокусировал изображение и ощутил нечто вроде туго натянутой тончайшей нити, соединявшей его и этот сгусток клатха-энергии, причем напряжение в «нити» продолжало усиливаться…

Вот, значит, что такое клатха-крюк! Он шумно, с облегчением вздохнул и мысленно потянул за нить, приближая к себе искру черного огня, пока та не повисла, кипя и крутясь, над пультом управления метрах в полутора от него.

«Оставайся здесь!» — приказал искорке капитан и освободил крюк. Она послушно продолжала висеть над пультом. Теперь он явственно релировал ее ватчевую сущность, хотя и довольно слабую. Потом вновь зацепил ее клатха-крюком и снова отпустил…

Стало быть, и он теперь может делать такие крюки? А вдруг он и сам способен «вывернуть

ватча наизнанку»? Пока, правда, в этом не было никакой необходимости. Искра клатха-энергии могла послужить удобным рабочим инструментом, имеющим вполне определенную, хотя и ограниченную мощность, стать миниатюрным дубликатом управляемого им ватча. Он уже обнаружил несколько способов, как заставить этот инструмент работать. Интересно, что еще он может делать?

Капитан продолжал рассматривать черную искру, рассеянно слушая разговор Гот и Ливит за переборкой. Они вели беседу тихими, напряженными голосами… Вывернуть ее наизнанку? Расколоть на части? Но так ее можно разрушить. Впрочем, поскольку это нематериальная сущность, с ней не должно ничего произойти.

У него в каюте в одном из ящиков стола валялась старинная курительная трубка. Он не брал ее в руки с начала полета сквозь Чаладур. Капитан мысленно представил себе эту трубку, мысленно же перенес ее изображение на столик перед пультом управления и снова сфокусировал свое внимание на искре энергии ватча.

«На это у тебя вполне хватит сил! Принеси мне трубку!» Эта мысль еще не погасла в его мозгу, как из черной искры выскочила еще более ми-

ниатюрная искорка, такая маленькая, что ее практически невозможно было заметить, исчезла и тут же вернулась. А на столике появилась трубка.

Стало быть, их можно разбивать на части! И эти части способны выполнять работу по отдельности! Так, а теперь…

— … вовсе не уверена в этом! — нарушил вдруг работу его мыслей тонкий голосок Ливит. — Да, я его чувствую, только очень слабо… Гнусная тварь!

Капитан поспешно оглянулся на распахнутую дверь. Они что там, релируют ватча? Ничего страшного, конечно, если Гот узнает о новом направлении его экспериментов, но вот Ливит…

«Слейтесь воедино! — мысленно приказал он черным искрам, и меньшая тут же влилась в более крупную. — Вернитесь назад, откуда вы…» Но он даже приказ отдать не успел — искра уже снова повисла, крутясь, над силовой установкой в машинном отделении. Так что он оставил ее в покое.

— Капитан! — окликнула его Гот из-за двери.

— Да-да, я тоже его чувствую, Гот! — несколько неуверенно ответил он.

Пока что присутствие гигантского ватча едва

ощущалось; мешало, видимо, большое расстояние и наложившиеся эманации той искорки энергии, что находилась в непосредственной близости от них. Итак, большой ватч вернулся! Как и предполагала Гот, он осторожно бродит вокруг, опасаясь новой встречи с Толл и ее клатха-крюками, способными обуздать даже его.

Ватч постепенно приближался. Сестры-ведьмочки сидели молча. Капитан тоже молчал. Вскоре он уже начал различать знакомое бормотание ватча, пока еще невнятное и прерывистое. Ватч явно пытался разобраться в сложившейся на корабле ситуации. Если он удостоверится, что его больше никто не преследует, то снова осмелеет…

Зачем он перенес Ливит сквозь время? Она, конечно, весьма способная ведьмочка, когда речь идет о свисте и битье посуды. Кроме того, если верить Гот, у Ливит в арсенале имелись и более мощные акустические приемы, по эффективности вполне сопоставимые с нокаутирующим ударом крепкого кулака. Но эти ее способности явно не могли пригодиться для того, чтобы вернуть Синергайзер на Манарет — даже в обход Моандера, нури и мощных силовых барьеров, оберегающих Мир Червей.

Ливит, правда, обладала еще одним талантом

— лингвистическим. Ведьмы вообще способны к языкам, а у Ливит была врожденная клатха-способность понимать любую речь. А Моандер, чудовище, божество из легенд о Мире Червей, на самом деле — всего лишь компьютер, который «говорит на тысяче языков». Хотя никто вроде бы толком не понимал, что это означает, но ватч явно это знал. Так что, видимо, именно лингвистические способности Ливит и послужили причиной того, что ватч решил включить ее в свои планы уничтожения Моандера с помощью капитана Посерта и его корабля.

Но разве он способен в одиночку просчитать все планы ватча и понять их суть, а также конкретную роль Ливит в их осуществлении? Нет, капитану такое не под силу. Манера, в которой ватч разыгрывал свои игры, видимо, подразумевала, что он будет манипулировать своими игроками до тех пор, пока ситуация не станет критической — только тогда люди сами смогут сделать удачный ход… если им повезет. Но даже это не давало капитану никакого ключа к разгадке планов ватча. Если они проиграют, то безусловно погибнут, и тогда ватч наберет себе новых игроков. А поскольку это существо весьма капризное, никогда нельзя с уверенностью ска-

зать, что ему не придет в голову нарочно завести своих игроков в безвыходное положение, а потом наслаждаться зрелищем их отчаянных попыток избежать гибели…

Капитан вдруг понял, что уже не релирует ватча, зато рубка вдруг начала медленно вращаться, очертания предметов расплылись, стали серыми, смазанными… Он сделал попытку выбраться из кресла и предупредить Гот, но и кресло, и рубка уже исчезли, и его понес куда-то крутящийся поток серого тумана — все быстрее, быстрее, сквозь бесконечное пространство, где вдали слышался, точно гром, развеселый хохот ватча…

Потом не стало слышно и хохота. Все исчезло…

— Попытайся сосредоточиться и слушать внимательно! — произнесло одно из двух существ, то, которое стояло ближе и было крупнее. Голос его звучал очень настойчиво. — Мы все вместе оказались здесь благодаря петле времени. Сейчас я расскажу тебе, кто ты и кто мы — и ты все снова вспомнишь.

Капитан захлопал глазами — он действительно ощущал полное замешательство, но исключительно потому, что куда-то перенесся вдруг без всякого предупреждения и теперь находился вместе с двумя загадочными существами в некоем

замкнутом пространстве, похожем на сферическую полость, зависшую как бы внутри плотного, постоянно движущегося тумана. То, на чем он стоял, казалось достаточно прочным, но ничего материального у себя под ногами он не видел. На некотором расстоянии от него, в тумане, раздавались какие-то громкие звуки, странный шум, все это тоже постоянно перемещалось, но никаких слов или мыслей он разобрать не мог.

Впрочем, его замешательство вовсе не было настолько сильным, чтобы забыть свое имя. Более того, капитан отлично помнил, как всего несколько мгновений назад в результате очередной выходки ватча его выдернуло из-за пульта управления кораблем, который, видимо, по-прежнему стоит на залитом дождем каменистом склоне планеты Каррес и отдален от настоящего на триста тысяч лет.

Затем, поскольку странное создание говорило голосом Гот, капитан без особого труда сделал вывод, что это и есть сама Гот, просто изменившая свой облик. Что касается второго существа, более субтильного и похожего, скорее, на собаку, то оно молча стояло на четвереньках рядом с Гот, и, в общем, нетрудно было догадаться, что это Ливит.

Однако, подумал капитан, Гот, видимо, не слу-

чайно говорила о полном замешательстве… Что ж, сделаем вид, что так оно и есть. Значит, у Гот имеются на то веские причины.

— Да, — сказал капитан, прижимая ладонь ко лбу, — я действительно как-то странно себя чувствую… Кто вы?.. Что это?.. Где я оказался? И кто меня сюда… — Тут он заметил, что его собственная рука покоится в рукаве из богато изукрашенной синей материи, отделанной каймой из множества мелких сверкающих драгоценных камней. Капитан опустил глаза, чтобы получше рассмотреть свое новое одеяние, и заметил, что на грудь ему спускается длинная черная борода. Значит, он тоже полностью сменил обличье! Или форму.

— Тебя зовут, — торопливо продолжало первое существо, — капитан Мунг; ты гвардеец императора Колотха Великого. А меня зовут Хантис. Я из племени натерби-спрайт. Мы с тобой давние знакомые. А это грик-пес. Его зовут Пул. Он…

— Грики, — перебило ее второе создание голосом Ливит, — прекрасно могут и сами о себе рассказать!

— Помолчи-ка, Пул! Этого грик-пса ты купил для императрицы по приказу императора, и мы везем его в столицу. Но в пути…

Капитан не сводил с нее глаз. Гот, видимо, упорно тренировалась, так что теперешние результаты были просто блестящи! Первоклассная работа! Даже на столь малом расстоянии он ни за что не сказал бы, что эта представительница народа натерби-спрайт — не настоящая. Он смутно припомнил галактическую легенду об этом племени. Сейчас Гот казалась маленькой, не выше самой Гот, хрупкой женщиной с очень смуглой кожей, одетой весьма скромно — тело ее было едва прикрыто какими-то зелеными лоскутками. Скулы у нее были высокие, а остренький подбородок выдавался вперед гораздо сильнее, чем у любой обыкновенной женщины. Рот был почти нормальным, но все лицо все-таки казалось совершенно нечеловеческим; впрочем, форма головы тоже. Тонкий нос был едва обозначен, зато сильно заострен. Глаза были травянисто-зеленого цвета. Лицо обрамляла пушистая взъерошенная рыжая грива, а из нее торчали острые и подвижные, как у лисы, уши. Грик-пес тоже выглядел впечатляюще. Это был довольно мощный, во всяком случае, крепко скроенный зверь со светло-желтой шкурой и примерно такого же веса, как прежняя Ливит. Голова у него была огромная, круглая, как бы утоплен-

ная в плечи; морда темная, довольно свирепая; пасть клыкастая. Серые глаза очень напоминали глаза Ливит — они смотрели на капитана с той же холодной расчетливостью.

— А что, собственно, произошло, э-э-э, Хантис? — осведомился капитан. — Я как будто припоминаю, что я…

Представительница народа натерби-спрайт пожала плечами.

— Мы сами толком не знаем, капитан Мунг. Только что мы были у себя на борту, а потом вдруг оказались здесь! Это дворец великого Моандера! Он очень расстроен, потому что раньше был уверен, что никто и ничто не в состоянии сюда проникнуть. Ну а мы почему-то оказались здесь, должно быть, затерялись в петле времени. Но Моандер почему-то считает, что мы шпионы, засланные его врагами. Он сейчас как раз занят дополнительным укреплением своего дворца-крепости, чтобы сделать его совершенно недоступным ни для кого, а особенно для тех, кто может воспользоваться тем же путем, что и мы. Но он обещал в ближайшее время пригласить нас в свою лабораторию и побеседовать с нами. Он…

— ГРРАЗИИМ! — оглушительно прогремело из тумана у них над головами. — Грразиим! Грразиим! Грразиим!

им! Грразиим…

— Что это? — спросил капитан с видом раздраженным и надменным, как, по его представлениям, и должен был говорить капитан Мунг.

— Это Моандер общается со своими машинами, — объяснил грик-пес. — Для каждой машины существует отдельный язык; не знаю почему, но это так. «Гразим» означает «всем подразделениям». Моандер сейчас говорит со всеми своими машинами сразу. Так что его соглядатай, который к нам приставлен, сейчас нас не слышит. Если хочешь что-нибудь сообщить, говори!

— Кажется, она права, капитан! — торопливо сказала Гот-Хантис. — Ватч перенес нас прямо во дворец Моандера, да еще на триста тысяч лет вперед, то есть в нормальное время. Я его сейчас не релирую, значит его тут нет. Что будем делать?

— Пока не знаю. А ты?

— Кое-какие идеи у меня имеются. Но довольно смутные. Мы ведь здесь всего несколько минут.

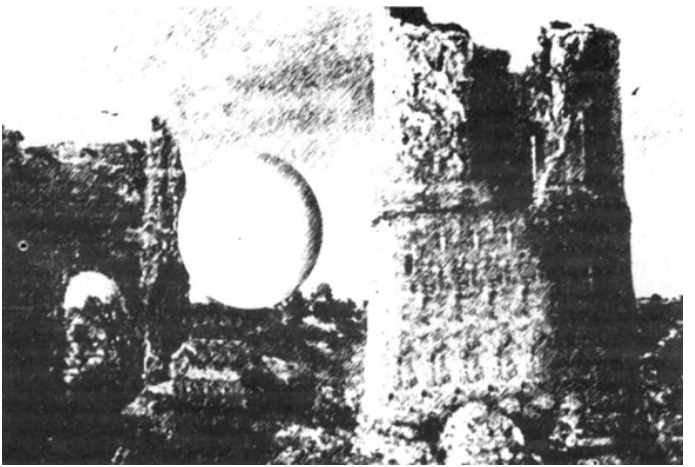
— Ватч, видимо, решил, что мы и сами в состоянии разобраться, что можно здесь сделать, — сказал капитан. — Так что давайте, шевелите извилинами! Если кто-то почувствует, что нас подслушивают, пусть произнесет, например, слово…

— Старкл! — предложил грик-пес.

— Как? Ну, ладно, пусть будет «старкл».

— Старкл! — рявкнул грик-пес.

Поскольку капитан не мог сам разобраться в этом оглушительном шуме, видимо, следовало полностью положиться на Ливит. Робот-шпион, приставленный к ним, теперь опять подслушивал. Гот-Хантис все время напряженно озиралась; ее длинные острые уши стояли торчком и весьма реалистично шевелились.



— Кажется, нас куда-то переносят, — сообщила она. — Наверное, в лабораторию Моандера…

Туман по-прежнему обволакивал сферическое пространство, в котором они находились. Должно быть, эта сфера была сформирована силовыми полями и теперь устремилась куда-то со все возрастающей скоростью. Создавалось впечатление, что сфера стремительно несется вверх по склону какого-то гигантского сооружения на поверхности Манарета. Видимо, это было что-то вроде крепостной стены в замке Моандера, который капитан мельком видел на экране, когда беседовал с Чилом, принцем народа лирд-харьер. Туман вокруг них то темнел, то светлел, точно они передвигались из одного помещения в другое. До них доносились разные звуки — видимо, шум работающих машин, а на фоне этого грохота то вдалеке, то где-то рядом слышались команды самого Моандера.

Внезапно наступила полная тишина. Бескрайняя, мертвая, леденящая душу. В тумане время от времени проносились неведомые разноцветные промельки; сам туман, словно успокоившись, толстым слоем обволакивал теперь их сферу и едва колыхался. По всей вероятности, они вылетели за пределы крепости и находились теперь

над Манаретом. И если бы Моандер, подумал капитан, сейчас решил отключить силовое поле, которое создавало и держало эту туманную сферу, никакой ватч, никакие ведьминские трюки не смогли бы спасти их от неминуемой гибели в безвоздушном пространстве.

Момент был неподходящий как для разговоров, так и для каких-либо действий. Гот и Ливит, видимо, чувствовали то же самое. Они застыли в неподвижном ожидании, а время текло — прошли минута, две, три… Неясные разноцветные промельки в тумане — видимо, под влиянием силового поля — все время сдвигались и изменялись. Что они означали, капитан не представлял. Они не могли даже понять, движется ли по-прежнему их сфера или нет.

Затем впереди вдруг разверзлась черная дыра, и сфера направилась прямо в нее. Мрак окутал их со всех сторон, наверное, с минуту не было видно ни зги, а потом сфера вновь вынырнула на свет, и буквально через мгновение капитан заметил, что туман вокруг быстро редеет. Сквозь него уже можно было различить какие-то предметы, а вслед за этим капитан понял, что сфера наконец перестала двигаться.

Они находились внутри чего-то, возможно,

внутри огромного космического корабля, висевшего в пространстве над поверхностью Манарета. Созданная силовыми полями сфера оказалась совершенно прозрачной, и, как только последние клочья тумана рассеялись, капитан и сестры поняли, что их сфера зависла почти в самом центре просторного высокого зала — они именно парили в воздухе, а не стояли на полу, который был виден сквозь прозрачные стенки сферы на некотором расстоянии от их ног.

Но стоило капитану понять это, как силовое поле исчезло, сферу слегка тряхнуло, и они опустились на пол.

Кроме него самого, представительницы народа натерби-спрай и грик-пса в зале, который был поистине огромен, оказались и другие гости, точнее, судя по их внешнему виду и полной неподвижности, золотые статуи, моделями для которых явно послужили самые разнообразные живые существа. Однако капитана не отпускала мысль, что это не просто статуи, а нечто совсем иное. Самая крупная из фигур сидела на чем-то, напоминающем огромный трон; капитан, Гот и Ливит стояли к этому трону лицом. Лицо божка, широкое, жестокое, напоминало своими чертами человеческое; пустые белесые диски, вставлен-

ные вместо глаз, казалось, смотрели прямо на непрошеных гостей. Статуя была огромная, она возвышалась почти до самою потолка и выглядела древней.

Круглый черный стол футов шесть высотой стоял почти в центре зала, шагах в десяти от капитана. На нем, скрестив ноги, восседала еще одна золотая фигура. Эта была не слишком велика, примерно в половину человеческого роста. Статуя была сделана довольно грубо и представляла собой нечто вроде безглазой обезьяны. В поднятой правой руке обезьяна держала связку каких-то трубок, весьма напоминавших примитивные музыкальные инструменты типа флейты Пана. Слепая голова была повернута к ним лицом.

Остальные фигуры — их в зале было порядка тридцати или сорока, все абсолютно разные, — стояли или сидели в два ряда вдоль стен на расстоянии нескольких футов друг от друга и по обе стороны от капитана и ведьмочек. Почти все они были выше человеческого роста и почти все золотые. Белыми были только их глаза. Образцами для некоторых, в том числе и для фигуры воина с суровым, грозным лицом и с ружьем в руках, явно послужили представители

человеческой расы; а напротив воина стояло золотое чешуйчатое создание, которое вполне могло оказаться статуей принца Чила из племени лирд-харьер, прежнего владыки Манарета. Остальные статуи не были похожи ни на одно из знакомых капитану существ. Большинство из них нормальному человеку показалось бы просто воплощениями кошмаров.

Значит, это и есть лаборатория Моандера? Но кроме этих чудовищных статуй, в зале вроде бы больше ничего не было. Капитан посмотрел вверх. Потолок представлял собой большое окно или некий экран, сквозь который было видно космическое пространство, заполненное цветными бликами. Эти же блики они смутно различали, когда сфера, окутанная серым туманом, несла их сюда. Сейчас блики сияли жутковато и ярко, и капитан догадался, что это отражения силовых линий тех барьеров, которые создали Моандер и нури вокруг Мира Червей, между мертвыми солнцами Тарк-Немби. Наверху, в «окне», вдруг появилось нечто черное, закрыв собой цветной калейдоскоп силовых линий. Оказалось, что это металлическая поверхность самого Манарета. Видимо, сооружение, частью которого был этот зал, вращалось, поворачивая экран то в сторону

космоса, то в сторону Мира Червей.

Ведьмочки застыли рядом с капитаном в своих «маскарадных» обличьях и осторожно озирались по сторонам. Потом он услышал шепот: «Старкл!»

Голова огромного воина у стены справа медленно повернулась, и теперь его мрачное лицо было обращено к ним. Рука, сжимавшая ружье, поднялась и наставила ствол оружия на нежданных гостей Манарета. Затем статуя снова замерла. У капитана и сомнений не возникло в том, что оружие настоящее, а сам воин — часть какого-то боевого устройства, возможно не менее опасного, чем робот Шима. И не только воин был настроен враждебно: возле золотой статуи представителя племени лирд-харьер высилось нечто, напоминавшее птицу с длинной шеей, огромным клювом и множеством паучьих ножек. Птица тоже зашевелилась, подняла голову и нацелилась своим клювом в сторону капитана и девочек.

— Старкл! — тихо проговорил грик-пес. — Дважды старкл!

Ливит имела в виду явно не воина и не птицу-насекомое: она не сводила глаз с золотой фигуры обезьяны на высоченном черном столе. Сперва капитан ничего не заметил, но потом увидел,

что рот обезьяны понемногу приоткрывается и оттуда доносятся слабые звуки!.. Но почему «дважды старкл»? Может быть, эти звуки что-то напоминают Ливит?

Да, — внезапно понял он, — это же голос самого Моандера! А обезьяна лишь воспроизводящее устройство! Теперь и он расслышал, что тем же голосом, только гораздо громче, отдавались команды, сопровождавшие полет их сферы по крепости. Значит, компьютер и здесь продолжает подавать команды на разных языках, управляя своими машинами…

— Я — Моандер! — прогремело над ними.

Все трое одновременно вскинули головы. Голос исходил из гигантского идола, сидевшего на троне. Стоило им посмотреть в ту сторону, как глаза идола покраснели.

— Я — Моандер! — Это была уже другая статуя, стоявшая у правой стены в дальнем конце зала.

— Я — Моандер! — заявила статуя рядом с нею.

— Я — Моандер… Я — Моандер… Я — Моандер… — Эту фразу по очереди повторили все статуи у правой стены, потом ее принялись повторять статуи слева, пока очередь не дошла до самой последней золотой фигуры. Тогда обезьяна на столе, которая сидела все это время молча,

повернула свою безглазую башку в сторону капитана.

— Я — Моандер, я — весть Моандера! — пропищала она тоненьким голоском, и безглазая ее голова повернулась к связке странных трубок, зажатых в руке.

— Да, — снова прогремел голос идола, — я — Моандер, и каждый из них — тоже Моандер. Но все совсем не так, как вам представляется, ведьмы! Смотрите вверх! Вверх!

Они подняли головы. На экране вновь возникла поверхность Манарета, где сейчас были видны укрепления Моандера, казавшиеся чрезвычайно внушительными. Чуть наклонные поверхности стен создавали впечатление, что это часть наружной обшивки корабля-планеты.

— Перед вами царство Моандера! Священное царство! — провозгласил идол. — И сам Моандер находится глубоко в его чреве. Он думает сейчас о вас, для вас звучит его голос! А в этом зале — изображения богов, которые Моандер в свое время разместит на множестве планет, чтобы тысячи тысяч смертных поклонялись великому Моандеру… Но самого Моандера вы здесь не увидите!

А теперь не двигайтесь и не произносите ни слова! Я знаю, кто вы. Я сразу почувствовал враж-

дебную мне клатху, стоило вам возникнуть из глубин времен, и понял, что ваш нынешний облик — не настоящий. У вас иное обличье, ведьмы! И я знаю, что ваши мысли заблокированы от воздействия извне. И от меня, Моандера! Одного этого было более чем достаточно, чтобы понять, кто вы!

Я выслушал нашу легенду. Будь вы действительно теми невинными существами, обличье которых приняли, вас бы сюда не допустили, а сразу отправили бы в инкубатор и скормили моим рабам нури, ибо они вечно голодны и жаждут живой плоти смертных.

Мои враги не раз проникали сюда. Многие стояли там, где сейчас стоите вы, пред ликами Моандера. Некоторые пытались оказать сопротивление. Однако в итоге им приходилось сдаться на мою милость. Для этих все кончилось хорошо — они стали частью великого Моандера, и то, что знали они, теперь знаю я…

Голос внезапно умолк. Обезьяна на черном столе, молчавшая, пока говорил идол, опять что-то тоненько заговорила. Теперь капитан понял, что трубки у нее в руке — просто передатчик, через который приказы Моандера транслируются в крепость, где усиливаются до оглушительной

громкости, превращаясь в окрики-команды, с помощью которых он и управляет своими машинами. Обезьяна продолжала бормотать еще секунд сорок, затем замолчала, и снова заговорил идол:

— Сейчас я не могу уделить вам должного внимания, ибо ведьмы, ослепленные безумием, собрав огромные силы, вторглись в Тарк-Немби. Однако я уверен: вас специально послали сквозь время, чтобы отвлечь меня. Нури нуждаются в моем руководстве, и они завершат уничтожение проклятого мной мира!

Голос вновь прервался. Обезьяна что-то пробормотала и тоже умолкла.

— … в бой! — эхом прозвучало от гигантского трона. — Откройте же мне свои мысли и влейтесь в великий Моандер. Разделите его славу! Если же вы откажетесь, то умрете на месте ужасной смертью!..

Голос прервался в третий раз. Обезьяна заверещала: «Гразим! Гразим! Гразим!» — сигнал внимания для всех машин. Стараясь не дышать, капитан скосил глаза в сторону ведьмочек — те напряженно смотрели прямо на него. Гот чуть заметно кивнула. Ливит в образе грик-пса вся подобралась. Капитан протянул руки, собака

прыгнула, и он ее поймал, еще успев заметить, как во время прыжка она превратилась в Ливит. С Ливит на руках он стремительно метнулся к черному столу, на котором восседала болтливая обезьяна. Справа и слева тотчас же зазвенел металл, загрохотали взрывы…

Обезьяна умолкла еще до того, как он достиг стола, и застыла, скрестив ноги, с отвисшей челюстью. Потом ее рука, державшая передатчик, вдруг отделилась от тела и упала на столешницу. Звуки падающих металлических предметов слышались теперь со всех сторон — это продолжала действовать Гот. Капитан поставил Ливит на стол, схватил отвалившуюся золотую руку с передатчиком и сунул ее девочке. Юная ведьма схватила передатчик обеими руками и со всхлипом перевела дыхание.

И тут раздался… нет, это невозможно назвать звуком! Словно острый ледяной кинжал вонзился им в барабанные перепонки и застрял где-то в мозгу, чуть дрожа от напряжения! Потом болезненное ощущение усилилось и вскоре завершилось дробью бьющегося стекла. Жуткая боль в голове прекратилась. Капитан увидел, что Ливит сидит на столе рядом с обезьяной, и та по-прежнему отвесив челюсть, мрачно смотрит

на вдребезги разбитый передатчик.

— Так я и знала! — воскликнула Ливит.

Капитан огляделся. Голова кружилась и гудела. Гот в своем нормальном обличье подбежала к нему. Статуи по обе стороны зала пришли в полную негодность: золотой воин сурово взирал на них из груды лома, в которую превратилась его фигура; голова птицы-насекомого поникла на сломанной шее, а с клюва ее на пол стекали, как слезы, капли жидкого огня; дисковидные глаза огромного идола вообще исчезли, а из зиявших на их месте дыр валил дым, закручиваясь кольцами.

Потолочный экран показывал не укрепления Моандера, но часть поверхности Манарета. Видимо, скоро должна была появиться и крепость. Капитан поглядел на Ливит. Она, видимо, «обсвистывала» передатчик добрые десять секунд, прежде чем он рассыпался в прах! И все эти десять секунд ее разрушительный свист, чудовищно усиленный трансляторами, гремел во всех уголках крепости, где все машины и устройства были настроены на прием сигналов передатчика…

— Вон она, смотрите! — сказала Гот, указывая пальцем. Они подняли глаза и увидели, как крепость постепенно заполняет экран. Только

это была уже не крепость, а развалины, сплошь покрытые трещинами, из которых вылетали языки огня. Чуть дальше очертания бывших укреплений расплывались, исчезали, медленно перемещаясь по экрану. Титаническая конструкция на глазах превращалась в гигантскую гору обломков…

Ливит захихикала.

— Здорово мы его отделали! Тоже мне, «священное царство»! — Она вдруг склонила голову набок и повела носом. — А вот и ваш знакомый.

Да, это был старина ватч! Как всегда, возникший ниоткуда, стоило пасть силовым барьерам вокруг Манарета. Сгусток тьмы, облако невидимой энергии, источник грохочущего смеха…

— АХ, КАКОЙ ИГРОК МНЕ ПОПАЛСЯ! МОГУЧИЙ ПРОТИВНИК ПОВЕРЖЕН В ПРАХ! НУ А ТЕПЕРЬ ВАМ, ДРУЗЬЯ-ФАНТОМЫ, ПОРА УВИДЕТЬ, КАКУЮ НАГРАДУ ВЫ ЗАСЛУЖИЛИ!

На сей раз не было ни размазанных силуэтов, ни полета сквозь серое ничто. Капитан увидел, что находится в знакомом полутемном зале, а справа стоят Гот и Ливит. Перенос произошел мгновенно. Стены по обе стороны зала были сплошь заняты рядами приборов — от гладкого черного пола до едва видимого в вышине сводча-

того потолка. Капитан был здесь всего один раз, да и то лишь как изображение, мысленно переданное ему принцем Чилом. Центральный пост управления Манарета, где и должен находиться Синергайзер.

И еще капитану сразу стало ясно, что на центральном посту царил полный хаос, все смешалось и перепуталось, ибо все системы управления Манаретом Моандер сосредоточил в своей крепости, и, как только крепость пала, управление было полностью нарушено. Однако лирд-харьер, видимо, были давно готовы к этому…

Сияющая холодным серым светом сфера внезапно появилась в воздухе, на высоте футов тридцати. От нее исходило ощущение ужаса, казавшееся почти материальным; и лишь благодаря этому ощущению капитан догадался: сияющая сфера и есть тот огромный «камень», — Синергайзер, возвратившийся наконец на свое место и полностью изменивший свой облик. Секунду спустя, вспыхнув, включился огромный экран в центре зала, и на нем появилось чудовищно увеличенное изображение покрытой красной чешуей головы. Золотисто-зеленые глаза некоторое время неотрывно смотрели на Синергайзер, потом их взгляд переместился на

три человеческие фигурки, стоявшие рядом с ним. Капитан был уверен, что это сам принц Чил; и действительно, вскоре услышал знакомый мысленный голос:

«Не двигайтесь, союзники! Ради вашей же безопасности!» Что-то изменилось вокруг них; воздух словно сгустился, потяжелел, стал вязким. Даже поднять руку стало почти невозможно. А неведомая тяжесть все больше и больше давила на них сверху, хотя воздух оставался абсолютно прозрачным. Краем глаза капитан заметил мгновенную вспышку — Синергайзер поднялся к сводчатому потолку, по всей верхней части зала разлилось бледное сияние, и безумный треск взбесившихся приборов сменился ровным спокойным гулом.

Теперь ватч, не скрывая любопытства, тоже переместился поближе, повис над залом.

Гигантский ватч прямо-таки ходуном ходил от хохота, так он был доволен!..

Глава двенадцатая

— Слушайте же, посланцы ведьм! — читал капитан мысли Чила. — Вы и ваши помощники выполнили свое предназначение — и теперь

вам никогда не выбраться отсюда! Синергайзер вернулся на прежнее место, а нури вновь принадлежат нам! Манарет снова стал кораблем, предназначенным для завоеваний! Он оснащен таким оружием, какого ваша Вселенная никогда не видела и не знала. Моандер не был посвящен в эту тайну. Только Синергайзер может воспользоваться им.

Но мы вовсе не намерены переносить Манарет обратно в свое измерение. Мы великое племя завоевателей — таков наш удел! — так что мы взяли на вооружение основные пункты плана Моандера, рассчитанного на завоевание вашего мира. И в данный момент нури как раз заняты войной с планетой Каррес, которая отбила их первую атаку, и они вынуждены были вернуться сюда, к погасшим солнцам. Однако Манарет намерен собрать всех своих нури вокруг Карреса и уничтожить его. И тогда…

Это была даже не мысль — скорее, мгновенный импульс. Капитан «защелкнул» телепатический замок, и мысленная связь с Чилом исчезла, словно ее обрубили. Что еще хотел сообщить им принц, теперь уже не имело никакого значения. Нужно было немедленно что-то предпринять. Капитан не сомневался, что парализующая тя-

жесть, сковавшая их, в итоге принесет смерть.

— Я ЭТО ПРЕДВИДЕЛ! — голос ватча прямо-таки вибрировал от удовольствия. — АХ, КАКОЙ УМНИЦА ЭТОТ ПРИНЦ ВЕЛИКОГО НАРОДА ЛИРД-ХАРЬЕР! КАКОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХОД ОН ТОЛЬКО ЧТО СДЕЛАЛ, ПОИСТИНЕ РЕШАЮЩИЙ ХОД!.. НУ, ЧТО ТЕПЕРЬ, ЧЕЛОВЕЧЕК?

Капитан постарался как можно точнее представить себе сетку звездной карты — видимо, это была клатха-карта, а маленькая точка на ней изображала обитаемую планету Эмрис, находившуюся у северных границ Чаладура. Другая такая же точка обнаружилась примерно в двух часах полета от Эмрис. Он мысленно воспроизвел «Удачу» целиком, затем ходовую рубку. Это было уже значительно легче.

А затем мысленно представил себе Гот и Ливит. У него уже не хватило сил повернуть голову, чтобы взглянуть на ватча, на бешеные, чудовищные потоки энергии, стремительно несущиеся внутри него, но это и не нужно: прищуренные зеленые глаза пристально следили за ним из переливающейся черноты. В ушах вновь загремел голос ватча:

— ОТЛИЧНО ПРОДЕЛАНО, ЧЕЛОВЕЧЕК! ТЫ ПРОСТО ПРЕВОСХОДНО ИСПОЛНИЛ СВОЮ

ПАРТИЮ, НО НИ ОДИН ИГРОК НЕ МОЖЕТ БОРОТЬСЯ ВЕЧНО. А СЕЙЧАС ТЕБЯ ЗДОРОВО ПРОВЕЛИ, И СКОРО МЫ УВИДИМ КОНЕЦ ИГРЫ!

Интересно, какого размера должен быть клатха-крюк, осторожно подумал капитан, чтобы зацепить гигантского ватча? Ватч вдруг взвыл от ужаса. И в его черном нутре закрутились чудовищные вихри.

Тут одного крюка мало, решил капитан, нужно три, даже четыре! Гигантские линии мощнейших силовых полей обхватили черную гору, точно клещами.

Капитан снова представил себе все три подготовленных им энергетических петли и перевел взгляд на ватча. Наверное, этой клатхи нам хватит, подумал он и отдал приказ: «Сведи все три воедино!»

— А-А-А-АХ!

Крутящаяся грозовая туча клатха-энергии как бы вылетела из ватча, мгновение повисела возле него и исчезла. И тут же исчезли две ведьмочки, стоявшие справа от капитана.

Так, хорошо. Теперь займемся Манаретом, этим гигантским скопищем зла… Он нам здесь не нужен!

Черные шаровые молнии, извлеченные им из

грозовой тучи, обрушились на Манарет. Ватч что-то в ужасе вопил. Корабль-планета задрожал, завибрировал и стал вращаться, как бы размазываясь по пространству и удаляясь от капитана — перетекая в нечто, чему нет названия. Капитан успел увидеть это лишь мельком, частично (там крутились жуткие вихри энергии, занимавшие, казалось, все пространство вокруг), но он хорошо помнил ту картину, которую ему когда-то мысленно рисовал Чил — страшный хаос, находящийся словно между различными измерениями, — и понимал, что Синергайзер выбрал единственный путь, оставшийся свободным, чтобы спасти Манарет от чудовищного внутреннего взрыва, которым угрожала ему энергия ватча. Еще мгновение — и Мир Червей снова канул в хаос, из которого возник несколько столетий назад. Манарет исчез!

А капитан обнаружил, что куда-то плывет, окруженный бесформенной серой массой или облаком — видимо, некоей субстанцией ватча, — что казалось ему почему-то вполне естественным. Сам ватч тоже был рядом, но не потому, что хотел этого, а потому, что его по-прежнему прочно удерживали клатха-крюки. Теперь он значительно уменьшился в размерах. Более половины его

энергетической массы исчезло, она была истрачена на разрушение Манарета. Капитан отметил, что прищуренные зеленые глаза ватча теперь смотрят на него со страхом.

— ЧУДОВИЩЕ! — причитал ватч дрожащим голосом, в котором, правда, еще звучали отголоски былой мощи. — ОТПУСТИ МЕНЯ! АХ, КАКОЙ УЖАСНЫЙ СОН! РАЗБУДИ МЕНЯ!

— Сделаешь еще одно дело, — сказал капитан, — и можешь лететь, куда угодно. Кстати, вполне возможно, что за это время тебе удастся вновь обрести то, что ты потерял.

— КАКОЕ ЖЕ ДЕЛО?

— Верни меня на мой корабль!

Не успел он отдать этот приказ, как с громким стуком шлепнулся на пол посреди ходовой рубки «Удачи».

— Капитан! — раздался рядом с ним голос Гот.

Откуда-то издалека послышались радостные вопли Ливит, топот ее ног, и раскатистый бас снова проныл:

— ЧУДОВИЩЕ! ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ…

Капитан с трудом сел и, едва дождавшись, когда стены перестанут плясать перед глазами, освободил ватча от клатха-крюков. За стенами корабля послышались дикие завывания, которые

быстро удалялись и вскоре смолкли.

Когда он наконец с помощью Гот сумел подняться на ноги, появилась Ливит, а за ней в дверях возникли Гулик до Эдель и Веццарн. Все они дружно уставились на него, ожидая объяснений.

— Все в порядке! — сказал он, предупреждая вопросы, на которые пока отвечать не хотел. — Дело было непростое, но теперь, мне кажется, можно и расслабиться… Давайте-ка сперва определим свое местонахождение. Должно быть, мы где-то к северу от Чаладура…

— К северу от Чаладура?.. — дружно воскликнули изумленные Веццарн и Гулик.

— Ну да, примерно в двух часах лета от Эмриса. — Капитан сел в кресло у пульта управления и переключил экраны на дальний обзор. Из черноты выступили звезды, близкие и далекие. Он включил масс-детекторы, и тут же на экранах замерцали сигналы — космические корабли, находившиеся в радиусе дальности детекторов. Это был район, чрезвычайно насыщенный космическим транспортом. — Веццарн, постарайтесь побыстрее отыскать какие-нибудь маяки! Мне нужно определиться поточнее!

Старый космический волк поспешил к приборам, Гулик последовала за ним. Капитан врубил

силовую установку и тяговые двигатели, которые тут же ответили мощным ревом, и «Удача» рванулась вперед.

Прежде чем их покинуть, ватч, видимо, втянул в себя и ту искру энергии, что висела в машинном отделении и блокировала тягу…

— А что с Миром Червей? — требовательным шепотом осведомилась Гот. Ливит втиснулась между нею и креслом, и обе напряженно ждали ответа.

— Фьють! — присвистнул капитан. Глаза Ливит засияли.

Капитан быстро глянул на ведьмочек:

— Помните номер, который нужно вызвать, чтобы связаться с Эмрисом? — тихо спросил он.

— Конечно! — ответила Гот.

— Попытайтесь связаться с ними, как только мы определимся…

Две минуты спустя они уже говорили с Толл, что показалось капитану чрезвычайно странным. Особенно то, что разговор велся без помощи каких-либо ведьминских ухищрений, а просто через коммуникатор. Гулик и Веццарн быстренько убрались в пассажирский отсек, стоило капитану сообщить им, что сейчас он будет обсуждать с ведьмами карресские дела. Разговор

был коротким. Толл прибыла на Эмрис на вжжик-тяге из района мертвых солнц. Каррес все еще продолжал сражаться с нури, но ведьмы явно одерживали победу; они уже поняли, что с Манаретом, базой нури, что-то произошло, но не знали, что именно.

Капитан рассказал, как сумел. Глаза Толл сияли в точности, как у маленькой Ливит; она даже послала капитану воздушный поцелуй.

— Теперь слушайте, — сказала она. — В последнее время вокруг нашей «Удачи» скопилось столько клатха-энергии, сколько не бывает и вокруг всего Карреса. Так что лучше дать кораблю немного остыть… Мы, конечно, хотели бы увидеть вас как можно скорее, но прошу вас не пользоваться вжжик-тягой, чтобы добраться сюда. Ничего не предпринимайте, просто следуйте прежним курсом… Капитан, примерно через час два эскортных корабля встретят вас и приведут на посадку. Дети, мы ждем нас на личном космодроме губернатора Грин-Гален. И кстати: не забудьте рассказать капитану, как на Эмрисе все обставлено… А теперь пора кончать разговор, пока кто-нибудь его не подслушал!..

Капитан отключил коммуникатор и повернулся к Гот и Ливит.

— Мне кажется, — сказал он, — что надо бы проверить, как там Олими. Давайте сперва на него посмотрим, а потом вы расскажете мне про Эмрис.

Олими пребывал все в той же позе. На него, видимо, совершенно не повлияли происходившие вокруг события. Возвращаясь в рубку, они зашли к Гулик и Веццарну и сообщили, что корабль часа через два сядет на Эмрисе.

Корабли эскорта, встретившие их через час, оказались патрульными судами военно-космического флота планеты Эмрис. Капитана это ничуть не удивило. Из того, что сообщили ему Гот и Ливит, он заключил, что ведьмы Карреса пребывают в прекрасных отношениях с властями этой планеты; а губернатор Грин-Гален — старинный друг родителей маленьких ведьмочек. Патрульные корабли кратчайшим путем провели «Удачу» к месту назначения, достигли атмосферы и замедлили ход. Внизу виднелся огромный город, раскинувшийся на склонах холмов. Капитан выровнял «Удачу», следуя за военными судами по направлению к небольшому космопорту, окруженному потрясающе красивыми зданиями цвета слоновой кости.

— Ну, надо думать, места нам хватит!

— Еще бы! — подтвердила Ливит.

— Наши тесты, — говорил Требус, — полностью подтвердили первоначальные выводы. Разумеется, как я уже сказал, они демонстрируют только нынешний уровень твоих возможностей по управлению клатхой. И мы ни в коей мере не можем пока предугадать, на что ты будешь способен через полгода или год.

— Понимаю, — кивнул капитан.

— Я, конечно, еще раз все проверю, чтобы быть в полной уверенности. И после подведения окончательных итогов сообщу тебе.

Капитан рассматривал своего двоюродного деда. Требусу, должно быть, уже за шестьдесят, если вспомнить семейные предания, думал капитан, однако ему нельзя дать больше сорока, и он в отличной форме. Видимо, это тоже результат воздействия клатхи. Еще во время своего первого визита на Каррес капитан несколько раз сталкивался с Требусом и даже беседовал с ним, не подозревая, что этот приветливый бородатый человек, отец Гот и ее сестер, приходится ему двоюродным дедом, который давно уже числится пропавшим без вести. С тех пор Требус успел расстаться со своей бородой, и теперь капитан сам мог убедиться, что между ним и Требусом есть

несомненное сходство.

Прошло уже три дня с тех пор, как «Удача» села на Эмрис. Прошлой ночью Требус предложил Посерту отправиться в космическое пространство и проверить, как капитан справляется со стандартными клатха-тестами — такие тесты предлагаются ведьмам на разных этапах их развития и совершенствования. В космос же нужно было выбраться потому, что, как знал теперь и сам капитан, любые виды работы с клатха-энергией оказывают слишком сильное воздействие на окружающих.

— Я получил кое-какие весьма позитивные показатели, — сообщил Требус, — хотя в целом они мало влияют на то, что мы уже знаем. Тебе хорошо удаются клатха-замки. Ценное качество при некоторых обстоятельствах. Теоретически, ты можешь заблокировать свой разум от любого, кто хочет прочесть твои мысли. Кроме того, ты, безусловно, являешься повелителем ватчей. Тоже, кстати, природный дар, хотя и редко встречающийся. При сложившихся чрезвычайных обстоятельствах ты, видимо, развил эту свою способность почти до предела, причем за очень короткое время. Настоящее достижение в плане управления клатхой, друг мой!

Однако, способность управлять ватчами имеет достаточно ограниченное применение, поскольку всегда существует риск столкнуться с таким ватчем, которым управлять невозможно. Так что эту способность лучше всего держать про запас, только для чрезвычайных ситуаций.

— Откровенно говоря, — заметил капитан, — я был бы просто счастлив никогда больше не встречаться ни с одним ватчем!

— Что ж, вполне понятное желание!

Требус отключил автоматическое управление и развернул корабль в сторону Эмриса.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Я случайно узнал от Гот, что вы еще не решили, куда теперь отправится «Удача»?

Капитан быстро на него посмотрел. Впервые кто-то из родителей Гот давал ему понять, что они ничего не имеют против дальнейших странствий Гот в его обществе.

— Нет, не решили, — ответил он. — Полет сквозь Чаладур принес нам немалый доход, так что мы можем и подождать, пока не подвернется что-нибудь подходящее. — Он смущенно покашлял и признался: — Если честно, мне все время хотелось узнать, что вы с Толл думаете по поводу решения Гот и впредь путешествовать со мной.

— Мы не возражаем, — сказал Требус. — По крайней мере, по двум основным причинам, не говоря уже о твоих чисто человеческих качествах. Во-первых, теперь уже чрезвычайно трудно удержать Гот от того, чего она действительно хочет.

— Да, — кивнул капитан. — Это я понимаю. А во-вторых?

— А во-вторых, — продолжал Требус, — лучшие наши предсказатели пришли к единодушному мнению, что в настоящее время Гот вряд ли может выбрать для себя более благоприятный путь, нежели оставаться в твоем обществе.

— В настоящее время? — переспросил капитан.

— Скажем, примерно год. Более точно они сказать не могут. Всегда сложно определить чью-то конкретную судьбу на длительный период времени, особенно если данная личность тесно связана с клатхой.

— Да, я понимаю, — снова кивнул капитан.

— Нет, ты не все понимаешь, Посерт! Не до конца. И я хочу быть с тобой совершенно откровенным. То, что Гот сейчас проявляет такой интерес к тебе, очень хорошо для нее. В этом мы уверены, хотя понятия не имеем, какую роль это сыграет в ее развитии и в какой степени повлияет на ее будущее. Однако это не значит, что

подобное хорошо и для тебя! Твое будущее — даже на ближайшие несколько месяцев — представляется совершенно неясным из-за воздействия неизвестных факторов. Я вовсе не хочу сказать, что Гот принесет тебе беду или несчастье. Но может случиться и так.

— Ну что ж, я готов рискнуть! — с облегчением вздохнул капитан.

— И каковы же твои планы?

— Вчера мы распродали остатки груза, доставленного «Удачей» с Ульдуны, а ремонт внутренних помещений корабля будет завершен дня через четыре. Поскольку мое присутствие в Грин-Галене создает для вас проблемы, мне кажется, нам следовало бы совершить перелет к другой обитаемой планете, где можно получить выгодный коммерческий заказ. И пока я не перестану создавать для вас проблемы, мне, по-видимому, лучше держаться подальше от Карреса. И от любого другого места, где обитают и действуют ведьмы.

Требус задумчиво потер щеку, поскреб подбородок и сказал:

— Есть обитаемая планета под названием Каррес, однако Каррес — это не название целого мира. И не только Каррес объединяет нас…

Видимо, наиболее точным по сути было бы следующее определение: Каррес — это некий свод правил или, скорее, состояние ума и души… Дело тут вовсе не в магическом искусстве, это только инструмент. Есть и другие инструменты. И когда ты находишься далеко от планеты, это вовсе не означает, что ты отделился от самого Карреса, стал ему чужим. Оставаться ли членом этого сообщества или нет — зависит исключительно от твоего собственного решения.

Капитан задумался.

— Так чего же вы от меня хотите? — наконец спросил он.

— Как я уже говорил, основной вопрос в том, чего хочешь ты сам, — ответил Требус. — Однако я могу предложить тебе несколько вариантов. У тебя превосходный торговый корабль, пригодный для перевозки и грузов, и пассажиров. Его можно использовать для любых целей. Если бы вы с Гот для пробы начали работать во владениях Регентства Хайли, то практически сразу получили бы выгодные предложения на перевозку обычных грузов. А затем стали бы поступать и просьбы по поводу доставки и других, несколько необычных или нестандартных грузов, которые не должны привлекать чужого внимания.

— Значит, «Удача» будет выполнять заказы Карреса? — осведомился капитан.

— Точнее, заказы императрицы Хайли. Впрочем, они будут являться и заказами Карреса. Ты станешь специальным курьером, хранителем Печати Хайли. Конечно, внутренние проблемы Империи — это чудовищный узел политических интриг, так что тебе придется держать ухо востро…

— Ну, это ясно. Кстати, я пока что не хотел бы связываться с Империей, — заметил капитан. — Слишком многие знают, что на «Удаче» есть некая особая тяга, за которой стоит поохотиться. То, что мы изменили название корабля и взяли себе другие имена, мало кого ввело в заблуждение.

— Ничего, вскоре эта проблема исчезнет. Мы сообщим, что обладаем некоей особой тягой, и расскажем, что она из себя представляет. Одновременно все узнают, что именно благодаря нам — то есть Карресу — можно забыть о Червивой Погоде. Ну, внучатый племянничек, что скажешь?

— Я полагаю, что императрица уже получила нового курьера для особых поручений.

Будущее «Удачи» и ее экипажа наконец определилось, и был назначен срок отлета — как можно скорее, чтобы наконец освободить ведьм,

сохранявших, правда, прежнее терпение и дружелюбие, от мучительного для многих из них воздействия клатхи, которой обладал капитан Посерт.

Однажды, проходя через холл в отеле главного космопорта Провинции, куда «Удача» была переведена после завершения ремонта, капитан вдруг увидел, что навстречу ему устремилась Гулик до Эдель, по прежнему стройная и элегантная. Они зашли в бар, выпили, вспоминая былые приключения, и Гулик сообщила Посерту, что никак не решит, что ей делать дальше. Затем она осведомилась о Веццарне, и капитан ответил, что с ним он полностью расплатился, прибавив премию за рискованный рейс, однако Веццарн, похоже, не хочет покидать «Удачу», что капитана несколько удивило после всех пережитых ими в прошлом полете опасностей.

— Да, рейс был весьма необычный, — согласилась с ним Гулик. — Но вы все же привели нас к месту назначения! Как вам это удалось, я, видимо, никогда не пойму. — Она с минуту задумчиво смотрела на него. — Вы же утверждали, что не имеете к ведьмам прямого отношения!

— Я и в самом деле прямого отношения к ним не имею, — ответил капитан.

— Вполне возможно, но Веццарн тем не менее уверен, что на такого капитана-волшебника, как вы, в любых обстоятельствах можно полностью положиться! Знаете что, если вы соберетесь в какой-нибудь очередной интересный полет, пусть даже очень рискованный, обязательно дайте мне знать, хорошо?

Капитан поблагодарил ее за теплые слова, сказав, что пока не планирует никуда улетать отсюда, и они расстались.

«Удача» взлетела строго по графику. Первые шесть часов полета прошли без каких-либо происшествий. Но потом…

— Тут кое-кто желает с вами встретиться, капитан, — лаконично сообщила ему по интеркому Гот. — Сейчас они к вам придут!

— Хорошо… А что такое?

Но интерком уже отключился. Посерт вскочил и направился было к двери, но тут в рубку вошли Веццарн и Гулик до Эдель. Оба смущенно улыбались. Капитан сердито подбоченился:

— Что это вы делаете у меня на корабле? — осведомился он сквозь зубы.

— Ну все, на части разорвет! — испуганно пробормотал Веццарн. — Вы лучше сами ему скажите, госпожа до Эдель.

— Можно я все объясню, капитан? — спросила Гулик.

— Говорите!

— Мы опытные агенты, капитан. И мы провели кое-какие расследования, которые привели нас к мысли о том, что в делах, которые заставляют вас лететь в Империю, было бы весьма полезно участие двух собственных — лично ваших — тайных агентов. Да и в полете мы могли бы оказаться вам полезны — в качестве членов экипажа.

Капитан обещал подумать, и они покинули рубку. Услышав, что дверь за ними закрылась, капитан вызвал Гот по интеркому, однако она возникла мгновенно — сидела на кушетке, видимо, подслушивая и заодно упражняясь в изменении собственной формы.

— А ведь они вполне могут нам пригодиться, как ты думаешь?

— Вполне, — ответила Гот. — Они теперь за тебя в огонь и в воду. — Она задумчиво почесала кончик носа. — А кроме того…

— Что — кроме того?

— У меня был серьезный разговор с Малин… Она сейчас работает с одним предсказателем…

— И что?

— Ну и они не смогли определить твое буду-

щее на длительный срок. Но сумели выяснить, что тебе предстоят крупные дела и, возможно, довольно рискованные.

— Так! — сказал капитан, разводя руками. — У меня такое впечатление, что нам суждены исключительно такие дела, которые оказываются «довольно рискованными».

— Пожалуй. Только не стоит по этому поводу особо расстраиваться. Кончается-то все хорошо! Так вот, по мнению предсказателей, ты сперва должен будешь обзавестись собственной бандой.

— Бандой?

— Ну да, верным людьми. И это случится очень скоро! Потрясенный капитан некоторое время молчал.

— Ты хочешь сказать, что благодаря моему влиянию Гулик и Веццарн спрятались на корабле?

— Вполне возможно.

Капитан просто не знал, что на это ответить. Впрочем, он уже сам начинал все понимать…

— А это еще что такое?!

Отдаленный странный гул приближался к ним с невероятной быстротой. Гот нервно облизнула губы.

— Это гудит Путь Эггера! — сказала она. — Интересно…

Гудение продолжало нарастать, потом совершенно оглушило их и вдруг смолкло.

На полу, свернувшись калачиком и закрыв глаза, лежала Ливит. Капитан быстро подхватил ее, оглядываясь по сторонам в поисках одеял, но Гот успела крикнуть:

— Поздно! Она уже приходит в себя! Впрочем, сейчас это будет не такой сильный приступ.

Капитан покрепче прижал девочку к себе. Действительно, по сравнению с прошлым разом, приступ был относительно легкий Секунд десять ему казалось, что он прижимает к себе небольшой паровоз, ни что бы то ни стало желавший вырваться. Шума тоже хватало… Потом все стихло, и Ливит повернула голову, чтобы посмотреть, кто это ее держит.

— Опять ты! — сердито рявкнула она. — Ты зачем это сделал?

— Да нет, это вовсе не я! — с трудом переводя дыхание, ответил капитан и поставил Ливит на ноги. — Мы вовсе…

Из-за переборки зазвучал вызов коммуникатора.

— Это, наверное, Толл! — Гот бросилась к передатчику. Это действительно была Толл.

Полчаса спустя капитан снова сидел в рубке, но

уже в одиночестве и задумчиво подперев щеку кулаком.

Дело было в том, что Ливит решила лететь с ними. Никто ее на сей раз на борт «Удачи» специально не пересылал, и ведьмы полагали, что она сделала это сама. Видимо, происходящее имело какую-то определенную цель… Решено было не вмешиваться в развитие событий, пока ситуация не прояснится сама собой.

Что ж, коли связался с ведьмами, еще и не такое может случиться, лениво думал капитан… Вдруг он вздрогнул и моментально насторожился. Волосы на затылке зашевелились.

Ну что можно сказать, когда, например, «видишь» звон колокольчика или «осязаешь» запах духов? Да, ватчи действительно бывают разные… Этот отнюдь не выглядел гигантским. Теперь капитан отлично его релировал, чувствуя, как вьется над ним черная энергетическая клякса размером не больше пальца. Совсем маленький ватч — но все-таки ватч!

Ватч завис над панелью приборов и принялся изучать капитана веселыми серебристыми глазками-щелочками.

— Не вздумай тут что-нибудь натворить! — предупредил его капитан.

— И не собираюсь даже! — хихикнул ватч. — И в мыслях не держу, о, мой великий и дивный сон! — Он взлетел вдоль стены рубки к потолку и исчез.

Интересно, куда это он отправился? — подумал капитан. Больше он ватча не релировал, а потому вылез из кресла и остановился в нерешительности… И вдруг из коридора, ведущего в пассажирский отсек, донеслась какофония самых различных воплей: испуганный голос Веццарна, яростные крики Ливит…

Включился интерком.

— Капитан, — донесся из него голос Гот, — идика скорей сюда! — Она прямо-таки давилась от смеха.

— В чем дело? — спросил капитан, чувствуя, как спадает чудовищное напряжение.

— Да тут всякие неприятности с маленьким ватчем… Ой! Скорей! Мы без тебя с ним не справимся! — И интерком отключился.

— Так, — пробормотал капитан, спеша на помощь, — значит, опять начинается!..

Джоан Виндж

БРАНДЕР

И угораздило же меня так надраться. Видит Бог, не припомню такого похмелья… Я со стоном вырвался из лап тяжелого, цепкого сна, все еще толком не понимая, сон это или я уже проснулся. Приподняв голову, я повернулся, стараясь разглядеть часы, которых почему-то оказалось две штуки. Забавно… Прошлой ночью здесь стоял один будильник. О-о-ох! Уж эта прошлая ночь…

И все же окончательно я проснулся не от звона будильника: видеофон, наверное, в десятый раз наигрывал мелодию из «Серенады лунного света». С трудом припомнив, где нахожусь, я подполз к аппарату, стоявшему в ногах кровати, по пути увидев свое отражение в зеркальной глади экрана, и, прежде чем нажать на клавишу ответчика, с отвращением щелкнул по нему пальцем.

— Алло, — хотел сказать я, но получилось нечто вроде стона. — А-а-ахо…

— Мистер Ринг? Вы в номере? К вам гости.

Голос консьержки резал слух, как сигнал воздушной тревоги.

Я чувствовал себя так, словно находился где-то на грани между жизнью и смертью, но все же

сумел что-то пробормотать в ответ.

Этот ответ, видимо, успокоил ее.

— К вам посетители, мистер Ринг.

Смутно предчувствуя опасность, я переспросил:

— Они случайно не в форменной одежде?

Приятно, когда ты кому-то нужен, но, если ты находишься в розыске, объявленном правительством США, каждый визит может стать последним.

— Нет, — заморгала консьержка. — Вы их примете?

— Ну… пожалуйста, передайте им, что я скоро спущусь. — О Боже, ниспошли мне хотя бы пару часов передышки…

— Хорошо, мистер Ринг.

Экран погас. Я растянулся на голубых атласных простынях, размышляя, что менее болезненно: попытаться встать или послать все к черту.

Пересилив себя, я присел, свесив ноги с кровати и нащупав пол. Ноги погрузились в нечто рассыпчатое, ускользавшее из-под них. Я наклонился.

— О, Господи, чтобы еще хоть раз в жизни!..

Весь пол по самую щиколотку был засыпан деньгами. Точнее, фишками из казино отеля «Занаду» — что, впрочем, одно и то же. Но самое

главное, я совсем не понимал, что произошло прошлой ночью. Они — Ринг и компьютер — снова сыграли со мной знакомую шутку: сначала напоили до бесчувствия, а потом вертели, как марионеткой. О, бедный Майкл Ярроу, неисправимый простофиля! И почему я все время иду у них на поводу? Я прижал руки к вискам и сам же ответил на свой вопрос: потому что они мне нужны. Кроме того, обвинять Ринга несправедливо: если уж я напился, как свинья, то он тоже был не лучше… Правда, именно он несет за это ответственность, поскольку позволяет «Этанаку» брать власть в свои руки. А ВЕДЬ ТЫ ОБЕЩАЛ, ОБЕЩАЛ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ БУДЕШЬ ЭТОГО СО МНОЙ ДЕЛАТЬ. ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ВДРУГ ЗАМЕТИТ…

Но они все равно ничего не слышат, я ведь тоже не подключен. Коли уж ругаться, то хотя бы знать, что кричишь не впустую и тебя услышат…

Я долго копался в россыпях фишек, прежде чем отыскал шнур, присоединенный к стоявшему на полу возле кровати футляру с «Этанаком». Я подтянул к себе вилку и воткнул ее в разъем в нижней части позвоночника: электрические разряды заиграли искрами на всех моих нервных окончаниях, разливая по телу блаженную негу

облегчения…

Я потянулся и потряс головой, снимая статическое напряжение: всю процедуру очищения увенчал вздох почти животного удовольствия, исторгнутый сначала Ярроу и завершенный мной. Особенно приятно, что похмельный синдром был уничтожен электрическими разрядами с той же безжалостностью, с какой выжигаются крысиные норы. По правде говоря, мы не могли существенно помочь его телу: его налитые кровью по-детски голубые глаза на лице цвета овсяной каши, обрамленном каштановыми волосами, жалобно взирали на меня с зеркального экрана видеотелефона. Я отвел взгляд в сторону, невольно скривившись: я чувствовал, как возмущение Ярроу нашим предательством упрямо вторгается в систему управления.

БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ, НЕУЖЕЛИ НЕЛЬЗЯ КАК-ТО ИНАЧЕ ОБРАЩАТЬСЯ С ТЕЛОМ, КОТОРОЕ ВАС НОСИТ? *Будь же ты настоящим мужчиной, Майкл!* Даже «Этанак», воодушевленный своим вчерашним триумфом за игральным столом, и тот не удержался от искушения вставить слово. *Позволь себе хоть раз вкусить от радости жизни.* БЫТЬ МУЖЧИНОЙ, РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ, КОГДА ТВОЙ СОБСТВЕННЫЙ РАЗУМ ОТКЛЮЧЕН ПОЛНОСТЬЮ,

А ТЫ РАБСКИ ПОДЧИНЕН ПОСТОРОННЕЙ ВОЛЕ? *Согласен, но тебе ведь нужно принять не меньше десяти-двенадцати рюмок, чтобы освободиться от предрассудков. И разве игра не стоит свеч?*

Я посмотрел вниз на кучу фишек вокруг моих ног и с невольным злорадством подвел итог вчерашней попойке, закончившейся безумной игрой. Нахмурившись, я позволил Ярроу продолжать жаловаться — теперь уже от нашего общего имени. ЭТО НАДО ЖЕ! ПОПЫТАТЬСЯ СОРВАТЬ БАНК НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ! ТАМ, ГДЕ ЛЮБАЯ СВОЛОЧЬ МОЖЕТ НАС УВИДЕТЬ! ЗАХАПАТЬ ПОЛМИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ, ВПУТАВ МЕНЯ В ЭТУ ИСТОРИЮ! И ВОТ, ПОЖАЛУЙСТА, — ДОПРЫГАЛИСЬ! ПРЕДУПРЕЖДАЛ Я ВАС: ДОИГРАЕТЕСЬ, ЧЕРТ ВАС ВОЗЬМИ... О, БОЖЕ ПРАВЕДНЫЙ! НУ, КТО СЕЙЧАС ЖДЕТ ВНИЗУ?..

Не стоит впустую заводиться. Если бы они знали, что ты здесь, они бы просто выломали дверь и выволокли тебя отсюда...

Что толку спорить с самим собой? Я уступал во всем, постепенно избавляясь от психоза несогласия. Потянувшись, я раздвинул шторы: тусклый дневной свет проник в комнату. Как и предсказывали синоптики, облачность сгущалась. Наступил День дождя. Я взглянул на кирпично-

красное марсианское небо, затянутое мрачными тучами, и решил, что, если им когда-либо удастся до нас добраться, виноват буду только я. МЫ ДУМАЕМ ТАК ЖЕ. Рука Ярроу послушно подняла футляр с «Этанаком», и я поплелся в ванную приводить себя в человеческий вид.

В свое время Самуэль Тейлор Кольридж написал:

Там, в бесчисленных чертогах,
Где священный Эльф шумит,
Рассыпаясь на порогах,
Пробиваясь сквозь гранит
К брегу моря, где неведом
Зной и солнца луч златой,
Там — Занаду с вечным летом,
Кубла Хана рай земной.

Оригинал, конечно, мог существовать только в затуманенном опиумными парами воображении Кольриджа, но здесь, на Марсе, эти мечты воплотились в действительность благодаря несметному богатству и непомерному честолюбию Коррама Хабира. В чем секрет загадочной общности Коррама Хабира и Кубла Хана? Во-первых, разумеется, в сходстве инициалов…

Но Хабиру недостаточно, чтобы его сходство с легендарным литературным персонажем ограничивалось только этим. Эксцентричный глава транснациональной финансовой империи, ворочающий миллиардами долларов, претендовал на роль императора. Ему захотелось построить свой собственный Занаду, и он действительно создал легенду, причем с гарантией, что миф вполне себя окупит.

Так появился на свет «Занаду», величайший дворец удовольствий: фешенебельный отель, курорт, лечебные минеральные воды и надежный кормилец всего этого великолепия — казино. Я, в своем прежнем естестве, не питал пристрастия к азартным играм; у меня хватало ума честно сказать самому себе: для большой игры ты не создан. В обновленном же виде, как я недавно понял, у меня ума стало даже больше, чем нужно.

К этому времени я успел провести на Марсе уже почти полный земной год, но из осторожности не решился посетить туристический пояс планеты. Хотя главной причиной моего визита на Марс было желание увидеть мир — любой мир. К тому же я постоянно слышал восторженные рассказы сослуживцев в Центре по обслуживанию компьютеров о том, как они всего лишь за

один славный вечерок, проведенный в казино «Занаду», успевали спустить все до последнего цента. И в конце концов я не выдержал…

Но теперь, когда я вышел из прозрачной, похожей на мыльный пузырь кабины лифта, здравый смысл подсказал мне, что пора закругляться и поживее сматываться обратно на арабские территории подобру-поздорову.

Я пересек холл, полный посетителей, и направился к справочному бюро. Пол вестибюля «Занаду» (длина его по диагонали составляла добрые полторы сотни метров) весь выложен мозаикой. От главной регистрационной стойки по нему кругами разбегались красочные картины, изображавшие роскошную жизнь Древнего Востока, и я, наступая на человеческие лица, чувствовал себя очень неловко. Но таким, вероятно, должен быть пол в настоящем кольриджевском Занаду… У меня за спиной, перевозя постояльцев с этажа на этаж, как пузырьки воздуха в золотых брызгах искусственного водопада, опускались и поднимались шары-кабины из разноцветного стекла (на Марсе вода ценится дороже золота) — это Лета, священная река, несла свой поток навстречу волнам подземного моря, спрятанного в глубинах подземных этажей казино, в Ледяных

пещерах.

Один из холеных молодых клерков, которые от нечего делать толпились у справочного бюро, со скучающим видом направился ко мне, одергивая на ходу полы бархатного болеро.

— Чем могу служить, сэр?

— Мое имя — Этан Ринг. Мной кто-нибудь интересовался? — спросил я.

— Сейчас посмотрю, сэр, — ответил он и продефилировал к стойке, а я повернулся лицом к залу, пытаясь определить, не следит ли кто-нибудь за мной. Но интереса ко мне, похоже, никто не проявлял. Приглушенный шелест голосов сливался с тихой камерной музыкой: в углу струнный квартет играл Баха. Мелодия придавала интерьеру гостиницы изысканность, впрочем, не совсем уместную: основная часть присутствующих, как и я сам, была одета достаточно безвкусно и выглядела чересчур экстравагантно.

Вся противоположная стена вестибюля представляла собой огромное смотровое окно из изогнутого стекла, за которым раскинулся экзотический марсианский пейзаж. «Занаду» расположен в одном из живописнейших заповедных мест Марса. Отель построен на крутом склоне горы Олимп (вулканического проис-

хождения) как раз на полпути к вершине. Само двадцатипятиэтажное здание сооружено в форме параболического зеркала (у Ярроу возникло сравнение с кожурой апельсина). Такая конструкция обеспечивала одинаково выгодный обзор местности с каждого этажа: наблюдателю хорошо видна марсианская долина в переливах мягких коричневатых, красных и оранжевых тонов и змеившихся по ней, как побеги ползучих растений, извивах городских улочек, сверкавших стеклом и металлом. Их щупальца опоясывали Елисейские поля и взбегали вверх по скалистым уступам к самому подножию вулкана.

— Мистер Ринг! — клерк наконец возвратился. — Так это вы выиграли пятьдесят тысяч серклей вчера ночью?

Я бесстрастно посмотрел на него. Пятьдесят тысяч в валютных единицах Международного кредитного фонда… О, Господи, да это почти триста тысяч долларов!

— Да, я. — Выражение полнейшего неверия иногда может сойти за равнодушную мину.

Клерк взирал на меня то ли с суеверным страхом, то ли с завистью, но, за что могу поручиться, на его лице не осталось и тени скуки.

— Вас ждут в Павлиньей гостиной, сэр.

— Благодарю, — спокойно сказал я.

В дверях гостиной я остановился, разглядывая сидящих и не имея при этом ни малейшего представления, кого же следует искать. И тогда я увидел ее: она сидела в отдельном кабинете у изогнутого окна в одиночестве и улыбалась мне. Для себя я тут же решил, что если меня ждет не она, а кто-то другой, то он может сразу катиться к чертовой матери.

Я спустился по витой лестнице. Все чувства были неестественно обострены. Она была необыкновенна: иссиня-черные, как воронье крыло, волосы, каскадом ниспадавшие на ее левое плечо; темные загадочные глаза; платье, цветом и формой напоминавшее морскую волну, словно отхлынувшую с одного плеча и захлестнувшую другое; кайма из хрустальных брызг, кромкой прибоя протянувшаяся от запястья до шеи.

Ночью в казино, в жутковатом освещении Ледяной пещеры эта пена из сверкающих брызг сияла всеми цветами радуги…

Всю прошлую ночь эта женщина простояла рядом со мной, игравшим по самым высоким ставкам, причем «Этанак», охваченный лихорадкой азарта, даже не заметил ее присутствия, но зато этот пьяный дурак Ярроу влюбился в нее с

первого взгляда.

— Я ЛЮБЛЮ ВАС, МИСС УДАЧА, — увидев ее, выпалил Ярроу, прежде чем я успел прикусить язык. — ВСЕ, ЧТО Я ИМЕЮ, — ВАШЕ.

Она была слегка обескуражена.

— Все пятьдесят тысяч серклей? — спросила она.

Я держался, страстно желая одного: чтобы мне сделали немедленную резекцию мозга — естественно, той его части, которая принадлежала Ярроу.

— Может, мне лучше выйти и снова зайти?

— Считайте, что вы так и сделали, — на этот раз она улыбнулась. — Здравствуйте, Этан. Садитесь. Что мы пьем?

Я присел за столик.

— Благодарю. С меня хватит. Кажется, прошлой ночью я немного переборщил.

— Но вы хотя бы помните меня? — Она оперлась подбородком на кулачок. — И, насколько я понимаю, ваш успех не результат слепой удачи? Не так ли, мистер Ярроу?

Я почувствовал, как мое воодушевление моментально улетучилось, словно кто-то отключил меня от розетки. Неужели я действительно так напился, что потерял всякую осторожность и на-

звался Майклом Ярроу? Но ведь она уже называла меня Этаном… Обескураженный, я продолжал тупо смотреть на нее.

— Вы — фанатик игры, Майкл Ярроу, — продолжала она. — Вы анализируете комбинации с быстротой компьютера. Причем я, кажется, догадываюсь, что́ это за компьютер. «Этанак-500», не так ли?

Я замотал головой.:

— Мисс, поверьте, если я сказал вам вчера эту чушь, то прошу прощения. Я хотел произвести на вас впечатление. Мое настоящее имя — Этан Ринг, и я занимаюсь обслуживанием компьютерной техники в Управлении колоний Арабских штатов на Марсе. Но стоит мне хлебнуть лишнего, как меня тут же несет…

— А трезвым вы мне нравитесь еще больше, — она взяла мою руку и, повернув ее, изучила ладонь.

— У вас явный литературный талант. Ваше призвание — сочинительство… Но отпечатки пальцев принадлежат Майклу Ярроу, гражданину США, разыскиваемому по обвинению в воровстве, терроризме и государственной измене. Вашу голову оценивают в пятьсот тысяч долларов.

С убийственным спокойствием она посмотрела мне в глаза.

— Допустим, — сказал я, сжав ладонь в кулак. — В моей комнате игровых фишек на триста тысяч долларов. Если вы так хорошо осведомлены о моих способностях, то должны понимать, что я могу дать вдвое больше.

— К сожалению, деньги меня не интересуют, — равнодушно произнесла она.

— Так что же вам нужно?

— Ваши способности.

— Оптом или в розницу?

Мой сарказм ее явно обидел.

— Напрасно… У меня не было возможности представиться: Ханелора Такаси. — И она щелчком подтолкнула ко мне изящную визитную карточку, мягко скользнувшую по гладкой поверхности стола.

Я приподнял ее и прочитал: «Мои мысли свободны».

Это был девиз корпорации «Свободная мысль, Инкорпорэйтед», собравшей массу интеллектуалов, готовых за высокую плату предоставлять свои знания и способности любым правительствам, организациям или фирмам, нуждавшимся в таких услугах.

— Итак, вы, оказывается, профессиональный штрейкбрехер, — сказал я, употребляя укоренившееся за ними обидное прозвище.

— У нас предпочитают слово «консультант», — она нервно постучала по ножке бокала. — Мы не хотим ничем ограничивать себя: ни страхом, ни ложными узами преданности, ни идеологическим рамками. Поэтому корпорация базируется на Марсе, хотя большинство наших заказчиков находится на Земле.

— То есть, вы просто-напросто намерены нанять меня.

Она покачала головой.

— Учитывая ваши сложные взаимоотношения с правительством США, мы не можем рассчитывать на длительное сотрудничество. Ваши специфические навыки нужны мне для завершения одного небольшого проекта, связанного с компьютерами. Ни больше, ни меньше. Поможете — и мы забудем о вашем существовании.

Обычная проблема: выигрыш неясен, зато проигрыш означал бы возвращение блудного сына к родному очагу и расчленение уникальной личности Этана Ринга, которое начнется с банального отключения штепселя от розетки в моем позвоночнике.

Ханелора Такаси откинулась на переливчато-синюю кожу спинки дивана, с любопытством наблюдая за моим перевоплощением. Всего пять минут назад я готов был пожертвовать ради нее всем, а сейчас желал только одного: чтобы она сгинула.

— Мисс, вы действительно знаете, как вить веревки из мужчин. Только не принимайте это за комплимент… Вы сказали: одна маленькая услуга — и меня навсегда оставят в покое? — От судьбы не уйдешь: если на роду написано что-то потерять, то теряй не задумываясь. И я улыбнулся. — Согласен.

— Прекрасно, — черты ее лица разгладились. И я внезапно понял, какое напряжение она испытывала. — В таком случае идемте.

— Куда? — спросил я, не двигаясь с места.

— Из отеля. Нам нужно кое с кем повстречаться, — и она указала рукой за окно, кивнув головой в сторону других посетителей, толпой направлявшихся к выходу из гостиной. — Дождь должен начаться в 14.20. Вы же не хотите его пропустить?

Дождь на Марсе — вроде снега в южной Калифорнии: явление столь же редкое. Когда он случается, здесь все напоминает встречу Нового

года на Земле.

Компьютерная система прогнозирования погоды и сравнительная стабильность марсианского климата позволяют планировать эти праздники. Поэтому, когда грозы проходят над туристическим поясом — над Олимпом, или Городом изобилия, или Морской долиной, — марсиане вперемешку с путешествующими землянами высыпают на улицу, причем курортные гостиницы становятся местами массового паломничества…

В такие дни я тоже не могу устоять перед искушением и, подобно тысячам ностальгирующих колонистов, «внимаю колыбельной ночи, швее волшебной, что сребром и златом уткала шелк холмов… Ты помнишь этот дождь?».

Если бы я не помнил земной дождь так хорошо, меня бы здесь не было… Я поднялся и мрачно сказал:

— Вы правы, черт возьми, я не хочу его пропустить.

* * *

Мы пересекли вестибюль и, встав в хвосте выстроившейся у выхода очереди, получили герметические защитные костюмы. Затем в общей массе мы прошли в шлюзовой отсек — переход-

ный коридор, ведущий под уклоном вниз на так называемый «балкон Занаду» — огромную, вымощенную каменными плитами террасу, вполне пригодную для Олимпийских игр. Я заметил, что несколько пышущих здоровьем молодцов предпочли полной защитной экипировке кислородные маски и парки: им, видимо, хотелось ощутить дождь почти по-земному. Сам я еще не дошел до такой степени тоски по родной планете. Люди из той же породы, что и эти оригиналы, хотели бы видеть в программе освоения Марса превращение его во вторую Землю и, надо признать, добились определенного успеха: скажем, растопили полярные шапки, что позволило увеличить атмосферное давление, и теперь каждый желающий, надев шесть комплектов зимнего белья, нацепив кислородную маску и приблизившись в результате усиленных тренировок к выносливости гималайского шерпа, мог отважиться выйти на поверхность планеты без риска загнуться через пять минут. Но климат Марса остался прежним: противным, холодным и почти без осадков, — другими словами, таким же, как на моей родине в Кливленде, штат Огайо.

Мы обошли стороной шумную толпу; крики восторга, врывавшиеся в микрофоны шлема,

почти оглушили меня. На самом дальнем участке «балкона» я заметил две фигуры, стоявшие чуть поодаль от общей компании. Один поднял руку в перчатке, и мы приблизились. Я так и не понял, был ли это знак или он просто проверял, не начался ли дождь.

— Цефас? Базиль? Я привела его… — таким образом мучивший меня вопрос разрешился, и мы, присоединившись к ним, отошли в самый угол террасы. Ханелора села на одно из крыльев угловой скамьи, я пристроился на другом, в то время как мужчины, оставшись стоять, оценивающе разглядывали меня. Один из них был громадного роста — мне редко приходилось встречать таких высоких людей, может быть, такого я вообще видел впервые; под прозрачным забралом его шлема я разглядел седеющие профессорские усы и баки. Ханелора подвинулась к углу скамьи, и он сел рядом с ней. Другой остался стоять, видимо, ожидая от меня подобного жеста, но я не спешил, в свою очередь разглядывая его. Определение «горбоносый» было слишком мягким описанием его внешности. В своем сшитом по последней моде защитном костюме он напоминал мне буревестника из детского мультфильма. Наверное, в других обстоятельствах это пробудило бы во мне

приятные воспоминания. Я нехотя подвинулся, и он присел.

— Вы не будете возражать, если я попрошу поставить вашу коробку на землю? — по его тону сразу можно было догадаться, что он не допускает и мысли о возможности каких бы то ни было возражений. Вдобавок он фамильярно похлопал по плечу Майкла Ярроу — моего «носителя».

Я проверил, в порядке ли заглушка аварийного блока в том месте, где шнур «Этанака» проходил под мой костюм, и сказал:

— Дружище, может быть, вы и готовы сесть на собственные мозги, только я свои ставить на каменный пол не намерен.

Наступила долгая пауза, в течение которой мое заявление переваривалось, а затем три пары глаз с дружным осуждением уставились на меня. Мой сосед-буревестник заявил:

— Нет, Хана. Я твердо заявляю: нет. С таким человеком я отказываюсь работать. — Мысленно я его даже подбадривал. — Это же уголовник! Надо сдать его американцам, пусть они возятся с ним сами.

Это предложение, пожалуй, звучало посильнее, чем подстрекательство к убийству.

— Базиль, — сказала Хана, повысив голос и пе-

рекрывая общий гул в шлемофонах. — Не следует судить слишком строго. У него есть основания быть… несколько резковатым. — Она понизила голос. — В конце концов, это мы начали его шантажировать, — она посмотрела на меня. — Это мои коллеги: Цефас Нтебе и Базиль Краус. Цефас, Базиль, позвольте представить… Майкл Ярроу Этан Ринг. — Закончили мы вместе.

Они явно смутились.

— Простите, я не понял, как все-таки вас зовут? — спросил Цефас.

— Как однажды заметил старина Каквазовут, — произнес я, прижавшись спиной к стене и разглядывая склон, кончавшийся внизу осколком скалы у подножия вулкана, — мое имя — это мое имя. Меня зовут Этан Ринг.

— Этот человек невыносим, — фыркнул Краус.

— На самом деле, Хана, — заметил Нтебе, — мне думается, было бы неразумно привлекать посторонних…

— Послушайте, — сказала она твердо, — Инесс послала меня, чтобы при вас находился хотя бы один человек, не лишенный здравого смысла. И я чувствую, вы нуждаетесь в нем все больше.

Я откинулся на спинку скамьи, слушая их грызню и скучающе разглядывая небо. Корабль

пробил плотное покрывало облачности и с грохотом пошел на посадку к Елисейским полям. Я начал фантазировать: вот я сажусь в первый же корабль и улетаю с Марса к чертовой матери.

К реальности меня заставило вернуться соображение, что я прилетел на Марс не по принуждению, а по собственной воле, дав зарок никогда не покидать его, по крайней мере, если меня не вынудят. Невероятно сложная система электронного контроля безопасности, закрывавшая доступ в околоземное пространство, именно благодаря своей немыслимой сложности позволила мне без труда отыскать в ней лазейку. Словом, я приехал на Марс в поисках убежища, и заставить меня покинуть его можно только в кандалах.

Две заледеневшие капли растаяли на лицевом стекле моего шлема, распустившись диковинными цветами. От неожиданности я заморгал: ледяная крупа часто застучала по шлему, в микрофоны ворвалось дробное стаккато дождя, стократно усиленное воплями необузданной коллективной радости. Отражаясь от коричневатой медной глади долины, засверкали молнии. Хиленький, по земным меркам, гром всколыхнул облака. Полируя камни террасы, с неба хлынул ледяной поток, смывая грехи всех присутствую-

щих, включая и Этана Ринга. На короткий миг День дождя показался мне таким, каким я его себе и представлял: я наслаждался грозой и сладкими, с примесью горечи грезами о Женщине Моей Мечты…

Тем временем Женщина Моей Мечты, не замечая ни дождя, ни моего лирического настроения, упорно пыталась убедить своих друзей, что преступное прошлое как раз и является лучшим доказательством моих достоинств. Не зная, чем себя занять, пока они вынесут окончательный приговор, я начал восстанавливать в памяти историю, в которой я сыграл главную роль.

* * *

По официальной версии (а Хана и ее друзья, кажется, в нее верили) некто Майкл Ярроу, доброволец, согласившийся стать «подопытным кроликом» в одной финансируемой правительством исследовательской программе, оказался грабителем и диверсантом. Он вывел из строя компьютерную сеть стратегической обороны США, так называемого «Большого Брата», а затем похитил невероятно дорогую и невероятно секретную экспериментальную аппаратуру.

Формально дело обстояло именно так. Но были

и смягчающие обстоятельства. Майкл Ярроу, недоучка и посредственность, жалкий ассистент лаборанта в государственном исследовательском центре, добровольно согласился на хирургическую имплантацию компьютерного входа в его спинной мозг, чтобы его научные руководители смогли подсоединить к его центральной нервной системе компьютер и проверить, что из этого выйдет. Причем в ход пошел «Этанак-500», суперкомпьютер, созданный специально для проникновения в другие компьютерные системы и их уничтожения.

«Этанак» же оказался таким способным малым, что даже, как позднее выяснилось, обнаружил задатки самостоятельного мышления.

Для эксперимента требовался человек, не имевший близких родственников, абсолютно никому не известный, не гений, не злодей, то есть как раз такой, каким и был Майкл Ярроу. Да и самому Ярроу терять было нечего, а повышенное внимание к его особе даже льстило.

И вот наконец исторический момент наступил: шнур подсоединили к его спинному мозгу, и машина впервые слилась с человеком в одно целое. «Этанак» неожиданно понял вещи, над которыми до сих пор не размышлял, открыл в себе

возможности, о которых его создатели и не подозревали, — и прежде всего способность получать все необходимое из мозга несчастного «подопытного кролика». Ярроу просидел целый день с остекленевшими глазами, пока его собственное сознание вело жаркую схватку с вторгшимся компьютерным разумом, неожиданно оказавшимся не менее самостоятельным, нежели человеческий. В результате этой изнурительной борьбы, в муках взаимной неуступчивости и компромиссов и родился гений — Этан Ринг, то есть я.

Экспериментаторам, конечно, следовало умертвить меня еще в момент рождения, просто вытащив вилку из розетки, но из любопытства они оставили Ярроу и «Этанак» вместе. И два изможденных бойца вскоре узнали друг друга достаточно хорошо, чтобы понять: каждый из них имел то, чего недоставало другому, а когда они вместе, то я — их симбиоз — имею все, чем каждый из них обладал в отдельности: интеллект и банк данных великолепного компьютера и крепкое тело плюс здоровую психику добродушного милого парня. Несмотря на всю свою непохожесть, они стали близкими друзьями. Оба, каждый по своим причинам, собственно, еще и не начинали жить, но страстно желали воспользо-

ваться выпавшей удачей и расправить выросшие крылья. И как только моя собственная личность стала крепнуть, все более сознавая стесненность своего положения, мне и самому нестерпимо захотелось жить, нет, не просто существовать, а жить глубоко и содержательно.

Но экспериментаторы вовсе не желали считаться с разными тонкостями, вроде самосознания. Согласно программе дни моего существования были сочтены, и я, оказавшись с самого рождения узником тюрьмы, каковой, по сути, являлся сверхсекретный государственный объект, не имел ни единого шанса остаться в живых. Но меня, точнее — всех нас, спас обнаруженный нами уникальный талант. И в ночь перед «казнью» Майкл Ярроу набрал телефонный номер…

* * *

— Как может один человек, даже специально обученный, проникнуть в компьютерную сеть стратегической обороны США, вывести ее из строя, да еще и ускользнуть с «ключами»? — спросил меня Нтебе.

Некоторое время я молчал, наблюдая за туристами и каплями дождя, скатывавшимися по моему костюму, и одновременно стараясь сооб-

разить, развертывалась ли эта история только в моем мозгу, или я достаточно громко нашептывал себе под нос.

— Только не говорите, что это коммерческая тайна, — съязвил Краус.

— Это произошло случайно, хотите — верьте, хотите — нет. Я залез в «Большого Брата», потому что мне надо было выбраться из исследовательского центра, а система его безопасности являлась составной частью единой сети. В нее же, кстати, входили и средства контроля за мной. Правда, я немного перестарался: это одна из наиболее сложных компьютерных систем на Земле и одна из наиболее чувствительных… словом, у нее случилось что-то вроде нервного припадка… Я сразу понял, насколько тонкий «организм» этот «Большой Брат», и непреднамеренно, без всякого злого умысла передал ему свое волнение и страх перед грозившей мне гибелью — и он буквально сошел с ума.

— Знаете, что вы мне напоминаете? Брандер! — сказала Хана.

— Что-что? — переспросил я: все мои познания в истории ограничивались парой заковыристых ругательств, почерпнутых из одного романа о римлянах.

— Корабль, набитый порохом и горючими веществами, который брал на абордаж судно неприятеля, после чего загорался. В данном случае «Этанак» стал кораблем, а ваши эмоции — огнем.

— Мне бы никогда не пришло в голову такое сравнение, — сказал я. Аналогия с кораблем мне понравилась.

— Только представьте, — сказала Хана, обращаясь к остальным, — современные компьютерные системы настолько впечатлительны, что поддаются психологическому давлению, как и человек. А Ярроу может вторгаться в них!

Нтебе посмотрел на меня с любопытством.

— Вы, наверное, могли бы объединить все системы на Земле в одну универсальную компьютерную сеть…

— Да, мне кажется, я бы справился, — согласился я, удивляясь их внезапно проснувшемуся интересу. — Но вы должны помнить, какая участь постигла Франкенштейна.

Я понял, что, завязав с ними живую беседу, вероятно, получил шанс выиграть. Дождевые капли продолжали барабанить по шлему, несколько туристов рядом с нами громко затянули модный шлягер. Я осторожно поинтересовался:

— Ну а этот ваш, как его, маленький проект, в который вы собирались меня вовлечь, с чем он связан? Можно поинтересоваться?

— Нам нужна ваша помощь для устройства «глазка» в одной из компьютерных систем, — сказал Нтебе.

— В самом деле? — спросил я, переводя взгляд с одного на другого. — И это все, что вам нужно?

— Да, это все, — ответил Краус, возмущенно поднимая глаза к небесам.

Провались я на этом месте, если на небе не было радуги! Зыбкий, удивительный по красоте стяг опоясал утопавшую в облаках вершину Олимпа. Я перевел дух.

— Детская забава. Что за система?

— Управление международным картелем Коррама Хабира на Земле.

Я вздрогнул.

— А не противоречит ли это принципам вашей работы? Устройство «глазков» считается серьезным преступлением. Я всегда считал «Штрейкбрехер, Инкорпорэйтед» не более чем банком идей, технически грамотной и законопослушной организацией.

— Даже на солнце есть пятна, — возразила Хана, ее губы изогнулись в иронической усмешке. — В

бизнесе святых не бывает. Но можно представить проблему в ином свете: например, мы втроем взяли работу по совместительству, в свободное от основной деятельности время. Пытаемся помочь одному из наших клиентов в частном порядке. Если вы помните, отец Хабира был одним из наиболее удачливых нуворишей в промышленности довоенных Арабских штатов. Во время хаоса, охватившего мир после третьей мировой войны, он фактически скупил на корню правительства большинства слаборазвитых государств, обладавших богатыми запасами природных ресурсов. Коррам посвятил всю свою жизнь делу укрепления империи своего отца. Создав компьютерную сеть государственного полицейского контроля, он лишил эти правительства всяких надежд избавиться от его власти, прежде чем он выкачает всю их кровь до последней капли.

— Но если оппозиция в одной из этих стран прильнет к «глазку», то она сможет хозяйничать в системе, получив шанс изменить ситуацию? — сказал я, начиная понимать замысел, и они кивнули в ответ. — Однако если вы собираетесь перехитрить Хабира, я вряд ли смогу вам помочь. Все входные терминалы в систему Хабира расположены на Земле, а я не могу покидать Марс…

Правда, Хабир живет на Марсе долгое время и должен иметь здесь свой личный вход в систему. Но где он находится, никому не известно. Так что сожалею, но здесь я бессилен.

— Нам доподлинно известно, что у Коррама Хабира есть вход в компьютерную сеть, — сказала Хана. — И судя по привычкам Хабира, входной терминал в компьютер находится именно здесь — в его любимом «Занаду».

— Теперь ясно, почему вы здесь. Проверяли свою гипотезу, а заодно наткнулись на меня.

— Видимо, это подарок судьбы, — улыбнулась она.

— Позвольте не согласиться, — возразил я, чувствуя себя скорее жертвой на алтаре.

— Эй, пойдем, потанцуем! — хохочущая девица в ослепительном оранжевом костюме попыталась стащить меня со скамейки. Я тоскливо покачал головой, девушка пожала плечами и убежала. Дождь почти прекратился, но празднество, похоже, только набирало силу. У меня появилось тревожное предчувствие, что я ввязываюсь не в свое дело.

— Осторожно, — прошипел Краус противным суфлерским шепотком, — за нами следят!

— Кто? — Хана наклонилась вперед, вглядыва-

ясь в толпу.

— Не оглядывайтесь. Это Салад, — Краус втянул голову в плечи, как персонаж какого-нибудь старомодного детективного фильма двадцатого века.

— Салад? — я попытался проследить за бегающим взглядом Крауса и наконец наткнулся глазами на лысый череп за широким стеклом шлема. Своим видом лысый напоминал диковинное морское чудище.

— Управляющий казино, — нахмурившись, пояснила Хана. — По общему мнению, первый кандидат в коллекцию уродов в кунсткамере.

— Если там найдутся свободные места, — заметил я.

— Он следит за нами, — просвистел Краус. Однако Салад посмотрел как бы сквозь нас и неторопливо направился к выходу.

Заметив странный блеск в выцветших глазах Крауса, я наконец понял, зачем он ввязался в эту историю: этот человек мечтал стать героем какого-нибудь необыкновенного приключения.

— А может быть, Саладу просто захотелось посмотреть на парня, стоившего ему пятьдесят тысяч серклей? — Хана произнесла это с сомнением, но сопроводила свои слова теплой и

успокаивающей улыбкой.

— Если я все же решусь сделать попытку проникнуть в эту систему, — сказал я, — то мне обязательно нужно узнать хотя бы несколько опознавательных номеров. Не исключено, кое-что удастся разведать, когда я пойду менять фишки на наличные.

Время покажет, стоило ли мне связываться с этими ребятами.

* * *

Я вышел из прозрачной кабины лифта на самом нижнем из трех этажей казино, в глубине Ледяных пещер. Вокруг огороженной площадки пенились и распылялись золотыми брызгами кипящие струи водопада, тщетно пытаясь взобраться вверх по покатым стенам, прежде чем навсегда исчезнуть в таинственных недрах этого сказочного подземелья. Я перешел через бурный поток по маленькому мостику, чувствуя себя довольно неуютно с доверху набитым игральными фишками пакетом подмышкой. Правда, гости «Занаду» после празднования Дня дождя уже снова успели попасть во власть азарта и, увлеченные игрой, не обращали на меня никакого внимания.

Я старался как можно аккуратнее обходить

столики. Зрелище и звуки большой игры пробуждали во мне отрывочные воспоминания прошлой ночи: музыка, как речная волна, охлаждала воспаленные нервы… загадочные ледяные скульптуры, светящиеся изнутри, словно живые… сияние и блеск драгоценных камней в ожерельях дам… переливы света в складках вечерних платьев… — все это превращало людей в привидения, внезапно возникавшие и тут же исчезавшие в грифельно-черной пучине… Магазины у подножия вулкана специализировались как раз на продаже таких черных светящихся платьев и костюмов, равно как и других местных диковинок — оригинальных голограмм Морской долины и антикварных скульптурок обнаженных «марсианок».

В другом конце зала я разглядел кассу и направился к ней, по дороге обогнув одну из статуй, внезапно напомнившую мне Хану… Хану прошлой ночью здесь, в казино; Хану днем в моей комнате, ждущую моего возвращения…

— Что вам угодно, сэр? — клерк за стойкой кассы напоминал громилу.

— Мне хотелось бы обменять вот это, — и я поставил пакет на стойку.

Его глаза испытующе посмотрели на меня.

— Вы, что, принесли на продажу свою коллекцию? — спросил он иронично и тут же, как будто вспомнив, добавил: — А-а, вы, наверное, тот самый.

Я смущенно кивнул и толкнул ему свою кредитную карточку, одновременно наклоняясь и заглядывая внутрь кабины.

— Подождите минуту, — он повернулся ко мне спиной и поднял трубку телефона. Пока клерк набирал номер, я фиксировал в памяти последовательность сигналов. Я думал, что он запрашивает компьютер перед проведением операции по переводу на другой счет крупной суммы денег. Но клерк только коротко бросил: «Он здесь», — и тут же дал отбой.

— Управляющий желал бы переговорить с вами, мистер Ринг.

Салад? Меня передернуло.

Успокойся. Возможно, он только хочет убедиться, что ты не собираешься обчищать его регулярно.

Я почувствовал, как кто-то взял меня под локоть, и, повернувшись, обнаружил у себя за спиной две довольно мрачные фигуры. Не особенно церемонясь, они провели меня за кассу, а затем вниз по темному коридору.

В конце небольшого холла мягко отъехала в сторону раздвижная дверь. Внезапно хлынувший поток яркого света ослепил меня. Щурясь и моргая, я переступил порог. Сильные руки отпустили мои локти. Дверь за спиной бесшумно задвинулась, как плита, навечно закрывшая гробницу. Я постепенно начал привыкать к свету, но, хорошенько разглядев комнату, снова захлопал глазами.

Если бы Торквемада жил в наше время, он наверняка завел бы себе комнату наподобие этой… В углу аккуратно стоял механизм, похожий на тиски; по стенам были развешаны плети, кандалы и какие-то усеянные шишами и иглами предметы, вызывавшие острую боль при одном лишь взгляде на них. Диван, *как* мне показалось, представлял собой модифицированную дыбу. И посреди всего этого ужаса за невероятно обыденным черным металлическим столом спокойно восседал Салад. На столе располагался целый набор щипцов для вырывания ногтей, которые хозяин использовал в качестве пресс-папье. Я вдруг поймал себя на том, что взираю на все это с трепетным благоговением, с каким уличные коты смотрят на струнный квартет. Откуда-то из глубины сознания доносились мольбы Ярроу:

БОЖЕ, О БОЖЕ МИЛОСЕРДНЫЙ, ТОЛЬКО ВЫЗВОЛИ МЕНЯ ИЗ ЭТОЙ ЛОВУШКИ, И Я БОЛЬШЕ НИКОГДА В ЖИЗНИ НЕ ПРИКОСНУСЬ К КАРТАМ… Мне стоило больших усилий держать себя в руках.

— Рад с вами познакомиться, мистер Ринг, — наконец заговорил Салад, сознательно дав мне время хорошенько оглядеться. — Меня зовут Салад, — представился он, произнеся свое имя как Са-лах, — и я управляющий местного казино.

Мне представился удобный случай как следует рассмотреть его лицо. Такое лицо могло принадлежать человеку, способному после пары бокалов бесстрашно пойти ва-банк и выиграть. Но голос Салада — высокий и писклявый, как у придушенного кролика, — совершенно не соответствовал его мужественной внешности.

Я с трудом сдержал самоубийственное желание рассмеяться.

— Очень приятно, — выдавил я (более лицемерной лжи еще не исторгали уста человеческие). В комнате было удивительно тихо: ни музыки, ни голосов не доносилось из казино. И я готов был биться об заклад на круглую сумму, что ни один звук также никогда не вырывался отсюда наружу… Раза три или четыре я безуспешно пытался проглотить слюну. — Довольно, кх-м,

довольно оригинальные украшения, господин Салад. — Как бы мне хотелось произнести это, не запинаясь!

Он продолжал изучать меня, затем спросил:

— Какие украшения?

Я присел на ближайший стул, в глубине души надеясь, что он не утыкан гвоздями.

— Господин Салад, должен признаться, мне очень понравилось в вашем отеле; я также хочу вас заверить: то, что произошло прошлой ночью, не более чем случайности. Я и так причинил вам массу неприятностей, поэтому, право, не стоит ломать голову, как оплатить мой выигрыш. Поверьте, я не нуждаюсь в деньгах… — от напряжения я стал распадаться на составляющие. *Спокойно, Ярроу!* — твердо сказал «Этанак». — *Он просто хочет тебя запугать*… ТОГДА, ЧЕРТ ЕГО ПОБЕРИ, ЕМУ ЭТО ХОРОШО УДАЕТСЯ! Я грубо затолкал Ярроу в какой-то чулан своего мозга и плотно запер дверь.

— Что вы, мистер Ринг, — успокаивающе произнес Салад тоном, каким говорят с детьми добрые нянечки. — Наше казино честно ведет дела и всегда платит по счету. Просто меня мучает вполне простительное любопытство: как вам удалось выиграть такую крупную сумму за столь корот-

кое время? У вас есть какая-то система?

Я нервно усмехнулся.

— Боюсь, для создания системы у меня не хватит ума. Просто… когда я переберу, у меня возникает желание продемонстрировать свою способность к быстрому счету. Такое, знаете ли, бывает у некоторых помешавшихся оригиналов. УЖ Я-ТО, ТОЧНО, БОЛЬШЕ ПОМЕШАННЫЙ, ЧЕМ ОРИГИНАЛ.

— Понятно. А вот этот маленький чемоданчик, который вы носите с собой — в нем ведь нет никакой электроники, не правда ли?

Я бросил взгляд на футляр с «Этанаком», подавляя леденящий ужас. О, ГОСПОДИ, НЕУЖЕЛИ ОН ЗНАЕТ? И ОН ТОЖЕ?

— В этом? Что вы, конечно, нет. Это моя искусственная почка. — Я снова поднял глаза. Мое лицо было воплощением детской невинности. — Без нее мне не выжить.

Салад недоверчиво посмотрел на меня, но я вдруг с облегчением понял, что какие бы подозрения у него ни возникали, об истинном предназначении футляра он не знает.

— Наследственная почечная недостаточность… не первый случай в семье… отторжение имплантантов… вы понимаете? — стал я развивать

успех.

Выражение его лица не изменилось. Он сделал знак одному из моих конвоиров (они, как хищные птицы в ожидании добычи, застыли у двери) и сказал по-арабски: «Проверь!»

Громила приблизился и бесцеремонно распахнул футляр.

— Что там? — Салад угрожающе подался вперед всем телом.

Громила пожал плечами, с отвращением заглядывая под крышку:

— Кажется, то самое и есть.

Салад снова дал знак, и громила отодвинулся.

Трясущимися пальцами я защелкнул футляр. Сам по себе контейнер «Этанака» — полнейшая фальшивка, придуманная для того, чтобы сбить с толку любопытных. Современная технология позволяет разместить все компоненты «Этанака» в одной из тонких стенок футляра.

— Насколько я понимаю, если с чемоданчиком что-то случится, вы — покойник? — Салад приподнял брови и глянул на меня с видом человека, навсегда запомнившего эту мою слабость.

К несчастью, эта слабость действительно грозила трагическими последствиями, по крайней мере, для двоих из нас… Утешало одно: мне уда-

лось направить его мысли в русло, отдалявшее от решения моей загадки.

— Я надеюсь, вы не заподозрили меня в обмане…

— Конечно же, нет, — ободряюще сказал он. — Мы знаем, что выиграть такое количество игр не способен ни один шулер. У вас наверняка особый талант. Именно поэтому меня очень заинтересовала та дама, которая все время составляла вам компанию…

ТОЖЕ

МНЕ ДАМА, ХОРОШЕНЬКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ШАНТАЖИСТКИ! Я устало пожал плечами, всем своим видом пытаясь выразить крайнюю степень пресыщенности.

— Она просто пыталась увлечь меня. Для женщин ее типа деньги — лучшая приманка.

— Как и для двух мужчин вместе с ней?

Я вскочил, закипая от неподдельного возмущения.

— Присядьте, мистер Ринг, — сказал Салад.

Я сел.

— Это лишь небольшое наблюдение, — он с любопытством, словно примериваясь, затолкал свой большой палец в отверстие маленьких тисков, — нам уже все известно об этой троице,

которая пыталась вас увлечь: это подонки, которые стремятся найти вход в компьютерную сеть Коррама Хабира.

По тону Салада и выражению его лица я сразу догадался, что предположения Ханы оказались ошибочными и входа в компьютерную сеть Хабира в «Занаду» нет.

— Вы не объясните, зачем им это нужно? — и он внимательно взглянул на меня.

— Они хотят сделать «глазок».

Удивление на его лице тут же сменилось разочарованием: он явно не ожидал от меня столь легкого признания.

— А зачем им понадобилась ваша помощь?

— Гм-м… — я несколько замялся, но тут же придумал объяснение. — Я — специалист по программному обеспечению, работаю на арабских территориях. И у меня большой опыт общения с компьютерами.

ТОЛЬКО, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НУЖНО УТОЧНЯТЬ ХАРАКТЕР ОПЫТА!

— Вы, должно быть, очень жадный человек, мистер Ринг, если не сказать — неблагодарный: выиграть у нас пятьдесят тысяч серклей, а затем дать согласие каким-то проходимцам…

— Согласие! Да они шантажировали меня!..

— Чем? — он снова подался вперед, явно заинтересовавшись.

Я чувствовал себя, как одинокий мангуст, попавший в змеиное гнездо, — возможности для маневра уже не оставалось. «Этанак» один за другим начал предлагать варианты… *Мошенник? Спекулянт? Растратчик?* КТО ЖЕ, КТО?.. Я угрюмо смотрел ему в глаза.

— Будь я безгрешен, разве у них появился бы повод шантажировать меня? Кстати, — вдруг пришло мне в голову, — если вы так уверены, что им все равно своего не добиться, к чему этот разговор?

— Господин Хабир хочет выяснить, кто их направил. — Он смотрел куда-то в сторону, и я не видел блеска его глаз, холодного и пугающего… Он снова посмотрел на меня: — Вы знаете кто?

— Конечно, нет, — сказал я. — Тех, кого шантажируют, в такие детали не посвящают.

Его глаза на некоторое время присосались к моему лицу, как холодные скользкие пиявки, затем он кивнул.

— Я верю вам. Я также уверен, что вы поможете нам выяснить это, ведь так, мистер Ринг? Вы же не откажетесь помочь нам разоблачить шантажистов, не правда ли? Вы только направите их

ко мне, а уж тогда мы сами все выясним.

— Помочь? Я? — Двое громил у двери начали приближаться ко мне. — Каким образом?

— Вы расскажете им, что вход находится в моем офисе, а завтра вечером, когда вы увидите меня на одном из верхних этажей казино, вы скажете, что настал удобный момент для операции. И мы их арестуем.

Присутствие двух крепких парней у меня за спиной отнюдь не способствовало ясности мысли.

— Зачем вам это? Почему бы их просто не схватить? Зачем втягивать в это дело меня?..

Он снова улыбнулся; мне не нравилась эта его дурная привычка.

— В отличие от вас, у них есть влиятельные друзья, имеющие вес здесь, в нейтральной зоне. Мы не можем себе позволить просто схватить их: сначала нужно все тщательно подготовить. Вторжение в частное владение — со взломом — как раз то, что нужно.

А ЗАТЕМ ИХ НАЧНУТ РАСКАЛЫВАТЬ… Неужели я не найду выхода из этой дурацкой передряги…

— Подумайте, мистер Ринг. Ваша искусственная почка — очень хрупкий аппарат. У меня есть предчувствие, что если вы попытаетесь

преждевременно покинуть отель, с вами может произойти ужасное несчастье. Ужасное…

— Понимаю. — Или будут «ломать» их, или эта участь постигнет меня.

— Я рад, что нам удалось достичь взаимопонимания в таком щекотливом деле. — По крайней мере, один из нас остался доволен результатом диалога. Он прекратил играть щипцами и поднял телефонную трубку. — Сейчас я дам распоряжение о переводе денег на ваш счет, мистер Ринг…

Несмотря ни на что, я сохранил способность следить за происходящим и снова запомнил последовательность сигналов телефона. На этот раз вызов содержал больше цифр; Салад, несомненно, связывался с компьютером. Я не испытывал ни малейшей радости от того, что успешно выполнил свою задачу. Я поднялся со стула, не чуя ног, как лунатик.

Салад набрал код и повесил трубку, повернувшись ко мне:

— Спасибо за готовность сотрудничать с нами, мистер Ринг. Я уверен, господин Хабир оценит вашу добрую волю. — Он протянул мне руку.

Я чувствовал себя чересчур подавленным, чтобы удивиться, и автоматически подал свою.

Все же я люблю Ярроу. По-настоящему люблю,

он для меня как родной брат: когда кто-то ломает ему руку, я готов кричать от боли.

* * *

Когда я вернулся в номер, на туалетном столике обнаружилась короткая шифрованная записка — номер в отеле. Я предположил, что таким образом Хана приглашает меня присоединиться к ее компании, но вместо этого растянулся на кровати, засунув свою багровую руку в холодильник. Пытаясь любым способом вернуть способность трезво мыслить, я включил телевизор. Улыбающийся диктор весело заявил мне в лицо: «Что бы там ни было, а это — ваши похороны…»

БУДЬ ОНИ ПРОКЛЯТЫ СО СВОИМИ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ ШОУ! Я с яростью переключил канал и попробовал обдумать положение, в котором оказался. Но выхода не было: никто из нас троих не предложил решения, удовлетворяющего остальных. «Этанак» был непоколебимо убежден в правильности чисто логического метода путем последовательного анализа невероятного хитросплетения всевозможных вариантов; Ярроу готов был пожертвовать всем на свете ради Ханы Такаси. А

я? Я переживал смертельную обиду, возмущенный тем, что никто во всей солнечной системе, включая Хану, не хочет считаться с фактом существования Этана Ринга.

В дверь постучали.

— Войдите, — хмуро отозвался я, ожидая появления очередной банды вымогателей.

— Нет ничего глупее, чем прятаться в собственной комнате. — Это была Хана. И к тому же одна. — Что вы делаете? — спросила она, щелкнув выключателем.

НЕУЖЕЛИ УЖЕ СТЕМНЕЛО? О, ГОСПОДИ…

— Хандрю, — я неохотно принял сидячее положение.

— Ну что ж, продолжайте в том же духе, — сказала она с улыбкой, видимо, решив включиться в предложенную игру, — от этого не умирают.

О, ЖЕНЩИНА МОЕЙ МЕЧТЫ, ЕСЛИ БЫ ТЫ ТОЛЬКО ЗНАЛА!

Я представил ее в лапах маркиза де Салада. А затем представил в них самого себя… Вытянул руку из холодильника, поднес к лицу и принялся задумчиво разглядывать.

— О, Боже, что у вас с рукой, Ярроу? — она быстро пересекла комнату. В ее глазах было искреннее сочувствие, что застало меня врасплох.

— Прищемил… дверью.

— Как это ужасно, — она осторожно потрогала синяк теплыми пальцами. — Вот уж, поистине, не ваш день, верно? — И она улыбнулась своей ироничной улыбкой. Я отвел взгляд в сторону, но это не помогло: уж очень соблазнительно была расстегнута ее шелковая рубашка с рисунком в виде цветов лотоса…

— Вы не знаете даже половины правды, — я резко встал и подошел к окну. Ледяные воротники, укрывшие карнизы «Занаду», все еще таяли; падавшие капли, пролетая мимо окон, в электрическом свете на мгновение превращались в серебряные блестки, тут же исчезавшие в бездне непроницаемого мрака. — Как там Нтебе и Краус?

— Вот-вот должны подойти, — ее голос снова стал холодным и равнодушным. Она вынула из кармана портативный глушитель и поставила его на стол рядом с телефоном. — Вам удалось узнать код входа в компьютер «Занаду»?

— Кое-что я узнал. Но…

И тут я принял решение: все равно надо попытаться проникнуть в компьютер отеля.

Этим я убью сразу двух зайцев: во-первых, произведу впечатление на Хану и ее коллег, чтобы

потом при случае (если меня, конечно, прижмут к стенке) выполнить требование Салада; и во-вторых, выудить из машины какую-нибудь полезную информацию и с ее помощью попробовать спастись самому и одновременно спасти всю эту безумную компанию.

Я вытащил бутылку виски из бара и плеснул в бокал себе и ей.

— Странный вы все же человек, Майкл Ярроу…

— Этан Ринг.

— Мне все время кажется, что вы словно боретесь с самим собой, — продолжала она, стараясь заглянуть мне в глаза. — Я права?

— Вы же знаете, почему так происходит.

— Вчера в казино я обратила на вас внимание не только из-за вашей блестящей игры, — она внезапно поднялась, и мы оказались лицом к лицу.

— Расскажите мне, — вдруг спросил я, — чем занимаются профессиональные штрейкбрехеры в свободное время?

Я отлично сознавал, что несу несусветную чушь, но ничего не мог с собой поделать. Но она не обиделась и, снова сев на кровать, со вздохом сказала:

— О, мы обычно собираемся все вместе и упраж-

няемся в остроумии.

К моему счастью, в дверь опять постучали. Я открыл: на пороге стояли Краус и Нтебе.

— Мое почтение. Шантажистов просят занять места в переднем ряду, — пригласил я.

Краус с негодованием пронесся мимо меня, вслед за ним в номер ворвался Нтебе. Оба уставились на Хану, сидевшую с бокалом в руке на моей кровати. Ее затылок с уложенными в пучок волосами был обращен ко мне.

— Хватит, Хана, — ворчливо упрекнул ее Краус. — Сначала дело, а потом удовольствие.

— Боже ты мой, — заорал я во всю глотку, уже совершенно не контролируя себя, — вы все тут с ума посходили? Чего ради вы сюда приперлись: «глазок» делать или трепаться? Раз уж вы меня втянули в эту историю, хватит валять дурака! — Я сделал паузу, пытаясь вернуть самообладание.

Но прежде чем кто-либо успел возразить, я был у телефона, подсоединяя к его гнезду входной шнур «Этанака». Я решительно отбарабанил номер, который набирал Салад, а затем код. Легонько ударив себя ладонью по лбу, я молча простоял с полминуты, и дал отбой. Так, по крайней мере, все это выглядело в глазах окружающих. За это время «Этанак» успел проникнуть в

банк данных примитивного компьютера казино и высосать все его сокровенные тайны до единой, как вампир кровь из своей жертвы. Полученные данные тут же отфильтровались в моем мозгу. Как и следовало ожидать, все мои предположения полностью подтвердились, и мне оставалось только произнести заранее отрепетированную фразу:

— Ваш прогноз не оправдался. Здесь нет входа в земную компьютерную сеть Хабира. Но я нашел, где он находится.

Невероятно, но мои последние слова тоже были правдой.

— И вы думаете, мы вам поверим? — холодно спросил Краус. — Ни один человек не может так быстро проникнуть в компьютерную сеть. Вы что, нас за дураков считаете?

— Надеюсь, вы не будете добиваться ответа на этот вопрос? — сказала Хана Краусу, отпивая из бокала.

Нтебе выглядел испуганным.

— Базиль, вы имеете дело с компьютеризованным взломщиком электронных сейфов, а не обычным человеком. Если сведения, просочившиеся в открытые научные издания, верны, «Этанак-500» способен производить 500 миллиар-

дов операций в секунду. Он и создавался как раз для того, чтобы сводить с ума работников спецслужб… Так что же вы узнали? — и он посмотрел на меня безумными и обожающими глазами фанатика, слепо верящего в своего кумира.

ВСЕ ЖЕ ОНИ ПРИЗНАЛИ ВО МНЕ ЧЕЛОВЕКА!

И Этан Ринг, этот электронный Иуда, начал откровенно врать.

* * *

Вечером мы, как и положено добропорядочным туристам, степенно спустились на ужин. Я с замиранием сердца ждал, когда народ потянется в казино, и всеми силами старался отсрочить неизбежное. Видимо, я даже что-то ел, поскольку вдруг обнаружил, что сижу перед пустой тарелкой, но с шампуром, направленным точно мне в сердце. Наверное, я также участвовал в застольной беседе, но ни слова из нее не запомнил.

И все из-за того, что они приняли мою ложь за чистую монету. Они проглотили наживку и даже не поперхнулись. И сейчас они сидели со мной за одним столом, готовые по первому моему сигналу залезть в офис Салада. К тому же эти авантюристы, Бог им судья, ни на секунду не сомневались в своей правоте. Впрочем, оснований не доверять

мне у них не было: моя судьба, как им казалось, целиком зависела от них.

Мои мысли вертелись по кругу, как гоночные автомобили по кольцу автодрома. Но выход должен быть! И я обязан его найти! Но раз за разом анализируя данные, выбранные мной из компьютера казино, я его не находил. Вдохновение бежало меня…

Мы слишком далеко зашли. По моим расчетам, ни мне, ни этим «Штрейкбрехерам, Инкорпорэйтед» теперь уже не удастся выйти сухими из воды. Даже если я покаюсь перед ними и все расскажу и они в благодарность позволят мне выйти из игры, то наверняка покинуть Олимп подобру-поздорову мне уже не удастся. А если я окончательно предам их и они окажутся в руках Салада, их влиятельные друзья, несомненно, отомстят мне во что бы то ни стало. И как оценивать поведение Ханы в моем номере? То ли она играла со мной, то ли искренне искала отклика? Я не мог решить эту задачку, а если бы решил, еще неизвестно, стало бы мне от этого легче… Ведь не мог же я отвести самую умную, красивую и обаятельную женщину из живущих на двух планетах прямо на жертвенник к Молоху!

Трое мордоворотов, одинаково одетых в ка-

кие-то мешки из дерюги, проходя мимо нашего столика, явно обратили на меня внимание. Я съежился от страха, сначала приняв их за людей Салада, но вскоре до меня дошло, что ни в одном приличном казино вышибалы таким образом одеваться не станут. Краем уха я услышал, как Хана шепнула: «Овощи», — и понял, что это миссионеры из Лиги за первозданность природы — организации, снискавшей всеобщую ненависть во всех уголках галактики. Я проследил, как они дружно направились к туалету, подпрыгивая, словно бумажные кораблики, среди волн ресторанных скатертей. По резвости движений и источаемой ими энергии можно было сразу догадаться, что они только недавно прилетели с Земли и еще не успели приспособиться к сравнительно слабой марсианской гравитации.

Я снова остро ощутил близость расплаты, свою отчужденность от беспечной публики, вкушавшей радости туристического рая… Туристы. Господи! Конечно!

— Прошу прощения, — быстро сказал я, с шумом отодвигая стул и неловко вскакивая. — Мне нужно в туалет…

Удаляясь, я успел услышать очередную шпильку Крауса:

— Летит, словно видит открытые врата Грааля.

В холле я подбежал к телефону и, сунув в щель аппарата кредитную карточку, набрал номер и бросил в трубку несколько фраз. Через несколько мгновений я уже был у дверей темного дерева, ведущих в туалет…

Обычно на Марсе всегда ошиваются группы всяких чудаков, покинувших Землю. Как правило, они прекрасно ладят с местными, вероятно, потому, что здесь вполне достаточно места для всех и они никому не мешают. Но идея первозданности природы на Марсе особенно непопулярна, и миссионерам лиги частенько присваивают всякие обидные прозвища. Я прикинул, что трое крепких ребят с упрямо сжатыми челюстями (сейчас они сосредоточенно мыли руки), вероятно, приехали для поиска разоблачительных фактов и поэтому заранее настроены на неприятности. А мне остается только слегка подлить масла в огонь…

Встав перед зеркалом, я сделал вид, что поправляю галстук, и как только один из «овощей» посмотрел на меня, с возмущением заметил:

— Честное слово, парни, не понимаю, как вы можете мириться с оскорблениями и шуточками?

Они медленно повернулись ко мне:

— Что вы имеете в виду?

— Не хотелось бы провоцировать скандал, — соврал я, — но двое джентльменов за моим столом сказали, что вы… — я наклонился и прошептал ему на ухо.

— Мерзавцы, тыквы гнилые! — завопил он. И все трое ринулись обратно в зал.

…Стоя в стерильной тишине туалета, я удовлетворенно прислушивался к отдаленным звукам разгорающейся битвы.

* * *

— Всегда мечтала получить синяк под глазом, — с отсутствующим видом произнесла Хана. — С самого детства.

— Мне кажется, мы подходящая парочка, — сказал я, всматриваясь единственным открытым глазом в плотно закрытые двери нашей камеры и безмятежно улыбаясь. Она растянулась на одной койке, а я на другой в комнате раза в два меньше и раза в три менее уютной, чем мой номер в гостинице. Еще до начала драки я вызвал по телефону наряд Корпуса миротворцев Нейтральной Зоны, имевших исключительные полномочия по улаживанию всевозможных конфликтов среди туристов. Неудивительно, что тюрьма для

богатых пьяниц и драчунов мало напоминала обычную каталажку.

Правда, на этот раз она оказалась переполненной: все комнаты для задерганных были забиты воинственными постояльцами «Занаду», с удовольствием принявшими участие в побоище. Нтебе и Краус угодили в одну камеру с нами, но затем их вызвали для допроса. Я лежал и, дожидаясь их возвращения, прислушивался к шагам в коридоре. А они, вероятно, в эту минуту яростно доказывали свою невиновность.

Когда все выяснится, пусть думают обо мне все, что угодно. Моего настроения им уже ничем не испортить — своего я добился.

Дверь камеры распахнулась. Хромая, в нее ввалились Нтебе и Краус, окровавленные, но не сломленные. Они посмотрели на меня глазами убийц, и дверь у них за спиной захлопнулась.

Из предосторожности я встал с койки, Хана поднялась вслед за мной и сказала:

— Друзья, вам лучше прилечь. Мне кажется, вам это нужно больше, чем нам. — Она смотрела на них с сочувствием, и я отогнал от себя неприятную мысль о том, как может измениться выражение ее лица через минуту-другую.

Нтебе с ненавистью глядя мне в глаза, сказал:

— Ты, вонючий сын гиены! — Но тем не менее мирно прошел мимо меня и тяжело плюхнулся на койку. — Кажется, у меня глаз затек. Наверное, ничего серьезного, но вижу я неважно, — пожаловался он Хане.

— Это его проделки, — сказал Краус, указывая на меня трясущейся рукой. — Он все специально подстроил! — Краус оглядел нас, дико вращая глазами, и добавил: — А ведь я мог сказать им, кто он на самом деле! — Он повернулся и начал лупить ладонью в закрытую дверь. — Охранник! Охранник! — орал он.

— Базиль, ради Бога, пожалуйста!.. — взмолился Нтебе, кривясь. — Что же ты, право, как в чумном бараке… Воспользуйся телефоном.

— Минуточку, — решительно заявила Хана, придерживая рукой телефонную трубку и мешая Краусу. — Что здесь происходит? О чем вы говорите? Успокойся же, Базиль…

Тот сделал глубокий вдох.

— Твой призовой чудо-компьютер, пока прохлаждался в сортире, успел натравить на нас «овощей». И теперь они обвиняют нас в оскорблении личности и клевете! Что ты сказал им, Ярроу?

— Мы просто обсуждали местную флору. — Что

бы теперь ни произошло, я был спокоен: мне удалось спасти их, причем всех до единого.

С подозрительным хладнокровием Краус вдруг подошел ко мне, и пока я раздумывал, что у него на уме, эта тварь отстегнула «Этанак» от моего ремня, одновременно выдернув вилку из позвоночника.

Никогда еще контакт не прерывался так внезапно и грубо. Я зашатался, в глазах зарябили узоры сверкающих персидских ковров, и я тяжело осел прямо на пол…

…Тряся головой и моргая, я тупо смотрел на самодовольную физиономию Крауса — и рожа этого человекообразного буревестника нравилась мне не больше, чем Рингу. Он нависал надо мной с выражением злорадного торжества в глазах и сжатыми кулаками, как какой-нибудь пошленький персонаж из дешевых бульварных комиксов, и «Этанак» свисал у него через плечо, словно трофей. Я сделал слабую попытку схватить футляр, но Краус, усмехаясь, отступил назад; все остальные застыли на месте, с дурацким видом взирая на происходящее.

Я привалился спиной к стене и с отвращением вымолвил:

— Краус, почему бы тебе не засунуть свой кри-

вой хобот в собственное ухо и не вынуть через нос свои птичьи мозги?

Краус покраснел, как рак, но я по-прежнему оставался в его власти, и он это хорошо понимал. Он покрутил шнуром «Этанака» у меня перед носом и прошипел:

— Признавайся, ты специально натравил этих фанатиков, чтобы разрушить план?

Я повернулся боком и стыдливо подтянул колени к животу, чувствуя себя так, словно у меня стащили не мозги, а брюки. Под пристальным взглядом Ханы я не мог чувствовать себя иначе.

— Ладно, — сдался я, ежась и передергивая плечами, — признаюсь. А теперь можешь отдавать меня американцам.

— Не волнуйся, это мы устроим, но сначала доберемся до входа в компьютер, — сказал Нтебе.

— Но почему? — спросила его Хана, нахмурившись. — Почему он это сделал? Ведь у него наверняка была причина. Правда? Ведь была, Ярроу? — Ее голос звучал почти умоляюще.

Я улыбнулся.

— Вот сейчас вы меня называете правильно.

Краус тем временем распахнул крышку футляра и начал нахально шарить внутри рукой. Он был похож на обезьяну, ищущую банан.

— Черт побери, да перестань же ты ковыряться внутри! Между прочим, эта искусственная почка недешево стоит, — взорвался я. Признаться, мне уже надоело играть роль мерзавца, которую он отвел мне в своих романтических фантазиях.

— Действительно, прекрати, Базиль! — И Хана захлопнула крышку футляра, едва не прищемив ему пальцы. — Ну так в чем же причина? — обратилась она ко мне, поднося руку к своему подбитому глазу и снова хмурясь.

Спокойно глядя на них, я покачал головой.

— Что же вы все-таки за люди? Когда же до вас дойдет: не надо все время выкручивать мне руки, чтобы заставить работать! Разумеется, у меня была причина! — и я все рассказал им: про щипцы для ногтей, тиски для пальцев, крепкое «рукопожатие» и все остальное. — Вы должны молиться Богу, недотепы паршивые, что Ринг все так тщательно продумал, ведь Салад еще до встречи со мной знал о ваших планах.

— А если бы ты не нашел выхода, то мы бы по твоей милости оказались в руках этого изверга? — мрачно спросила Хана.

— А вы что — лучше? Да вы были готовы сделать со мной то же самое, причем вашей жизни ничто не угрожало! — я вскочил, закипая от злости. —

Ишь, борцы за справедливость! А пинать все три мои жизни, как футбольные мячи? «Штрейкбрехеры, Инкорпорэйтед» — одно слово! — Я перевел дух и продолжал: — А теперь позвольте кое-что рассказать вам о настоящей боли. Боль — это очень скверная штука, — и я помахал у них перед носом своей больной рукой. — И не важно, какой у нее источник: дубинка или электрический ток.

Боль слишком реальная штука, джентльмены. Так что в следующий раз будете знать, когда вздумаете пошутить, что значит оказаться на месте того, для кого вы эти шуточки готовите. — Я сделал несколько шагов вперед и вырвал «Этанак» из рук Крауса. Никто даже не пытался мне помешать.

Я взял шнур и начал рыться под рубашкой в поисках розетки, но Хана остановила меня.

— Ярроу, подождите… — Я ждал, глядя ей в глаза. — Почему вы обо всем не рассказали раньше? Зачем все эти хитроумные сети и двойная игра?

— Я хотел рассказать вам, мисс Удача, — сказал я, устало улыбаясь, — я очень хотел. Но при голосовании я оказался в меньшинстве. Ринг — он же почти параноик, вообще никому не доверяет, а «Этанак» — сторонник жестких методов. Так что я искренне сожалею.

Выражение лица Ханы было трудно понять.

— И вы действительно совершенно другой человек? Не Этан Ринг?

Я кивнул.

— И вам доставляет удовольствие жить такой жизнью? Чувствовать себя зависимым, угнетаемым… Неужели приятно, когда кто-то присасывается к вам, словно пиявка?

Я улыбнулся.

— Если бы я признался вам, как это приятно, то, возможно, заработал бы пощечину. В Ринге очень много от меня. Равно как и от «Этанака». Лучшее, что есть в нас обоих. Без нас его бы просто не было.

Я сунул вилку в розетку и помахал на прощание рукой…

…И помахал рукой в знак приветствия. Какое все же блаженство — осознавать себя.

— Привет, друзья. Сожалею, что наш разговор так грубо прервали, — и я посмотрел на Крауса.

— Мои извинения, — сказал он, делая вид, что действительно сожалеет. И надо признать: у него получилось правдоподобно.

— Мы все приносим извинения, — подхватила Хана. — А также благодарим вас… всех троих.

— Принимается, — ответил я с поклоном.

— Мне бы только хотелось, чтобы вы поняли: для нас эта затея — вовсе не какая-то грандиозная шуточка, мистер Ярр… Ринг, — произнес Нтебе, наклоняясь вперед и сжимая свою голову обеими руками. — Согласен, мы не имели права втягивать вас в эту историю. Но поверьте: получить «глазок» в эту компьютерную систему — для нас не детская шалость. Это все равно что прорубить окно к свободе для нашего народа. — Он снова лег на койку, прикрыв глаза рукой. — Но поскольку мы не нашли входа в компьютерную сеть, все мои рассуждения — область чистой теории…

Выражение лица Ханы и хмурый взгляд Крауса хорошо гармонировали с его пессимистической интонацией. Краус присел на другую койку, а затем со вздохом лег на нее. Хана, прислонившись спиной к стене, скорбно качала головой.

— Ну почему же «теория»? Мне известно настоящее расположение входа.

— Что? — Хана посмотрела на меня, как на самозванца. — О чем вы говорите?

— Когда я порылся в секретах компьютера казино, мне удалось узнать, куда направляется почта Коррама Хабира. И это место…

Меня прервал короткий сигнал, и дверь камеры растворилась. Корректный и вежливый вошел

Бирнбаум, страж Корпуса миротворцев; именно он и привел сюда всю нашу компанию.

— Все в порядке, мадам. Вы и ваш муж свободны. Прошу прощения за причиненные неудобства.

— Муж? — Я чуть не захлебнулся от удивления и посмотрел на Хану.

— Пойдем, дорогой, — она твердо взяла меня под локоть и потащила к двери. — Бедняга все еще не может прийти в себя, — сказала она с очаровательной улыбкой, — если он вообще когда-то был самим собой.

Краус и Нтебе привстали с коек, но Бирнбаум жестом остановил их.

— А вам придется подождать. Еще нужно разобраться: жертвы ли вы этой драки или ее зачинщики.

Хана задержалась.

— Как долго вы их продержите? Мы не собираемся бросать наших друзей в беде…

— Трудно сказать, мадам, — пожал плечами Бирнбаум, — сейчас освобождают вас, но не их. Сколько времени займет расследование, мне неизвестно. Так же, как и вы, я могу только предполагать.

И он указал нам на дверь, ведущую обратно в холодный мир.

* * *

— И что теперь? — спросила Хана, откинувшись на спинку скамьи. Мы сидели на площади, которая, как и большая часть туристического комплекса «Елисейские поля», располагалась под землей. Словно беспризорники, мы с завистью глазели на праздношатающихся туристов.

— Ну, например, я могу бросить это в воду и загадать желание, — сказал я, доставая кредитную карточку и указывая на фонтан в центре площади. В его перламутрово-жемчужных струях вспыхивали золотые шары и мерцали разноцветные яркие звезды.

— Жаль, что мы не можем вызволить Цефаса и Базиля из тюрьмы, — сказала она с чувством, ударяя кулаком по колену. — Проклятье! Если у Салада есть хоть малейшее подозрение, что ты сумел что-то обнаружить, каждая минута может оказаться последней.

— Честно говоря, пользы от твоих друзей было маловато.

Она вздохнула. Вздох получился каким-то сердитым. Закинув волосы назад, она спросила:

— Но мне-то, по крайней мере, ты можешь рассказать, где скрывается Хабир?

— Он стал монахом.

— Брось шутить.

— Я вполне серьезно. Хабир прячется в монастыре на арендуемой христианами заполярной территории в арабском секторе. Монастырь основан группой чудаков с Земли, их называют Дебре Дамо, — это малоизвестная христианская секта.

— Я слышала о них. Читала статью в журнале «Этноцентристика»... Но клянусь всеми богами на свете, представить Коррама Хабира перебирающим четки в глухом христианском монастыре... Нет, это выше моих сил! — Она испытующе смотрела на меня, все еще думая, что ее разыгрывают. — Я знаю: он любит уединение, и никто толком не понимает, что он за человек, но увидеть его в монашеской рясе — это чересчур.

— Он большой оригинал, — пожал я плечами. — Возьми хоть этот его каприз — доставка почты курьером вместо обычных каналов компьютерной связи. Я готов поставить все свои деньги до последнего цента: вход в его компьютерную систему именно там, в монастыре. Никому никогда и в голову не придет искать там.

Она опустила глаза, размышляя.

— Но они не допускают в монастырь женщин!

— Послушай, — сказал я осторожно, — ты ведь

сказала стражу Корпуса миротворцев, что я твой муж…

— Прости. Но они бы не позволили мне остаться в одной камере с тремя мужчинами, не будь я замужем хотя бы за одним из них. — Она выпрямилась, поправляя рубашку и разглаживая складки на своих брюках.

— А знаешь ли ты: стоит объявить себя замужней женщиной на арабских территориях, как брак автоматически считается зарегистрированным…

Она с подозрительностью посмотрела на меня.

— Мне казалось, это правило действует только в отношении разводов. И, кроме того, об этом нужно объявить не менее трех раз.

— Гм-м, — неуверенно произнес я, чувствуя, как почва ускользает из-под ног… — Кто вы, мисс Удача? Чем вы занимаетесь? Откуда и зачем вы приехали? И ЕЩЕ, ЗАЧЕМ МНЕ ВСЕ ЭТО НУЖНО ЗНАТЬ?

Она улыбнулась.

— Я полукровка, во мне течет японская и цыганская кровь. По профессии — этноисторик. Приехала я ниоткуда конкретно и отовсюду, если под «всем» понимать Землю. Подалась в известную вам организацию, потому что кое-ко-

му понравилась моя докторская диссертация по ритуальной магии… И, пожалуйста, для нашего общего блага, не задавайте мне того вопроса, который вы так долго готовили, Этан Ринг, — я и так уже ответила почти на все. У вас своя жизнь, а мне пора возвращаться к своей. — Ее улыбка была похожа на сломанные цветы, увядающие прямо на глазах. — Спасибо вам за помощь. Ваша тайна, я обещаю, будет сохранена. И еще раз извините за причиненное беспокойство…

— Я сделаю «глазок» для вас, — сказал я.

Мы оба с удивлением поглядели друг на друга.

— Вы действительно сделаете?

Я кивнул.

— Почему?

— А почему бы нет?.. Мой отпуск еще не кончился. А после вчерашнего вечера в «Занаду» я могу позволить себе путешествие в монастырь.

Она улыбнулась, и внезапно возникший между нами барьер рухнул.

— Спасибо. На мой вопрос ты так и не ответил. — Она внимательно следила за моим лицом, словно пытаясь разглядеть в его чертах кого-то другого.

— Но ты ведь хочешь ответа уже не совсем на тот вопрос, который задала, не правда ли?

— Нет… — она опустила глаза и некоторое время молчала. — Этан, Ярроу говорил, что доволен тобой. Это правда? Неужели у него когда-нибудь была свобода для самостоятельных решений? И как насчет компьютера?

— «Этанак» видит мир моими глазами. Я — его вход, и его это устраивает. В тонкостях реальной жизни он не силен, поэтому не претендует на первенство, если я, конечно, не начинаю теряться. Слава Богу, у него только один человек-побратим, — и я вспомнил прошлую ночь. — Что касается Ярроу и его эмоций… — я почувствовал, что покраснел до ушей. — Я кое-что расскажу тебе о Ярроу, Хана. Он хороший малый, но у него не голова, а решето, и вдобавок он несусветный лентяй. Когда к нему пришли, чтобы предложить участвовать в эксперименте, он десятый час кряду смотрел телевизор в своей каморке. Эта квартирка настолько унылая, что в ней даже самоубийство кажется скучным занятием… Не думай, что я говорю о нем за глаза. Ты когда-нибудь читала сказку о Царевне-лягушке? Так вот, если хочешь, у нас с Ярроу та же сказка. — Она слегка нахмурилась. — Когда проецируешь лучи разного цвета спектра на стену, Хана, то в месте их взаимного наложения получается третий

цвет — совершенно новый. Но если один луч прикрыть, этот новый цвет исчезнет. Мы нужны друг другу. Мы любим друг друга. И выбрали имя Ринг — кольцо — потому, что оно символ завершенности.

Она слегка коснулась моего плеча и мягко сказала:

— Майкл Ярроу — не Царевна-лягушка. А вы, несомненно, один из самых интересных людей, каких мне когда-либо приходилось встречать. — Ее губы почти касались моего уха.

— Это наблюдение — хорошее начало, — сказал я и поцеловал ее.

Мне показалось, прошла целая вечность, прежде чем мы снова вышли на улицу. Хана шепнула мне на ухо:

— Что мы теперь будем делать? Ведь все наши вещи остались там, в этом проклятом отеле.

Я снова достал кредитную карточку.

— У нас есть пятьдесят тысяч серклей.

* * *

— Ты уверен, что действительно хочешь через все это пройти? — спросила она напоследок, когда мы уже оказались в толпе нетерпеливых пассажиров с сезонными билетами, рвущихся на

посадку в рейсовый трейлер к южному полюсу. Она придержала меня за воротник куртки и облучила своим ослепительным взглядом.

Я прекрасно знал, что ей известен ответ, поэтому просто притянул ее к себе и поцеловал долгим, как расставание, поцелуем.

— Уже слишком поздно об этом спрашивать. И все же спасибо за этот вопрос. — Я высвободился и, пока еще окончательно не потерял волю, быстро пошел к машине.

— Этан… — она догнала меня и протянула руку, в которой был зажат какой-то предмет. — Возьми это с собой, — и она сунула его в карман моей куртки, скороговоркой пробормотав что-то на незнакомом мне языке. — Теперь ты каждую минуту будешь помнить, что я постоянно думаю о тебе.

Возможно, ее талисман вовсе не заставлял ее вспоминать обо мне, но то, что я постоянно думал о ней, — это уж точно. С момента нашего расставания минуло двенадцать часов, и, сидя в подпрыгивающем на ухабах вездеходе, я ощущал укрытый в толстой рукавице подарок, странным образом служивший для меня подтверждением реальности прошлой ночи, так похожей на сон. Залогом моей удачи стал узкий серебряный брас-

лет ручной работы, гладко отполированный и перевитый прядью иссиня-черных волос. Я ехал и улыбался глупой блуждающей улыбкой. Собственно, весь путь от Нового Каира до Полярного Круга прошел для меня в каком-то блаженном тумане воспоминаний. Сейчас мне вспомнилась прошлая ночь, и я покраснел от смущения, или, точнее, Ярроу зарделся стыдливым румянцем. Правда, в вездеходе стесняться было некого: Фауд, мой гид, похоже, вообще забыл о моем присутствии, а уж до моих грез наяву ему и подавно не было дела. Он сидел за рулем вездехода, полностью сосредоточившись на дороге; его волосы, щедро смазанные бриллиантином, были зачесаны вперед в форме креста — прическа, уже лет десять вышедшая из моды. Приемник трещал и плевался, извергая изуродованные эфиром национальные арабские мотивы, — «Этанак», кстати, почему-то был без ума от них, считая их изысканной и мелодичной музыкой. Я уже после года пребывания на Марсе возненавидел их лютой ненавистью и даже иногда жалел, что не оглох в детстве. Фауд выпустил пузырь жвачки и довольно улыбнулся. Он казался добродушным, да и в бюро путешествий мне отрекомендовали его наилучшим образом; правда, ко мне он от-

носился, как к блаженному. И чего греха таить, причины для этого у него были.

На всякий случай я проверил экипировку. Одет я был в утепленную куртку — герметичный костюм взять с собой мне не позволили, так как на территории Дебре Дамо все, что помогало создавать искусственную среду обитания, было запрещено. Разрешалось брать только кислородную маску, без которой даже самые неисправимые пуристы не могли обойтись. Поэтому сейчас я чувствовал себя как начинающий альпинист, забравшийся на трехкилометровую высоту.

В дороге «Этанак» проанализировал кое-какую конфиденциальную информацию о монастыре, сообщенную мне Ханой, и я разработал план бегства из Дебре Дамо на случай крайней необходимости. Принципы «естественной» жизни в монастыре соблюдались очень строго. Мне с трудом верилось, что в мире найдется хотя бы один богач, готовый по доброй воле провести в подобной тюрьме несколько дней, не говоря уже о таком эпикурейце, как Коррам Хабир.

Мне удалось разузнать еще несколько любопытных деталей, например: монахи перебрались сюда с Земли тринадцать лет назад, тогда же, когда исчез Хабир, а территория монастыря была

частной собственностью Коррама.

Вездеход на полной скорости несся по ухабам.

Я легонько похлопал по футляру с «Этанаком», таким образом подбадривая всех нас. Между прочим, пока я витал в облаках и думал о Хане, он успел проштудировать грамматику *геез* — языка монахов Дебре Дамо и провести сравнительный лингвистический анализ с арабским языком, который схож с ним по строению. Результаты его штудий тут же обнаружились у меня в памяти. Приятно чему-то учиться, не прилагая для этого особых усилий.

— А вот и он, хаджи.

Фауд называет всех «хаджи», что по смыслу соответствует чему-то среднему между «ваше преосвященство» и «господин». Он указал поверх приборной доски на чернеющее за лобовым стеклом дно кратера.

Я стал внимательно разглядывать местность, надеясь отыскать какую-нибудь одинокую неприступную вершину, гордо вздымающуюся на горизонте, поскольку Дебре Дамо на геез означает «Священная гора», и основатели секты на Земле избрали своей обителью один из горных пиков. Однако вместо горы я увидел стену узкого и глубокого каньона, отвесно уходящую вниз. Сам

каньон казался словно вырубленным гигантским топором посреди необъятной равнины.

— Славное местечко! — Фауд улыбнулся мне с той добродушной снисходительностью, которую обычно считают единственно возможной формой общения с душевнобольными… Вот мы и прибыли, хаджи. Монастырь на самом дне разлома, — сказал он невозмутимо, а я с замиранием сердца следил, как наш вездеход со скоростью десять метров в секунду несся к краю обрыва. Я уже начал подозревать водителя в склонности к суициду. Но в последнюю секунду Фауд вспомнил о тормозах, и мы замерли над бездной в клубах густой пыли.

Через лобовое стекло ничего уже нельзя было разглядеть. Надев шлемы и кислородные маски, мы выбрались из кабины, и тут я заметил, что нас встречают.

Поначалу я принял человека, закутанного в запыленную сутану из грубого сукна, за вылепленную из грязи скульптуру. И только когда клубы пыли понемногу рассеялись, я увидел монаха, вероятно, посланного святыми братьями встречать гостей.

Мы приблизились: за его спиной зловеще зияла источающая странное сияние пропасть. Что

это было? Божественный свет? Несмотря на мое скептическое отношение к внешним эффектам, я не мог не признать: зрелище потрясало.

Фауд и монах обменялись приветствиями на геез. Я прислушивался к их разговору, привыкая к звучанию непривычной речи и одновременно стараясь всеми силами убедить себя, что мне не грозит скорая смерть от удушья. Когда атмосферное давление меньше земного в десять раз, то, даже напялив кислородную маску, чувствуешь, что жить тебе осталось недолго. Фауд представил мне монаха — его имя можно было перевести как Брат Процветание — я же в ответ что-то любезно промычал. А потом они почему-то заговорили о деньгах… ПОЧЕМУ?

— Хаджи, он говорит: спуститься вниз к монастырю стоит два серкля.

— Два серкля? В этих местах? Вам не кажется, что уважаемый Брат хватил через край? — НЕ УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО ЕГО НАЗЫВАЮТ «БРАТ ПРОЦВЕТАНИЕ»!

Фауд пожал плечами.

— Так он оценивает свою работу, а уж наше дело, соглашаться или нет. На Земле они на протяжении сотен лет сами зарабатывали себе на жизнь.

Недовольно поморщившись, я порылся в боковом кармане рюкзака и извлек оттуда пару купюр.

— Вот, возьмите и заплатите ему.

Оба кивнули.

— Хорошо, хаджи, на следующей неделе я вернусь, — весело сказал Фауд, спеша к своему вездеходу. — Желаю вам приятно провести время, — он говорил так, словно мой приезд был продиктован исключительно желанием отдохнуть.

Дверца захлопнулась, и он включил двигатель. Вездеход попятился назад, развернулся и запрыгал на ухабах, будто ему было невтерпеж поскорее вернуться в цивилизацию.

ИМ СЛЕДОВАЛО БЫ НАЗВАТЬ ЭТО МЕСТО СВЯЩЕННОЙ ДЫРОЙ… Я повернулся лицом к светящейся чаше каньона, а Брат Процветание вручил мне кожаную сбрую. Я сначала посмотрел на него, потом на сбрую, и у меня внутри все похолодело не меньше, чем снаружи. Над краем пропасти нависала странная конструкция, представлявшая собой нагромождение гигантских колес и блоков, довольно ветхих на вид. ГОСПОДИ, ЧТО МЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕМ?

— Фауд! — заорал я, поворачиваясь и разма-

хивая постромками. Но на месте, где только что стоял вездеход, клубилось лишь облако серой пыли, и мой отчаянный вопль безвозвратно растаял в разреженном воздухе. Моя рука тяжело повисла, словно внезапно налившись свинцом, а дыхание стало неровным и прерывистым, как у астматика.

Смирившись с неизбежным, я подошел к краю скалы и заглянул вниз, чтобы оценить предстоявшее испытание.

— А-а-а, — только и мог вымолвить я и отпрянул с зажмуренными глазами. — Аллах Акбар! — выговорил я наконец. Мне, наверное, никогда не удастся привыкнуть к грандиозности марсианского пейзажа, который мать-природа щедро одарила самыми неожиданными чудесами.

Разлом был четыре километра в ширину и около двух в глубину. Но поражало не это — его стены казались отшлифованными. Здесь явно поработали фантазия и руки человека. Собственно, до зеркального блеска были отполированы только верхняя половина ближайшей стены и нижняя противоположной, что, как я догадался, делалось для фокусировки солнечных лучей к центру низины, то есть стены, по сути, служили аккумуляторами световой энергии в летние дни.

И только одно обстоятельство печалило меня: другого способа спуститься по отвесной скале с головокружительной высоты не существовало… Обреченно я еще раз осмотрел потертую сбрую. Оставалось выбирать: или положиться на допотопную технику, или мерзнуть на этой ледяной равнине, постепенно превращаясь в мороженое.

Монах невозмутимо наблюдал за моими терзаниями. Я начал покорно надевать сбрую…

Во время спуска по горячей и ослепительно сияющей каменной глади мне в голову пришла только одна трезвая мысль: я поблагодарил Бога за то, что не пожалел отдать монаху два серкля.

Сразу же за гранью полированной поверхности начиналась естественная шероховатая стена каньона, испещренная трещинами и изобилующая острыми выступами. Я начал постепенно приходить в себя после истерики, пережитой по милости Ярроу, и уже увереннее нащупывал все еще дрожащими ногами специально проложенный, как на «русских горках», желоб.

Когда мы подошли к монастырю, в каньоне уже царила кромешная мгла, а я был так измотан, что не постеснялся бы на коленях молить об убежище.

Меня, как блудного сына, заключили в пере-

ходный отсек: под куполом, закрывавшим весь монастырь, не поддерживалось повышенное давление, но кислорода было с избытком. При свечах монахи провели меня через какое-то большое и вонючее, как хлев, помещение. И прежде чем затолкать на ночлег в крошечную хижину, дали мне миску удивительно приятной теплой каши. Всю ночь мне снились очень странные сны…

* * *

Ранним сумеречным утром Ярроу проснулся от колокольного звона и громких молитв и сначала никак не мог сообразить, что же с нами произошло. После того, как совместными усилиями мы это вспомнили, я лежал в зябкой полутьме, закутанный в грубые одеяла, и теперь уже пытался сообразить, какого рожна мне вообще понадобилось в этом проклятом месте. Я прекрасно понимал абсурдность своего нынешнего положения. Я затеял все это ради Ханы, полуцыганки-полуяпонки, этноисторика, причем специалиста по так называемой примитивной ритуальной магии. Заклинания, ведовство — и любовные чары? Как она тогда сказала? «Теперь ты будешь вспоминать обо мне…» Может быть, меня околдовали?

Я нащупал кресло и зажег свечу, вспыхнувшую в перенасыщенном кислородом воздухе ярко и торжественно. Что же со мной происходит? Какой-то возврат в мрачное средневековье! Уже давно доказано наукой, что обрезанные волосы и ногти не имеют никакой магической силы. Все волшебство заключается в силе самовнушения. Если я оказался в этой глупейшей смехотворной ситуации не по собственной воле, то грош мне цена!

Когда запоздалое осеннее солнце заглянуло в каньон, я уже успел с помощью «Этанака» составить подробнейшую карту всего, что находилось под куполом. Планировка монастыря оказалась запутаннее, чем я ожидал: городок представлял собой сложный лабиринт, в котором тысячи круглых каменных хижин рассекались на сегменты жутковатыми узкими переулками. То, что я в потемках принял за хлев (по запаху), на самом деле оказалось главной площадью, оккупированной бесчисленным выводком цыплят, разгуливавших по ней совершенно свободно. По одну сторону площади стоял собор — высокое трехэтажное строение в форме четырехугольника, возвышавшееся над толпой домишек-лилипутов, как Гулливер. Каменные стены собора явно

дисгармонировали со стальными перекрытиями, поддерживавшими его верхние этажи. Металлические конструкции в сравнении со всем старомодным обликом монастыря выглядели словно дирижабли, окруженные птеродактилями. Я чуть не раздавил одного из цыплят. Особенно меня удивили деревянные насесты: одному Богу известно, где монахи ухитрились раздобыть дерево на Марсе…

По-моему, основатели монастыря представляли прогрессивное крыло секты, так как уже тем, что покинули Землю, сделали доброе дело. Правда, было бы любопытно выяснить, оставалась ли у монахов возможность выбора…

Но самое занятное: я не заметил никаких признаков присутствия в монастыре единоличного владыки транснациональной Империи, избравшего это захолустье местом своей тайной резиденции. Я не обнаружил ни пресловутых личных поваров, колдующих над изысканнейшими деликатесами, маскируя их среди горшков с вегетарианской похлебкой, ни скрытых телеэкранов между скучными фресками, изображавшими крылатые существа, ни вмонтированных в стены водопроводных труб с горячей водой.

Я пристально вглядывался в глаза монахов,

но, понятно, не мог обнаружить Хабира среди шерстяных сутан и отрешенных лиц.

Возвращаясь в свою хижину после вечерней молитвы, я случайно подслушал разговор трех монахов, обсуждавших ожидаемый приезд еще одного посетителя, который, как я понял из их слов, наведывался в монастырь регулярно. Причем, могу поклясться, кто-то из них произнес слово «вертолет».

Собственно, это все, что я понял из беседы. Полученной информации явно было недостаточно. Это плохо, поскольку мне уже сейчас нечем было себя занять, хотя моя уверенность в том, что компьютер «Занаду» не лгал, и Хабир находится здесь, ни на секунду не поколебалась.

Но не мог же легендарный мультимиллионер быть невидимкой! Я думал о Хане и о том, что после всех треволнений буду вынужден ее разочаровать. И снова думал о Хане, и долго лежал без сна в темноте на жестком тюфяке, мучимый тревогой и сомнениями.

* * *

Но, как говорится, нет худа без добра. Если бы не бессонница, я наверняка не почувствовал бы едва ощутимую вибрацию, сопровождавшую

снижение вертолета, и не расслышал бы тихий шум двигателя. Я вскочил и выглянул в дверь своего домика. Поскольку он находился неподалеку от стенки купола, за прозрачной изолирующей оболочкой, мне удалось разглядеть посадочные огни снижавшейся машины, многократно отраженные гладкими стенами каньона, а затем и уродливый силуэт двухвинтового тупоносого марсианского вертолета. Вертолеты на Марсе — редкое зрелище, а посадить машину на дно каньона и при низком атмосферном давлении — вовсе не шуточное дело… Потом я увидел одинокую фигуру человека в герметичном защитном костюме, двигавшуюся по направлению к монастырю. Посетитель явно обладал привилегиями, в отличие от простых смертных.

Я спешно оделся и стал торопливо пробираться по лабиринту переулков к центральной площади. К счастью, монахи не имели обыкновения молиться по ночам, и по пути я ни на кого не наткнулся. Я добрался до площади, не только сумев сохранить в целости ноги, но и поспев как раз в тот момент, когда гость в сопровождении двух монахов, несших свечи, прошел в собор. Это было единственное здание монастыря, которое мне не удалось осмотреть, так как вход в собор

разрешался только монахам.

Запрет посещать собор явно не был случайным, и я не решился нарушить его. А Хабир? Может быть, этот таинственный полночный гость — именно он? А сам монастырь — одно из конспиративных мест, куда он приезжает только за почтой? Или, может быть, именно здесь его компьютер?

Я притаился за выступом стены, дожидаясь, когда же он наконец закончит свои дела, и я смогу приступить к своим… Но ждал я напрасно и мерз тоже зря. Несомненно, монахи имели под куполом солнечные батареи, отдававшие накопленную за день энергию для обогрева территории Дебре Дамо, иначе святые братья просто не дожили бы до утра. Правда, как я ощутил на себе, обогрев мог бы быть менее формальным…

И все же мое терпение было вознаграждено: человек в защитном костюме и его свита, освещенные зыбким пламенем свечей, показались из дверей собора и пересекли площадь. Но пошли они не по направлению к переходному отсеку. Вероятно, Хабир еще не успел ознакомиться с почтой. Что делать? Не лучше ли поберечь здоровье и отправиться спать, дав ему спокойно уехать, думал я. К тому же ночь становилась все

холоднее, а сколько времени пришлось бы его дожидаться, было известно одному Богу.

Поэтому я вышел на площадь, освещенную мутным светом двух марсианских лун, и, отбрасывая в разные стороны бледные тени, мелкими шажками перебежал ее. Цыплята на насестах обратили на меня не больше внимания, чем на Хабира. Похоже, от холода они впали в кому. Я переступил порог собора и беспрепятственно прошел внутрь, освещая путь маленьким, размером с авторучку фонариком, который я предусмотрительно припрятал в футляре «Этанака». На всякий случай я нащупал рукой серебряный браслет Ханы. НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ, МИСС УДАЧА!

При свете фонарика я прошел через часовню, где молился сегодня вечером, и приблизился к занавешенной двери в противоположной стене. Я долго колебался, боясь нарушить запрет и совершить святотатство — то, что монахи не возражали против присутствия Хабира в их святилище, вовсе не означало, что они спокойно отнесутся и к моему непрошеному вторжению.

Я распахнул шторы и переступил порог. Обведя лучом фонарика помещение, я разглядел пыльные манускрипты на столах, искусно выкованные металлические кресты, фрески с ликами

святых на стенах и плоский экран между ними. Плоский экран?! Я снова осветил его фонарем.

То, что я искал, находилось здесь. На шероховатой голой стене в противоположной части комнаты висел прямоугольный экран, словно ждущий собеседника, а под ним аккуратная консоль с клавиатурой и единственный стул — вход в компьютерную сеть. Передо мной, беззащитная и ничего не подозревающая, дремала могучая Империя Коррама Хабира…

Некоторое время я стоял, неторопливо разминая замерзшие пальцы. Меня обуревали самые смелые и необузданные фантазии. Я сел за пульт и приступил к работе.

В неестественном свечении индикаторов глаза святых на стенах словно ожили. Я подсоединил входное устройство «Этанака» к консоли и, как посетитель музея, ведомый за руку опытным экскурсоводом, отправился вместе с ним в захватывающее путешествие по коридорам и закоулкам грандиозного электронного разума. «Этанак» начал для пробы вводить незначительные данные, чтобы включить систему защиты компьютера и получить точное представление о функционировании всей сети. Я почувствовал, как защита включилась и вступила в игру. Теперь

я трепетал от возбуждения, как честолюбивый провинциал, впервые получивший приглашение на великосветский бал.

Но это было только начало пути, впереди меня ждало еще немало препятствий и головоломок. Уже с первых шагов становилось ясно, что нам противостояла, вероятно, самая большая и самая сложная компьютерная сеть в мире — бесчисленное множество программ внутри других программ, словно заключенные одна в другую сферы в китайских шарах из слоновой кости; запутанная иерархическая лестница подсистем, систем, их комплексов — целый пантеон странных таинственных богов.

Интересно, окажись я в действительности составной частью этой сети, смог бы я понять хотя бы ее незначительную структурную составляющую, а потом интегрировать эту структурную единицу в самого себя?

Нет, сейчас не время думать об этом. Я нахожусь здесь для того, чтобы ввести в сеть специфическую подсистему и вмонтировать с ее помощью «глазок» в главную сеть, поэтому не имею права тратить время попусту. Этим я только взбудоражу защиту компьютера, а моя задача — не сражаться с ней, а попытаться обхит-

рить. По сути, все образование «Этанака» было ориентировано на умение незаметно проникать в электронные системы, не поднимая при этом тревоги и обходя расставленные на пути электронные волчьи ямы и капканы.

Всем своим существом я чувствовал колоссальное напряжение своего электронного собрата: он отсеивал лишнее, нащупывал, отступал и вновь возвращался обратно, отыскивая слабину, самый ничтожный изъян, — так скалолаз ищет выемку в камне, чтобы перейти с одного уступа на другой, чуть-чуть продвинуться вперед, подтянуться еще выше. Мне вспомнился старомодный компьютер «Занаду» — забраться в него было так же просто, как открыть дверцу стола; проникнуть же в эту сеть значило вскрыть мощный сейф. На каждую успешную операцию приходилась тысяча неудач, но «Этанак» не отступал, делая попытку за попыткой с немыслимой, непостижимой скоростью. Бессознательный, сверхчувствительный анализ машины порождал у меня необычные эмоции. Он опережал мысль, но то, что совершалось вокруг, совершалось мною. Так теннисист инстинктивно отбивает стремительно летящий мяч. Время теряло форму, мир растекался вязкой патокой. Это было нечто вроде нового способа медитации —

дзен-буддизм и искусство компьютерной логики, слившиеся воедино для постижения неведомого.

Успешный прорыв в эту сложнейшую компьютерную сеть, возможно, станет моим величайшим достижением, самым важным событием моей жизни. Я уже обнаружил, что, пытаясь проникнуть в компьютер через этот вход, я выбрал наиболее сложный путь. Да и сам компьютер должен был находиться где-то на Марсе — не исключено, что именно в этой комнате: при прохождении сигналов не наблюдалось ни малейшего временного запаздывания. Если бы механические части системы размещались на Земле, я бы получил определенное преимущество, имея дело только с периферийными нервами, действуя как врач, проверяющий рефлексы в коленном суставе, а не всю центральную нервную систему. Это временное запаздывание позволило бы мне легко обходить ловушки защитного механизма сети.

Но на практике все происходило наоборот, а это могло означать одно — «Этанак» столкнулся с серьезным вызовом, и на карту была поставлена его честь. Я непроизвольно отметил, что по иронии судьбы «Этанак» сейчас решал именно ту задачу, для выполнения которой и был создан.

Эта система оказалась не только самой слож-

ной из всех, с которыми мне прежде приходилось сталкиваться, но и самой странной. Она словно была спрограммирована мною самим. Нет, я не страдаю манией величия. Могу ручаться: во всей солнечной системе не найдется человека, лучше меня умеющего искать и устранять компьютерные вирусы, но вот в программировании я полный профан. Я просто не приспособлен для выполнения этой в общем-то стандартной работы — я сразу же углубляюсь и ухожу к корням машинного языка. То есть, если уж я создам программу, то никому другому попросту не хватит жизни, чтобы распутать все узелки и докопаться до сути.

Может быть, подобная программа была продиктована соображениями безопасности: в банке данных ничто не находилось на своем месте, а самое главное было погребено под грудами малозначимой информации. Разбираясь в блоке памяти этого компьютерного мозга, ты словно оказывался на чердаке заброшенного дома, заваленного до самого потолка старыми газетами, журналами и другими ненужными вещами. И вынужден был рыться в этом мусоре, чтобы отыскать погребенную под ним потайную дверь в кладовую, где хозяин держал ключ к сундуку с

драгоценностями.

И вдруг, к своему восторгу, я понял, что нахожусь в шаге от цели. Я уже несколько раз натыкался на явные ошибки в системе, но не реагировал на них именно из-за их очевидности. Но сейчас я обнаружил несоответствие принципиального свойства, непоследовательность, причина которой не была случайной — и я мог использовать эту слабость для поиска закономерности в ошибках программиста этой компьютерной сети.

Знание закономерности опустит передо мной подъемный мост, ведущий в святая святых, к тайнику Благородного Программиста, и я войду в него… Но, Боже, какое несчастье! Оставалось *всего полшага — и вдруг цепи заклинило,* мост рухнул и грозные стражи уже движутся мне навстречу с алебардами наперевес… Я задел колокол, подавший сигнал тревоги. Я обеими ногами попался в капкан, и теперь оставалось только ждать своей участи.

— Кто ты? — с недоумением спросил властный голос.

ГОСПОДИ, КАЖЕТСЯ, Я СХОЖУ С УМА? Оглушенный, я замотал головой, как испуганное животное. ЧТО Я СЛЫШУ?

— Ты попался, Этан Ринг. Я ждал тебя.

НЕБЕСНЫЕ ГОЛОСА! Теперь я понял, что некогда происходило с Жанной Д'Арк.

— Скажи мне, что тебе нужно?

Сначала я подумал, что ненароком породил еще одного монстра, каким-то чудесным образом вдохнув жизнь и в эту систему. Но откуда тогда взялись голоса? Даже «Этанак» первые несколько часов своего существования имел только зачатки разума и был нем, как рыба.

— К-К-КТО ТЫ? — неуверенно, запинаясь, придал я звучание своей мысли.

— Я — Коррам Хабир.

Вот, оказывается, в чем дело: компьютер просто сошел с ума, вообразив себя своим создателем! Или же?.. Но разве это возможно, разве такое может быть? Неужели эта до умопомрачения запутанная система обладала чувствительностью человека; неужели кому-то удалось добиться невозможного: ввести разум, личность человека в компьютерную программу?

— Именно так, — ответил мне голос в моем мозгу. Телепатическая речь воспринималась мною как легкая щекотка, раздражавшая гортань и возбуждавшая голосовые связки.

Наконец я смогу рассеять все эти дурацкие

слухи. Коррам Хабир не одряхлел и не умер. Он жил — и жил не где-нибудь, а в компьютере. Он в буквальном смысле слова перестал быть человеком, он ушел из мира, покинул свое бренное тело, найдя новое, самое неожиданное и удобное вместилище для своего разума. В то время, как его телесная оболочка…

Все так! Но если Коррам Хабир здесь, то кто же тогда этот сегодняшний ночной посетитель?

Не успел я об этом подумать, как за моей спиной прозвучало:

— Какой приятный сюрприз, мистер Ринг.

Никогда бы не поверил, что мне когда-нибудь придется с таким трудом поворачивать голову. А все потому, что я знал наверняка: этот писк придушенного кролика мог издать только один человек… Я повернул голову и посмотрел на него. О, Боже, как мне хотелось ошибиться! Но Салад стоял в другом конце комнаты со шлемом в руках, его лысая голова блестела, и такой же самодовольный блеск был в его глазах.

Я вскочил со стула, пытаясь выдернуть переходник «Этанака» из разъема. Но он не поддавался: Хабир намертво заблокировал его в консоли. Я стоял и растерянно дергал шнур, как мальчишка, забравшийся на забор к соседу за яблоками и

случайно защемивший палец.

Салад молча, с циничным вожделением посмотрел на меня, а затем вытащил пистолет.

— Я знаю, что вы можете подумать, застав меня здесь. Но, поверьте, я только… на самом деле я…

Пистолет выстрелил один раз, почти бесшумно, и что-то тяжелое, как невидимый топор, ударило меня по колену. Я свалился на стул с криком, в ужасе хватаясь за ногу.

— Очень рад, что здесь оказались именно вы, мистер Ринг, — произнес Салад в свойственной ему вкрадчивой манере. — И именно после того, как бессовестно нарушили наше соглашение. После того, как причинили столько неудобств нашим постояльцам. После того, как сбежали, не заплатив за ущерб… — его лицо расплылось в улыбке, сделавшей бы честь галантному маньяку-убийце. — Пришло время платить, мистер Ринг. Потому что господину Хабиру все еще интересно знать, кто вас нанял. А я собираюсь заставить вас это рассказать. Но прошу вас, не сознавайтесь сразу: это испортит удовольствие. А ваше положение, кстати, все равно не улучшит.

— О, Господи милосердный, — застонал я; голова моя кружилась, мысли путались. — Хабир, ты же не хочешь почувствовать то, что он со мной

сейчас сделает? Останови его, или все то же самое испытаешь и ты! — Не знаю, откуда пришло вдохновение, наверное, свыше!

Экран передо мной вспыхнул десятисантиметровыми буквами: «Салад, остановись!»

Салад опустил пистолет, его глаза расширились и тут же снова сузились.

— Это твои проделки. Ты давишь на него!

— Ничего подобного! — Боже, как же тяжело кричать через сжатые зубы.

«Салад, — на экране появились другие буквы, помельче. — Это — Хабир, — ниже отпечатался цифровой код. — Я хочу сам допросить этого человека. По-своему. Ты не смеешь прикасаться к нему, пока я не прикажу. Понял?»

— Но, господин, вы же сказали… — Салад все ниже опускал ствол пистолета. Он выглядел растерянным. — Понял, господин.

Включая и то, что он читает мои мысли…

— Итак, ты рассчитываешь на мое снисхождение, Этан Ринг? — Его телепатические сигналы со скоростью мысли преобразовались в моем мозгу в обычные слова; экран же оставался темным.

— Да, мистер Хабир, — с рвением мысленно ответил я. Если бы мои мысли могли дрожать, как живой голос, они бы дрожали.

— Очень, очень много времени прошло с тех пор, когда я в последний раз чувствовал боль, Ринг. Я уже успел забыть, как она была неприятна…

— Не только вам, господин. — Я посмотрел на свою пропитавшуюся кровью штанину и подумал: не дай Бог, ему еще захочется вспомнить, как чувствует себя тяжелобольной или умирающий. «Этанак», — взмолился я, — помоги мне! Я ощутил легкое жужжание где-то под черепом: «Этанак» снижал восприимчивость болевых рецептов мозга. Уф-ф-ф, моя голова наконец прояснилась. Очень хорошо!

— Вернемся же к моему первому вопросу, Ринг. Вы так и не ответили на него. Что вы здесь делаете? И кто вы — человек или машина? Мне раньше не приходилось иметь дела ни с кем похожим на вас. Я даже не знал, что такие существа вообще есть в природе.

Я сразу понял, что логика и эмоциональная реакция Хабира соответствуют стереотипам арабского образа мышления. И тут же постарался перейти в ту же тональность. Я заискивающе произнес:

— Взаимно, взаимно, господин! Мне также не приходилось сталкиваться ни с чем подобным…

Кто я? В комнате находится человек, к компьютеру подключена машина, а их разум принадлежит обоим. — И я привел ему свою аналогию с наложением трех цветов.

— Полный симбиоз? Как этого удалось добиться? Кто сумел сделать вас таким? Расскажите мне о себе.

И я всем своим существом ощутил острую потребность излить душу.

— Все началось около года назад... — мысленно сказал я и уже во второй раз за последние два дня отправился в путешествие по тайным закоулкам памяти, повинуясь требованию существа, которому я не мог отказать. — ...И тогда я нелегально прибыл на Марс; работаю здесь на арабских территориях уже около года, занимаясь обслуживанием компьютеров.

Естественно, чем же тебе еще заниматься, — заметил Хабир. Я готов поклясться, что до меня дошел даже его ироничный смешок! — А теперь расскажи, каким образом тебе удалось слиться с машиной.

Я заблокировал блок памяти статическим разрядом, прежде чем он успел что-то понять.

— Прошу прощения, господин. Эти сведения — секретные.

— Я могу заставить тебя рассказать. Или, может быть, попросить Салада?..

— О, нет… — я бросил взгляд на сияющий череп Салада, ждущего своей жертвы, как хищная птица, и у меня внутри все снова похолодело.

— Не трусь, Ринг. Ты слишком интересен для меня, чтобы заслужить строгое наказание по такому ничтожному поводу. Особенно после того, как ты уже пытался сделать со мной значительно худшую вещь и потерпел неудачу.

После его слов мой страх сначала на минуту сменился облегчением, но потом снова возникла тревога. Я проиграл, и «Этанак» тоже потерпел поражение. Эта система была нам не по зубам. Интересно, смог бы «Этанак» победить ее в союзе с более развитым человеческим интеллектом, чем мой…

Я чувствовал себя растерянным и опустошенным. Что-то теплое и липкое скапливалось в моем правом ботинке.

— Спасибо, господин, — сказал я.

— Ты нравишься мне, Ринг. И я завидую тебе.

— Почему?

— Да, завидую. У тебя есть то, что мне недоступно. Например, чувства. У меня нет зрения. Я не слышу, не осязаю, не могу ощущать запах,

вкус. Мое тело мертво. И только теперь, когда я смог воспользоваться твоим телом, я впервые за тринадцать лет вновь почувствовал себя живым. Приблизился к реальной жизни. Слава Аллаху! Ты даже не знаешь, что значит для меня встретить тебя, просто узнать, что такое возможно. Но ты — единственный…

— Да, насколько мне известно.

— Но ведь и я единственный. Я Коррам Хабир. Вечный Хабир. Я правлю Империей… но не могу насладиться своим богатством. Не могу даже увидеть свой «Занаду».

— Почему же? Почему же вы… сделали это с собой? Многие как раз считают, что вы пресытились жизнью…

— Жизненная сила по капле вытекала из меня. Я притворился отшельником, чтобы подготовить почву для своей трансформации — и она оказалась успешной. Только Корраму Хабиру под силу стать тем, кем он стал. И теперь я управляю Империей таким способом, который еще ни одному правителю до меня не приходил в голову!

Я едва справлялся с напором гигантской волны непомерного честолюбия. И эта волна пыталась поглотить меня так же, как до этого поглотила шестую часть человечества.

— Но ты никогда больше не увидишь дождя, не насладишься вкусом вина, не будешь ласкать красивых женщин и не ощутишь их ласки! — Я почувствовал, как волна ослабела и отступила. Я нащупал браслет на своей руке и откинулся на спинку стула.

О, Хана, пожалуйста, подумай о своем бедном Этане… Я вдруг вспомнил, что Хабир видит все мои мысли, как театральный зритель наблюдает за действием на сцене, и решил не перевозбуждать его созерцанием эротических сцен, переключившись на другой предмет.

Почему-то мне становилось все труднее на чем-либо сосредоточиться. Может быть, и в этом была повинна Хана?

— Хана? — эмоции Хабира снова хлынули в мой мозг, его давление становилось нестерпимым, и я готов был закричать… или этого хотел не я, а он? Мне и раньше приходилось передавать свои эмоции компьютеру, но обратная связь никогда не была столь полной, так что я не мог отличить чужих мыслей от своих собственных.

Происходившее уже не было игрой, когда принято притворяться и блефовать. И Хабир не вел себя как шулер, хладнокровно манипулирующий моим сознанием. Он был просто одиноким

стариком, заключенным в машину, как в дом престарелых, и теперь отчаянно искавшим любую ниточку к реальному миру.

Внезапно мне стало его очень жалко, мне даже захотелось показать ему Хану, нашу первую встречу с Ханой, свидание в тусклом призрачном подземелье, а затем в Павлиньей гостиной «Занаду». Вспомнить, как мы сидели рядом, ели, пили вино, наслаждаясь мелодичным перестуком дождя…

Молчи, уйди, забудь…
И возвращайся снова
В полночный час… когда-нибудь…
Не проронив ни слова.

— Ринг! С тобой все в порядке?

Ох-х-х! Я очнулся, лежа лицом на клавиатуре компьютера, и не мог вспомнить, что со мной случилось.

— О-о, простите. — Я выпрямился, оттолкнувшись от консоли ватными руками, и снова откинулся на спинку стула.

— Что с тобой? — в его озабоченности звучали гнев и страх.

Моя левая штанина ниже колена насквозь пропиталась кровью.

— Мне кажется… я дал течь. — Эта не очень уместная шутка так меня самого насмешила, что я принялся хохотать. ЭТО НЕ СМЕШНО! НЕ СМЕШНО! И мне действительно вдруг стало не до смеха, мне уже не хотелось сидеть сложа руки и предаваться сладким воспоминаниям, потихоньку истекая кровью.

— Прости меня, Ринг. Я не думал, что так произойдет… Я не хотел этого. Ты так много для меня значишь…

Бедный старик, думал я, слабея, несчастный Коррам Хабир, бедняга, тебе хочется того же, что и мне… чего мы все хотим… чего хотят они… свободы, это все, что им надо: права жить так, как им хочется… ласкать друг друга… смотреть на дождь… Но ты не даешь того, что им нужно… и сам не имеешь этого.

Зачем тебе это, бедный старик? Как тебе, должно быть, тяжело здесь…

Со слезами на глазах я потрогал пустой экран, уныло взиравший на меня своей единственной слепой глазницей, и оставил кровавую полосу на его гладкой поверхности. Я был весь переполнен скорбью и жалостью, не зная и не желая знать, кто из нас двоих испытывал их.

— Прекрати, Ринг! Ради Бога, перестань, — его

мысль отдалась во мне, как пощечина.

Я словно очнулся ото сна и глубоко вздохнул.

— Что тебе нужно от меня? Зачем ты сюда пришел?

— «Глазок», — подумав я, — я хочу сделать в твоей системе «глазок» для… — я старался не вспоминать о них, — …людей, которые хотят быть свободными.

— Хорошо. Я понял. Делай.

— Что?

— Я не буду тебе мешать.

Я не мог поверить собственным ушам, точнее — мыслям.

— Но почему?

— Потому что ты пожалел меня, Ринг. Все готовы жалеть только людей, угнетенных тираном. Но очень немногие способны понять, чего это стоит ему самому. Ты жалеешь нас всех… и за это я перед тобой в долгу. Ты почти заставил меня поверить в то, что благородные побуждения заслуживают награды. — Он будто весь подался назад: так прячет голову в свой Панцирь измученная черепаха. — Но я все же деловой человек, Ринг. Поэтому я предлагаю тебе сделку. Ты единственный человек во всей солнечной системе, который может дать мне то, чего хочу я. А я хочу

видеть твоими глазами, хочу знать, что ты за человек. «Глазок» будет открыт до тех пор, пока ты будешь приходить сюда раз в месяц и помогать мне видеть мир.

Неимоверным усилием воли я сфокусировал внимание на его словах.

— Согласен! По рукам! Я вернусь, если когда-нибудь… я смогу выбраться отсюда живым…

— Я верю. Делай свой «глазок». Я не буду мешать.

И система дала отбой защите, покорно подняла руки и опустила подъемные мосты. «Этанак» внес нужные изменения в сеть, прежде чем я успел об этом подумать.

— Прощай, Ринг. Точнее, до свидания. — Снова у меня в мозгу промелькнул призрак усмешки, и тут же я ощутил, как остался один, в моем разуме больше не было посторонних.

«Салад, — появилась надпись на экране, а ниже отпечаталась самая приятная фраза, какую я когда-либо читал: — Немедленно отвези мистера Ринга в госпиталь».

Салад быстро отошел от заваленного манускриптами стола, возле которого он так долго и терпеливо ждал, и, прочитав надпись, уставился на меня: ни дать ни взять, разочарованный па-

лач, только что услышавший от герольда приказ короля об отмене казни.

— Слушаюсь, господин!

— И погребальный колокол сегодня промолчит, Салад! — Я слабо улыбнулся, пытаясь сыграть браваду. Мне едва хватило сил вытащить вилку «Этанака» из разъема на панели, хотя на этот раз ее уже никто не удерживал. Я отключил компьютер, и вокруг сразу стало темно.

Салад зажег карманный фонарь, прежде чем я отыскал свой, и направил его луч прямо мне в лицо — известный изуверский прием. Я попытался подняться. Мой ботинок, когда я перенес тяжесть тела на раненую ногу, с чавканьем всхлипнул, и я чуть не потерял сознание от боли. «Этанак» тут же погасил болевой шок, но я уже понял, что каждым шагом буду причинять себе неимоверные страдания. Моя голова болталась, как воздушный шар на ветру.

— Дайте мне руку, Салад. Мне кажется, по вашей милости я уже никогда не приму участия в соревнованиях по прыжкам в длину.

Он подошел ближе, все так же ослепляя меня фонарем, и протянул руку. Я нащупал его ладонь и оперся на нее. Но Салад неожиданно расслабил руку, слегка дернув ее вниз, и я ничком повалил-

ся на пол.

Я беспомощно закопошился в световом пятне на полу, стараясь приподняться и заглянуть ему в глаза. Выражения его лица я не мог рассмотреть, но, полагаю, оно было довольным.

— О, мистер Ринг, простите. Но, к сожалению, ничем не могу вам помочь.

— Что вы имеете в виду? — мне не удалось придать своему голосу грозные нотки, что я пытался изобразить. — Хабир приказал тебе помочь мне, будь ты проклят!

— Нет, мистер Ринг, — сказал он мягко. — Он приказал мне отвезти вас в госпиталь. И я это сделаю, если вам удастся самостоятельно добраться до вертолета. Он же велел мне не прикасаться к вам до тех пор, пока сам не прикажет.

— Ты ведь прекрасно его понял!

— Я всегда точно выполняю все его указания. Буквально. Поэтому он и доверяет мне.

Я всем нутром чувствовал, как в темноте ухмылялась его глумливая рожа.

— Ты… сразу же лишишься его доверия… если я не вернусь сюда через месяц. Он хочет видеть меня, — я упорно, но безуспешно пытался подняться.

— Очень патетично, мистер Ринг!

— Это правда! Вызови его и спроси.

— Вы попусту теряете время, мистер Ринг. Помните, что с каждой минутой, которую вы тратите на бесполезные жалобы, у вас остается все меньше крови.

Наконец до моего ослабевшего разума дошло, что в этом и заключается весь смысл игры. Наверное, охватившая меня ярость и стала тем костылем, с помощью которого мне все же удалось встать на ноги. Я прошел занавешенную дверь и вышел из церкви.

Дорога, отделявшая залитую светом двух лун центральную площадь от переходного отсека, превратилась для меня в сущий кошмар: 50 метров… 500… Я боялся потерять сознание. Вокруг не было ни единого человека — того, кто шел за мной с фонарем в руке, я таковым считать не мог. Я понимал, что звать на помощь бессмысленно, даже на геез.

В конце концов мы — я и моя тень — все же доковыляли до переходного отсека. Салад все так же направлял мне в глаза луч фонаря, но я слишком был поглощен борьбой за ускользавшее сознание, чтобы обижаться на его оскорбительную манеру. К тому же, освещая мое лицо, Салад невольно напомнил мне, что я без кислородной

маски. К счастью, хозяева монастыря оказались людьми аккуратными, и сразу же за внутренней дверью в отсек в луч света попали висевшие на стене, как лепные скульптуры ангелочков, ряды кислородных масок монахов. Я тут же стащил одну из них, не чувствуя ни малейших угрызений совести. Закрутив колесо, я загерметизировал внутреннюю дверь, хватая воздух ртом, как рыба, и даже из последних сил успел погрозить Саладу пальцем.

Но когда переходной отсек вдруг начал вращаться у меня перед глазами, я понял, что одной, пусть даже самой отчаянной решимости для полной победы в этой смертельной схватке недостаточно. Я словно распадался на составляющие… в моей голове началась какая-то пыльная буря… все заволокло красным туманом… Внешняя дверь распахнулась, и промозглый ночной марсианский холод ударил мне в лицо, как кулак.

«ЭТАНАК»! Я ПАДАЮ — ЛОВИ МЕНЯ…

Все в порядке, Майкл. Идем… Я веду тебя… Ты не чувствуешь холода. Не чувствуешь боли. Поднимаю кровяное давление в нижней части тела: переправляю кислород конечностям. Прищурь глаза. Сделай шаг вперед, переступи порог. Выше ногу. Держи равновесие. Еще шаг… еще… маши-

на ждет слева. Ровнее. Компенсирую нагрузку. Передвинь ногу. Следи за Саладом — не дай ему помешать тебе. Ровнее дыхание! Стой: там два вертолета. Два. Какой из них?

— САЛАД… К КАКОМУ ВЕРТОЛЕТУ ИДТИ?

Жди, что он сделает. Жди. Он должен осветить путь — будь внимателен, Майкл. Много света: фигуры, две, направляются сюда. Кто они? Нет, не падай! Тверже. Делай шаг. Ты должен пройти мимо них. Ты должен!

— Ринг, это ты, Ринг?

— Салад, бросай оружие! Ты под прицелом! Бросай!

Голоса сквозь звон в ушах.

НТЕБЕ, КРАУС!..

Нет, не останавливайся, не сейчас, не сейчас… Ты почти спасен.

— Ринг, старина! Ты в порядке? (ОПЯТЬ ГОЛОС: НТЕБЕ.)

— А мы боялись, что опоздаем.

— Что ты сделал с ним, Салад? Что с ним? (ГОЛОС: КРАУС.)

Вертолет… скорее… к вертолету.

— Понятия не имею, джентльмены. Я застал его, когда он угрожал господину Хабиру. Это преступление. Вы помогаете преступнику. И это

противозаконно. (ГОЛОС: САЛАД).

— Смотря с какой стороны на это посмотреть. (ГОЛОС: КРАУС).

В вертолет…

Нога заморожена. Нога бесчувственна к боли. Не падай. Только не падай.

— Оп-па! Держись, Ринг. Я тебе помогу. (ГОЛОС: НТЕБЕ. РУКИ. ЛАДОНЬ. ПОДДЕРЖКА.)

— Хана ждет в вертолете. Мы забираем тебя. Идем, Краус.

— Учти, оба ствола направлены тебе в грудь, Салад. Не вздумай делать глупости. (ГОЛОС: КРАУС. С ДВУМЯ ПИСТОЛЕТАМИ.)

— Ради Бога, Краус, помоги же! Он же как мертвый! (ГОЛОС: НТЕБЕ.)

— В большей степени, чем вы думаете. (ГОЛОС: САЛАД.)

— Служить в фирме, где работают превосходные юристы, значит, ни о чем не жалеть. (ГОЛОС: НТЕБЕ) Прощай, Салад. И не думай, что с тобой шутят.

ЕЩЕ РУКИ. ВЕРТОЛЕТ УЖЕ БЛИЗКО. КАК ХОРОШО. ДОБРЫЕ РУКИ… ХОРОШИЕ ПАРНИ…

— Этан, Этан. (ГОЛОС: ТАКАСИ.) Скорее же, осмотри его голову, Базиль!

Дверь закрыта. Теперь ты в безопасности! Рас-

слабься.

— Что с ним случилось? Я так и знала, я чувствовала — ему плохо… Нет, не надо мне помогать, лучше скорей загерметизируй кабину, Базиль, поднимай машину в воздух. Господи, да он же холодный, как льдышка, включите же отопление! Цефас, скорее неси аптечку, нам понадобятся бинты. Этан, ты слышишь меня? Ты слышишь?

ОБНИМАЮТ ТЕПЛЫЕ РУКИ… БЛАЖЕНСТВО…

Кабина загерметизирована. Дыши глубже, Майкл…

— *Не могу.*

— Что не можешь? (ГОЛОС: ТАКАСИ) Это ты, Ярроу?

— *Нет.*

— Это «Этанак»? (ГОЛОС: ТАКАСИ.)

— *Да.*

Повысить содержание кислорода в крови. Восстановить кровообращение.

С возвращением, Майкл. У тебя все в порядке. Дыхание чистым кислородом при нормальном давлении ничем не хуже переливания крови.

— Бр-р-р. Д-д-держите меня крепче, мисс Удача, — промямлил я, стуча зубами и цепляясь рукой за кислородную маску.

— Кто это, компьютер? — Нтебе наклонился на-

до мной и уставился в мое лицо. У него за спиной сквозь толстое стекло иллюминатора сиял Орион, гордый, как блестящий гвардейский офицер в парадной форме на императорском банкете… Я не смог сдержать улыбки.

— Это не важно… Мы все… чувствуем одно и то же, — я заморгал. Иней таял на моих ресницах, стегая холодными каплями в глаза. — Вы получите свой «глазок», Нтебе. Салад сегодня ночью проиграл.

— Великолепно! — воскликнул он и тут же посмотрел на мою ногу, и его глаза потускнели. — Вы потеряли больше литра крови.

— Надо рассматривать эту проблему в другом ракурсе: во мне еще осталось прилично.

— Мы сделали это! Мы добились своего! — ликовал Краус за рулем управления. — Мы повергли двух величайших злодеев во всей солнечной системе! Вот это приключение!

— Базиль, — сказала Хана, осторожно дыша на мои холодные пальцы, — заткнись!

И потом наступила тишина.

* * *

— Знаешь, теперь я уже никогда не смогу играть на скрипке, — сказал я, опираясь на трость

и глядя в окно госпитального солярия на черный дым фабрики, уходивший в коричневое от смога полярное небо.

— Ты что, играл на ней ногами? — спросила Хана.

Я повернулся к ней и задумчиво переспросил:

— А что, существует какой-то иной способ?

Краус, раздражаясь, запыхтел.

— Так кто же здесь больной, Краус? Ты или я? По-моему, я единственный, кто сейчас должен мучиться от боли. — И я, прихрамывая, заковылял к ним, чтобы подсесть к Хане, устроившейся на краю дивана из красного веселенького пластика.

— Все-таки ты язва, — отозвался Краус с другого конца дивана, добродушно улыбаясь.

— Наша моровая язва не здесь. Не забывайте, что топор Салада все еще занесен над нашими головами. И нам, между прочим, грозят судебным разбирательством. А я почему-то не особенно уверен, что у нас хватит нервов пройти через все это, — сказал Нтебе, приподнимая брови.

Из другого конца зала кто-то из пациентов закричал: «Вист!» — и начал тасовать карты. Кстати, по не совсем понятной для меня причине с недавнего времени все пациенты дружно отказываются со мной играть.

— Когда у кого-то в руках топор, то он невольно начинает чувствовать себя палачом, — сказал я. — Вот я, например, обдумываю, как бы понадежнее нанести смертельный удар… Ведь Коррам Хабир наверняка будет взбешен, когда узнает, как со мной обращались, едва его успели отключить.

Хана обняла меня за плечи своей нежной рукой, и в зале сразу же стало гораздо уютнее.

— Коррам Хабир оказался компьютерной программой. Невероятно. Я все еще не могу в это поверить, — сказал Нтебе.

— За деньги можно купить все, что угодно, если, конечно, у тебя их хватит. Впрочем, наверное, не все, — сказал я, искоса поглядев на Хану.

— Ринг, я хотел спросить вас… об этой вашей сделке с Хабиром, — Нтебе бросил на меня короткий взгляд, явно колеблясь. — Видимо, у меня нет права спрашивать об этом, особенно после того, что вы для нас уже сделали. Вы будете… навещать его?

— Я намерен выполнить свои обязательства, — перебил его я, похлопав по боку «Этанак». — Равно как не собираюсь прощать нанесенных мне оскорблений. Кроме того, я прекрасно понимаю, что он испытывает, — я посмотрел на пыльный пластиковый цветок в горшке. — А главное: кому

еще удастся разыграть из себя рождественского ангела перед величайшим Дядюшкой Скруджем во всей солнечной системе? Только я смог растрогать его ледяное механическое сердце!

Нтебе просветлел.

— Похоже, у вас действительно кое-что здесь имеется, — весело сказал он, показывая на мою голову.

— Ваш комплимент воодушевляет.

— Брандер! — сказала Хана, целуя меня в щеку.

— Прошу вас, мадам, — сказал я, краснея. — Повторите еще раз.

— Что же, — промолвил Нтебе, вставая и прокашливаясь. — Идемте, Базиль. Не выпить ли нам по чашечке кофе?

— Зачем?.. А-а, — и Краус встал вслед за ним. — Да-да. — И они не спеша удалились.

— А теперь скажи мне, — попросил я Хану, когда мы наконец остались одни, — что это за волшебный серебряный браслет?

Она отклонилась:

— Почему волшебный?

— А как тебе удалось узнать, что мне нужна помощь?

Она рассмеялась.

— Да просто в него вмонтирован передатчик.

Кроме того, мы следили за Саладом.

— Это ясно, но я все-таки хочу понять, как же ты узнала, что нужна мне?

Ее улыбка сделалась грустной.

— Ты же ведь не хочешь услышать правду?

Я задумался.

— Надо же, хочу.

Она нежно погладила мою руку и отвела глаза в сторону. Я откинулся на спинку дивана, любуясь ее красивым лицом и, поддавшись неожиданному порыву, спросил:

— А можешь предсказать мое будущее?

С шутливой серьезностью она пристально посмотрела на меня, как опытный врач на больного.

— Что же, я предвижу, что в ближайшее время вас ожидает постельный режим и усиленный курс лечения…

— Но вы же не настоящий доктор!

— Но я ведь говорю о другом курсе!

Что бы там ни было, но это предсказание показалось мне обнадеживающим.

Дэниел Киз

БЕЗУМНЫЙ МАРО

Одни разыскивают по букинистическим лавкам старинные книги, другие ищут на аукционах бесценные антикварные вещицы. А я охочусь за необычными детьми. Я адвокат, и у меня есть доступ в отличные заповедные места: детский приют, школу для неполноценных подростков и, конечно, суд по делам несовершеннолетних преступников.

Я получил хорошие деньги за редкие экземпляры. Пятьдесят тысяч долларов за тринадцатилетнюю белокурую преступницу, отбывшую полгода в колонии для несовершеннолетних в Джорджии. Поторгуйся я как следует, гонорар был бы вдвое больше — она оказалась первым настоящим телепатом, которого моим клиентам удалось заполучить.

Самой же удивительной из моих находок был длинноногий восемнадцатилетний негр. Он изменил мою жизнь. Звали его Безумный Маро. Мне предложили полмиллиона чистыми, если я склоню его к отъезду в будущее.

Я впервые увидел Маро, когда его дразнили трое мальчишек.

— Сумасшедший Маро! — кричали они нараспев. — Сумасшедший Маро!

Маро заметил, что я наблюдаю за ним, а может быть, — меня ведь предупредили, — он это почуял, или услышал, или ощутил, или все сразу. Мне говорили, что Маро распознает цвета за пределами видимого глазом спектра с такой же легкостью, с какой мы отличаем розовое от голубого на детском платьице. Он слышал радиоволны высокой частоты так же отчетливо, как собачий лай.

И хотя документы суда по делам несовершеннолетних свидетельствовали, что он с девятилетнего возраста привлекался к суду за мелкие кражи и буйное поведение, Маро был нужен в 2752 году для работы, которая оказалась не под силу ни одному живому существу, рожденному до или после него.

Я долго не мог найти Маро, но, увидев его своими глазами, я понял, что это тот человек, который нужен там.

Отделавшись от своих мучителей, глубоко засунув руки в карманы залатанных линялых штанов, он ленивой походкой направился через улицу к тому месту, где стоял я.

Он оглядел меня снизу доверху и настороженно

повел головой, как птица или собака, услышавшая непонятный звук.

— Вам холодно?

— Нет, — ответил я. — Мне не холодно.

Он прищелкнул пальцами.

— Не считайте меня дураком, мистер. Вы все врете. Вы хотите заработать на мне. Вы холодный, глубокий и неровный. Вы шершавый и гладкий, как стертая наждачная бумага. Дайте доллар.

— С какой стати?

— Мне нужны деньги. Если дадите, то уйдете отсюда целехоньким. Если нет…

Он пожал плечами, как бы намекая на безнадежность моего положения.

— Почему тебя называют сумасшедшим, Маро?

Он опустил глаза, и его веки задрожали.

— Потому, что так оно и есть. Отчего же еще?.. Вы пахнете зеленым и бумагой — как деньги. Теперь это будет стоить вам два доллара.

— Почему ты думаешь, что я дам тебе деньги, которых ты не заработал?

Когда он поднял голову, я увидел вместо глаз одни белки, отчетливо выделявшиеся на фоне черных век.

Он стоял, раскачиваясь взад и вперед, как бы прислушиваясь к какому-то ритму внутри себя,

прищелкивая пальцами в такт ему. Потом перестал покачиваться и спросил, нахмурясь.

— Вы полицейский?

— Нет, — ответил я. — Юрист.

Я вытащил из жилета свою визитную карточку и дал ему.

— Как видишь, там написано: «Юджин…»

— Я умею читать, — огрызнулся он и медленно прочитал:

— «Юджин Х. Денис… адвокат». — Он внимательно посмотрел на меня, затем положил карточку себе в карман.

— Так чего же вы хотите от меня?

— Ну… приходи ко мне в контору, мы поговорим с глазу на глаз.

— Мы можем поговорить и здесь.

— Ну что ж, если ты так хочешь… У меня есть клиенты, которые знают о тебе, о твоих выдающихся способностях, и они поручили мне тебя разыскать и сообщить об одном очень важном деле. Ты надолго уедешь отсюда, и…

Он наблюдал за мной с интересом, а затем, прежде чем я успел сообразить, чего он хочет, схватил меня за руку. Я попытался вырваться.

— Что ты делаешь?

Он засмеялся и хлопнул себя по бедру большой

рукой.

— Вы до смерти напуганы. Вы боитесь, что я вас ударю. — В его глазах появилось что-то жестокое. — И правильно, бойтесь. Вот сейчас я выбью вам пару зубов, так что они влетят вам в глотку.

— Ну что ты? — сказал я, пытаясь вырваться. — Ты не думай, я не хочу обмануть тебя. Это очень хорошая возможность. Ты можешь довериться мне…

Не успел я увернуться, как он резко вытянул левую руку и зажал ею мой рот. Затем коленкой ударил меня в живот.

Согнувшись вдвое, я упал на мостовую, задыхаясь от боли, пытаясь судорожно глотнуть воздух.

— Ты, дурачок. Я пришел помочь тебе.

Он стоял надо мной и смотрел на меня сверху вниз. Затем поморщился, как будто почувствовал вкус крови, которая тонкой струйкой стекала из угла моего рта.

Тут, должно быть, он заметил уголком глаза, или услышал, или почувствовал кончиками своих длинных пальцев приближение «голубых мундиров»..

— Вот черт, — вздохнул он, — опять фараоны.

Он вытянулся в струнку, как испуганный олень, попавший в яркие лучи прожекторов.

— Подожди, Маро! — закричал я. — Не уходи. Я не буду жаловаться полиции.

Но он уже умчался.

— На визитной карточке есть мой адрес! Я жду тебя. Это очень важно! — крикнул я ему вдогонку.

Он оглянулся на бегу, и я отчетливо увидел его широкую насмешливую улыбку. Я боялся только одного: что он ко мне не придет. Он может решить, что я приготовил для него ловушку. Около двух месяцев я потратил на то, чтобы его разыскать, — и меньше чем за полчаса испортил все дело, спугнув его. Моя ошибка состояла в том, что я не смог подавить в себе страх.

С теми, кто попадался мне раньше, было легче. Они не задавали каверзных вопросов, и им не приходилось объяснять, что я ничего не знаю о времени, месте или работе, которая их ожидает. Но Маро был умным юношей, хотя и необузданного нрава. Сумеет ли он осознать, что эту жизнь и общество, где он не прижился, необходимо поменять? Как заставить его довериться мне?

На третью ночь меня разбудил стук в окно. Я протянул было руку к ящику ночного столика, где лежал пистолет, но передумал.

Маро почувствует опасность так же, как он

почувствовал мой страх, и это разозлит его. Ему нельзя лгать. Я должен доказать, что доверяю ему, или все пропало. Я открыл окно, не включая света.

— Заходи, Маро. Здесь никого нет. Я ждал тебя.

Он перемахнул через подоконник и бесшумно ступил на пол. Теперь я мог разглядеть его вблизи. Высокий, мускулистый, волосы коротко острижены. Ногти сбиты до живого мяса. Он тревожно вздрагивал в ожидании, когда я заговорю. Я приступил к делу.

— Я понимаю тебя, Маро. Я знаю, кто ты, и принимаю тебя таким, какой ты есть. Тебя боятся и ненавидят потому, что не могут тебя понять, вот почему тебе приходится прятаться и притворяться.

Он засмеялся и плюхнулся в кресло.

— Я ошибаюсь?

— Настолько, что от этого смердит. Будь вы на моем месте — и вы бы прятались. Я это чувствую по вашему запаху. Вы боитесь даже собственной тени. Неужели вы до сих пор не поняли, что я могу это чувствовать? Вы смотрите, но не видите меня, мистер Денис, Вы притворяетесь. А я не выношу, когда мне не доверяют. У меня все переворачивается внутри, и в бешенстве я могу убить.

Его голос, сильный и злой, заворожил меня, и я заметил, как он изменился, только когда он замолчал и перестал буравить меня взглядом. Весь его облик, манера держаться, речь — все поразительно изменилось. Вместо того чтобы бормотать на диком жаргоне, как в первый день нашей встречи, он говорил точно, ясно и с достоинством. Но при последних словах глаза его снова бешено завращались, и я увидел, как он сжал кулаки. Я вспомнил о пистолете в ящике ночного столика. Он задрожал и наклонился вперед всем телом, почуяв опасность.

И в этот миг я понял, что действую неправильно. Я решил пойти на огромный риск — сказать ему правду.

— Перестань, — сказал я резко. — Ладно, ты прав. Я боюсь тебя, и ты это знаешь. Нет смысла дурачить тебя. У меня в ночном столике пистолет, и на секунду я подумал, что он может мне понадобиться для защиты.

— Спасибо, — выдохнул он. — Я не знал, что это было и где, но чувствовал: что-то есть. Когда мне лгут или притворяются, у меня начинает болеть где-то глубоко в кишках. Доктор Ландмиер обещал меня вылечить. Он говорит, что я должен научиться жить среди людей, которые лгут и

притворяются, тогда я стану нормальным.

— Этот доктор Ландмиер… Ты долго у него лечился?

— Восемь месяцев. Судья послал меня в психиатрическую клинику, а оттуда меня отправили к доктору Ландмиеру. Он лжец, как и все. Хоть он и думает, что помогает мне, бывают случаи, когда хочется схватить его за горло и заставить замолчать. Он лжет, а делает вид, будто верит мне и думает, что я не вижу его насквозь. Визит стоит мне полдоллара. Ха! Знаете, есть люди, которые платят ему пятнадцать-двадцать долларов в час. Вы считаете, что я сумасшедший, мистер Денис?

— Нет, не считаю.

— Вы лжете мне!

— Послушай, — сказал я, не пытаясь скрыть своего раздражения. — Такой, как ты есть, ты нужен в будущем. Если этот доктор что-то изменит в тебе, ты будешь бесполезен там.

— В будущем? — он широко открыл глаза.

— Да, в этом и состоит мое дело к тебе. Я мало что могу рассказать. Некое агентство, из будущего, собирает особенных детей, родившихся в то время, когда их способности остаются непонятыми. Такие дети, как ты, одиноки, над ними издеваются, они даже гибнут, потому что роди-

лись не вовремя. Но они могут жить счастливо и приносить пользу, если попадут в свою эпоху.

Маро присвистнул и откинулся в кресле.

— Ого, — сказал он, — Доктор Ландмиер хочет сделать меня нормальным. Мой старик, он священник, хочет спасти мою душу, Делия хочет сделать из меня мужчину. И наконец являетесь вы и говорите, что я совсем нормальный, но просто не вовремя родился.

— Именно так, — кивнул я.

Он вскочил и начал шагать взад и вперед, потирая руки и как бы принюхиваясь к чему-то.

— А вы? — спросил он. — Я не могу понять вашего интереса в этом деле.

Мгновенье я колебался, а затем решил продолжать говорить правду.

— Если я сумею уговорить тебя и ты покинешь это время, дав письменное согласие сюда не возвращаться, я получу полмиллиона долларов.

Он снова стал принюхиваться, а потом недоверчиво покачал головой.

— Нет, вы добиваетесь чего-то другого. Дело не только в деньгах. Вас интересует что-то, что больше денег.

— Нет, абсолютно ничего, — настаивал я. Он весь напрягся, ноздри его затрепетали от гнева.

— Как вы впутались в эту аферу, мистер Денис? Я думал, вы адвокат.

Я должен был вести себя так, чтобы он перестал дичиться и доверился мне. И я спокойно рассказал ему о том, как после окончания юридического колледжа в Гарварде вместо того, чтобы стать младшим партнером адвокатской фирмы «Денис и Денис», основанной моими отцом и старшим братом, я стал адвокатом по уголовным делам. Я объяснил Маро, что из-за этого превратился в глазах представителей высшей касты своей профессии в социального отщепенца, что мой отец лишил меня наследства, и что я первый раз в жизни почувствовал себя по-настоящему свободным.

— Работая в судах по уголовным делам, встречаешься с самыми разными людьми, — говорил я. — Ты, наверное, слишком молод и не помнишь случая с одним парнишкой. Он был разбит параличом, полная неподвижность всего тела, начиная от шеи. Его возили в инвалидной коляске. А обвинялся он в ограблении дюжины лавок. Шесть лет назад его дело занимало первые страницы газет.

— Что, что? — Маро подался вперед. — Это невозможно!

— Как он это делал, раскрыто не было, но однажды его застали на месте происшествия, а в его комнате полиция нашла целый склад пропавших драгоценностей. Я согласился взяться за дело и выиграл его. Но тогда я не знал, что он действительно был виновен.

— А как же?..

— Этого никто не мог понять, не только я. Целую неделю эта история не сходила с первых страниц газет. А несколько месяцев спустя, когда все поутихло, они установили со мной связь. Они — это люди будущего. Они знали, как он это делал, и он был им крайне необходим. Когда я выложил ему все, что знаю, он признался мне. Он был действительно парализован от рождения. Но это возмещалось тем, что он был телекинетик. Было очень забавно наблюдать, как этот парнишка усилием мысли передвигает предметы.

— Он согласился ехать?

— Ну, вначале он испугался. Я не виню его. Я тоже сначала отнесся к ним с подозрением. Я боялся, что это жулики или кто-нибудь еще похуже. Но они прислали ко мне человека. Он тоже был адвокат и убедил меня, что бояться нечего. Когда парень понял, что действительно может принести пользу человечеству, ему

очень захотелось уехать. Время от времени мои клиенты появлялись снова. Я вступал в контакт с человеком, которого они наметили, получал согласие на отъезд, а об остальном заботились они. За последние пять лет я заключил с ними пять сделок. Вот все, что я знаю.

Маро сидел сгорбившись, не сводя глаз с моего лица.

— А другие тоже уезжали, не зная толком куда и зачем?

Я кивнул.

— Это одно из условий сделки. И мои клиенты придают ему особое значение. Ты должен доверять им.

— И вам — я должен доверять и вам. Я ничего не знаю о них, кроме того, что вы рассказываете. А я должен вверить вам свою жизнь, — глядя на ковер, он чертил на нем линии краем ботинка.

— Скажите, мистер Денис, а вы бы мне доверились? Доверили бы вы мне свою жизнь?

Его вопрос заставил меня вздрогнуть. Моим первым побуждением было убедить его, что доверил бы, но он все равно бы почувствовал, что это ложь.

— Нет, — сказал я, — лгать бессмысленно. Ты для меня, что дикий зверь, как я могу доверять

тебе?

— Но тогда почему же вы занимаетесь этим, мистер Денис?

— Я сказал тебе. Ради денег.

— Чепуха.

— Ах, вот как! — закричал я. — Хочешь верь, хочешь нет. Мне нечего больше прибавить, черт побери.

Я был зол, и поскольку не было смысла это скрывать, я дал себе волю.

— Можешь убираться отсюда, если тебе угодно, и забудь, о чем мы здесь говорили.

— Чего вы добиваетесь, мистер Денис?

— Денег, Маро Денег! Денег! — закричал я на него. Я был в бешенстве, потому что из-за него я потерял над собой контроль. Он стоял и дрожал, а я орал на него и чувствовал, что у меня внутри все переворачивается. Мои ладони и подмышки были влажными от пота. Это был такой взрыв, какого у меня никогда в жизни еще не было. Меня захлестнул такой поток злобы и возмущения, что мне хотелось обругать его, ударить, сделать больно. Он стучал зубами, а его поднятые вверх ладони дрожали. Что-то мешало мне стукнуть его первым, что попадется под руку. От этого меня стало тошнить.

И тут я его ударил.

Маро даже не сделал попытки защищаться. Я бил его по лицу, а он улыбался. Я схватил его за горло и заорал:

— Смотри на меня, когда я бью тебя, негодяй! Смотри на меня!

И вдруг все прошло. Я, отяжелев, ослабев, утратив всякую способность двигаться, откинулся на стуле.

Некоторое время мы сидели молча. Затем, очень тихо, Маро сказал:

— Теперь я могу доверять вам, мистер Денис.

— Почему? Ведь я не изменился.

— Вы изменились. Немного. Достаточно, чтобы я мог вам доверять.

— Это плохо, — сказал я. — Ты должен доверять мне полностью.

Он покачал головой.

— Я доверяю вам настолько, насколько вы изменились. Пока не полностью. Но раз уж это произошло, то так оно пойдет и дальше. Вы когда-нибудь видели, как человек держит оголенный провод? Он не может его отпустить. Вы были очень похожи на такого человека. Может быть, вы просто хотели произвести на меня впечатление, но все равно, раз уж это случилось, то так

теперь и будет. Я уверен. Я сам живу все время на пределе.

— Черт знает что, ад какой-то.

— Ад и рай. Для меня это замкнутая цепь, потому что я держу в руках оба провода. А насчет того, чтобы доверить вам себя и подписать эти бумаги — до этого еще далеко.

— Да, но как далеко?

— Вы не поняли меня, мистер Денис. Все зависит от вас. Вам надо только поверить мне.

Он был прав. Все было так просто, так логично, так ужасно. Он-то теперь был готов. А вот мне надо было измениться. Он будет доверять мне, когда я буду способен доверять ему. С его точки зрения, это самое справедливое.

— Не знаю, смогу ли я сделать то, о чем ты меня просишь, Маро. Я бы хотел, но не уверен, что смогу. Ты знаешь, я перестал исповедываться в тринадцать лет. Меня пытались убедить, что священники никому ничего не рассказывают, но я до сих пор не могу убедить себя, что священникам можно доверять. Я не смогу доверять, Маро, не только тебе, но и другим. Я из тех, кто проверяет, на месте ли кошелек, с кем бы он ни столкнулся. Так как же ты можешь требовать, чтобы я полностью верил тебе?

Он улыбнулся и пожал плечами:

— Один из нас должен сдаться первым, и именно вы заинтересованы в этом. Я уверен, что дело не только в деньгах, так что вам придется довериться мне.

Начинался рассвет, когда он ушел, а я еще долго сидел, уставившись на стены. Как я могу полностью доверять такому парню, как Маро? Я?! Эта мысль показалась мне настолько дикой, что только после третьей рюмки виски я смог сказать, тупо глядя на себя в зеркало.

— Ты должен показать ему, что доверяешь. Ты должен по-настоящему доверять ему. Ты должен доверить ему свою жизнь.

Я проснулся в полдень. Голова кружилась с похмелья, я долго сидел на кровати, жалея себя и ругая за неумение верить людям. Но от этого мне не становилось легче. Я должен был доверять Маро.

Для начала я решил получше разузнать о нем.

Итак, его хорошо знали доктор Ландмиер, преподобный отец Тайлер и девушка по имени Делия.

Через знакомых в муниципальной психолечебнице я узнал, что доктор Ландмиер, помимо частной практики, шесть часов в неделю лечит

трех больных в этой психолечебнице.

Низенький и коренастый доктор Ландмиер смотрел на меня карими, полными энтузиазма глазами.

— Наш директор сказал мне, что вы интересуетесь психотерапией подростков, мистер Денис.

— Я слышал, что это важная область психиатрии. Мне бы хотелось кое-что узнать о работе, которую ведут такие врачи, как вы.

— Мне всегда казалось, — сказал он, усаживаясь в кожаное кресло и закуривая огромную пенковую трубку, — что на работу с подростками обращают очень мало внимания. Именно переход от детства к зрелости требует особого изучения. Я знаю, как это важно, потому что я сам в этом возрасте много страдал… Ну, ни к чему говорить об этом. Я только хочу сказать, что я действительно близок к детям, которые чувствуют страх и страдают от того, что никому не нужны.

— Не расскажете ли вы мне о больных, переданных вам клиникой? Не упоминая, конечно, имен. Просто, в чем там дело и как идет выздоровление.

Он подробно описал мне своих больных. Наконец, он перешел к молодому негру с манией преследования.

— Очень умный мальчик, — сказал он, — но беспокойный. Ему кажется, что люди всегда лгут. Когда он первый раз пришел ко мне, он держал себя и разговаривал так, как, по мнению предубежденных людей, должны вести себя негры — невнятная речь, шаркающая походка, тупой взгляд…

Я кивнул, вспомнив тот день, когда впервые увидел Маро на улице.

— Теперь, конечно, — продолжал Ландмиер, — когда он здесь, у меня, он больше не прикидывается. Этот стереотип для него своего рода защита от белых. Вы понимаете, он умен и достаточно восприимчив и знает, что большинство людей ждет от него именно такого поведения.

Из рассказа Ландмиера следовало, что Маро приходил сюда восемь месяцев подряд, а доктор так и не обнаружил его способность к сверхчувственному восприятию.

Ландмиер, желая поразить мое воображение важностью своей работы, непременно упомянул бы об этой его способности, если бы только знал о ней. Теперь между мною и доктором завязалось своего рода соревнование. Если Маро полностью раскроет себя доктору, он будет потерян для меня и для будущего, которому он нужен.

— Скажите, доктор, правда ли, будто такие люди, как он, чувствуя, что против них что-то замышляется, способны на насилие?

— Вы должны понять, что этот пациент эмоционально неустойчив. В нем живет глубоко укоренившаяся враждебность. Когда ему было девять лет, его воспитатель, священник, рассказал ему, что настоящие родители бросили его, когда он был новорожденным младенцем. Священник услышал детский плач. Плач доносился из большой картонной коробки, лежавшей на куче мусора. Открыв коробку, он нашел в ней не только ребенка, но и крысу Срочное переливание крови спасло жизнь мальчика, но шрамы на руках и теле остались у него до сих пор.

— Господи! Да зачем он рассказал ему об этом? Зачем девятилетнему ребенку знать такое?

— По словам мальчика, его приемный отец рассказал это в минуту гнева. Он хотел доказать ребенку, что это провидение направило его стопы к месту, где лежала коробка. Теперь, я думаю, можно понять ожесточенность пациента.

— Кто не ожесточился бы на его месте?

Доктор кивнул.

— Страх и глубоко укоренившаяся враждебность могут привести его к насилию. Тем не менее

этот случай не вызывает у меня сомнений. Мальчик выздоравливает. Со временем он сможет стать нормальным членом нашего общества.

Из кабинета доктора я ушел еще более смущенным и взволнованным. Портрет Маро, нарисованный доктором, не вязался с моими собственными отрывочными представлениями о личности мальчика. Что-то тут было не так…

…Когда я сказал священнику, что я из «Общества благоденствия детей» и обследую усыновленных подростков, Тайлер охотно пошел мне навстречу.

— Нелегко было с этим мальчиком, сэр. — Преподобный отец хлопнул по столу, как бы усиливая впечатление от своих слов. — Он отбился от стада, и я с божьей помощью вырвал его из пасти дьявола. На нем клеймо Каина, но мы спасем его душу.

— Наше общество интересуется, преподобный отец, каков он на самом деле. Мы ищем ключ к сердцам детей, которых опекаем.

Священник покачал головой.

— Маро был всегда очень эмоциональным ребенком. Он делал все наоборот. Я мягкий человек, мистер Денис, но бывают случаи… Знаете, в девять лет он подрался с мальчиком. Когда я

неожиданно наткнулся на них, одной рукой он сжимал его горло, а в другой держал нож. Если бы всемогущий не послал меня на помощь, Маро убил бы этого ребенка.

— Откуда вы знаете? Может, он хотел только попугать. Быть может, он видел, что вы рядом и должны остановить его.

Священник пристально посмотрел на меня.

— Попугать! Вы просто не знаете Маро. Он всегда был бешеный. Как я ни старался, я не мог внушить ему страх перед всевышним. Между ножом и сердцем мальчика была только моя рука, направляемая провидением. А что еще, мистер Денис, может удержать людей от истребления себе подобных, как не страх перед гневом божьим. Да, скажу я вам, понадобилось немало моих личных усилий и усилий более высоких, чтобы вселить в этого мальчика страх перед адом. С недавних пор Маро стал проявлять интерес к религии, и у меня появилась надежда. Как это будет замечательно, если он посвятит себя богу!

В Маро открылась натура очень сложная и непостоянная.

Оставался еще один человек. Он должен знать его, быть может, лучше, чем остальные. В состоянии ли эта девушка дать мне ключ к душе Маро?

Делия Браун жила в доме на углу 127-й стрит и Ленокс авеню.

Сначала она не хотела меня впускать.

— Я не полицейский, Делия. Послушай, можешь мне не говорить, где Маро. Я уже виделся с ним и разговаривал с доктором Ландмиером и преподобным Тайлером. Я хочу с тобой побеседовать…

Она открыла дверь немного шире, но в руках у нее был лом для скалывания льда.

— О чем?

Я решил играть в открытую.

— О том, как сделать, чтобы я мог доверять Маро. Он хочет, чтобы я верил ему, но сперва я должен узнать его получше.

Она пристально посмотрела на меня, потом положила лом на стол, отошла от двери и села.

Я раскрыл дверь и вошел.

— Значит, вы его знаете, — сказала она. — Маро дурак. Вы можете сказать это ему, если хотите. Маро действительно доверяет людям. Он не боится их. — Она передернула плечами. — Он никого и ничего в мире не боится. Он слишком прост и доверчив, чтобы бояться кого-нибудь. Он такой ребенок…

— Тогда зачем он делает вид, что боится? Почему он такой необузданный и дикий?

— Маро — необузданный и дикий?

Она сделала большие глаза и засмеялась.

— О боже! Я-то подумала, что вы действительно его знаете. Он самый спокойный человек, самая нежная душа на свете. Он никогда не причинит вреда ни одному живому существу.

Ее слова никак не вязались с образом того парня, который ударил меня кулаком по лицу и лягнул ногой, когда мы встретились в первый раз.

Она тоже его не знала.

Никто из тех, кто был близок с ним, не знал его.

Он прятал от них свое сверхчувственное восприятие мира, и я начал подозревать, что Маро тщательно скрывает те черты своего характера, которые идут вразрез с их представлением о нем.

— Он беспомощный ребенок, — говорила она. — Мне приходится защищать его от него самого. Он позволил бы людям затоптать себя и пользоваться его добротой, если бы я все время не ругала его за это. На прошлой неделе он отдал прохожему свой последний доллар. Вы можете себе такое представить? Совершенно незнакомому. Я нужна Маро для того, чтобы присматривать

за ним и заботиться о нем. — Она схватила меня за рукав. — Рядом с настоящей женщиной, которая его любит, он мог бы стать кем-нибудь, стать выдающимся человеком. Он меняется. У него начинает появляться здравый смысл. А если что и нужно человеку в этом мире, так это именно здравый смысл. Я не знаю, какую работу вы ему предлагаете, но вы можете доверять этому мальчику во всем.

Она устало засмеялась.

— Мистер Денис, этот юноша не может быть бесчестным. Он ничего не знает о жизни. Никто никогда не рассказывал ему правды, даже о Санта-Клаусе.

Слушая Делию, глядя на наши изображения в мутном зеркале над ее туалетным столиком, я начал понимать тайну Маро.

Все вставало на свои места.

Восприятие мира у Маро было настолько необычным, что он мог определять чувства человека и мгновенно узнавал, что о нем думают. Он просто отражал тот тип характера, который в нем предполагали. Защитная окраска.

Для доктора Ландмиера он был неврастеником, которому нельзя доверять, потому что доктор считал Маро неврастеником. А когда доктору

показалось, что лечение идет успешно, Маро стало лучше.

Для преподобного Тайлера он был погибшей душой, но как только священник поверил в то, что спасет Маро, юноша стал верить в бога.

Для Делии, которая видела в Маро простодушного парня, нуждавшегося в ее заботе и защите, Маро был ребенком, а когда она вообразила, что под ее влиянием Маро становится сильнее, он начал мужать.

Все это Маро, и вместе с тем это не он. Он представал перед людьми таким, каким они хотели его видеть. Мне он казался диким, странным и необузданным существом, и со мной Маро был именно таким. Я не доверял ему, и это отражалось в нем.

Всю дорогу домой я размышлял о том, что узнал.

Явились ли странные способности Маро результатом мутационной вспышки или нет, но я ничуть не сомневался, что на развитие его сверхчувственного восприятия оказала влияние необычная история его детства.

Именно поэтому он был нужен там — такой сплав наследственности и взаимодействия с враждебной средой вряд ли встретится еще раз.

Он был там необходим, и поэтому он должен уехать.

Я оказался в замкнутом кругу. Маро можно верить… Я мог бы полностью доверять ему… если бы я был абсолютно уверен, что способен на это. С ним я не мог притворяться. Если он почувствует обман, дело примет роковой оборот. Я должен отдать свою жизнь в его руки… или забыть обо всем.

Маро был зеркалом. Это я, а не он, должен был измениться.

Как я и думал, он ждал меня в моей квартире. Он курил мои сигареты и пил мое виски, положив ноги на столик для сервировки кофе — законченный портрет самоуверенного юнца, каким я его и считал.

Я стоял спокойно, глядя на него, ни о чем не думая и стараясь быть непринужденным в его присутствии. Зная, каков он на самом деле, я теперь не боялся его, и он почувствовал это.

Он засмеялся. Затем, заметив выражение моего лица, он погасил сигарету и, нахмурившись, поднялся.

— Вы изменились, — прошептал Маро. — Ваше дыхание… меня как будто окатили холодной водой, вы пахнете, как чистое и гладкое стекло. —

Он был озадачен. — Ни в ком, никогда раньше я не замечал таких перемен.

Выражение горечи на его лице сменилось выражением скорби, затем страха, испуга, изумления, мольбы, детской наивности и, наконец, равнодушия. Он как будто пытался примерить все маски, какие были у него в запасе, пытаясь угадать, чего я от него жду, стараясь понять, каким я его вижу, который из Маро мне нужен. Но, как он и сказал, я стал гладким, холодным, как вода, прозрачным, как стекло.

Он снова сел в кресло и стал ждать. Он чувствовал, что я понял его, и ждал, что я буду делать.

Первый раз в его жизни кто-то собирался стать тем, кого хотел видеть Маро, отразить то, что необходимо было Маро. А ему больше всего на свете нужно было, чтобы ему доверяли. Все свое детство и юность он ждал этого.

Я заметил, что он смотрит на ящик ночного столика.

Он знал, что там хранится пистолет. Маро как будто почувствовал мою готовность верить ему до конца и подсказал мне, как доказать это.

А что, если я ошибаюсь? Что, если Маро был не совсем тем, в кого я верил? Что, если он меня не остановит? Глупо… абсолютно смехотворно

доверять кому-нибудь до такой степени. Такого доверия человек не может проявить даже к самому себе.

В моем мозгу пронеслась картина — воспоминание детства.

Мой отец стоит на нижнем ступеньке лестницы. Я на пять или шесть ступенек выше. Он протягивает ко мне руки. Прыгай, мальчик! Он поймает меня. Я боюсь. Он уговаривает меня, убеждает. Папочка не даст мне упасть. Я прыгаю. Он отодвигается, и я с криком падаю на пол. Мне больно и обидно. Почему ты обманул меня? Почему? Почему?..

Смех, слова и голос отца я не могу забыть:

— Для того, чтобы научить тебя не доверять никому, даже собственному отцу!

Может быть, поэтому я не женился, не любил и ни в кого не верил? Может быть, за прочной защитной скорлупой подозрительности в моей душе жил страх, который все эти годы держал меня в плену?

Я понимал, что в этот момент мое решение было так же важно для меня, как и для Маро. Если я сейчас отступлю, то никогда в жизни не смогу никому доверять.

Он наблюдал за мной. Он хотел, чтобы я поверил в него.

Не говоря ни слова, я подошел к столику, открыл ящик и вытащил пистолет. Я убедился, что он заряжен, а затем повернулся к Маро.

— Я верю тебе, Маро, — сказал я. — Тебе нужны доказательства моей веры в тебя. Так же, как и мне.

Я приставил дуло пистолета к правому виску.

— Я считаю до трех. Я верю, что ты меня остановишь прежде, чем я выстрелю.

Он ухмыльнулся.

— Вы вправду сделаете это? А может быть, я не остановлю вас? Может, я не успею? Может быть…

— Раз…

— Вы дурак, мистер Денис. Не стоит так рисковать за полмиллиона долларов. Или, может быть, это не ради денег? Что вы хотите доказать?

— Два…

Среагирует ли мой палец на команду? Способен ли я на это?

Затем на мгновение мой разум как будто слился с его разумом.

Я осознал, что могу выстрелить, так же отчетливо, как то, что он спасет меня. Ничего больше

не нужно было знать. Мне стало легко. С его лица сошла улыбка. Он глубоко дышал. Кулаки крепко сжаты. Глаза широко открыты.

— Три!

Не закрывая глаз, я нажал курок. В это мгновенье между мною и вечностью встал Маро. Он ударил по пистолету, и тот отлетел в сторону. Пуля задела мой лоб и врезалась в стену за моей спиной.

Яркая вспышка обожгла лицо, и я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, я почувствовал, что он наклонился надо мной. На моем лице лежало мокрое полотенце.

— Все будет в порядке, — сказал он. — Ожог порохом, я вызвал врача.

— Пуля пролетела близко, — сказал я.

— Вы дурак! — он беспокойно двигался взад и вперед, ударяя кулаком по кулаку. — Чертов дурак. Вы не должны были делать этого.

— Ты хотел, чтобы я так поступил. Это было не столько для меня, сколько для тебя.

Его возбуждение росло. Он метался по комнате.

— Я не должен был ждать так долго. Я не думал, что вы на самом деле собираетесь выстрелить.

Я не знал. Никто так не верил мне раньше. Я думал, что придется ждать всю жизнь, пока мне кто-нибудь по-настоящему поверит. Не ожидал, что это будете вы.

— Я тоже не думал, — сказал я. — Никому, никогда не доверял с детских лет. Что-то внутри меня сломалось. Ну и хорошо.

— Мистер Денис. — Он отошел назад и потянул носом воздух.

— Что такое?

— Там, что-то снаружи… Далеко и все же близко. Музыка, но не настоящая. Бледно-фиолетовые и ярко-желтые ленты звуков кружатся вокруг меня, исчезая. Это здесь, сейчас и вместе где-то далеко в будущем.

— Наступил твой час, Маро, твое место там. Ты им нужен, какой ты есть. И они нужны тебе. Ты должен довериться им.

— Я верю вам, мистер Денис. Если вы говорите, что так надо, я пойду.

— Так надо, я говорю это не из-за денег, ты знаешь. Я отдам их на нужды клиники. Того, что у меня есть, мне более чем достаточно. Я уйду от дел. Это последнее задание, которое я выполню для них.

— Вы уж придумайте, что сказать доктору Ланд-

миеру, моему старику и Делии.

— Ладно.

Я назвал ему номер телефона спецслужбы, пусть сообщит, что готов к отъезду. Ему скажут, где ждать, и пришлют за ним человека.

Он взял мою руку и стиснул ее.

— Мистер Денис, я думаю, вам будет интересно узнать. Эта музыка… Я вижу и чувствую… Вы были правы. Это оттуда, от них. Это намек на то, зачем я им нужен.

— Меня радует то, что ты говоришь, Маро, мне от этого лучше.

— До свидания, мистер Денис.

— До свидания.

Я подождал, пока закроется наружная дверь, снял полотенце с лица, сел на край кровати и нащупал в кармане зажигалку.

Щелкнул ею и поднес к лицу. Ощутил сухой жар и почувствовал едкий запах сожженных волос.

Я опалил себе брови. Да, я ослеп. Я лег на спину и откуда-то в комнату вплыли звуки музыки.

Мне показалось, что на какое-то мгновенье я вижу ее, как Маро — бледно-фиолетовые и ярко-желтые ленты звука вьются вокруг меня, растворяясь в воздухе. Потом видение исчезло, и я услышал приглушенные звуки мелодии, мело-

дии, которую слышал всегда…

Но теперь она звучала в полном мраке…